

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

55

ТРУДЫ
НОВГОРОДСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 55

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1956

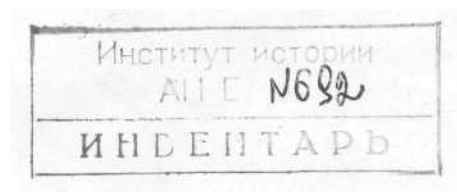
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 55

ТРУДЫ
НОВГОРОДСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Том I

Под редакцией

А. В. АРЦИХОВСКОГО и Б. А. КОЛЧИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологические материалы Новгородской экспедиции огромны. Научный коллектив экспедиции подготовил несколько томов трудов.

Первый том посвящен в большей своей части обоснованию новгородской археологической хронологии, что является необхо-

димо. Берестяные грамоты издаются особыми томами, не входящими в Труды экспедиции. Такой способ публикации удобнее для историков и филологов, пользующихся этими изданиями.

Для дальнейшего исследования всех древнерусских городов новгородские рас-

Рис. 1. Общий вид на территорию раскопок. На переднем плане — Дмитриевская ул.; сзади виден Софийский собор.

димым предварительным условием публикации вещественных находок и берестяных грамот.

копки создали надежную хронологическую шкалу. Настоящий том содержит научную аргументацию этой хронологической шкалы.

А. В. Арциховский

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НОВГОРОДА

Количество исторических источников по средневековью еще недавно представлялось большинству историков величиной неизменной.

Хроники, акты и другие письменные материалы, сохранившиеся в старинных архивах и библиотеках, во всех странах Европы давно учтены и описаны, а на новые открытия подобных материалов не приходилось надеяться: все хранилища хорошо исследованы. На археологические раскопки никто не возлагал особых надежд. Значение вещественных источников для истории средних веков долго недооценивалось историками, а находки в земле новых письменных источников были, казалось, за пределами возможности. Исключением являлись лишь каменные надписи; но такие надписи в средневековых слоях встречаются значительно реже, чем в античных, и они в средние века были сравнительно коротки.

Все же именно изучение античности указывает для медиевистов возможности новых открытий. Большие раскопки античных городов позволили изучить по остаткам зданий и вещевым находкам быт, культуру и хозяйство древних людей с такой полнотой, которая прежним ученым показалась бы недостижимой.

Средневековые города могут быть изучены столь же подробно. Открытия египетских папирусов неизмеримо увеличили количество письменных источников по эллинистическому и римскому Египту. Но средневековые аналогии папирусам были до последних лет неизвестны.

В России летописи, грамоты и другие письменные источники XI—XV вв., сохранившиеся в архивах и библиотеках, давно приведены в известность и к настоящему времени изданы довольно полно. Большие археологические раскопки средневековых русских древностей начаты были еще в XIX в., но до революции сводились главным образом к раскопкам курганов, что дало много ценных выводов по исторической географии и хронологии. Раскопки русских средневековых городов начались в советское время. Самые большие раскопки производятся в Новгороде.

Такое предпочтение Новгорода объясняется прежде всего его историческим значением.

Это был важнейший политический, экономический и культурный центр, своеобразная феодальная республика, город Садко и Василия Буслаева, город воинов, отразивших нашествие немецких рыцарей, город великих художников, создавших несравненные иконы и фрески.

К счастью для науки, в земле Новгорода хорошо сохраняется дерево, во многих других городах истлевающее бесследно. Поэтому дома, мастерские, лавки, пристани, дворцы, улицы всех эпох — все это цело в Новгороде под землей, хотя бы в плане, все это из области сказочной романтики может и должно перейти и уже переходит в область науки. Деревянная обстановка этих зданий тоже цела. Наряду с древесиной в Новгороде хорошо сохраняются древесный луб и кора, в том числе береста, что и открыло теперь совершенно новые научные возможности.

II

Археологических раскопок в Новгороде до революции почти не было, хотя разговоры о них велись более ста лет. Еще в 1807 г. пути археологического изучения Новгорода с редкой для своего времени проницательностью наметил Е. А. Болховитинов, тогда епископ Евгений, впоследствии митрополит Евгений. Это был талантливый историк-источниковед, занимавший церковно-административные посты, повидимому, только потому, что церковные власти иначе создавали бы ему препятствия в его архивных и иных изысканиях. Исторических обобщений он всегда избегал, да в своем положении и не мог их делать, но ввел в науку огромное количество свежих научных материалов. Книги его в большинстве своем лишены церковно-поучительных сентенций и отличаются строгой научной аргументацией. В Новгород он прибыл в 1804 г., будучи назначен туда викарным епископом, и при прямом противодействии церковников исследовал много старинных рукописей. Но он вел и археологические наблюдения, притом, опережая науку того времени, правильно оценил значение культурного слоя. Об этом свидетельствуют такие его слова: «Я рассматривал здешние окрестности, испытывал пошву земли, и знаю, что где сколько-нибудь десятков лет люди жили дворами, тут обыкновенно бывает наносная черноземная пошва. В самом городе она, очевидно, приметна, и на Торговой стороне по набережным местам инде аршин 8 или 9 должно копать до материка»¹.

Цифры эти, повидимому, точны; 8 или 9 аршин составляют несколько менее или несколько более 6 м, а это значительно превышает среднюю толщину новгородского культурного слоя. Вероятно, Е. А. Болховитинов исследовал его в ряде мест. Теперь, когда геологические бурения позволили изучить в Новгороде толщину слоя повсеместно, мы знаем, что он в очень немногих пунктах (в том числе на Софийской стороне, на территории раскопок 1951—1954 г.) превышает указанную цифру, и то немного. Надо учесть также, что за полтора столетия культурный слой несколько вырос.

¹ Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, стр. 2.

В 1808 г. епископ Евгений был переведен из Новгорода в Вологду и к археологии Новгорода более не мог вернуться. Впоследствии, став киевским митрополитом, он произвел в Киеве раскопки древних церквей.

В середине XIX в. существовал какой-то проект больших раскопок в Новгороде, судя по тому, что против этих раскопок в особой записке на имя министра внутренних дел графа Л. А. Перовского возражал молодой граф А. С. Уваров. На основе этой записки большие раскопки под его руководством начались в Суздале¹. Жалеть, что А. С. Уваров не вел раскопки в Новгороде, никто не будет. Антинаучный даже для того времени характер его раскопок хорошо известен. Есть сведения, что археологические работы в Новгороде в 60-х годах производил опытный краевед Н. Г. Богословский, но результаты его работ не изданы.

В конце XIX и начале XX в. какие-то археологические изыскания в Новгороде производил местный житель В. С. Передольский. Эти изыскания он окружил глубокой тайной, и вообще неизвестно, производил ли он в городе раскопки или ограничивался наблюдениями при строительных работах. В изданной В. С. Передольским книге «Новгородские древности» археологическая аргументация отсутствует, и только это давало ему возможность говорить, что Новгород возник еще до нашей эры, и т. д. Небрежность его наблюдений превосходит всякое вероятие. Он утверждал, например, что на Торговой стороне толщина культурного слоя «доходит до 7 сажень», а на Софийской — «не превышает одной сажени»². Странно, что такие грубые ошибки были допущены через 90 лет после точных измерений Е. А. Болховитинова. Теперь мы знаем, что предельная толщина слоя на Торговой стороне не 15 м, а 8,5 м (улица Кирова), а на Софийской — не 2 м, а 7,5 м (Дмитриевская улица, место раскопок 1951 г.). Эти цифры основаны на множестве геологических замеров, производимых для нужд Новгородского коммунального хозяйства. В. С. Передольский собрал при своих наблюдениях большую археологическую коллекцию, но

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 84.

² В. С. Передольский. Новгородские древности. Новгород, 1898, стр. 53.

она осталась неизданной и неописанной, а впоследствии полностью погибла.

В 1911 г. в Новгороде состоялся XV Всероссийский археологический съезд. Когда такие съезды созывались в других городах, возле них предварительно производились большие раскопки. Но ни в Новгородской губернии, ни в самом Новгороде никаких серьезных раскопок, связанных с XV съездом, не было. Руководительница съездов графиня П. С. Уварова, повидимому, унаследовала от своего мужа недоброжелательное отношение к новгородским древностям.

Однако инициативу в этом деле тогда проявил известный художник Н. К. Рерих, занимавшийся археологией. Он произвел в 1910 г. на средства Музея допетровского искусства раскопки в Новгородском Детинце. С ним вместе работал Н. Е. Макаренко. Но и эти раскопки прошли бесследно для науки, хотя были произведены, вероятно, на уровне тогдашних научных требований. От этих раскопок не сохранилось ни официального отчета, ни чертежей, ни фотографий. Научных публикаций, хотя бы предварительных, тоже не было, а добытые вещи впоследствии исчезли, не будучи описаны. Во всяком случае раскопки эти обнаружили хорошую сохранность древесины в новгородском культурном слое; краткие известия об этом появились тогда же в прессе.

Село Городище, расположенное близ Новгорода (в 2 км выше по Волхову), обратило на себя в начале XX в. особое внимание. Еще ученые XIX в. установили по летописям, что здесь жили новгородские князья (название «Рюриково Городище» в летописях не встречается; оно появилось в начале XIX в. и никогда не имело научного значения). Н. П. Лихачев, собравший в начале XX в. большую коллекцию древнерусских свинцовых печатей, считал, что они чаще, чем в других местах России, встречаются на Городище. Теперь мы знаем, что он преувеличивал и что находки этих печатей обильны и в других пунктах Новгорода. Как бы то ни было, Н. П. Лихачев, располагая большими средствами, платил за находки печатей крестьянам с. Городище значительные суммы. В результате там возникло своеобразное кладоискательство, и большая часть территории Городища была перерыта кладоискательскими ямами. В 1910 г. на Городище произвели раскопки Н. К. Рерих и Н. Е. Ма-

каренко. О результатах мы знаем так же мало, как и о результатах раскопок этих археологов в самом Новгороде.

При обсуждении в Русском археологическом обществе раскопок 1910 г. А. А. Спицын отметил, что в Детинце нет слоев старше X в., и заявил: «Продолжение раскопок желательно поэтому вести на Торговой стороне, так как там могут быть остатки более древней поры, нежели в Детинце»¹. Таким образом, основной задачей новгородских раскопок было объявлено отыскание древнейших слоев. Подобные стремления иногда впоследствии суживали перспективы раскопок в Новгороде. При том же обсуждении Н. И. Репников пытался опровергнуть правильное мнение Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко, понявших, что ими найдены в Детинце уличные мостовые. Он заявил: «Судя по ладожским находкам, это не мостовые улицы, а остатки полов каких-либо помещений». Здесь проявилось непонимание разницы между архаической Ладогой, где улицы обычно не имели мостовых, и благоустроенным Новгородом, который был весь замощен.

III

В 1929 г. автор этой статьи начал раскопки в Новгороде, сначала совсем небольшие. Собственно, в городе я тогда не решался вести раскопки без должной подготовки, а произвел раскопочные разведки на том же Городище. Разведки эти обнаружили, что культурный слой там настолько испорчен кладоискательскими, — точнее, печатейскими, — ямами, что настоящие раскопки почти невозможны. Затем в 1929 г. раскопки были перенесены на курганы в связи с тем, что я тогда занимался изучением подмосковных курганов. Курганы новгородских славян известны преимущественно по курганам Ленинградской области. В 1929 г. в с. Хрепле Новгородской области были раскопаны курганы, давшие ценные находки².

В 1930 г. были закончены раскопки в Хрепле, а главные работы были сосредоточены на Курском городище Новгородской области. Дело в том, что на этом

¹ ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 355.

² А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. Материалы и исследования Новгородского музея, вып. I. М., 1939.

городище сохраняются (хотя и хуже, чем в Новгороде) деревянные сооружения, методу расчистки которых надо было освоить раньше, чем приступить к работам в самом городе¹. Прекрасная сохранность древесины в Новгороде была мне к тому времени уже известна по наблюдениям на водопроводных траншеях.

В 1931 г. раскопок не было.

В 1932 г. Академия истории материальной культуры поручила мне раскопки в Новгороде в местности, издревле называемой Славенский Холм, или Славно (ядро Славенского конца). В раскопках этих приняли участие М. К. Каргер и Б. А. Рыбаков, Славенский Холм был избран местом раскопок по настоянию некоторых историков, считавших, что именно здесь было древнейшее поселение в городе, и связывавших с этим местом скандинавское наименование Новгорода—Хольмгард. Я сначала возражал против этого, ставя задачей раскопок изучение не древнейшего Новгорода, а Новгорода эпохи расцвета. Впрочем, избранный на Славне участок был удобен для раскопок, являясь большим пустырем. Раскопки там вполне себя оправдали (см. ниже), хотя никакого древнейшего Новгорода обнаружено не было. В 1932 г. был вскрыт совсем небольшой участок и обнаружены перекрывавшие друг друга разновременные деревянные постройки. Тогда я впервые применил в связи с этим термин «ярус»; впоследствии, через 19 лет, такие деревянные ярусы составили основу новгородской хронологии. На Славне их было всего три, и хронологию они давали тогда только относительную. Абсолютную хронологию дала каменная крепостная стена, на которую раскопки натолкнулись уже в 1932 г. Высказанное мною тогда мнение, что перед нами крепостная стена 1335 г., упоминаемая в летописи, было подтверждено, когда последующие раскопки проследили стену на большем протяжении.

Осенью 1932 г. строительные работы, предпринятые речным пароходством, обнаружили древние деревянные постройки близ Волхова, в начале улицы Декабристов, на территории древнего Неревского конца. При содействии пароходства сотрудники Новго-

родского музея С. М. Смирнов и Б. К. Мантейфель произвели там небольшие раскопки, обнаружив 18 ярусов древних уличных мостовых. Так впервые наметились большие археологические возможности раскопок в Неревском конце. Толщина слоя достигала 6 м. Отчет о раскопках С. М. Смирнова и Б. К. Мантейфеля впоследствии издал А. А. Строков. Он думал, что тогда была открыта древняя Холопья улица². Последующие, более точные топографические промеры опровергли это предположение. Холопья улица проходила ближе к центру; она открыта раскопками 1951 г.

В 1933 г. М. К. Каргер, в связи с реставрацией Георгиевского собора Юрьева монастыря, начал архитектурные раскопки внутри собора, приведшие к открытию семи погребений в каменных саркофагах и кирпичных склепах. Целой цепью остроумных и безукоризненных аргументов М. К. Каргер точно определил имена всех погребенных. Это были упоминаемые в летописях новгородские князья и посадники³.

В 1934 г. раскопки на Славне были продолжены мною и Б. А. Рыбаковым. Вскрыта была мастерская сапожника, явившаяся первой ремесленной мастерской, обнаруженной в Новгороде.

В том же 1934 г. М. К. Каргер предпринял раскопки на Городище. На мысу, у его подножья, были вскрыты три слоя. Верхний слой М. К. Каргер датирует XII—XV вв. (инвентарь там тот же, что и в новгородских слоях этих веков), средний слой, содержащий грубую лепную керамику, — IX—X вв. Нижний слой оказался неолитическим. Надо сказать, что в этих местах, близ истоков Волхова, неолитические стоянки вообще встречаются в большом количестве, залегая притом всегда очень низко, у самой воды.

В 1935 г. М. К. Каргер произвел небольшие дополнительные раскопки в соборе Юрьева монастыря, а Г. П. Гроздилов раскопками на мысу у Городища несколько уточнил стратиграфию.

В 1936 г. я продолжал раскопки на Слав-

¹ А. А. Строков. Раскопки Холопией улицы древнего Новгорода. Новгородский исторический сборник, вып. I. Л., 1936.

² М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. СА, VIII, 1946.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1930 в Новгородской земле. СА, I, 1936.

не. Были открыты еще две ремесленные мастерские — маслодела и игрушечника.

В 1937 г. раскопки на Славне были завершены. Они заложили основы археологии Новгорода¹. Установление строительной прослойки 1335 г. позволило точно датировать ряд сооружений и вещей и впервые наметить хронологическую шкалу для новгородских слоев. Все находки вещей, возраст которых известен, уложились в эту шкалу. Толщина слоя на Славне — не больше 3 м. Открытие каменной стены 1335 г. изменило представление о древнерусской фортификации. Впервые были изучены приемы новгородского деревянного строительства. Никаких слоев старше X в. найдено не было, и предположение об особой древности Славенского Холма, таким образом, не подтвердилось. Особое значение имело открытие трех хорошо сохранившихся различных ремесленных мастерских, занимавших почти целиком небольшую территорию раскопа. Этим путем впервые стал выясняться подлинный облик Новгорода, являвшегося крупным ремесленным центром, вопреки мнению буржуазных историков.

В том же 1937 г. начал раскопки Новгородский музей. А. А. Строков предпринял первые раскопки на территории Ярославова Дворища, где некогда собиралось новгородское вече. Раскопки велись в восточной части Дворища. В основании слоя оказался могильник с трупосожжениями, т. е. языческий. Вещей в могильнике не было. В зольных пятнах трупосожжений встречены обломки керамики; вся она сделана на гончарном круге; таким образом, могильник едва ли старше X в. Производитель раскопок заявил в связи с этим: «Вопреки неоднократно высказывавшимся предположениям о большой древности городского поселения на Торговой стороне, ни раскопки А. В. Арциховского на Славне, ни наши исследования 1937 г. на Ярославовом Дворище не подтверждают этих взглядов. Наоборот, представляется все более и более вероятным искать решение этого вопроса путем археологических исследований на Софийской стороне»². В связи

¹ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949.

² А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки на Ярославовом Дворище. Новгородский исторический сборник, вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 205.

с этим А. А. Строков перенес раскопки Новгородского музея с Дворища в Детинец.

В 1938—1939 гг. мною произведены раскопки восточной части Дворища. Заложено было несколько мелких, разобренных раскопов, что признаю теперь ошибкой. Сплошной раскоп всегда целесообразнее. Строительные прослойки каменных зданий позволили здесь, как и на Славне, разобраться в хронологии. Из деревянных сооружений здесь был наиболее важен сруб погреба, от которого прекрасно сохранилось 14 венцов общей высотой в 2,1 м. Толщина слоя восточной части Дворища — не больше 3,5 м, не считая погреба, основание которого лежит на глубине 4,7 м. Установлена граница между Ярославовым Дворищем и торгом; раскопан небольшой участок торгового участка¹. Сооружения Дворища в восточной его части не сохранились; повидимому, они разрушены в XV—XVI вв.

В 1938, 1939 и 1940 гг. А. А. Строков производил раскопки в южной части Детинца, т. е. Новгородского Кремля. Там открыта древняя Пискупля улицы и на ней 15 ярусов мостовых; затем наметились и другие улицы. Толщина слоя достигала 5 м. Никаких слоев старше X в. не найдено и здесь². Большая часть находок в Детинце относилась к XVI—XVIII вв., т. е. ко времени упадка Новгорода.

В 1940 г. А. А. Строков раскопал в Детинце развалины церкви Бориса и Глеба XII в.³ Раскопки дали некоторые новые данные для истории зодчества. Но вообще надо сказать, что в Новгороде археологи мало занимаются раскопками развалин церквей. И это понятно. Здесь на поверхности сохранилось много прекрасных церквей, позволяющих проследить все этапы истории местного церковного зодчества.

В 1941 г. Новгородский музей начал раскопки в Неревском конце, недалеко от места раскопок 1932 г. 22 июня эти работы были

¹ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № И, 1949.

² А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. Новгородский исторический сборник, вып. V. Новгород, 1939; А. А. Строков и В. А. Богусевич. Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. Новгородский исторический сборник, вып. VII. Новгород, 1940.

³ А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 г. КСИИМК, XI, 1945.

прерваны войной. Раскоп был доведен до уровня XII в. Не сохранились ни отчеты, ни находки, а среди находок, по словам очевидцев, были прекрасные вещи, в том числе нос корабля с фигурой дракона, больше метра длиной.

Новгород тяжело пострадал во время Великой Отечественной войны. По ее окончании важной общенародной задачей была научная реставрация поврежденных неприятелем произведений новгородского зодчества. Главное здание, Софийский собор, было повреждено сравнительно мало, но все же для приведения его в порядок потребовались реставрационные работы; с ними были связаны и первые в Новгороде послевоенные раскопки.

В 1945, 1946 и 1947 гг. А. Л. Монгайт вскрыл полы Софийского собора разных эпох. Впервые при раскопках удалось изучить фрески. Открыто погребение известного новгородского владыки Василия¹. Раскопки близ Софийского собора обнаружили, что здесь, в центре Детинца, следы древних сооружений почти отсутствуют. Это и понятно, — в таком месте люди не жили никогда.

Западная (основная) часть Ярослава Дворища прежде была занята небольшим металлургическим заводом, во время войны разрушенным. Там в 1946 и 1947 гг. Б. К. Мантейфель производил незначительные по объему раскопки по заданию Новгородского музея.

Советская археологическая наука получила после Великой Отечественной войны такие материальные возможности, о которых раньше нельзя было и мечтать. В 1947 и 1948 гг. в Новгороде были предприняты раскопки в размерах, значительно превышавших довоенные, под моим руководством. С самого начала в них принял участие Б. А. Колчин, имеющий теперь большие заслуги перед археологией Новгорода. По его инициативе на раскопках были применены транспортеры для отвоза земли, значительно повысившие эффективность работ. Это был первый опыт использования транспортеров в советской археологии (1947 г.).

¹ А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. КСИИМК, XXIV, 1949; его же. Археологические раскопки 1945 г. в Софийском соборе в Новгороде. Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 7, 1947.

Раскопки 1947 и 1948 гг. были в основном сосредоточены в западной части Ярослава Дворища¹. Здесь открыты настилы нового типа — не уличные, а в виде сплошного деревянного замощения площади. По конструкции замощение резко отличалось от уличных настилов, что я в свое время отметил в печати. Уцелело всего три яруса, притом только на части площади, правда, на довольно значительной. На Ярославом Дворище собиралось некогда вече, и тысячи вечмиков стояли когда-то на этой мостовой; хронология ее вполне этому соответствует. Надо сказать, что никаких вечевых сооружений не удалось найти и в западной части Дворища; в XV—XVI вв. они были основательно разрушены и выкорчеваны.. В слое XI в. открыта часть большого деревянного здания, значительно превышавшего размеры всех открытых в Новгороде срубов. Есть все основания видеть здесь часть дворца Ярослава Мудрого; основная часть дворца должна находиться под позднейшим каменным зданием.

Раскоп на Дворище имел форму прямоугольного четырехугольника; длина его — 38 м, ширина — 22 м, глубина — свыше 4 м. Он дал более ценные находки, чем все довоенные раскопки, вместе взятые. Однако впоследствии все это померкло перед находками в Неревском конце. Раскопки на Дворище сознательно прекращены в 1948 г. Это место имеет большое историческое значение, и не так много там осталось свободных участков; надо их сохранить для будущих ученых, которые смогут применять более совершенные методы исследования, чем мы.

В 1947 и 1948 гг. А. Л. Монгайт раскопал на городском валу мощную каменную стену XIV в. Стена эта, в позднее время поглощенная валом, имела толщину 4,6 м и сохранилась в высоту на 3 м. Ее мощность и прекрасная отделка говорят о том, что фортификационное дело находилось в Новгороде на более высоком уровне, чем предполагали историки и археологи².

В 1948 г. Б. К. Мантейфель произвел по поручению Новгородского музея небольшие

¹ А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция КСИИМК, XXVII, 1949; его же Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950.

² А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31. 1952.

раскопки в Неревском конце, на территории строительства бани. Раскопки снова показали отличную сохранность древесины в этой части Новгорода. Толщина слоя составляла 6 м.

В 1949 и 1950 гг. никаких раскопок в Новгороде не было.

IV

Когда в 1951 г. раскопки были возобновлены, не оставалось уже никаких сомнений, где копать. Наблюдения над водопроводными работами и изучение результатов малых раскопок Новгородского музея 1932, 1941¹ и 1948 гг. — все говорило об одном: в Неревском конце растительные вещества сохраняются лучше, чем в других районах Новгорода; к тому же толщина слоя и обилие уличных настилов создают здесь наилучшие стратиграфические возможности. Но это относится далеко не ко всей территории Неревского конца, а только к той его части, которая находится между городским садом на юге, улицей Декабристов на севере, Волховом на востоке и Тихвинской улицей на западе (рис. 1). Участки вдоль Волхова все застроены. Поэтому, для раскопок был выбран большой пустырь вдоль Дмитриевской улицы между Садовой улицей и улицей Декабристов (рис. 2).

Новгород делился, как известно, на пять концов, возглавлявшихся особыми кончанскими вечами¹. Неревский конец упоминается в летописях раньше, чем другие концы, а именно в 4-й Новгородской летописи — с 1067 г., в 1-й Новгородской — с 1172 г. Для сравнения можно указать, что Людин конец упоминается с 1194 г., Славенский, — если не считать поздних летописей, — с 1231 г. (Славно—, с 1105 г.), Плотницкий (с той же оговоркой) — с 1368 г. (Плотники — с 1197 г., Плотницкий ручей — с 1134 г.), Загородский — с 1384 г. (Загородцы — с 1218 г.). Отсутствие ранних упоминаний о других концах, конечно, не позволяет еще утверждать, что Неревский конец был древнейшим. Время возникновения кончанского деления пока не установлено, а слои X в. имеются, повидимому, во всех пяти концах.

¹ А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. Исторические записки, вып. 16, 1945.

Все же надо отметить, что только в Неревском конце на большом пространстве залегает толстый культурный слой — от 5,5 до 7,5 м. Правда, в Славенском конце есть участок, где культурный слой еще толще — до 8,5 м (на современной улице Кирова), но размеры этого участка невелики, а вообще в Славенском конце, несмотря на его историческое значение, слой сравнительно тонок. Условия нарастания культурного слоя на разных улицах Новгорода не могли существенно различаться. Это позволяет предположить, что Неревский конец в ранние эпохи был интенсивнее заселен, чем другие концы. Надо особо отметить, что общая толщина слоя зависит здесь, главным образом, от значительной толщины раннего слоя, датированного X—XI вв. Признаком этих веков в Новгороде является отсутствие стеклянных браслетов. Слой, лишенный этих массовых украшений, в других местах тонок или едва различим, здесь же он толще 2 м.

Важные воспоминания связаны в Новгороде с Неревским концом. Здесь у церкви Якова (недалеко от теперешней территории раскопок) белый поп Герман Воята писал в XII в. 1-ю Новгородскую летопись; в 1144 г. он был поставлен попом, а в 1188 г. умер. В 1218 г. в новгородской междоусобице Неревский конец выступил против знаменитого посадника Твердислава и против Людина конца, гражданином которого был Твердислав. В 1330 г. один из белых попов Неревского конца, Григорий Калека из церкви Кузьмы и Демьяна на Холопьеи улице, стал по избранию веча архиепископом новгородским и принял имя Василия; этот владыка Василий известен своими политическими успехами и строительной деятельностью. О его политическом значении ряд интересных гипотез высказал Б. А. Рыбаков, считающий, что Василия выдвигали и поддерживали кузнецы, группировавшиеся вокруг церкви Кузьмы и Демьяна². В 1384 г. Неревский конец заключил письменный договор с Людиным и Загородским концами. Неревский конец сплоченно выступал в политической борьбе в 1384 г.² и в 1421 г.³ Как и другие концы, он имел самоуправление и особую политическую организацию.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 767—776.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 90, 91.

³ ПСРЛ, т. III, стр. 94.

Береста, благодаря условиям сохранности растительных веществ, встречается в Неревском конце чаще, чем в других концах; она и при прежних раскопках возбуждала у экспедиции некоторые надежды, поскольку имелись смутные сведения о ее применении для письма. На Ярославом Дворище еще в 1938 г. участники раскопок начали разворачивать свитки бересты, надеясь увидеть буквы. В 1948 г. на минуту показалось, что буквы на бересте обнаружены. Но это были простые трещины. Многолетние надежды оправдались, наконец, и это было через две недели после начала работ в Неревском конце.

26 июля 1951 г. работница Н. Ф. Акулова нашла первую берестяную грамоту. На куске бересты были обнаружены буквы, буквы сложились в слова, слова — в фразы. На следующий день явились вторая и третья грамоты. Впечатление было потрясающее. Казалось, из-под земли раздались живые голоса древних новгородцев.

В 1951 г. раскоп был по площади невелик — 324 кв. м. Зато толщина слоя была максимальная — до 7,5 м (при раскопках последующих лет слой был немного тоньше). Несмотря на это, раскоп в 1951 г. удалось полностью довести до материка; он пришелся на территорию Холопьевой улицы. Обнаружено, наряду с другими важными находками, 10 берестяных грамот¹. Открытие берестяных грамот, исторических источников совершенно нового вида, приветствовали советские научные работники многих специальностей. Академия наук СССР и Московский университет значительно увеличили в связи с этим отпуск средств на раскопки. Никогда и ни в одной стране археологические экспедиции не имели таких средств, какие получила Новгородская экспедиция.

Общая площадь раскопок не могла быть, впрочем, особенно велика. Большая толщина слоя сочеталась с неслыханной его насыщенностью растительными веществами. Работать приходилось не столько лопатами, сколько ножами. Если бы не особая тщательность работ, не были бы найдены и берестяные грамоты. Ведь на один исписанный кусок бересты приходилось многие сотни неисписанных. Помимо того, очень

много было всевозможных мелких находок, так что каждую крупницу земли требовалось перетереть руками. Накапливалась в большом количестве отработанная земля, поскольку все участки работ примыкали друг к другу; ведь экспедиция ставила своей задачей вскрытие большого, сплошного городского участка, без каких бы то ни было разрывов. Удаление отработанной земли было бы невозможно, если бы экспедиция не приобрела в нужном количестве транспортеры с электродвигателями и электролебедки. Механизация работ немыслима в самом процессе раскопок города: слишком разнообразен и хрупок находимый материал. Но механизация сократила примерно в 20 раз работу по удалению земли.

Расширение раскопок имело первой целью увеличение количества грамот. Цель эта была достигнута. Но попутно это расширение содействовало неслыханному умножению прочих археологических находок. В результате материальная культура Новгорода изучена всесторонне и подробно.

В 1952 г. в Неревском конце были заложены новые раскопы общей площадью 1520 кв. м (рис. 3 и 4), но довести их до материка в том году не удалось. Открыт перекресток Великой и Холопьевой улиц; обе улицы были исследованы. Среди находок — боевой пластинчатый доспех, ценные скульптуры и т. д. Берестяных грамот найдено 73¹.

В 1951¹, 1952 и 1953 гг. В. В. Седов произвел, по поручению Новгородской археологической экспедиции, большие раскопки в Перыни, в 4 км от Новгорода, — там, где Волхов вытекает из Ильменя. Удалось открыть упоминаемое в летописи святилище Перуна, имевшее в плане форму цветка с 8 лепестками. Это сооружение, вырытое в земле, отличалось геометрической правильностью. Диаметр его — 35 м. Точно в центре обнаружено основание деревянного столба. Это — основание статуи Перуна, срубленной, по словам летописи, в 988 г. Сооружение возникло не позже IX в., когда Новгорода еще не было. Такие святилища в виде цветка до сих пор не были известны науке, но к изучению русской языческой религии мы только теперь приступаем. Не буду подробно касаться этого важного открытия: оно

¹ А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1953, № 1.

обстоятельно издано и комментировано В. В. Седовым¹

В 1953 г. в Неревском конце были завершены все раскопы, начатые в 1952 г., и рядом заложены новые, общей площадью 1516 кв. м (рис. 5). Они шли по направлению Великой улицы, на юго-запад и на северо-восток. Среди находок особое значение имела деревянная колонна, позволившая сделать важные для истории русского искусства выводы. В нижних слоях залегал клад среднеазиатских монет X в. Ниже самых древних слоев обнаружено жертвоприношение, сделанное первыми поселенцами Новгорода. Берестяных грамот найдено было 23².

В 1954 г. в Неревском конце завершены все раскопы, начатые в 1953 г., и рядом заложены новые, общей площадью 1040 кв. м (рис. 6). В отличие от всех прежних, раскопы заложены не на территории древних улиц; надо было исследовать задние дворы и расширить общую площадь раскопа. Среди находок наиболее важны азбука и модель здания. Берестяных грамот найдено 30³.

В раскопках участвует до 150 научных ассистентов и лаборантов и свыше 300 землекопов. На территории раскопок установлено 11 транспортеров с электродвигателями и 8 электролебедок. Лебедки применяются для подъема скипов.

Раскопки в Неревском конце показали, какие огромные возможности имеет археологическое изучение средневекового города вообще, Новгорода — в особенности. Теперь странно вспомнить, что еще так недавно основной задачей новгородских раскопок авторитетные историки и археологи считали изучение долетописных слоев. Изучение древнейших слоев Новгорода, конечно, важно в связи с проблемой пути возникновения этого города. Но слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием города. Слои X в. мощны и дали много ценных находок. Однако более поздние слои

еще интереснее, начиная с XII в. Наибольшего расцвета Новгород Великий достиг в XIV в., и слои этого времени наиболее интересны. Историки и археологи, предлагавшие в свое время искать долетописный Новгород, говорили, что Новгород вековой эпохи и так известен науке. Известен он недостаточно, источники слишком отрывочны. Теперь мы можем изучать такие стороны его культуры, которые были совершенно недоступны для науки.

V

Никакая научная интерпретация новгородских находок невозможна без установления их хронологии. Новгородская стратиграфическая хронология по своему значению выходит за пределы Новгорода, давая надежную датировочную шкалу для русских средневековых древностей вообще.

Археологическую хронологию для русского средневековья до новгородских раскопок давали только курганы. Это в археологии обычно: хронологическая аргументация основывается почти всегда не на поселениях, а на погребениях, поскольку погребальный инвентарь представляет собой совокупность одновременно зарытых в землю вещей. Основные славяно-русские курганные даты были верно установлены в конце XIX в. и начале XX в. А. А. Спицыным, хотя и без доказательств. Хронологическая аргументация была в советское время опубликована для курганов вятичей мною, для курганов радимичей — Б. А. Рыбаковым, для костромских курганов — П. Н. Третьяковым. Вещи, находимые в городских слоях, датировались археологами по курганным аналогиям. Это вполне закономерно, но не очень удобно. Курганные находки, во-первых, носят деревенский характер, поэтому аналогий с городом немного; во-вторых, подавляющее большинство этих находок составляют женские украшения. Керамика в курганах слишком однородна, железных и костяных вещей мало, деревянных вещей вовсе нет.

Как сказано выше, уже довоенные раскопки на Славне установили в 1932 г., впервые для русского города, специфически городской способ датировок. Строительная прослойка каменной стены была датирована с точностью до одного года, что помогло установить даты ряда сооружений и вещей.

¹ В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, L, 1953; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна КСИИМК, 53, 1954.

² А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

³ А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1955, № 2.

Но даты эти тем точнее, чем ближе они к дате стены; при хронологическом удалении они становились гадательными. Хронология слоев на Славне хорошо подтвердила, что стеклянные браслеты старше XIV в. Это массовое городское женское украшение археологи и раньше относили к домонгольскому времени, но без хронологических доказательств.

Некоторые стратиграфические наблюдения, сделанные впоследствии в Новгороде и других русских городах, были тоже ценны для хронологии, но сплошной хронологической шкалы нигде не удавалось наметить. Такая шкала намечена только с 1951 г. в Неревском конце Новгорода. К 1954 г. здесь достигнута довольно большая степень хронологической точности.

В Неревском конце в 1951—1954 гг. раскопано 330 деревянных срубов (рис. 7). Это дома и хозяйственные сооружения X—XVI вв. (Новгородским жилищам посвящена статья П. И. Засурцева, которая будет помещена во 2-м томе Трудов Новгородской археологической экспедиции). Каменный дом встречен пока только один. Все сооружения хронологически делятся на 28 ярусов.

Основу каждого яруса составляет уличная мостовая. С X в. Новгород был сплошь замощен. Мостовые были деревянные (рис. 8 и 9). На раскопанном участке Неревского конца проходили две старинные улицы — Великая и Холопья; обе они открыты раскопками, открыт и перекресток. Наименования улиц установлены по планам середины XVIII в., снятым геодезистами до перепланировки Новгорода, происшедшей во 2-й половине XVIII в. Современные геодезические промеры открытых раскопками мостовых подтвердили точность этих планов.

Мостовые во время расцвета Новгорода (XII—XV вв.) содержались в чистоте; мусора на них обычно нет. Но когда мостовая устаревала и культурный слой по сторонам ее нарастал, поверх клали новую мостовую. Всех мостовых на вскрытом участке Великой улицы оказалось 28. С каждой мостовой синхронны построенные одновременно с ней дома и хозяйственные сооружения. Конечно, некоторые из этих срубов пережили не одну мостовую, а две или три, но это встречалось не так часто, и в хронологических соответ-

ствиях всегда можно разобраться. Совокупность срубов и других сооружений, одновременно одной мостовой, можно назвать строительным ярусом. Этот термин предложен мною при раскопках 1951 г. Ниже употребляется обычно термин «ярус». Число ярусов должно совпадать с числом мостовых, поэтому ярусов тоже 28.

Помимо термина «ярус», в новгородской археологической документации употребляется термин «пласт». Толщина каждого пласта равна 0,2 м. Это просто дает вертикальные координаты, исчисляемые от единого репера, в дополнение к горизонтальным координатам сетки квадратов. На сравнительно небольшом раскопе 1951 г., где слои шли без особых уклонов и ям не было, хронологию находок еще можно было вести не только по ярусам, но и по пластам¹. С расширением работ в 1952 г. обнаружилось значительные различия в глубине залегания одного и того же яруса на разных участках. Появились и ямы. Поэтому всю хронологию можно было вести с тех пор только по ярусам; методика наблюдений над ними была к тому времени уточнена. Но номер пласта неизбежно должен входить в археологический паспорт всех находок, определяя их место в пространстве. Глубина находок (конечно, кроме массовых) измерялась в сантиметрах при помощи нивелира; им же многократно проверялись и пласты.

Хронологию ярусов надо было установить по находкам предметов, хронология которых известна. Это свинцовые печати с надписями, стеклянные и каменные бусы разных типов, стеклянные браслеты и т. д. Все находки остальных предметов тоже связаны с тем или иным ярусом; на этом основаны стратиграфические даты вещей.

Первоначально, вследствие недостаточности находок, были допущены некоторые небольшие ошибки в датировке ярусов, что иногда отражалось и в моих предварительных публикациях берестяных грамот в «Вопросах истории» и «Вестнике Академии наук СССР». Но затем, с накоплением находок, даты стали точными, и в полной публикации² они уже не подлежат уточнению. Целый ряд сотрудников экспедиции уча-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953.

² А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

ствовал в составлении огромных таблиц где все квадраты всех пластов связаны с теми или иными ярусами. Всех таких квадратов более 35 тысяч. Площадь квадрата — 4 кв м. Установлены и разные очертания границ между ярусами, пересекающих квадраты и

этого он описывает все сооружения всех ярусов и устанавливает их взаимосвязи. Археологические даты проверены им по всем вещам, возраст которых более или менее установлен. Летописные даты пожаров позволили уточнить абсолютную хронологию

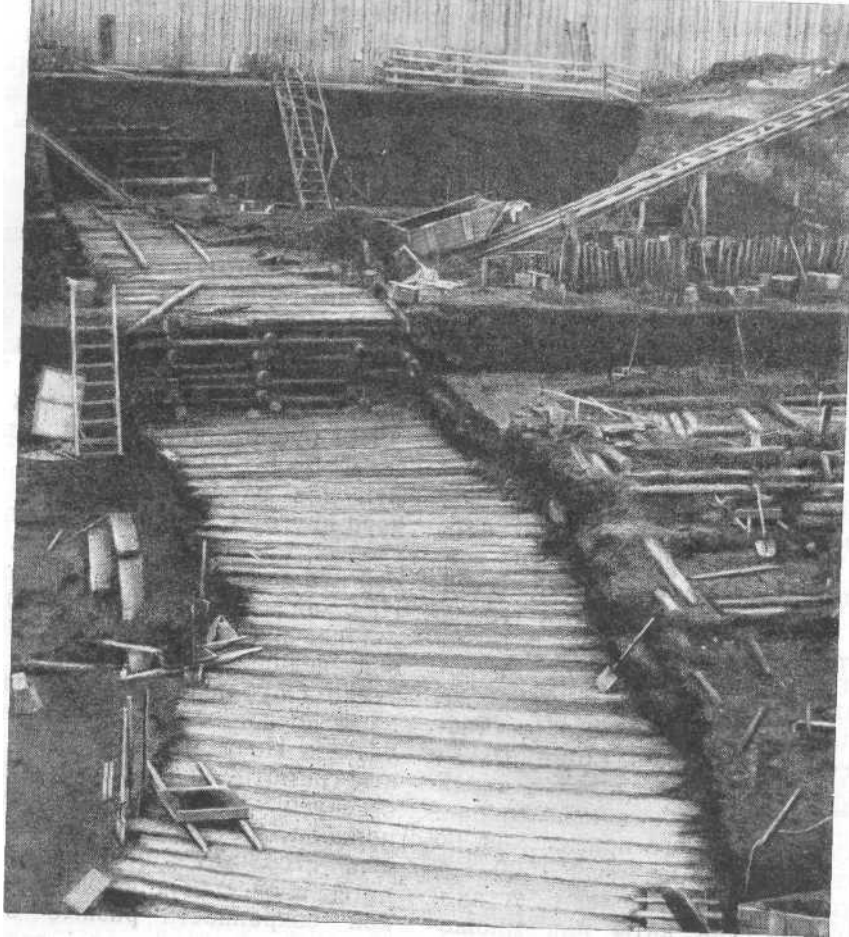

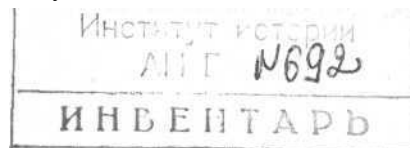
Рис 9. Великая улица. На переднем плане - настил мостовой 20-го яруса, на заднем—11-го яруса.

пласты. Учтены при этом и ямы, заходящие из одного яруса в другой. Таких ям в Неревском конце мало, но без учета их никакая стратиграфия невозможна. Только на основе всей этой гигантской работы можно было создать твердую хронологическую шкалу,

Б. А. Колчин в публикуемой в этом томе статье установил относительную и абсолютную хронологию новгородских находок. Для

1-й ярус относится к середине XVI в 28-и — к середине X в. 28 ярусов охватывают промежуток в 600 лет. Средняя длительность существования яруса — 20 лет с небольшим.

Может быть поставлен вопрос, почему не найдены позднейшие ярусы, моложе середины XVI в. Это легко объясняется Прекрасная сохранность новгородской древесины обусловлена обилием и составом

грунтовых вод. Сырость сохранила нам дерево. По мере нарастания культурного слоя в Новгороде становилось сухо. С известного уровня это делалось препятствием для консервации растительных веществ. Бревна X—XIV вв. сохранились настолько хорошо, что из них обычно можно и теперь построить домик и он простоит несколько недель. Бревна XV в. во многих случаях рыхлые и гнилые. От бревен XVI в. сохраняется только древесный тлен. Бревна XVII, XVIII и XIX вв. сгнили бесследно или почти бесследно, и только от бревен XX в. уцелели кое-какие следы.

Человеку, не бывавшему на новгородских раскопках, может быть, не вполне ясно, почему все находки удается связать с тем или иным ярусом; ведь прямой связи с сооружением находка может и не иметь. Дело в том, что количество бревен, тесин, палок, прослоек щепы и прослоек навоза (от хлевов и конюшен) при раскопках так велико, что это дает ориентиры для связи с ярусами.

Итак, в Неревском конце удалось добиться хронологической точности до четверти века. Такая степень точности для археологии нова. Не знаю, скоро ли удастся ее превзойти. Правда, в археологии теперь применяются датировки по степени распада радиоактивного изотопа углерода. Но, во-первых, и там степень точности не более полувека или, по мнению некоторых ученых, не более двух-трех веков. Во-вторых, — и это главное, — для средневековья такой способ пока не может быть использован. Хронологический предел его применения, по словам его создателей, — не менее 1500 лет.

Новгородские ярусы позволяют установить стратиграфические даты для множества археологических типов, даты которых вообще не были известны. Вещи курганных типов хорошо уложились в эту хронологию (см. статью Ю. Л. Шаповой в настоящем томе и статью М. В. Седовой во 2-м томе Трудов Новгородской археологической экспедиции). Так произошла взаимная проверка курганных и городских дат. Курганные типы в Новгороде, как и в других городах, относительно редки, но абсолютное их количество все же довольно велико благодаря большому размеру раскопок. После полной публикации новгородских находок, которая начинается с этого тома,

курганские вещи перестанут быть основой археологической хронологии русского средневековья. Такой основой станут новгородские вещи. В особенности это относится к типам деревянных, железных, костяных и кожаных изделий. Исследователи других русских городов будут черпать в Новгороде хронологические аналогии. Это облегчается тем, что материальная культура древнерусского города вообще однородна. На севере и на юге, на западе и на востоке встречаются одни и те же типы вещей.

VI

В этой статье не место специально и подробно говорить о берестяных грамотах, которыми гордится Новгородская археологическая экспедиция. Грамоты 1951 и 1952 гг. полностью изданы, и их публикации сопровождаются рядом выводов². Все грамоты 1953 и 1954 г. подготовлены к печати.

Все публикации сопровождаются и будут сопровождаться фототипиями и прорисями. Эти два вида иллюстраций не заменяют друг друга, и, вопреки мнению некоторых ученых, прорисы необходимы. Однако основной публикации все же являются фототипии. Никакая издательская или фотографическая ретушь на них, конечно, недопустима, и в вышедших томах удалось избежать ретуши. Опубликованные отпечатки не уступают по четкости оригинальным фотоотпечаткам. Но те, кто держал в руках подлинные грамоты, знают, что фотоаппарат иногда бессильно дает четкий снимок. Грамоту приходится иногда наклонять в разные стороны, чтобы при каждом повороте прочесть лишнюю букву. При плохой сохранности разные буквы требуют разного освещения, и фотограф не может все это учесть. Особенно плохо выходят на снимках мятые грамоты. Во всех этих случаях вырастает значение прорисей. Прорись является до известной степени субъективным документом, давая то, что видит на бересте исследователь. Но это — неизбежное связующее звено между фототипией и транскрипцией текста, иначе транскрипция

² А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

во многих случаях будет для читателей необъяснима и неожиданна. М. Н. Кислов, выполнивший все прориси грамот 1951—1954 гг., достиг в этом деле большого мастерства.

Общие сведения о применении бересты для письма и о различиях между новгородскими грамотами XI—XV вв., написанными на толстой бересте, и сибирскими грамотами XVII—XIX вв., написанными на тонкой бересте, изложены мною неоднократно¹,

Особо надо отметить, что никакого архива в Новгороде не обнаружено. Неизменное залегание более поздних по палеографическим приметам грамот вверху и более ранних внизу доказывает, что в землю они попадали разновременно и случайно. Именно это открывает самые радужные перспективы дальнейших раскопок. Культурный слой данного городского участка равномерно насыщен грамотами, которые и сейчас лежат там, где они были потеряны или выброшены древними новгородцами, подобно тому как теперь теряются или выбрасываются бумаги.

Хронология грамот устанавливается двумя основными способами — стратиграфическим и палеографическим. О стратиграфическом способе выше была речь, он основан на ярусах; все грамоты по связи с сооружениями могут быть отнесены к тому или иному ярусу. Палеографический способ основан на выводах русских палеографов И. И. Срезневского, В. Н. Щепкина, Е. Ф. Карского и других, подробно изучивших изменения русских букв в книгах и актах, написанных чернилами на пергамене или бумаге. Буквы, процарапанные острием на бересте, имеют некоторое своеобразие, но это не препятствует прослеживанию палеографических закономерностей. Очень важно, что стратиграфические и палеографические даты неизменно совпадали. Во всякой науке всегда важна взаимная проверка выводов, полученных разными способами.

За 4 года всего найдено 136 грамот. Самые поздние из них (№ 11, 12 и 13) относятся к 3-му ярусу. При предварительной публикации я отнес их к началу XVI в., но при уточнении дат оказалось, что они отно-

сятся к рубежу XV—XVI вв. Эта дата помещена и в полной публикации. Не знаю, будут ли найдены более поздние грамоты, — в верхних двух ярусах береста не сохраняется. Самая ранняя грамота (№ 123) относится к 23-му ярусу. Это середина XI в. Находки более древних грамот возможны. Письменность на Руси была и в X в.; вспомним гнездовскую надпись. Но нет никакой уверенности, что береста уже тогда применялась в Новгороде для письма. Чаще всего встречаются грамоты в слоях XIV в., т. е. эпохи расцвета Новгорода.

Третий способ датировки, лингвистический, вполне приложим к большинству грамот. Лингвисты уже работают над их специальной интерпретацией¹. Эти находки оказались важны для истории русского языка.

Возможны расхождения между археологическими и лингвистическими датами. Для XIII—XV вв. хронология языковых явлений обоснована, конечно, обильным материалом, но в частных письмах на бересте отдельные явления могли встречаться раньше, чем в официальных документах на пергамене или в церковных книгах. Для XII в. и особенно для XI в. лингвистические даты основаны на немногочисленных наблюдениях. От этих веков до нас дошло мало рукописей.

Палеографические даты для этих веков надежнее, хотя они основаны на тех же рукописях. Ведь любая буква представлена в них во много раз чаще, чем любое слово. Всякие научные выводы должны иметь свои статистические основания для устранения элемента случайности. Для стратиграфических дат статистические основания обильны, как и для палеографических.

Четвертый способ датировки, собственно исторический, применим к немногим грамотам, но они имеют особое значение. В 1953 г. были впервые найдены грамоты, адресованные известным историческим деятелям: сначала посаднику Юрию Онцыфоровичу, затем его отцу, посаднику Онцыфору. Онцыфор был одним из самых замечательных деятелей новгородской истории. Стратиграфические и палеографические даты этих

¹ См., например: Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12.

¹ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Изд. Академии Наук СССР, М., 1955.

грамот вполне соответствуют времени жизни этих посадников.

Не буду здесь касаться содержания грамот, я много писал о нем в других местах; по некоторым вопросам коснусь этого ниже. Большинство грамот — частные письма, самое существование которых в средневековой России было до раскопок неизвестно. Многие грамоты являются хозяйственными документами. Есть и иные записи. Из 136 грамот 44 дошли до нас целиком, 92 — в обрывках.

До новгородских раскопок большинство ученых считало, что в средневековой России грамотные люди принадлежали преимущественно к духовенству. Раскопки это окончательно опровергли, даже до открытия берестяных грамот. Многие найденные в Новгороде предметы (крышки бочек, сосуды, рыболовные грузила, поплавки, стрелы, грузики для веретен и т.д.) помечены именами или инициалами владельцев¹. Это значит, что грамотны были не только эти владельцы, но и соседи, для которых пометки предназначались. Грамотный плотник ставил на бревнах буквенные цифры, означавшие порядок сборки бревен. Сапожник писал на сапожных колодках имена заказчиков. Таких примеров немало. Берестяные грамоты окончательно доказали широкое распространение грамотности.

Многие авторитетные ученые XIX и XX вв. доказывали слабое распространение грамотности в средневековой Руси вообще, в Новгороде — в частности, основываясь на одном и том же рассказе новгородского архиепископа конца XV в. Геннадия о малограмотных мужиках, которые приходили к нему ставиться в попы. Отсюда делался вывод, что светские люди и подавно были неграмотны. После новгородских находок это единичное свидетельство потеряло всякую доказательность. Спор может быть разве только об объяснении слов Геннадия. Можно вспомнить, что эти люди приходили к нему из сельских местностей и что он вообще был склонен к преувеличениям.

Почти все авторы и адресаты грамот — люди светские, притом не только богатые,

но и бедные, не только мужчины, но и женщины. И в ряде случаев можно доказать, что авторы грамот писали собственноручно. При публикации грамот неоднократно приходилось касаться этого вопроса.

Светский характер носят почти все грамоты. Только одна из них (№ 128) является церковным текстом, две грамоты (№ 28 и 42) — духовные завещания, начинающиеся обычной для этих документов церковной формулой. Автор одной грамоты (№ 87) — поп. Духовенство составляло, конечно, большой процент населения Новгорода, и оно не могло по уровню грамотности стоять ниже остальных граждан, скорее наоборот; однако почти ко всем берестяным грамотам оно не имело никакого отношения. Это также говорит о том, что очень многие горожане умели читать и писать.

Широкое распространение грамотности является фактом бесспорным, который, однако, пока трудно осветить должным образом. С какого времени так было? Много ли оставалось неграмотных? Была ли в Новгороде грамота распространена больше, чем в других городах? Сократилось ли впоследствии число грамотных? Отвечать на все эти вопросы пока преждевременно. Думаю, что будущие находки берестяных грамот дадут ответы. Одно ясно: грамотность могла настолько распространиться лишь в условиях большого ремесленно-торгового города. Конечно, авторами многих грамот являются феодалы и их приказчики, но и они, живя в таком городе или близ него, должны были читать и писать. Пока неизвестно, имело ли распространение грамотности некоторую связь с вечевым строем.

Было ли в Новгороде больше грамотных, чем в городах средневековой Западной Европы? Для ответа на этот вопрос пока мало данных. В романских странах уровень образования, повидимому, был выше. Про германские и западнославянские страны так говорить пока нет оснований. Распространению грамотности в этих странах должен был тогда мешать чуждый народу латинский язык письменности.

Древнерусское школьное дело до раскопок было совершенно недоступно для изучения. Однако теперь удалось найти древнерусское школьное пособие — деревянную азбуку рубежа XIII—XIV вв. (рис. 10). Это пятиугольная дощечка, на которой написаны

¹ См. А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949; его же. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950; его же. Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории» 1951, № 12 и др.

Рис. 10. Азбука.

в порядке 36 букв тогдашнего славяно-русского алфавита. Сделана она из можжевельника (определение В. Е. Вихрова). Ученик мог держать дощечку в руке и списывать буквы. Нижняя часть поэтому свободна от надписей. Длина азбуки—18 см, ширина—7 см, толщина—1 см. Форма и отделка предмета заставляют предположить, что такие азбуки изготовлялись на продажу.

Берестяные грамоты открывают заманчивые перспективы для раскопок не только в Новгороде, но также в других городах и странах. Здесь едва ли стоит вспоминать о текстах, написанных на коре гималайской березы в Индии и Центральной Азии; у них другое содержание и, главное, условия находок иные. Но специфическая сырость некоторых городов Северной Европы обеспечивает, как и в Новгороде, сохранность растительных веществ, в том числе бересты.

Подобные материалы издревле применялись в Европе для письма. Поэтому в латинском языке слово *liber* имеет два значения: древесный луб и книга. Еще римляне всегда широко использовали для письма луб липы. Даже у императоров Домициана и Коммода были записные книжки из этого материала, по словам Диона Кассия и Геродиана. Плиний Старший и Ульпиан сообщают нам, что для письма применялась и кора других деревьев. На юге береза — редкое дерево, но на севере с давних времен должны были заметить, что ее кора очень удобна для письма. В средние века, при дороговизне пергамента, на севере не могли не писать на бересте.

Для Руси это уже бесспорно. В Смоленске в 1952 г. при раскопках Д. А. Авдусина найден обрывок берестяной грамоты, ничем не отличающейся от новгородских. Но можно высказать надежду, что берестяные грамоты будут найдены также в Польше, Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Англии.

Для историков древнего мира открываемые в земле папирусы оказались настолько важными источниками, что возникла особая вспомогательная историческая наука — папирология. Для историков средних веков береста, вероятно, будет не менее важна (а также, возможно, кора и луб других деревьев). Не знаю, как будет называться новая вспомогательная наука; может быть,

это будет фленология («фленос», в классическом произношении — «флойнос», по-гречески означает «сделанный из коры или луба»). Но родилась эта наука в Новгороде 26 июля 1951 г. Береста расскажет историкам много такого, о чем молчит пергамен.

Что касается Новгорода, находки новых берестяных грамот обеспечены, и содержание их из года в год будет все разнообразнее. Находки эти будут исчисляться тысячами, может быть, — десятками тысяч. Конечно, для этого потребуются многолетние раскопки.

VII

Удалось установить занятия хозяев многих домов. Археология вообще опровергла предположения историков, считавших, что русские города имели в средние века специфически торговый или специфически административный характер. Отрицание ремесленного характера русских городов было в буржуазной историографии общепринятым предрассудком. Это вопрос существенный, ведь на основе этого отрицания делались, как известно, важные выводы о специфических закономерностях русского исторического процесса вообще. Высокое развитие и широкое распространение русского средневекового городского ремесла прекрасно доказал Б. А. Рыбаков¹. Основными источниками при этом оказались археологические. Русские города, вопреки мнению буржуазных историков, не были странными исключениями в ряду городов средневекового мира. Это были ремесленные города, подобно городам других стран Европы и Азии. Подтверждается такой вывод изучением ремесленной продукции и раскопками ремесленных мастерских.

Новгородские раскопки имеют в этом отношении большое значение. Еще в 1934 и 1936 гг., как говорилось выше, в Славенском конце были исследованы мастерские сапожника, маслобоя и игрушечника XII—XIV вв., описания которых изданы². Эти мастерские почти полностью занимали небольшую территорию раскопок. Прекрасная их сохранность объясняется тем, что они были засыпаны при сооружении стены 1335 г.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси.

² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 126—132.

В Неревском конце мастерских много. Определяются они, как всюду, по производственным остаткам. Надо, конечно, учесть, что эти остатки полностью многократно выкидывались во время существования каждой мастерской и после ее разрушения. В Неревском конце нигде не было таких особых условий сохранности, как в Славенском конце. Тем не менее мастерских найдено много. Наиболее бесспорны те, в которых производственные остатки особенно обильны. О них речь идет в статье Б. А. Колчина. Перечислю эти мастерские в хронологическом порядке, сверху вниз:

в 4-м ярусе (середина XV в.) — мастерская костереца (срубы 4Р и Ра);

в 5-м ярусе (1-я половина XV в.) — мастерская ювелира (сруб 6Р);

в 6-м ярусе (рубеж XIV—XV вв.) — мастерская сапожника (сруб 64);

в 7-м ярусе (2-я половина XIV в.) — мастерская кожевника (сруб 74);

в 8-м ярусе (середина XIV в.) — мастерская сапожника (сруб 8С);

в 10-м ярусе (рубеж XIII—XIV вв.) — мастерская сапожника (сруб ЮН);

в 12-м ярусе (середина XIII в.) — мастерская ювелира (сруб 13Г);

в 14-м ярусе (начало XIII в.) — мастерская ювелира (сруб 14Б);

в 20-м ярусе (рубеж XI—XII вв.) — мастерская ювелира (сруб 20Ш);

в том же ярусе — мастерская сапожника, который был и кожевником (сруб 20П);

в 21-м ярусе (конец XI в.) — мастерская кожевника (сруб 21'П);

в 23-м ярусе (середина XI в.) — мастерская кожевника (сруб 23М).

В этом перечне представлены все века.

Общее количество ремесленных мастерских на этом участке было, конечно, гораздо больше. Ведь производственные остатки встречены в большинстве жилищ; не всегда их количество достаточно велико, чтобы судить о занятиях жителей данного дома, но всегда они говорят о ремесле.

Надо учесть и то, что далеко не все ремесла оставляют для археологов ясные следы. В Новгороде было много плотников. Даже всех новгородцев называли в насмешку плотниками¹. Однако эти ремесленники работают, как правило, не у себя

дома. То же можно сказать о каменщиках. От работы всяких деревообделочников остаются слои щепы, и такие слои при раскопках встречаются часто, но никогда нельзя сказать, с чем они связаны: с изготовлением деревянных вещей или со строительством. Об относительном значении разных средневековых ремесел позволяют судить новгородские писцовые книги XVI в.¹ Там значительное большинство составляют ремесленники, производство которых невозможно или трудно изучить путем раскопок. Особенно многочисленны были портные разных специальностей (рукавичники, кафтанники, сарафанники, шапочники, колпачники, варежки, сермяжники, шубники, однорядчики и т. д.). Немало было красильников, а также торочечников (делавших тесьму) и иконников, множество калачников и хлебников. Производство хлеба, в отличие от производства одежды, при раскопках изучить можно, но трудно. На хорошую сохранность хлебных печей рассчитывать не приходится. Впрочем, такая печь (сруб 13И), повидимому, открыта в 12-м ярусе (середина XIII в.).

В свете всех этих соображений количество открытых ремесленных мастерских, само по себе большое, представляется особенно значительным. Большинство жителей составляли, повидимому, ремесленники. Конечно, много было и торговцев (о доме торговца речь будет ниже). Были дома феодалов (о каменном тереме богатого боярина ниже тоже будет сказано), а также, несомненно, дома боярских слуг и духовенства.

Но общий характер городской экономики определялся не этим. Все гипотезы о специфически торговом или специфически административном характере русского города опровергаются раскопками в Новгороде, как и в других городах. Новгород был, конечно, важным торговым и административным центром, но прежде всего он был крупным ремесленным центром.

Открытие ряда сапожных и кожевенных мастерских в Неревском конце может быть сопоставлено с наименованием местности Кожевники. Местность эта находилась

¹ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник, вып. 6. Новгород, 1939.

¹ НЛ1. стр. 15.

в том же Неревском конце, однако к северу от территории раскопок. Она упоминается летописями в XVI в. В писцовых книгах XVI в. кожевники преобладают на многих улицах этого конца, но на Большой (т. е. Великой) улице кожевников нет; там жили тогда токари, ведерники и т. д.¹ Холопья улица в этих книгах не описана. Конечно, на протяжении XI—XV вв. ремесленная специализация участка могла много раз изменяться.

Надо особо отметить широкую распространенность сапожного ремесла в Новгороде. Остатки сапожных мастерских найдены при раскопках разных археологов и при строительных работах в различных районах города. Первая открытая в Новгороде (в 1934 г.) мастерская принадлежала сапожнику-кожевнику. Она дала первоклассные материалы по технике обработки кожи².

Серьезный культурно-исторический интерес представляет обилие кусков кожаной обуви. Число таких кусков значительно превышает сто тысяч. С этим можно сопоставить, что лапти найдены только один раз, хотя лыко в Новгороде сохраняется хорошо и встречается часто. Очевидно, все новгородцы носили кожаную обувь. Здесь не было лапотников, а русские летописи называют лапотниками бедняков³. Противоположение людей, обутих в кожу, и людей, обутих в лыко, сохранило свое значение в России до XX в. Обычной обувью в Новгороде были кожаные туфли. Найдено много целых туфель — мужских, женских и детских. Публикацию обуви и других кожаных изделий подготовила к печати С. А. Изюмова.

Ювелирные мастерские, открытые в Неревском конце, для Новгорода новы. Ювелиров русские письменные источники называют серебрянниками. Работали они, впрочем, больше по меди, чем по серебру, а в технике обработки этих металлов не было существенных различий. Находимые в городах и курганах украшения гораздо чаще сделаны из меди и ее сплавов, чем из серебра. Для изучения техники этого ремесла важны находки во вновь открытых

новгородских мастерских. Особенно обильны там обрезки листовой, полосовой и проволоочной меди. Впервые в русском городе найдена ювелирная наковальня. Встречены более 30 тиглей, 15 литейных форм, ювелирные молотки, зубила, пинцеты, бородки, волочила. В других русских городах такого обилия подобных находок нет. Эти находки сделаны преимущественно при последних раскопках и заслуживают длительного специального изучения.

Очень жаль, что при новгородских раскопках нигде еще не обнаружены производственные сооружения, связанные с черной металлургией и кузнечным делом. Правда, на Славне встречены остатки маленькой кузницы, но она была связана с постройкой каменной стены 1335 г.; там чинили и делали инструменты строителей⁴. Серьезного значения эта временная мастерская не имела. Можно предполагать, что кузницы и тем более металлургические мастерские устраивались из противопожарных соображений преимущественно за чертой городского вала.

Орудиями металлургов являются длинные и большегубые кричные клещи, которые стали известны по новгородским находкам. В Новгороде их обнаружено уже 6 экземпляров, в том числе три — в Неревском раскопе. Вне Новгорода встречен только один экземпляр в Райковецком городище, в Киевской земле. Самые большие и притом совершенно целые клещи найдены в Неревском раскопе, в 18-м ярусе, в слое XII в. Длина их — 82 см, зев широкий и овальный, губы предназначены для охвата больших криц. Эта находка доказала высокий уровень металлургии в раннем Новгороде.

Нет следов и гончарного производства, тоже важного. Можно предполагать, что она была сосредоточена в юго-западной части города, в Гончарском конце (он же Людин). Раскопок там еще не было, хотя удобные для них участки имеются. Наиболее массовым археологическим материалом в Новгороде, как и всюду, является керамика. Ей посвящена статья Г. П. Смирновой в настоящем томе.

О ткацком деле говорят обычные находки деталей ткацких станков. Впрочем, здесь

¹ Летопись занятий Археографической комиссии за 1911 г. СПб., 1912, стр. XXVI—XXIX.

² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 128.

» ПСРЛ, т. I, стр. 36.

⁴ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 132.

трудно провести грань между ремеслом и домашним промыслом, хотя в большом городе можно предполагать ремесло. Еще труднее провести эту грань в прядильном деле. Шиферные и глиняные пряслица в Новгороде встречаются в большом количестве, как и во всех древнерусских городах. Розовые шиферные пряслица, как всюду, важны для хронологии. Благодаря хорошей сохранности дерева найдены даже веретена со следами надевания пряслиц, что для науки ново. Обычны и детали прялок. Обилие пряслиц в русских городах заставляет предполагать, что овечья шерсть и льняное волокно превращались в нитки не только в деревнях, но и в городах. Но это женское занятие было, вероятно, подсобным приработком городского двора.

Как уже указывалось, костерезная мастеровская найдена одна. Там обнаружены обрезки кости и рога. Техника этого дела изучена С. А. Изюмовой¹. Костяных изделий при раскопках найдено множество; среди них — художественные произведения, много мелких костяных инструментов, запонок, застежек и т. д.

Очень однородны гребни, а их найдено несколько сот. Можно утверждать, что каждый мужчина и каждая женщина в Новгороде носили при себе гребень. Форма гребня XII—XV вв. трапециевидная, зубцы с одной стороны редкие, с другой — частые, узор нанесен циркулем. Циркуль вообще широко применялся для узоров на кости. В X—XI вв. гребнями были длинные, односторонние расчески. Стандартность гребней XII—XV вв. говорит о ремесленном производстве.

Уже отмечено, что массовой находкой в Новгороде, как и во всех русских городах, являются стеклянные браслеты — синие, зеленые, желтые, фиолетовые. Это было, как мне приходилось неоднократно писать, излюбленное украшение древнерусских горожанок. В деревне их, судя по курганам, нет, что говорит о различии городских и деревенских нарядов. Производились ли эти браслеты в Новгороде? Повидимому, да, поскольку они здесь широко бытуют до начала XIV в. (см. ниже статью Б. А. Колчина), а известные мастерские Киевской

земли погибли при татарском нашествии. Но мастерские новгородских стеклоделов пока не открыты.

Для истории техники важны найденные в Новгороде детали машин. Вообще для археологии детали машин — новая тема, и именно потому, что дерево обычно не сохраняется. Машины в средние века, как и в античности, делались целиком из дерева, и до нового времени сохраняло силу определение Витрувия: «Машина есть система связанных между собой частей из дерева. . .»¹. В Новгороде найдено много деревянных блоков, роликов, подшипников, подпятников, траверсов, ткацких челноков и т. д. Конечно, одинаковые детали могли входить в состав разных механизмов, что затрудняет восстановление конструкций.

Для черного металла методы изучения ремесла и ремесленной техники по продукции установил и плодотворно применил Б. А. Колчин². В значительной степени его исследование основано на результатах новгородских раскопок, хотя он равномерно обработал археологические материалы всех древнерусских земель. Оказалось, что кузнечное дело было в большей степени сосредоточено в городах, чем это предполагали историки и археологи. Деревенские кузнецы применяли простую ковку и сварку; десятки видов изделий ничего больше и не требовали. Но сложные приемы обработки стали были у нас распространены шире, чем думали ученые, а осуществимы они были только в сложной обстановке квалифицированного городского ремесла. Этими приемами делались всюду, в том числе и в Новгороде, такие орудия, как серпы, косы, ножины, зубила, напильники, пилы, долота, скобели, стамески, сверла, топоры, тесла и даже простые ножи. Все установленные Б. А. Колчиным приемы изготовления режущих орудий (многослойная сварка лезвий, наварка лезвий, употребление цельной стали, цементация) применялись и в Новгороде³.

Местное производство всех этих изделий, не вызывающее вообще никаких сомнений,

¹ Витрувий, кн. X, гл. 1.

² Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М., 1953; его же. Техника обработки металла в древней Руси. М., 1953.

³ Б. А. Колчин. Черная металлургия. . ., стр. 186.

¹ С. А. Изюмова. Техника обработки кости в древней Руси. КСИИМК, XXX, 1949.

подтверждается и данными спектрального анализа. Например, только в новгородских изделиях встречается небольшая примесь молибдена, технически безразличная и говорящая лишь о применении местных руд¹.

Подобные спектрографические исследования должны быть продолжены; они важны не только для черного металла, но также для цветного и для стекла; они помогут установить технические приемы и отделить местные изделия от привозных. Массовое производство таких исследований было до сих пор для археологов затруднительно, но теперь при кафедре археологии Московского университета создана хорошо оборудованная лаборатория спектрального и структурного анализа.

О развитии слесарного ремесла говорят прекрасные замки и многочисленные напильники.

Здесь невозможно подробно говорить о находках железных изделий. Впервые обнаружена гвоздильня. Найдено много пил, хотя существование в древней Руси этого орудия долго вызывало сомнения. Пила широко применялась не столько плотниками, сколько столярами и костерезами. Много ножниц. Наряду с архаическими ножницами так называемого овечьего типа неоднократно встречены ножницы современного типа с кольцами и на гвоздике, появившиеся на Руси в X в.

Сохранность дерева открыла перед археологами целый мир деревянных вещей. Эти вещи готовит к изданию Б. А. Колчин. О деталях машин уже была речь. В большинстве случаев трудно решить, кто изготовил деревянную вещь — ремесленник или нет. Сложных столярных инструментов не было. Рубанок еще не применялся. Обычным орудием отделки дерева служил скобель. Двуручных скобелей найдено немало. Много также топоров, тесел, долот.

Во многих случаях отделка деревянных изделий настолько художественна, что надо предполагать изготовление их художниками-специалистами. Об этих изделиях ниже еще придется говорить.

Древнерусское токарное ремесло, до новгородских раскопок едва поддававшееся археологическому изучению, теперь может быть подробно изучено. Токарных резцов

найден целый ряд, а деревянной посуды, выточенной на токарном станке, обнаружено множество. Оказалось, что этот станок применялся в Новгороде уже в X в.

Каждый год новгородских раскопок открывает все новые и новые стороны древнерусского ремесла.

VIII

Новгород не был городом торговцев, хотя историки и писатели долго изображали его таким городом. Населяли его не столько торговцы, сколько ремесленники, а управляли им не торговцы, а феодалы. Мне в свое время пришлось подробно обосновывать это последнее положение²; не буду теперь повторяться. Но, конечно, большой средневековый город не мог не быть крупным торговым центром. Это полностью относится и к Новгороду.

Среди находимых в Новгороде вещей можно выделить предметы импорта. Это во многих случаях тем легче, чем отдаленнее родина товара. Определить предметы, привезенные из таких русских земель, как Владимиро-Суздальская, Смоленская, Псковская, Полоцкая и т. д., мы пока не можем. Не поддаются определению и товары заволочских земель (бассейны Северной Двины, Печоры, Камы и т. д.), если не говорить о древесине (см. ниже).

Несколько больше известно о торговле с Киевской землей. Через нее шли овручские шиферные пряслица, производство и распространение которых подробно выяснил Б. А. Рыбаков². В Неревском раскопе таких пряслиц найдено 779. Амфоры киевского типа, пузатые, красные, с волнистой внутренней поверхностью и толстыми ручками, встречены в Новгороде в обломках неоднократно. На местную новгородскую керамику такие амфоры совсем не похожи. Встречаются они с 24 до 14-го яруса, иными словами, с 1-й половины XI в. до 1-й половины XIII в., т. е. до разрушения Киева монголами. Киевским товаром надо признать и глиняные яйца, покрытые поливой; они найдены неоднократно.

Больше можно сказать о торговле с более отдаленными южными странами; не всегда

¹ А. В. Арциховский. К истории Новгорода. Исторические записки, вып. 2, 1938.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 188—202 и 466—470.

¹ Б. А. Колчин. Черная металлургия. . . , стр. 46.

только удастся определить, из какой южной страны происходит товар. Для истории торговли с югом особо показательны находки грецких орехов. Их найдено 135, в том числе скорлупа (целые или поломанные половинки) встречена 134 раза, ядро — 1 раз. По ярусам они располагаются так (см. таблицу):

Ярусы	Количество найденных грецких орехов	Ярусы	Количество найденных грецких орехов
Ниже 28-го	2	16-й	1
28-й	1	15-й	6
27-й	3	14-й	1
26-й	5	13-й	2
25-й	7	12-й	1
24-й	16	11 и 10-й	Нет
23-й	16	9-й	1
22-й	13	8, 7 и 6-й	Нет
21-й	25	5-й	2
20-й	8	4-й	3
19-й	11	3-й	1
18-й	6	2 и 1-й	Нет
17-й	4		

В переводе на века получаются такие цифры: в слое X в. найдено 11 грецких орехов, в слое XI в. — 77, XII в. — 36, XIII в. — 4, XIV в. — 3 и в слое XV в. — 4.

Эти цифры показательны. Наглядно видны судьбы волжского пути в Среднюю Азию и Иран и днепровского пути в Крым и Грецию, а также караванных путей. В XI в. русская торговля с югом достигла максимума, затем она была затруднена половцами и, наконец, почти полностью прервана монголами. Цифры достаточно велики, и элемент случайности в выводах устранен.

Находок миндаля мало, всего 5, но они не противоречат тем же выводам. В 27-м ярусе — 1 находка, в 25-м — 1, в 24-м — 1, в 19-м — 1, в 4-м — 1 находка. В переводе на века получаются такие цифры: в X в. — 1 находка, в XI в. — 2, в XII в. — 1, в XIII и XIV вв. — нет, в XV в. — 1 находка.

Неизвестны центры производства каменных и стеклянных бус. Как мне уже приходилось писать¹, в Новгороде найдены ранние бусы, одинаково распространенные во всей Восточной Европе на огромном пространстве. Таковы сердоликовые шарообраз-

ные бусы IX в., еще бытующие в X в.; желтые стеклянные бусы, так называемые лимоновидные (они похожи на лимоны цветом и формой), очень характерные для X в.; стеклянные позолоченные бусы X—XI вв. Последующие находки в Неревском раскопе значительно увеличили число всех этих бус. Более поздние типы многочисленны, но для них уже не характерны столь широкие ареалы. Это говорит о возникновении различных местных производственных центров. В IX—XI вв. таких центров в Восточной Европе еще, надо полагать, не было. Перечисленные типы связаны, повидимому, с южной торговлей. Определить центры их производства пока нельзя, но ареалы во всяком случае огромны. Стеклянным бусам посвящена статья Ю. Л. Шаповой в настоящем томе.

Находки монет недостаточно документируют историю торговли, поскольку на XII—XIV вв. приходится, как известно, безмонетный период, причины чего поныне должным образом не установлены. Но монеты X—XI вв. довольно обильно представлены в Новгородской земле. Встретились они и в Неревском раскопе.

Особое значение имеет клад монет X в., которому посвящена статья С. А. Яниной в этом томе. Это первый клад, который удалось найти при раскопках, и, таким образом, первый клад, полностью доступный для научного исследования. Монет в нем — 871. Преобладают саманидские, что для кладов X в. типично, а обилие кладов этого века в Восточной Европе известно. Последняя монета относится к 972 г.; вскоре после этого клад был зарыт. Из городов чеканки на первом месте в кладе — Самарканд, на втором — Шаш (Ташкент), на третьем — Бухара, чем хорошо подчеркиваются исконные связи этих важнейших центров Средней Азии с Русью.

Отдельно найдены также одна саманидская монета X в. из Шаша, одна византийская монета X в. и одна византийская монета XI в.

Но в XI в. в Новгородской земле, судя покладам, больше обращались уже не южные монеты, а западные. Западных монет, кроме нескольких нечитаемых, в Неревском раскопе найдено 11. Две из них немецкие императорские, относятся к рубежу X—XI вв., остальные — к XI в.; из них 4 — фризские,

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1951 Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 351—353.

2 — саксонские, 2 — голландские, 1 — немецкая, место чеканки которой неизвестно. В XII в. никакие монеты у нас уже не обращались.

Находкам восточной поливной посуды посвящена статья А. Ф. Медведева, которая будет напечатана во 2-м томе Трудов Новгородской археологической экспедиции.

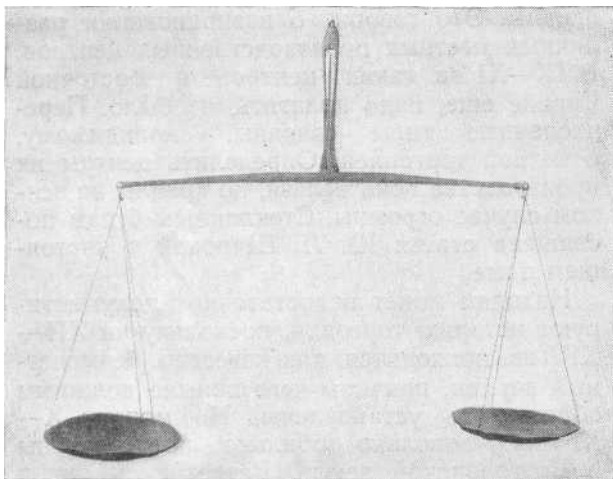

Рис. 11. Весы.

В большинстве своем эта керамика относится к более позднему времени, чем перечисленные выше находки. Это золотоордынская посуда XIV в. К раннему времени относятся два черепка иранской поливной керамики XI—XII в. Из Средней Азии происходит медный кувшин, найденный в погребении XI в. и уже изданный¹.

О торговле с Западом материалов, кроме монет, мало. В слоях XIV—XV вв. часто встречаются янтарные бусы и крестики, которых мало в ранних слоях. Это позволяет думать, что тогда при содействии Ганзы оживилась торговля с Янтарным берегом Балтийского моря.

Необходимым атрибутом древнерусского торговца были медные складные весы с круглыми чашами и складным коромыслом (рис. 11). Они стандартны и много раз найдены в городах, курганах и кладах Восточной Европы. Несколько раз встречены они и в Неревском раскопе.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 368.

Интересны для истории торговли произведенные В. Е. Вихровым ботанические анализы древесины новгородских деревянных изделий. Конечно, преобладают местные деревья — сосна, ель, можжевельник, дуб, береза, липа, вяз и т. д. Но о торговле с юго-западом говорят бук и тисе, с северо-востоком — лиственница, с юго-востоком — самшит.

Целый ряд берестяных грамот связан своим содержанием с торговлей. Не приходится удивляться, что торговля в грамотах отразилась, а ремесло, еще более важное, не отразилось. Для торговли письменные сношения имели особое значение. Впрочем, можно быть уверенным, что будущие находки грамот дадут сведения и о ремесле.

Денежных расчетов в грамотах много. В большинстве случаев нельзя определить, с чем они связаны — с торговлей или ростовщичеством. Денежные суммы по тому времени иногда огромны, иногда совсем ничтожны. Максимальная сумма — 25 гривен серебра (грамота № 61, XIII в.), минимальная — одна векша (грамота № 120, XII в.). Максимальная сумма в 15 тыс. раз больше, чем минимальная.

Грамота № 92 (XIV в.) открывает перед нами узкую средневековую специализацию торговли¹. Автор этой записки — купец-рыбник, но он торгует только лососиной. Он перечисляет ряд лиц; это, повидимому, рыбаки. Четверо из них продали (или отдали на иных основаниях) автору записки по одному лососю, трое — по два, один — четыре, двое — по девять, один — тринадцать, больше всех. Известна узкая специализация средневекового ремесла. Например, в Новгороде XVI в. по писцовым книгам среди кузнецов были ножовники, гвоздочники, замочники, стрельники, секирники, скобочники и т. д.; подобных примеров много. Археологически доказано, что такая специализация возникла в X в. Но, оказывается, и торговля была подобным образом разветвлена.

Грамота № 125 (рубеж XIV—XV вв.) касается торговли тканями, привезенными с далекого юга². Мать просит сына купить ей «зендянцю добру». Зендянца — хлопчатобумажная бухарская ткань. Массовая вы-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

² А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1955, № 2.

делка этих тканей была, по Наршахи, в селении Зандана под Бухарой. Грамота является самым ранним свидетельством о продаже хлопчатобумажных тканей на Руси.

Две грамоты говорят о поездках новгородцев. Одна из них (№ 69, XIII в.) связана, впрочем, не с торговлей, а с войной. Некий Терентий из Ярославля сообщает о военных новостях. Эта грамота доказала, что береста может рассказывать нам и о политических событиях русской истории.

Но другая грамота (№ 105, XII в.) говорит о торговой поездке¹. Адресат этой грамоты Кулотка ездил «на Русь». Как известно, летописные тексты не оставляют сомнений, что этим именем в XII в. называлась Киевская земля. Грамота посвящена денежным расчетам. В статье Б. А. Колчина ниже говорится, что эта грамота найдена у сруба 19П, где компактной группой лежали 20 шиферных пряслиц, т. е. набор товара, привезенного из Киевской земли, куда ездил Кулотка, которому, повидимому, принадлежал дом.

Из товаров в берестяных грамотах упоминается еще пуд меда (грамота № 61). В грамоте № 97 говорится о продаже ржи, в грамоте № 109 — о покупке рабыни. В грамоте № 129 тоже речь идет о какой-то продаже и покупке.

Здесь можно коснуться новгородского транспорта, по связи этого вопроса с торговлей. В Новгороде вообще, в Неревском раскопе в частности, неоднократно найдены санные полозья. Сохраняются большие части саней, скрепленные стояками — копылами. Длина превышает иногда 3 м. По форме находимые сани совпадают с саними, изображаемыми на древнерусских миниатюрах. Колес и их частей не найдено вовсе, и существование колесного транспорта в Новгороде остается под вопросом.

Одной из важнейших новгородских находок является лыжа. Лыжи связаны, впрочем, не столько с торговлей, сколько с охотой и военным делом, но говорить о них здесь можно, поскольку они — тоже средство передвижения. Как я в свое время доказывал, скоростные лыжи современного типа являются русским изобретением². Не

повторяю здесь изложенных мною тогда доказательств и сведений. Найденная в Неревском раскопе лыжа является древнейшим экземпляром этого типа; она обнаружена в 13-м ярусе, в слое XIII в. Краткое ее описание мною уже опубликовано¹.

Особенно обильны материалы по водному транспорту. Много весел; длина одного из них — 3 м 10 см. Найдены большие куски лодок. Часто встречаются лодочные шпангоуты, лодочные скамейки, уключины и, т. д.

Новгородская земля изобилует реками и озерами. Новгород стоит на Волхове и Волховец, близ оз. Ильмень. Водный транспорт был здесь важнее сухопутного.

IX

Зерна злаков встречены много раз большими количествами в слоях всех веков. Общее их количество на складах экспедиции исчисляется десятками миллионов. Это открыло для науки невиданные возможности изучения древнерусского земледелия.

А. В. Кирьянов сделал по этим материалам важные выводы (его статья будет помещена во 2-м томе Трудов Новгородской археологической экспедиции). Оказалось, что в X в. основным злаком было просо; рожь появилась в XI в. и достигла преобладания в XII в. Много данных также по истории пшеницы и ячменя.

Особенно важны видовые определения примешанных к злакам сорняков. Они позволили противопоставить переложное и трехпольное хозяйство, а также яровые и озимые посевы. Само распространение ржи оказалось связанным с переходом к паровой системе. Рожь была озимой культурой, а пшеница — яровой.

Наибольшее количество пшеницы обнаружено в единственном открытом раскопке боярском дворе. Пшеничный хлеб был, очевидно, дорог.

Историки преувеличивали значение отдельных летописных известий о ввозе в Новгород из Владимиро-Суздальской земли хлеба во время голодовок. Считалось, что в Новгородской земле вообще нехватало своего хлеба. Это мнение поколеблено теперь А. В. Кирьяновым на основании тех же видовых определений сорняков. Сорняки,

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

² А. В. Арциховский. Лыжи на Руси. Труды Института этнографии, новая серия, т. 1, 1947.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

примешанные к найденным при раскопках зернам ржи, пшеницы и т. д., оказались характерными именно для новгородской флоры, а не для среднерусской или какой-либо иной.

Важные выводы получены А. В. Кирьяновым и по истории сельскохозяйственных орудий. Древнерусские сошники известны теперь преимущественно по новгородским находкам. Удалось определить сошники для целинных земель и для старопашотных.

Новгородские раскопки дали окончательное решение длительного спора о том, какая соха древнее — двузубая или трехзубая. Давно изложенная теория П. Н. Третьякова о большей древности трехзубой сохи¹ подтверждена теперь как рядом наблюдений над формой сошников, так и одной важной находкой. В небольшом деревянном погребе XI в. на деревянном полу, врезанном в материк, лежали три совершенно одинаковых и прекрасно сохранившихся сошника симметричной формы, совсем не похожих на асимметричные сошники двузубой сохи. Это полный набор, подготовленный для работы, но не использованный.

Из 11 сошников, найденных в Новгороде, 9 было целых и не бывших в употреблении, а 2 поломанных. А. В. Кирьянов делает отсюда вывод, что все эти находки связаны не с земледелием, а с производством орудий. Если бы новгородские граждане сами пахали, неизбежны были бы находки сработанных сошников. Столь же показательное полное отсутствие целых серпов и малое число их обломков. Зато кос много. Горожане не пахали и не жали, но косить им приходилось порядочно.

Возможно, что обычные представления о земледельческом хозяйстве средневековых горожан вообще преувеличены. В Новгороде, впрочем, это хозяйство было едва ли возможно по природным условиям. Вокруг города почти вовсе нет удобных для пахоты земель; они, как правило, отстоят от Новгорода на много километров. Зато сенокосы хороши и со всех сторон прилегают к городу. Горожане сами заготавливали сено для своего скота.

Найдены археологические материалы по садоводству и огородничеству. Они тоже

изучены А. В. Кирьяновым. Оказалось, что огурцы и вишни распространились у нас уже в X в., что для науки ново.

Кости домашних животных, как при всяких раскопках, являются массовым материалом; кости диких животных сравнительно немногочисленны. Исследование остеологического материала подготовил к печати В. И. Цалкин.

По технике охоты особых находок нет. Стрелы в значительной своей части связаны не с охотой, а с войной. Надо сказать, что относительное количество стрел в новгородском слое невелико по сравнению со слоями других городов. Это связано с тем, что Новгород не подвергался осаде. Абсолютное количество стрел, впрочем, велико благодаря большому размеру раскопок. Сохранность дерева позволила изучить не только железные стрелы, но и деревянные древки, что для русского средневековья ново. Встречены и деревянные луки. Новгородское оружие подготовил к изданию А. Ф. Медведев. Можно быть уверенным, что многие из найденных стрел предназначались для охоты на птицу. Для такой охоты на Ильмене доныне существуют исключительные условия. Одна из берестяных грамот (№ 54) является отрывком расписания соколиной охоты.

К самым частым находкам в Новгороде во всех слоях принадлежат рыболовные грузила и поплавки. Рыбная ловля, судя по этим находкам, производилась неводами. Это было важное подспорье в хозяйстве горожан; они всегда использовали водные пространства Ильменя и Волхова. Рыбных костей и чешуи найдено много. Этот материал подготовил к изданию В. Д. Лебедев.

Берестяные грамоты содержат ценные сведения о феодальном сельском хозяйстве не столько Новгорода, сколько Новгородской земли. Сведения эти содержатся преимущественно в письмах и документах, присланных в город из деревень. Есть списки феодальных повинностей; один из них довольно длинный (грамота № 1). Найдены челобитные на имя феодалов с просьбами о льготах (грамота № 41), об окупе, т. е. выкупе крестьян у другого феодала (грамота № 102), и т. д. Встречены документы сельскохозяйственной отчетности (например, грамота № 50). Впрочем, в этом кратком очерке невозможно дать даже пе-

¹ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Л., 1932.

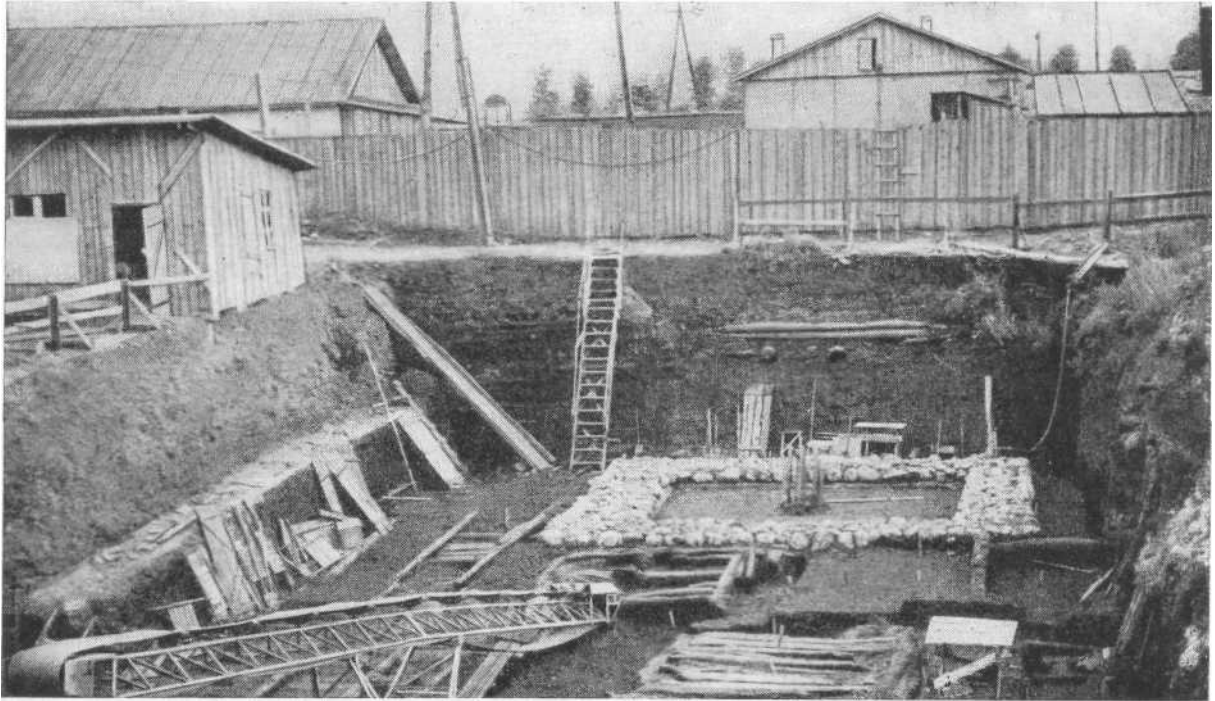

Рис. 12. Фундамент дома Юрия Онцыфоровича.

речень этих тем, подробно рассматриваемых при полном издании грамот.

Грамота № 17 (XV в.) говорит о феодальном барщинном хозяйстве, где для любых работ требовалось распоряжение господина; грамота № 23 (рубеж XIV—XV вв.) — о хозяйстве, основанном на ренте продуктами, что для Новгородской земли, судя по писцовым книгам, более типично.

Новым для России типом документа является грамота № 136'. Это договор XIV в. крестьянина с феодалом о размере оброка, в который входят 6 коробей ржи, коробка пшеницы, 3 солода, 3 куницы, пуд меда, 3 белки, 3 горсти льна. Подобные договоры крестьян с феодалами о размерах оброка были в то время распространены во Франции, Италии и других странах. На Руси это не было известно историкам. Аналогиями не могут служить позднейшие русские грамоты, где феодал устанавливал размеры оброка, уплачивавшегося за землю, которую крестьянин получал по тому же акту.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1954 в Новгороде. «Вопросы истории», 1955, № 2.

Здесь иные отношения, прослеживаемые только благодаря берестяной грамоте.

Несколько грамот непосредственно связано с хозяйством знатного феодала — посадника Юрия Онцыфоровича и его отца, знаменитого Онцыфора. Все эти грамоты залежали в непосредственной близости к единственному открытому раскопками каменному зданию. Одно такое здание приходится здесь на 330 деревянных срубов. Глубина залегания каменного фундамента — 3,6 м, т. е. больше, чем фундамент Софийского собора и других важнейших зданий Новгорода (рис. 12). Очевидно, постройка была массивной и высокой. Гражданский ее характер — вне сомнений. Военная башня среди изб и вдали от всех систем фортификации не имела бы смысла. Церкви имеют другую форму, а колокольни в XV в. были маленькие и продолговатые, да и никогда не отличались подобной мощностью; к тому же вокруг всех новгородских церквей встречаются погребения, которых здесь нет. Перед нами остатки богатой жилой постройки, высокого терема, имевшего не менее трех этажей. Воздвигнут

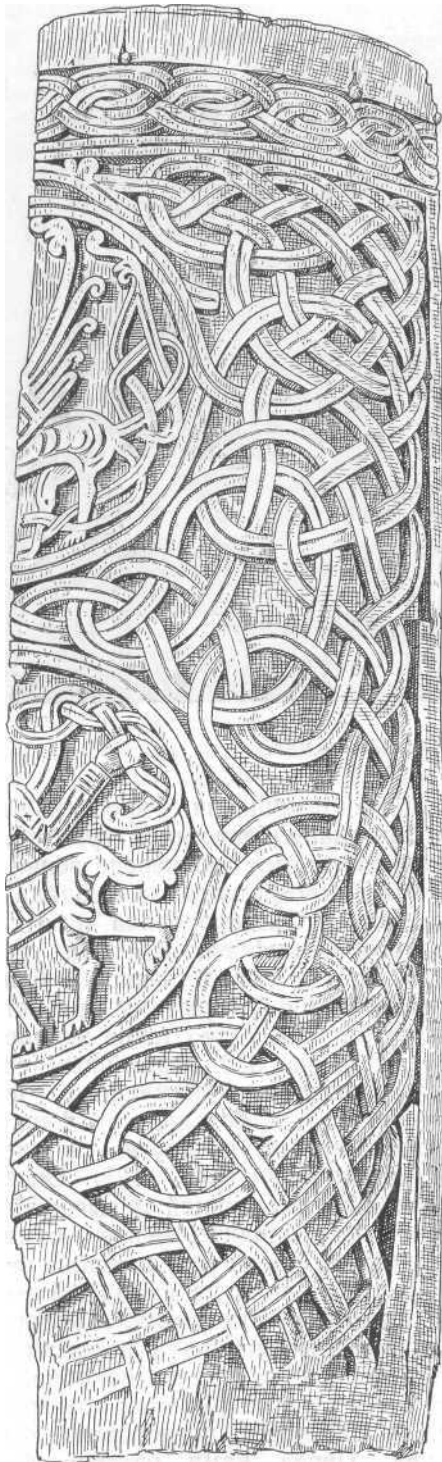

Рис.13. Колонна (прорись).

этот терем на рубеже XIV—XV в. Хозяином его был, судя по найденным грамотам, посадник Юрий Онцыфорович. Умер он в 1417 г.

Как уже говорилось, Новгород, вопреки мнению буржуазных историков, не был купеческим государством. Во главе этой феодальной республики стояли феодалы, владельцы огромных вотчин, профессиональные полководцы. Несколько десятков боярских семей составляло новгородскую аристократию, из среды которой вече избирало посадников. Все это доказано теперь путем критического изучения летописей и государственных актов, но береста дала новые подтверждения.

Грамот, связанных с посадниками Юрием и Онцыфором, найдено восемь, и все они говорят о землевладельческом хозяйстве. О торговле там ничего нет, хотя о ней говорят многие другие грамоты. Это подтверждает, что новгородские бояре были феодалами, а не торговцами. Грамота № 94¹ является, например, челобитной, которую подали крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости от Юрия. У него, очевидно, было много имений, почему и понадобилось письменное прошение. Ключник, т. е. управляющий боярским имением, обвиняется крестьянами в вымогательствах и хищениях.

Для истории искусства сохранность дерева оказалась так же важна, как для истории техники. Великолепными резными узорами украшены многие деревянные предметы; особенно красивы некоторые кресла, скамейки, шкафы, оконные наличники. Эти резные узоры очень близки к красочным узорам новгородских пергаменных книг, являясь их несомненными прототипами. Линии, как и там, смело изогнуты во все стороны, равновесие постоянно нарушается сознательно, общие очертания причудливы. Это характерные признаки новгородского стиля в прикладном искусстве. Мне уже приходилось о нем писать².

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

² А. В. Арциховский. Прикладное искусство Новгорода. История русского искусства, т. 2. М., 1954. (Эта моя работа, написанная до больших раскопок, находилась в печати долго. Поэтому археологических материалов в ней во много раз меньше, чем могло бы быть. — А. А.)

Рис. 14. Колонна (верхнее клеймо). Изображение грифона.

Рис. 15. Колонна (нижнее клеймо). Изображение кентавра.

Такой же резьбой покрыты находимые при раскопках пряничные доски; с них узоры переносились на новгородские медовые пряники.

Встречаются деревянные скульптуры. Наиболее интересна скульптурная голова мужчины, найденная в 15-м ярусе, в слое XII в. Лицо продолговатое, бритое, лоб высокий, нос прямой, губы тонкие, выражение лица наглое и язвительное. Эта скульптурная голова находится на тонком

3 Заказ 515

стержне, но нельзя считать ее завершим посоха. Стержень короткий и имеет внизу расширение — постамент. Встречены и другие скульптуры с подобными стержнями и постаментами. Они служили для украшения помещений или были связаны с культом домовых.

Среди изображений животных наиболее ценны две костяные скульптуры; одна из них изображает птицу — филина, другая — рыбу. По определению Новгородского

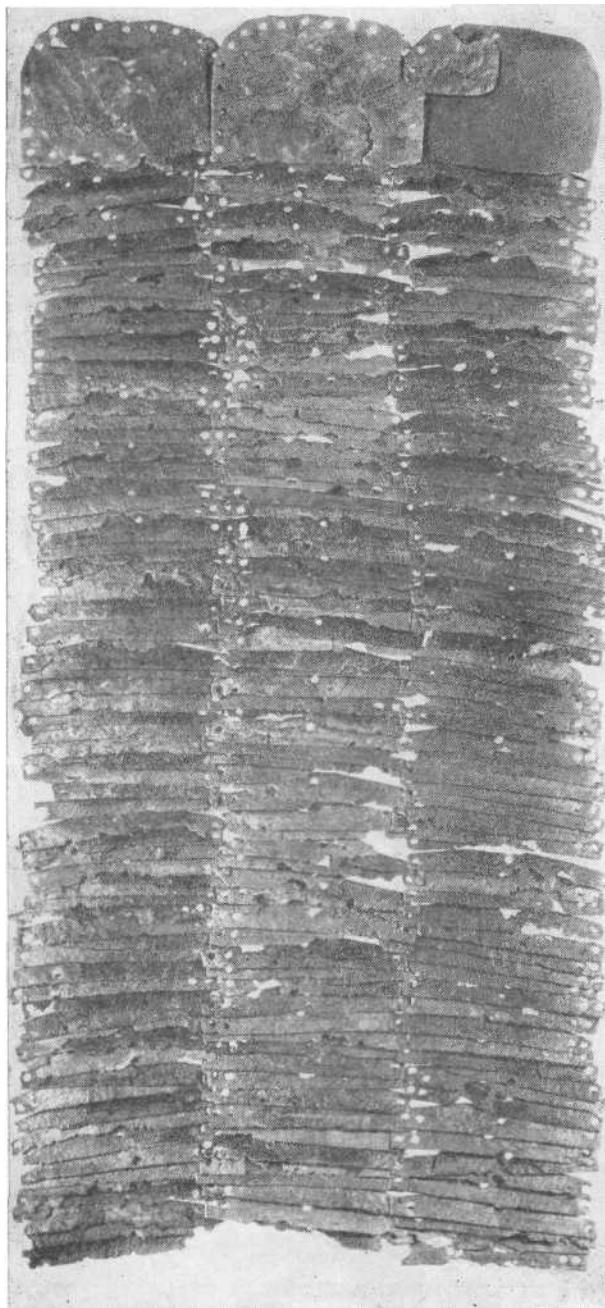

Рис. 16. Броня пластинчатая.

отделения Института рыбного хозяйства, это сиг.

Деревянная колонна, найденная в слое XI в., позволила решить длительный спор

о происхождении Владимиро-суздальских рельефов (рис. 13, 14 и 15) ¹.

Краски в новгородской земле не сохраняются. Их уничтожает та же сырость, которая обеспечивает хорошую сохранность дерева. Можно быть уверенным, что находимые нами узоры, рельефы и скульптуры были в свое время многоцветны, но восстанавливать краски современная наука еще не умеет. Невозможны поэтому и находки икон. Прекрасные новгородские иконы дошли до нас в большом количестве в церковных собраниях.

Изображаемые на иконах одежды и доспехи обычно возводились к ранним византийским оригиналам и для Руси не считались реальными. Археологические находки позволяют пересмотреть эти представления. Особенно важна здесь находка боевого доспеха, еще более существенная, конечно, для истории военного дела. До этой находки на Руси были известны только кольчужные доспехи, появившиеся у нас уже в X в. и всегда широко применявшиеся. В Новгороде куски кольчуг найдены на Ярославовом Дворище и в Неревском конце. Но сверх этого в Неревском конце в 9-м ярусе, в слое XIV в. обнаружен стальной пластинчатый доспех (рис. 16 и 17). Пластинок — около 300, верхняя сторона каждой пластинки прямая, нижняя — дугообразная и частично закрывает следующую пластинку. На пластинках — рельефные полосы и круглые дырочки для скрепления. В точно таких же доспехах изображены воины на некоторых русских иконах. Эти изображения оказались, вопреки ожиданиям, совершенно реальны для Руси.

Некоторые находимые в Новгороде фигурки могли быть связаны с языческими культурами. Так, например, на костяной рельеф с изображением дракона нанесен солнечный знак — круг с девятью радиусами.

В 19-м ярусе, в слое XII в. найдена небольшая металлическая фигурка человека с усами без бороды, в короткой рубахе, упершегося руками в бока (рис. 18). Пьедесталом ему служит столб, который гораздо длиннее самой фигурки. Судя по всем этим признакам, с известной долей вероятности

¹ А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. Вестник Московского университета, 1954, № 4.

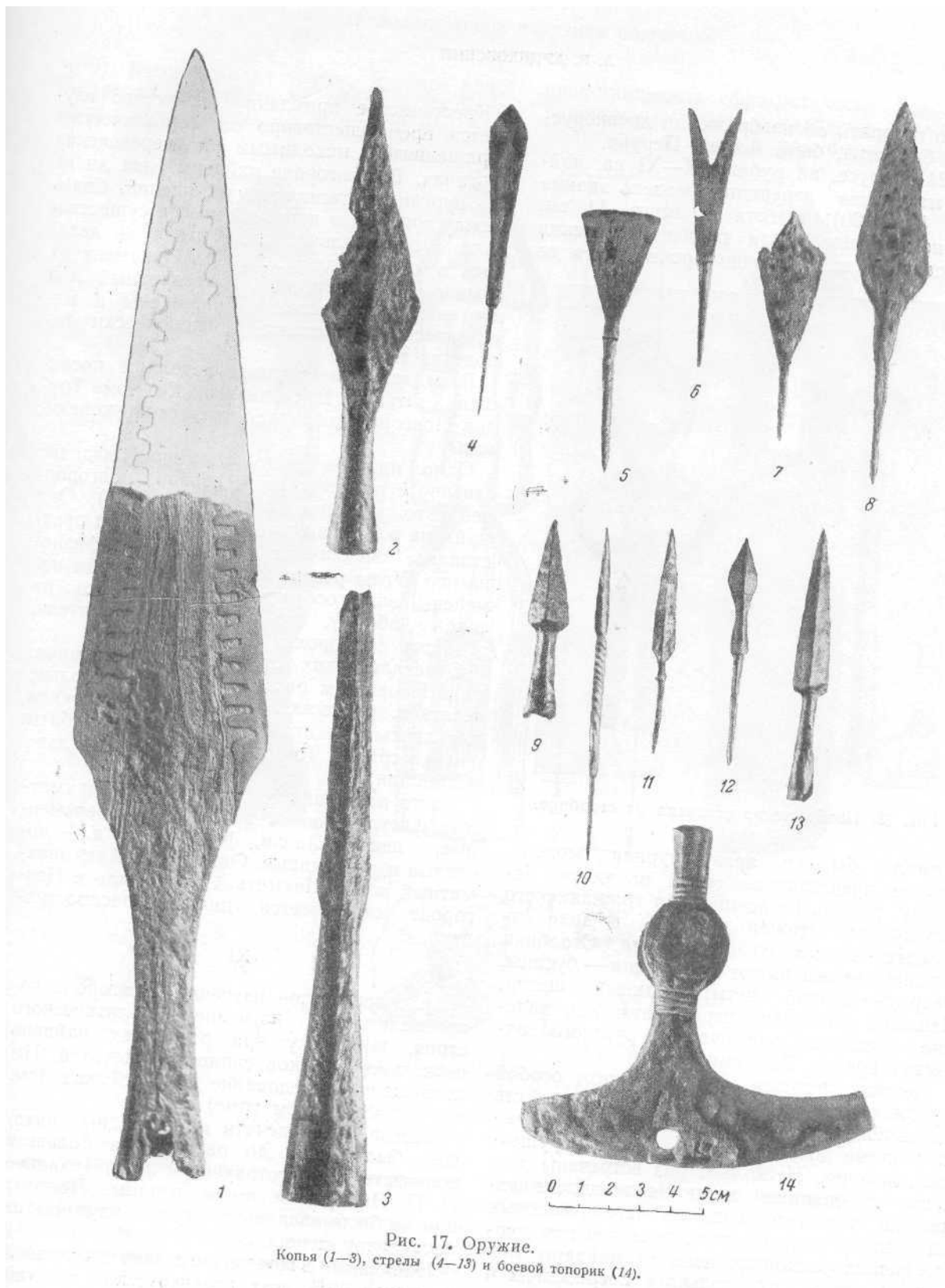

Рис. 17. Оружие.
 Копья (1-3), стрелы (4-13) и боевой топорик (14).

можно говорить об изображении древнерусского божества, быть может, Перуна.

В 24-м ярусе, на рубеже X—XI вв. найдена маленькая деревянная модель здания (рис. 19 и 20). Высота ее всего 11 см. Это не игрушка, — для такого назначения она сделана недостаточно прочно, дети ее

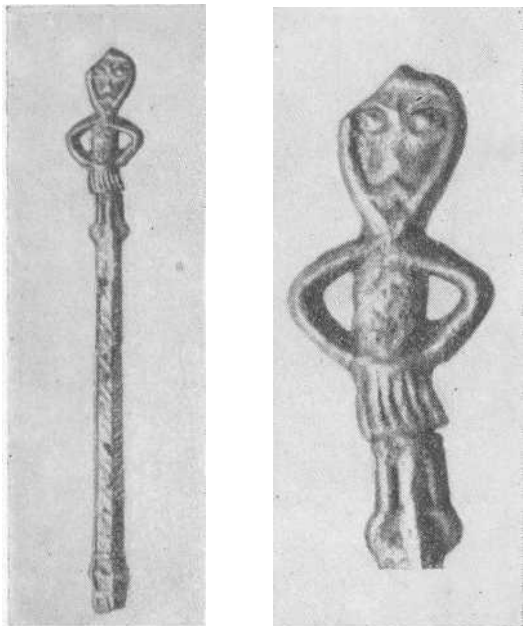

Рис. 18. Изображение человека на столбике.

сломали бы, — а архитектурная модель. Здание представляло собой нарядную башенку, отнюдь не военного, а гражданского назначения. Этажей два, оба в виде открытых беседок со столбиками. Столбики верхнего этажа имеют утолщения — бусины. Вверху — низкий четырехгранный шатер. Башенка появилась перед нами как видение бесследно исчезнувшего русского зодчества времен Владимира I.

Детских игрушек найдено много; особой художественностью они не отличаются. Есть деревянные куклы, большие и малые, выполненные довольно грубо. Много игрушечных лодочек. Несколько раз встречены детские деревянные мечи, являющиеся довольно точными копиями средневековых стальных мечей. Настоящих мечей при новгородских раскопках пока не найдено; они всюду встречаются только в погребениях икладах.

Крестьянское прикладное искусство изучается преимущественно по металлическим украшениям, находимым в деревенских курганах. В Новгороде найдены едва ли не все курганные типы этих украшений. Связь между городом и деревней всегда существовала; в значительной части эти вещи делались в городе для деревни. Орнамент их обычно геометрический, характерный для курганного искусства. Обнаружены и металлические украшения специфически городских типов.

Всем этим ювелирным изделиям посвящена статья М. В. Седовой во 2-м томе Трудов Новгородской археологической экспедиции.

Одно простое художественное изделие связано с развлечениями древних новгородцев. Это кожаная маска (рис. 21). Она найдена в 13-м ярусе, в слое XIII в., и представляет смеющуюся человеческую физиономию. Углы рта высоко подняты, зубы намечены зигзагообразной линией. Судя по такому облику, это не маска грабителя, а маска скомороха.

О развлечениях говорят и кожаные мячи; их в Неревском раскопе найдено несколько десятков, во всех слоях. Мячи служили для лапты или игры вроде хоккея. Набиты они кострикой (отход при обработке льна и конопля).

Часто встречаются во всех слоях шахматные фигурки, очень похожие на современные, — пешки, ладьи, ферзи и т. д., — костяные и деревянные. Один раз найден шахматный конь. Шахматная игра была в Новгороде, оказывается, широко распространена.

XI

Археологическое изучение Новгорода соприкасается с изучением политического строя, поскольку при раскопках найдено несколько десятков свинцовых печатей. Им посвящено исследование В. Л. Янина (см. его статью в этом томе).

Новгородские печати из случайных находок были еще до раскопок в большом количестве подготовлены для издания Н. П. Лихачевым, но не изданы. Поэтому они не были введены в науку и изучение их было затруднено.

Найденные в Новгороде печати составляют не менее 90% всех древнерусских печатей.

В. Л. Янин доказал теперь, что это вовсе не связано с особым их обилием на Городище. Печати обильны в культурном слое

представленных сфрагистически. Есть государственные печати с надписью «Новгорода Великого» и новыми для науки изображе-

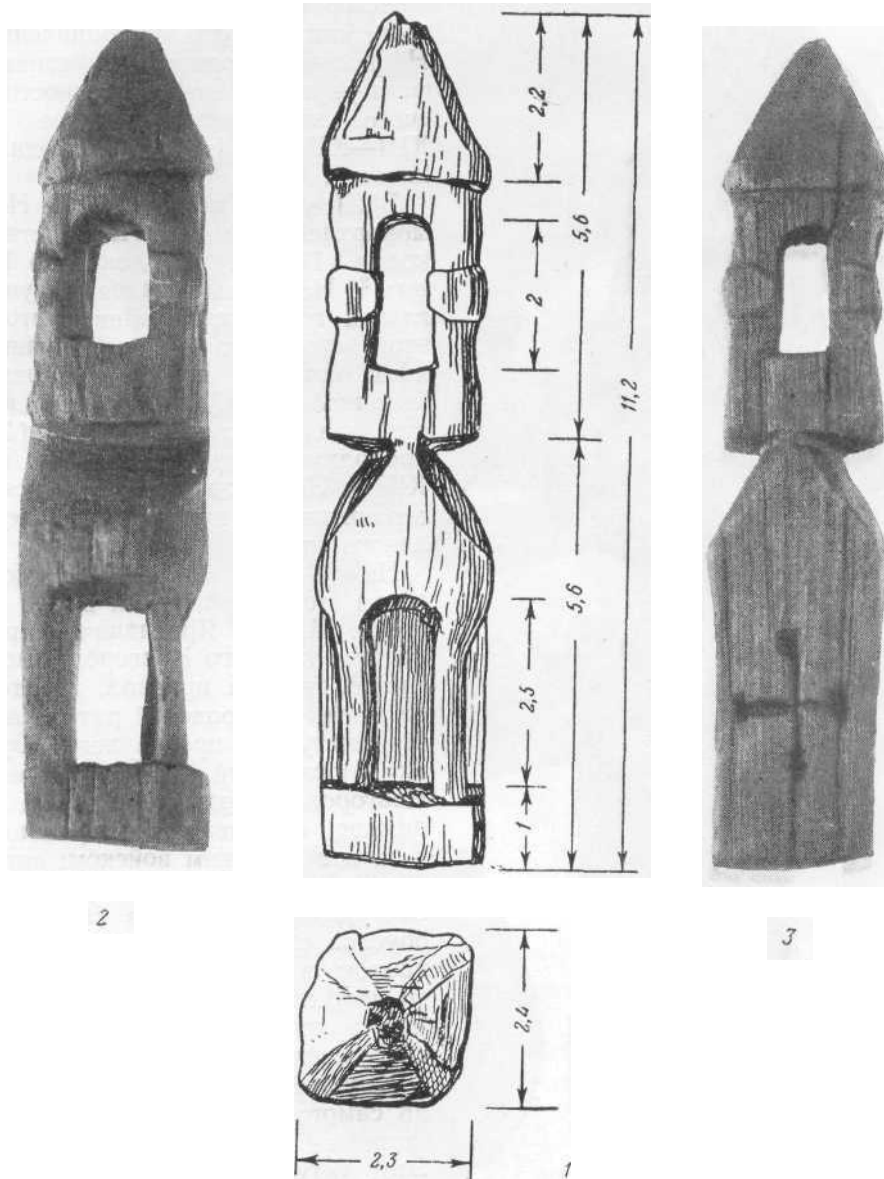

Рис. 19. Модель здания.
1 — вид спереди и сверху; 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади.

самого города, в отличие от других русских городов.

В Неревском конце найдены новые для науки печати некоторых князей и посадников, известных по летописям, но ранее не

встречены. Довольно часты печати архиепископов. Встречены новые печати новгородских тиунов. Эта должность известна только по печатям. Новгородских тиунов нет ни в летописях, ни в актах.

Впервые при раскопках найдена золотая печать. По типу она не отличается от свинцовых. Печать принадлежала одному из

Рис. 20. Модель здания.

князей XII в. Она массивна, в отличие от золотых печатей, сохранившихся в архивах.

В. Л. Янин создал теперь классификацию и хронологию новгородских печатей, чего до сих пор не было. Это имеет, как мне кажется, значение для истории новгород-

ского политического строя. Позволю себе привести в связи с этим ряд общих исторических соображений.

Историки говорят, что в Новгороде всегда были князья, пусть с ограниченной властью. Не получил должного признания важный факт — упразднение должности новгородского князя, происшедшее на рубеже XIII—XIV вв. Мне уже приходилось об этом писать¹.

В XI в. и в начале XII в. Новгород был монархией. Он фактически стал республикой в 1136 г., что доказано Б. Д. Грековым². Но князь остался полуминальным главой государства. Лет полтора после этого существовал строй, лучшим выражением которого являются слова посадника Твердислава: «А вы, братье, в посадничестве и в князех волны есте» (1218 г.). Так продолжалось до конца XIII в. В начале XIV в. Новгород уже обходится без князей, ограничиваясь признанием суверенитета великого князя.

Ни в XIV в., ни в XV в., до самого падения Новгорода, князя в нем не было никогда. Михаил Ярославич Тверской, верховенство которого Новгород вместе со всей Русью сначала признал, не стоял ни разу во главе новгородской рати. Наоборот, рать эта выступала против него. Юрий Данилович Московский был при этом союзником Новгорода. Позднее, когда он сел во Владимире, ему два раза пришлось командовать новгородским войском: сначала против шведов, а затем на Двине (1322—1324 гг.). Это был последний в своем роде случай, обусловленный, впрочем, уже не княжьим правом, а скорее военным союзом. Как бы то ни было, с тех пор в новгородской рати уже никогда не развевались великокняжеские знамена.

Великий князь ни в XIV в., ни в XV в., до самого падения Новгорода, нигде и никогда не называется новгородским князем. Этот титул был установлен только Иваном III в конце XV в.

Новгород признавал великого князя своим верховным феодальным сувереном и

¹ А. В. Арциховский. К истории Новгорода. Исторические записки, вып. 2, 1938..

² Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. Ученые записки Института истории, т. IV, 1929.

Рис. 21. Маска (1) и мячи (2—4).

принимал его наместника, т. е., по существу, посла. Ни одна средневековая республика не обходилась без такого суверена. Подобным образом города Германии и Италии признавали императора Священной Римской империи, магометанские республики Испании признавали халифа и т. д.

Необходимо отметить, что феодальный суверенитет великого князя признавался в Новгороде непрерывно с XI в. Это не мешало в XI, XII и XIII вв. существованию особых новгородских князей. В XIV и XV вв. этих князей не было, и не их наследниками являлись для Новгорода великие князья московские, а наследниками великих князей киевских и владимирских.

Все новгородские государственные акты подтверждают упразднение княжеской должности в Новгороде в начале XIV в.¹

Показательны, вследствие их обилия, акты сношений с Западом — с ганзейцами, ливонцами, шведами, норвежцами и литовцами. От 1189—1302 гг. дошло 7 таких актов; все они написаны от имени князя, посадника, тысяцкого и всего Новгорода. От 1303—1466 гг. сохранилось 30 актов, написанных от имени посадника, тысяцкого и всего Новгорода. О князе или его наместнике там речи нет. Владыка обычно упоминается, но не всегда.

К этому времени относятся всего два акта, где перед именем посадника — имя великого князя (договоры 1323 и 1421 гг.). Оба эти договора заключены, по существу, не только Новгородом, но и Москвой. В проекте договора 1420 г. упомянут живший в Новгороде брат великого князя.

Наконец, от XIV в. дошли 4 акта, где рядом с именем посадника и тысяцкого стоит имя великокняжеского наместника. От XV в. таких актов нет.

Грамоты новгородского правительства по внутренним делам дошли до нас от XV в.; их всего шесть, пять из них вечевые. Все 6 грамот написаны от имени посадника, тысяцкого и всего Новгорода.

Вопреки утверждениям многих историков, новгородским войском командовали не князья, а посадники. Летописных известий об этом множество.

Утверждение об отсутствии князя в Новгороде в XIV и XV вв. нельзя опровергать

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.

ссылками на отдельных Рюриковичей и Гедиминовичей, состоявших время от времени в новгородской рати (обычно на вторых должностях). Эти служебные князья служили Великому Новгороду на тех же правах, на каких их собратья служили великим князьям.

Упомянутый в двух договорах 1448 г. с ливонцами князь Александр Васильевич приехал «на Нарову реку» для переговоров, как представитель посадника и тысяцкого. Этим подчеркнута его служебная роль.

Иногда великокняжескими наместниками в Новгороде были лица княжеского сана. От нетитулованных наместников они ничем не отличались. Наместник проживал на Городище на правах дипломатического представителя. Его недостаточную влияние давно показал А. И. Никитский на любопытном примере 1331 г. «Княжеский наместник, — говорит он, — играл второстепенную роль, что нетрудно усмотреть из размера подарков, предложенных в одном случае немцами: в то время как на долю наместника выпало пять гривен, посадник получил десять; да он не удовольствовался и десятью гривнами, а потребовал двадцати, да сверх того еще двух фиолетовых платьев, на что немцы и принуждены были согласиться»¹.

Новгород XIV и XV вв., как правило, в глаза не видал того человека, которого историки считают новгородским князем. Выше уже говорилось, что последним великим князем, сравнительно подолгу гостившим на Волхове, был Юрий Данилович. Александр Михайлович не был в Новгороде вовсе. Иван Данилович был два раза, в 1329 и 1335 гг., оба раза недолго — с весны до лета. Семен Иванович был один раз — зимой 1346 г., три недели. После этого Новгород 88 лет не принимал подобных гостей. Не были в нем ни Иван Иванович, ни Дмитрий Иванович, ни Василий Дмитриевич. В 1434 г. княжеская усобица загнала, наконец, в Новгород князя, изгнанного из Москвы: «В лето 6942 князь Юрьи Дмитриевич взя град Москву, и сяде на великом княженьи. Того же лета, в весне, прииха князь великой Василий Васильевич

¹ А. И. Никитский. Очерки из жизни Великого Новгорода. Журнал Министерства народного просвещения, 1869, № 10, стр. 298, 299.

в Новгород, на святой недели, апреля в 1»¹. Он не пробыл и месяца и 26 апреля выехал обратно в Москву. Второй раз он был в Новгороде в 1460 г. — пять недель. Иван Ш до своей Шелонской победы в Новгороде не был.

На этом вопросе пришлось подробно остановиться, поскольку среди историков укоренились представления, будто княжеская власть, хотя и урезанная, в Новгороде всегда существовала. Так полагали выдающиеся историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, знаток Новгорода И. Д. Беляев, в XX в. — Н. А. Рожков, М. Н. Покровский и многие другие.

Доньше во всех учебниках, учебных пособиях и других изданиях повторяются эти утверждения, противоречащие всем источникам.

На новгородских монетах, как мне приходилось писать², изображен не князь, а олицетворение Новгорода, София. На них надпись: «Великого Новагорода», на монетах княжеств — всегда имена князей.

Теперь, когда новгородские печати, наконец, систематизированы и доступны для изучения, они встали в ряд доказательств по рассматриваемому в этой главе вопросу. Я пользуюсь не только печатями, найденными при раскопках, но и многочисленными случайными находками, хранящимися в музеях. Однако раскопочные находки важны, поскольку они связаны со стратиграфической хронологией.

Печати XI—XII вв. — все княжеские, не считая архиепископских, в это время немногочисленных. Ограничение княжеской власти в 1136 г. не сразу отразилось в сфрагистике, поскольку государство, хотя и номинально, возглавлялось князем. Русские княжеские печати XI—XII вв. известны преимущественно по новгородским находкам. Почти все они именами тезоименитых святых связываются с теми Рюриковичами, которые, по словам летописи, княжили в Новгороде.

В XIII в., наряду с княжескими печатями, появляются, — хотя и редкие, — печати лиц, не имеющих княжеского звания. Это, очевидно, государственные деятели, поскольку

¹ НЛ1, стр. 417.

² А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Известия Академии наук СССР, серия истории и философии, 1948, № 1.

все печати имели государственное значение. Не позже середины XIII в. появились печати новгородских тиунов, судя по стратиграфии двух находок.

В XIV и XV вв., в полном соответствии со всем изложенным, новгородских княжеских печатей нет вовсе. Изредка встречаются в Новгороде печати московских великих князей, ничем не отличающиеся от находимых в Москве. Они попадали в Новгород с московскими грамотами. То же можно сказать о печатях тверских князей, встречаемых совсем редко.

Зато от XIV и XV вв. дошло до нас много печатей новгородских посадников, тысяцких, архиепископов, тиунов, владычных наместников и отдельных бояр, занимавших, очевидно, государственные должности. Все это очень показательно. Встречаемые часто печати новоторжских наместников принадлежат, как доказал В. Л. Янин, владычным наместникам¹. Это устанавливается и для ладожских наместников². В XV в. существуют печати пяти новгородских концов³. К XV в. относятся и государственные печати республики. На них надпись: «Печать Новгородская» или «Печать Великого Новгорода».

Печатей великокняжеских наместников нет. Только во второй половине XV в. появились печати великокняжеских тиунов, прикладывавшиеся к новгородским грамотам на основе Яжелбицкого договора 1456 г. Наконец, вовсе неизвестны печати князей, живших в Новгороде на службе в XIV—XV вв. Это подтверждает, что они ни в какой мере не были новгородскими князьями.

Печати, подобно летописям, грамотам и монетам, доказывают, что политический строй Новгорода XIV в. и первой половины XV в. был чисто республиканским.

XII

В заключение надо рассмотреть вопрос о возникновении Новгорода.

¹ В. Л. Янин. Печати новоторжских наместников. СА, XIX, 1954.

² В. Л. Янин. Печати ладожских наместников. КСИИМК, 52, 1953.

³ А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. Исторические записки, вып. 16, 1945.

Как выше говорилось, только в Неревском раскопе удалось обнаружить толстый и богатый находками слой X в. На Славне, на Дворище и в Детинце слой этого века тонок и беден находками.

Но и в Неревском раскопе древнейшие наслоения относятся лишь к началу X в. Это хорошо доказано в статье Б. А. Колчина, помещенной в настоящем томе.

Неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX в. или более раннее. В городе еще много нераскопанных участков. Но одно ясно: города в IX в. еще не было. На нераскопанных участках ему просто негде поместиться. Могло быть небольшое поселение.

На Ярославовом Дворище в 1948 г. обнаружено небольшое наслоение IX в.¹ Но площадь его измеряется несколькими метрами. Это следы не города, а одного дома, притом не сохранившегося.

Итак, раскопки доказали, что Новгород возник в начале X в. Это сравнительно поздно. Псков в летописях называется «младшим братом» Новгорода. Но младший брат был гораздо старше своего старшего брата. Раскопки в Пскове доказали, что он возник около I в. и стал городом не позже VIII в.

Новгород называют древнейшим русским городом. Это древнейший русский большой город, это колыбель русской государственности и культуры. Но некоторые русские города были старше него.

Археологически объяснено теперь имя города, всегда казавшееся странным. Подобно Карфагену и Неаполю, древний город на Волхове называется «новым городом». Но по отношению к какому более раннему центру был он когда-то нов?

М. К. Каргер, ссылаясь на свои раскопки 1934 г., считает, что старый город был в 2 км выше по Волхову, на Городище. Как выше говорилось, раскопки М. К. Каргера открыли на мысу у Городища три слоя. Средний слой, содержащий грубую лепную керамику, он датирует IX—X вв. М. К. Каргер пишет: «У села Рюриково городище было открыто поселение IX—X вв. Вероятно, в конце X или в начале XI в. город был перенесен на теперешнее место

и стал называться Новым по отношению к оставленному Рюрикову городищу»¹.

Это совершенно невероятно. Средний слой обнаружен не на самом Городище, а на мысу у его подножия. Территория этого мыса ничтожна и измеряется десятками метров. О городе, да еще о предшественнике Новгорода, говорить не приходится. На самой территории Городища М. К. Каргер в том же 1934 г. раскопал два участка (второй и третий), но обнаруженные слои дали лишь «аналогичный первому слою первого участка инвентарь» (т. е., по дате М. К. Каргера, XII—XV вв.). Как он сам пишет, «никаких следов более древних слоев не установлено»².

Надо также сказать, что дата IX—X вв. для среднего слоя, открытого на мысу, неверна. Встречающаяся там в большом количестве грубая лепная керамика баночной формы, несомненно, относится к более древнему времени. Последующие раскопки убедительно доказали, что с самого начала X в. в Новгороде почти вся керамика была изготовлена на гончарном круге. Такое господство круга позволяет не сомневаться, что он здесь был широко распространен уже в IX в. Мало того, славянская лепная керамика VIII—IX вв. всюду, в том числе на Волхове (см., например, материалы археологических раскопок в Старой Ладобе), достаточно профилирована. Баночные формы явно древнее.

Таким образом, существование раннего города на Городище невозможно. Существование там небольшой первобытной крепости возможно. Термин «городище» на всей территории, занимаемой русским народом, обозначает места старинных крепостей. Этот термин в летописи применяется к данной местности с XII в. Странно только, что никаких находок древнее XII в. на самом Городище пока нет.

Где же был старый город? Некоторые помещают его в Старой Руссе. Главным основанием является имя этого города. Надо сказать, впрочем, что эпитет «Старая» появился поздно. Летописи знают просто Русу. Впрочем, и это имя звучит достаточно

¹ История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 201.

² Археологические исследования в РСФСР. М.—Л., 1941, стр. 21, 22.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 8.

значительно. Раскопки в Старой Руссе были пока небольшие. Ранний, долетописный слой там уже обнаружен¹, но вопрос о времени возникновения города могут решить только большие раскопки.

Наиболее основательным претендентом на звание старого города является Старая Ладога, расположенная в низовьях Волхова. Раскопки доказали, что она возникла не позже VII в. и не позже IX в. стала настоящим городом, ремесленно-торговым². Все найденные там сооружения и вещи укладываются в общие эволюционные ряды с новгородскими сооружениями и вещами. В начале X в. центр передвинулся, повидимому, с низовьев Волхова на верховья. Но Ладога всегда была маленьким

городком, а Новгород с самого начала стал большим городом.

Слой начала X в. обнаружен в Новгороде только в Неревском раскопе. И вот на самом дне раскопа, ниже древнейших слоев, найдено любопытное жертвоприношение. В яме, вырытой в материке до того, как образовался культурный слой, лежали девять деревянных чаш разных размеров, некоторые с красивыми узорами. Семь из них были расположены в виде правильного полукруга, две находились в центре полукруга. Тут же лежали два больших куска воска. Чаши были положены на ребро с таким расчетом, чтобы их содержимое вылилось, и затем яма была засыпана. До первого поселения на этом месте, когда Новгорода еще не было, девять дворохозяев (вероятно, главы больших семей) совершили жертвоприношение. Повидимому, это произошло перед тем, как они здесь поселились.

¹ А. А. Строков. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. Новгородский исторический сборник, вып. 7. Новгород, 1940.

² С. Н. Орлов. Старая Ладога. Л., 1949.

Б. А. Колчин

ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ
НЕРЕВСКОГО РАСКОПА

Археологические раскопки в Неревском конце Великого Новгорода дали исторической науке не только массу новых письменных и вещественных источников по истории древнего города, но и позволили создать основу для хронологии многих видов русских древностей¹. Хорошая сохранность дерева в Новгороде открыла перед археологами целый мир неизвестных для науки вещей и дала возможность четко разделить мощный культурный слой на отдельные хронологически последовательные слои—ярусы.

Неревский раскоп был расположен в Новгороде на Софийской стороне, на территории Неревского конца. Раскоп находился в центре города на огромном пустыре городского квартала между современными улицами Дмитриевской, Декабристов и Садовой. Этот квартал до Великой Отечественной войны занимали больничные здания с большим внутренним садом (рис. 1). Основная площадь раскопа приходилась на территорию сада, в силу чего на большей части раскопа не было поздних значительных перекопов, а мелкие перекопы XIX—XX в. потревожили культурный слой незначительно и глубже уровня XVI в. не уходили.

Работы на Неревском раскопе не окончены (они будут продолжаться еще 2—3 года), и поэтому в настоящем очерке

¹ Предварительные данные по хронологии и стратиграфии Неревского раскопа приведены в работах: А. В. Арциховский. Стратиграфическая датировка грамот и надписей в кн. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 51; А. В. Арциховский. Раскопки 1951 года в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 342.

мы публикуем и исследуем лишь материалы с раскопов, вскрытых до материка. Общая площадь раскопа, вскрытая до материка в течение 1951—1954 гг., составляла 3396 кв. м. Она слагалась из тринадцати последовательно вскрытых малых раскопов, которые располагались по линии протяжения открытых на раскопе древних улиц (рис. 2). Раскопы НА (квадраты 1—41) и НЯ (квадраты 42—90) вскрыты в 1951 г., раскопы I (квадраты 91—170), II (квадраты 171—270), III (квадраты 271—320), IV (квадраты 321—370), V (квадраты 371—420) и VI (квадраты 421—470) вскрыты в 1952—1953 гг., раскопы VII (квадраты 471—570), VIII (квадраты 571—620), IX (квадраты 621—710), X (квадраты 711—794) и XI (квадраты 795—854) — в 1953—1954 гг.

Наибольшая протяженность раскопа по линии север—юг составляла 104 м, а по линии восток—запад 70 м. Северо-восточный угол раскопа почти примыкал к перекрестку улицы Декабристов и Дмитриевской. От улицы Декабристов угол раскопа отстоял на 6 м, а от Дмитриевской — на 4 м. Раскоп был ориентирован строго по странам света и разделен на квадраты размером 2 X 2 м (рис. 3).

Культурный слой вскрывался по пластам, т. е. срезались горизонтальные слои земли, из которых каждому придавалась толщина 20 см. Тут же одновременно велась фиксация по ярусам. Следует заметить, что горизонтальные пласты не совпадали по залеганию с теми или иными слоями ярусов. Дело в том, что как современный, так и древний

Рис. 1. Вид с востока на территорию раскопок.
Справа — раскопы X и XI, в центре—уже засыпанные раскопы НА, НЯ, I—VI, слева — начатые в 1954 году раскопы XII—XIV,
слева на заднем плане виден котлован раскопов VII — IX, частично уже засыпанных.

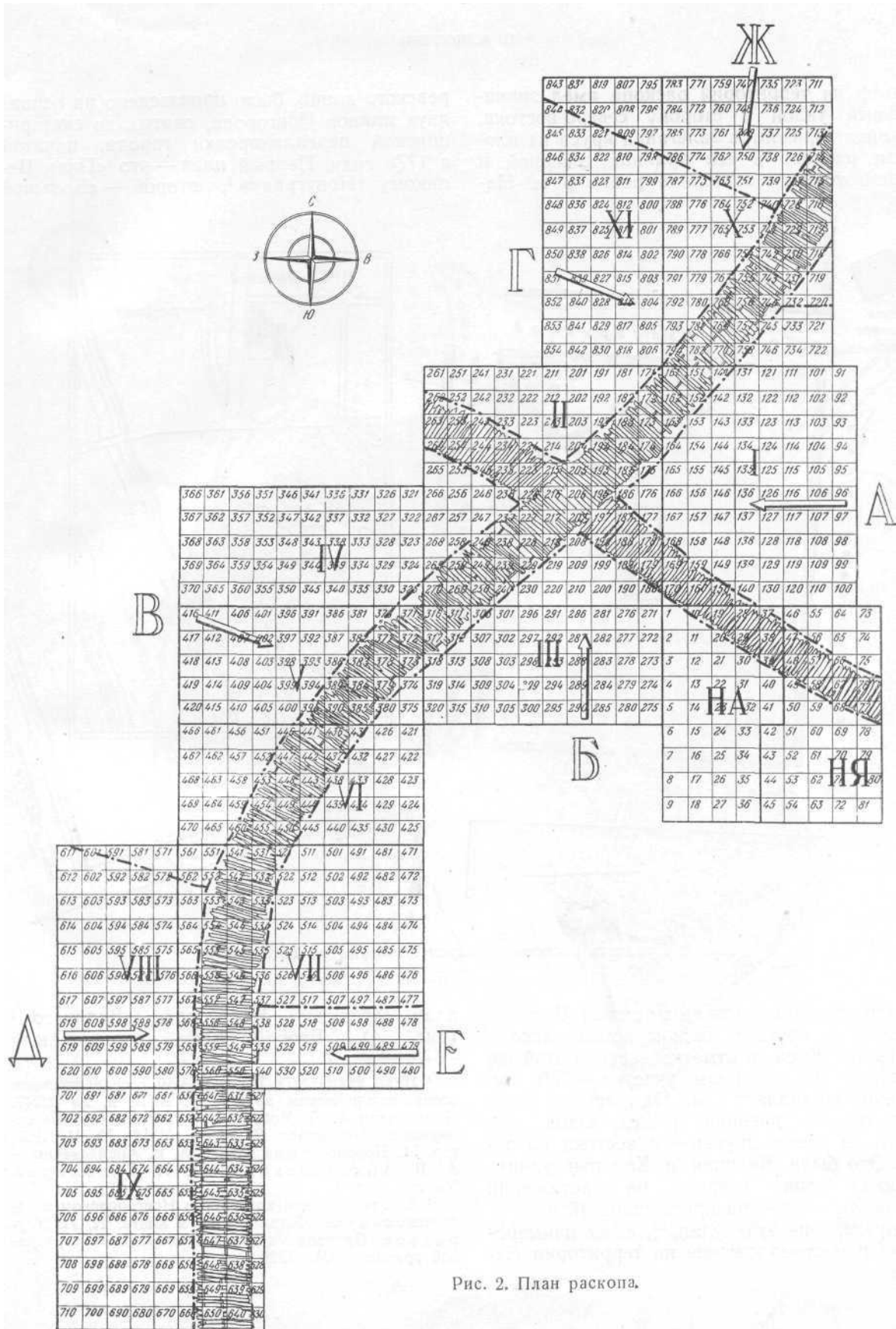

Рис. 2. План раскопа.

рельеф на территории раскопа имел значительный уклон в сторону северо-востока, Разница горизонтов залегания яруса на площади раскопа в его крайних северной и южной точках составляла ровно 3 м. На-

ревского конца, было произведено на основе двух планов Новгорода, снятых до екатерининской перепланировки города, начатой в 1778 году. Первый план — это «План Великому Новуграду»¹, второй — «Большой

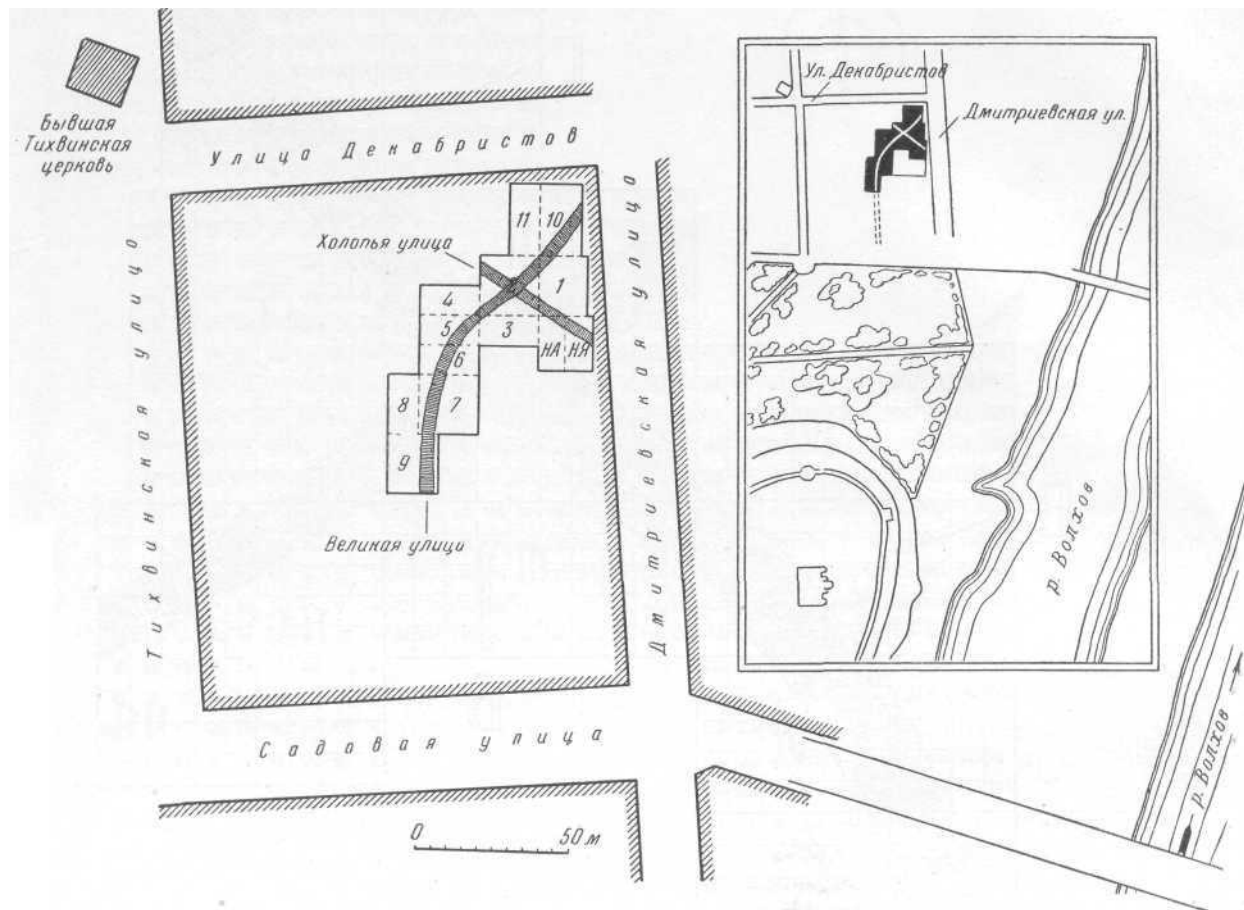

Рис. 3. Привязка раскопа к современным улицам Новгорода.

пример, отметка настила мостовой Великой улицы 7-го яруса в южном конце раскопа равнялась 30 см, а отметка настила этой же мостовой на северном участке — 330 см. Разница составляет 3 м. На раскопе были вскрыты две древние улицы. Одна шла с юга на север, другая — с востока на запад. Это были Великая и Холопя улицы. Великая улица вскрыта на протяжении 113 м, Холопя — на протяжении 46 м.

Определение этих улиц, т. е. их наименование и местоположение на территории Не-

план древняго Новгорода Великаго»² (рис. 4). Второй план, составленный

¹ План хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве, ф. ВУА, д. № 22247. План издан А. Л. Монгайтом — Оборонительные сооружения Новгорода Великаго. МИА, № 31, 1952, стр. 51. Прорись плана издана А. В. Арциховским — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 4.

² Оригинал плана хранится в Новгородском историческом музее. План издан в книге: Н. Н. Муравьев. Описание древней новгородской серебряной гривны... М., 1826.

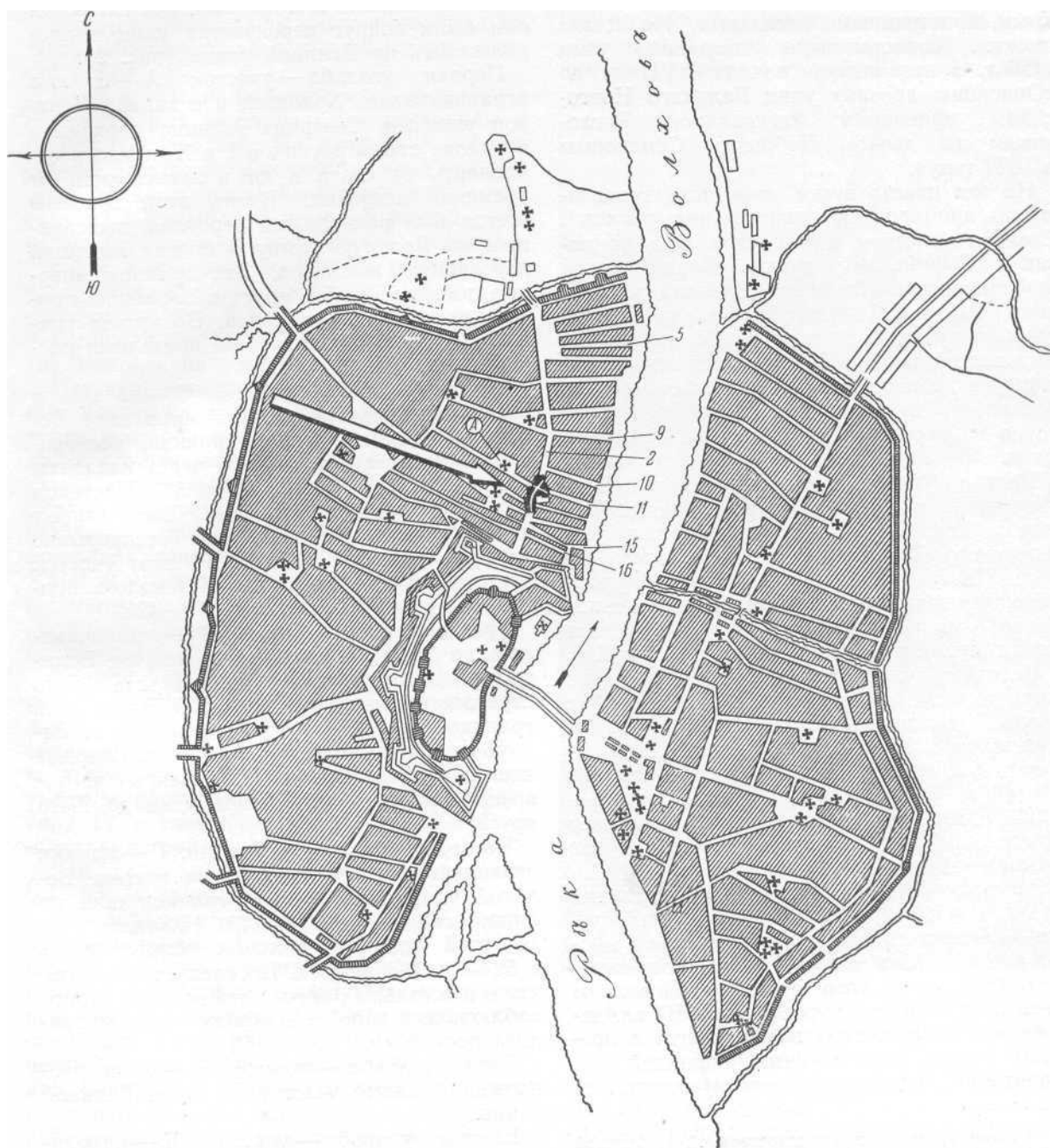

Рис. 4. Древний план Новгорода (доекатерининская планировка)
Улицы 2 — Великая; 5 — Дослань; 9 — Яковлева; 10 — Боркова; 11 — Холопя; 15 — Малая Козмодемьянская
16 — Большая Козмодемьянская. (Нумерация улиц дана по плану, изданному в 1826 г.).

в 1826 г., являлся копией плана 1756 г.¹ с небольшими уточнениями в деталях и подробными, пространственными легендами. На плане имеется сопоставление названий улиц 1756 г. с названиями начала XVII в. по «Описанию древних улиц Великого Новгорода, учиненному Александром Чоглоковым да дьяком Добрынею Семеновым в 1623 году».

На эти планы путем точнейших геодезических промеров был нанесен наш раскоп². Следует заметить, что раскоп был привязан к Софийскому собору, Владимирской и Федоровской башням Кремля, к церквям Дмитрия Солунского, Федора Стратилата на ручье, Бориса и Глеба и бывшей Тихвинской церкви. Когда через эти ориентиры на древние планы был наложен наш раскоп, то в обоих случаях он пришелся точно на пересечение Великой и Холопьевой улиц.

Великая улица, идущая параллельно Волхову, пересекала весь Неревский конец. Она шла от Владимирской проезжей башни Новгородского Детинца до стен окольного города. Первое упоминание о Великой улице в Новгородских летописях сохранилось лишь от 1477 г., но, как мы ниже увидим, эта улица существовала, уже начиная с X в.

Великую улицу пересекали несколько улиц, идущих от берега Волхова на запад к стенам окольного города. Одной из таких улиц была и Холопья. 3-я Новгородская летопись упоминает Холопью улицу, начиная с 1146 г., а 1-я Новгородская летопись — с 1271 г. В обоих случаях летопись сообщает о постройке на Холопьевой улице церкви Кузьмы и Демьяна.

Застройка Великой и Холопьевой улиц, начиная с основания города (в данном случае — описываемого района), в течение многих веков до XV в. включительно (возможно, и позднее, но об этом судить мы не можем из-за отсутствия в слоях XVI—XVIII вв. деревянных сооружений) велась всегда в пределах строго определенных площадей. На территории Неревского раскопа находилось

8 таких усадеб-участков, всегда огороженных массивными частоколами. Расположены они были вокруг перекрестка улиц и продолжались по Великой улице (рис. 2).

Первая усадьба — участок А — с юга ограничивалась Холопьевой и с запада Великой улицами. Северная граница проходила в районе стыка раскопов I и X, немного отклоняясь на север и юг в зависимости от времени застройки. Вдоль этой границы всегда был расположен переулок, выходящий на Великую улицу и иногда имевший деревянную мостовую. Эта граница впервые появилась в 5-м ярусе и постоянно продолжалась до 28-го яруса. Восточная граница участка находилась за пределами раскопа.

Вторая усадьба — участок Б — на севере ограничивалась Холопьевой и на западе Великой улицами. Южная граница, постоянная во все века, проходила через квадраты 477, 487, 497, 507, 517, 527 и 537. Частокол на этой границе впервые был вскрыт в 5-м ярусе и продолжался беспрерывно до 27-го яруса. В X и XI вв. этот участок делился на две половины частоколом, проходившим через квадраты 443—425.

Третья усадьба — участок В — ограничивалась на севере Холопьевой и на востоке Великой улицами. Южная граница шла очень строго через квадраты 601—553. Вдоль этой границы севернее проходил переулок от Великой улицы. Он иногда мостился. Впервые частокол этой границы был вскрыт в 5-м ярусе и продолжался непрерывно до 27-го яруса.

Четвертая усадьба — участок Г — на юге ограничивалась Холопьевой и на востоке Великой улицами. Северная граница шла по линии квадратов 844—740. Находившийся на этой границе частокол вскрыт лишь в 5, 14 и 23-м ярусах. Но следует заметить, что и в остальных ярусах эта граница строго соблюдалась и по ней всегда ориентировались постройки.

Пятая усадьба — участок Д — была расположена южнее участка В, вдоль Великой улицы.

Шестая усадьба — участок Е — находилась южнее участка Б и имела направление вдоль Великой улицы.

Седьмая усадьба — участок Ж — располагалась севернее участка Г, вдоль Великой улицы.

¹ План хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, собрание карт и планов, № 354. План издан Л. М. Тверским — Русское градостроительство до конца XVII века. М., 1953, стр. 160.

² Геодезические промеры производил сотрудник экспедиции М. Н. Кислов.

Восьмая усадьба — участок 3 — находилась севернее участка А. На этом участке в раскопе попала крайне незначительная площадь, поэтому была встречена только одна постройка.

Итак, в течение более пяти веков границы перечисленных участков были постоянны и строго соблюдались. Ни разу не встречено случая нарушения или уничтожения той или иной границы постройкой какого-либо сооружения. Кроме того, и внутри усадеб очень часто соблюдалось постоянство места застройки основными жилыми и служебными сооружениями (см. ниже, например, застройка участка Д в 7, 8 и 9-м ярусах или в 10, 11, 12, 13, 14 и 15-м ярусах и ряд других застроек на усадьбах А, В, Г, Ж).

Изучение топографии Неревского раскопа показывает не только стабильность планировки новгородских улиц и городских кварталов с основания города, но и вековые традиции в планировке и застройке отдельных усадеб. Это позволит подойти научно к составлению древних планов Новгорода на основании существующих нескольких планов XVIII в., сопоставляя их с обширными известиями по топографии города, сохранившимися в Новгородских летописях и иных источниках.

Культурный слой Неревского раскопа имел мощность напластований в среднем около 6,6 м, доходя в некоторых местах раскопа до 7,4 м и уменьшаясь до 5,2 м. Повышение материка наблюдалось в западных участках раскопа, а именно на западе раскопа IV и северо-западе раскопа XI. Толщина культурного слоя по линии Великой улицы на всем раскопе была в пределах 6,4—6,8 м (рис. 5).

Основой стратиграфии культурного слоя в Неревском раскопе является ярус. В условиях Новгорода ярус представляет совокупность хронологически связанных между собой уличных мостовых, жилищ и иных сооружений, массы разнообразных археологических находок, собранных в этих постройках или рядом с ними, и всего того, что перекрыто поздним ярусом, т. е. его кровлей, и лежит выше нижнего яруса, т. е. его постели. Само понятие и термин «строительный ярус» были установлены А. В. Арциховским в Новгороде в 1951 г.

Основой яруса явилась деревянная мостовая Великой улицы. По мере роста культур-

ного слоя время от времени требовалось уровень мостовой поднимать, для чего на старую мостовую настилали новую. За шесть с половиной веков в Новгороде 28 раз поднимали уровень мостовой Великой улицы,

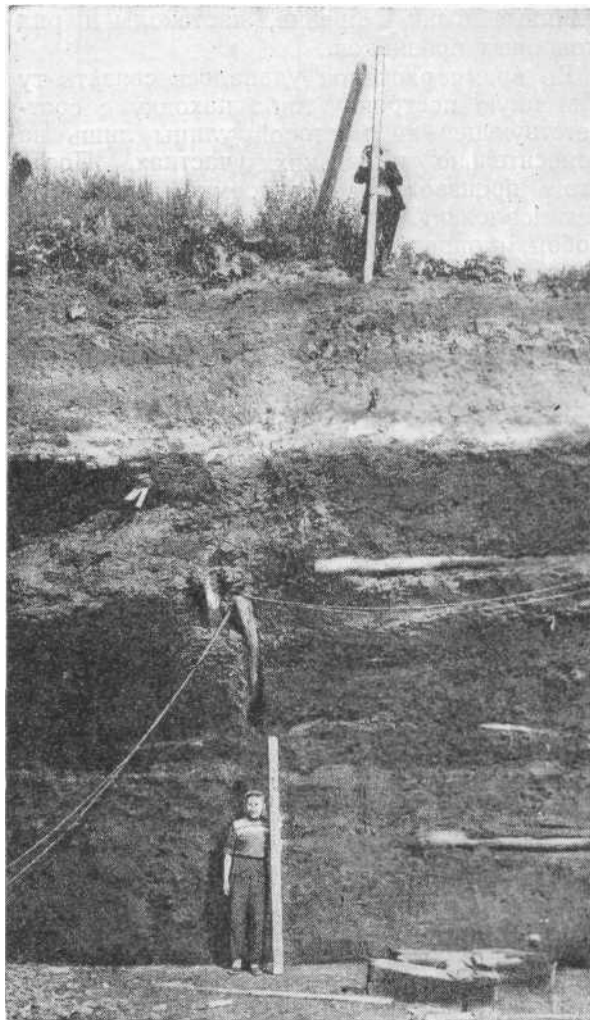

Рис. 5. Восточный профиль раскопа VII. Толщина культурного слоя 6,5 м.

т. е. последовательно уложили 28 мостовых, одна на другую.

Основанием для привязки построек или находок к какой-либо мостовой, т. е. установления факта их одновременного существования, являлись прежде всего многочисленные пожарные, строительные или иные прослойки, которые перекрывали

одновременно и мостовые, и постройки. Кроме того, такую связь позволяли устанавливать и сами вскрытые в большом количестве деревянные постройки, дворовые настилы, часто связанные непосредственно с мостовыми улиц, и отдельно лежащие длинные доски и бревна, частоколы и ряд подобных признаков.

Во время раскопок удавалось связать ту или иную постройку либо находку с соответствующей ей мостовой улицы лишь на относительно маленьких участках. После этого производилась трудоемкая работа по установлению связи этих участков между собой и определению залегания археологических находок в слоях тех или иных ярусов. Для этого потребовалось составление специальных переводных таблиц¹, с помощью которых все находки, собранные по пластам, привязывались к ярусам.

Изучение топографии и стратиграфии Неревского раскопа исторически более целесообразно было бы начать с древних ярусов, т. е. с 28-го, и идти выше. Но нам необходимо для хронологии прежде всего четко проследить стратиграфию ярусов, а следовательно, выделить пожарные и строительные прослойки, перекрывающие те или иные ярусы, и рассмотреть топографию того или иного яруса не со времени постройки сооружений, а с момента их разрушения, устанавливая причину гибели. Поэтому более удобно рассмотрение стратиграфии культурного слоя в порядке его вскрытия, т. е. с 1-го яруса и ниже.

Начиная изучение топографии и стратиграфии ярусов с верхнего 1-го яруса, необходимо заметить, что в верхних пластах на некоторых раскопах (I и VII) были вскрыты следы (в виде коричневой трухи) двух вышележащих настилов Великой улицы. В документации экспедиции они получили нумерацию 0 и 00. Так как эти незначительные остатки мостовых не связывались с другими постройками из-за отсутствия последних, мы начинаем стратиграфию Неревского раскопа с 1-го яруса, но наличие остатков мостовых 0 и 00 позволяет говорить о том, что и в более позднее время (чем время 1-го яруса), т. е. в XVII и XVIII вв., Великая улица мостилась.

¹ Том таких таблиц хранится в научном архиве Новгородской экспедиции при лаборатории ИИМК.

При рассмотрении топографии ярусов мы определяли местоположение, тех или иных построек, их характер и связь с археологическими находками. Описание типа, конструкции и деталей жилища и иных построек в план нашего изложения не входило. Данная тема является предметом особого исследования.

В основу нашего изложения легла полевая документация Новгородской экспедиции в виде отчетов, представленных в полевой комитет ИИМК¹, а также многочисленных полевых дневников, чертежей и фотографий, хранящихся в архиве Новгородской экспедиции при лаборатории ИИМК.

1-й ярус (рис. 6). От мостовых Великой и Холопьевой улиц сохранились лишь отдельные участки плах и лаг в очень плохом состоянии. Следует заметить, что все дерево, как и все органические вещества в слоях 1 и 2-го ярусов сгнили и до нас дошли в виде коричневой трухи или расплюснутых гнилушек.

Участок А. У перекрестка расположены остатки сруба 1А. Все бревна сильно расплюснуты. Размер сруба — 4X3,2 м.

Участок Б. У самого перекрестка стоит развал сруба 1Е. Удалось проследить только длину сруба; она равна 4,5 м. Восточнее этого сруба находится сруб 1Ж; размер его — 3,4 X3,1 м.

Участок В. На углу стоит сгнивший сруб 1Р размером 4 X 3,2 м.

Участок Г. У самого угла находится сруб 1Ш очень плохой сохранности. Размер сруба — 3,5 X 4 м.

По всей площади раскопа на уровне 1-го яруса имеются перекопы XIX—XX вв. в виде водопроводных канав, погребов, известковых творил, смотровых колодцев и просто ям.

2-й ярус (рис. 7). От мостовой Великой улицы остались также лишь отдельные участки плах и лаг. Сохранность дерева все еще очень плохая. Кроме того, мостовая, как и другие сооружения, во многих местах разрушена поздними ямами, погребями и канавами. Ширина мостовой — около 5 м. Мостовая Холопьевой улицы сохранилась в таком же состоянии; ее ширина — 4 м.

¹ А. В. Арциховский и Б. А. Колчин. Отчет Новгородской археологической экспедиции ИИМК за 1951, 1952, 1953 и 1954 гг. Рукописи в научном архиве ИИМК (арх; коя. 587, 704, 860, 993).

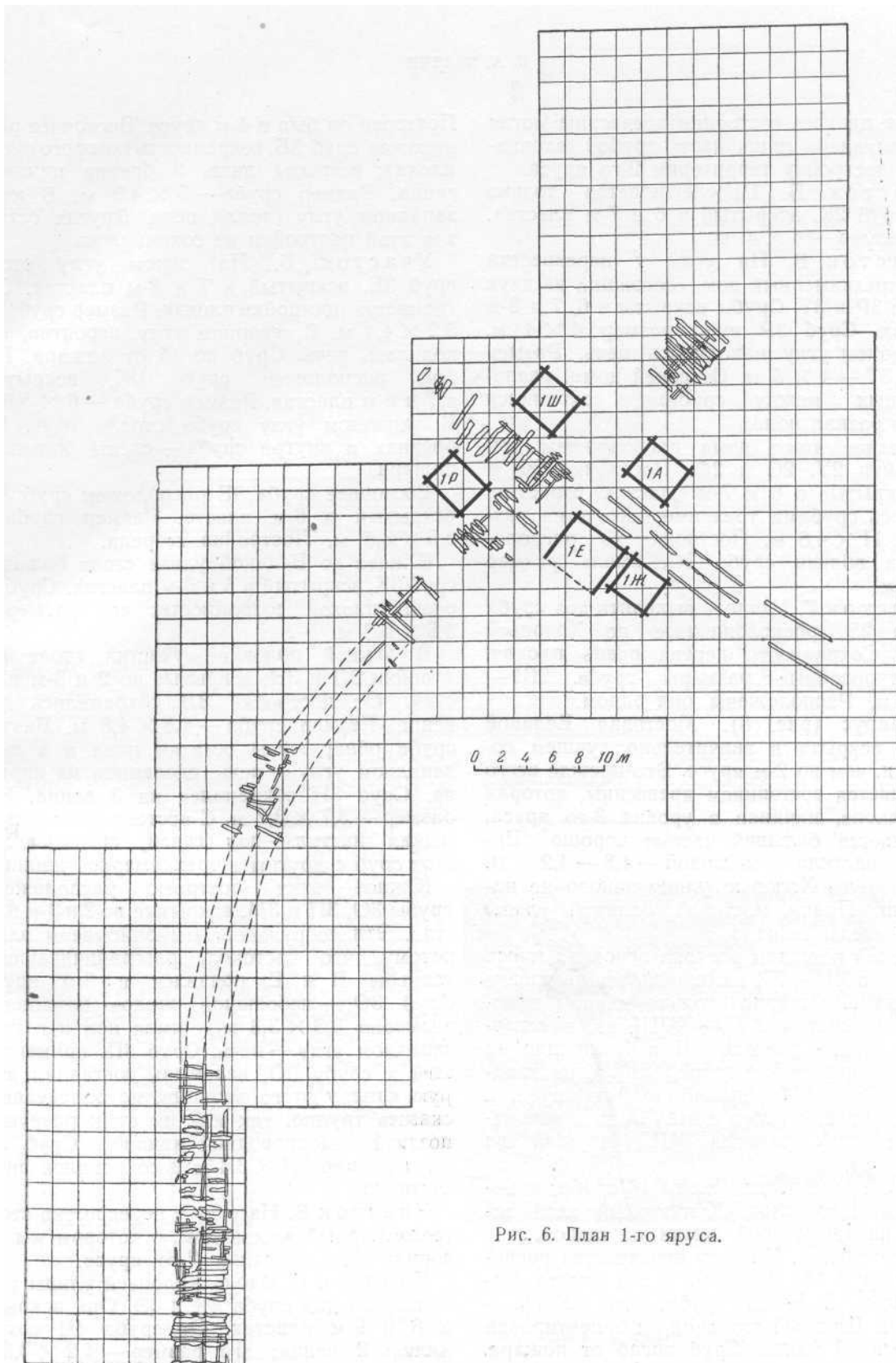

Рис. 6. План 1-го яруса.

Из-за плохого состояния древесины могла быть выявлена лишь часть срубов, входивших в застройку территории 2-го яруса.

Участок Б. Прослеживается только один сруб 2К, вскрытый в 6 и 7-м пластах. Его размер — 4 X 4 м.

Участок В. На углу у перекрестка стоял трехкамерный дом, состоящий из двух срубов 3Р и 3Т. Срубы вскрыты в 6, 7 и 8-м пластах. Сруб 3Р имел размер 4 X 4 м. В северном углу находилась печь. Размер сруба 3Т — 4 X 5 м. От сеней дома, расположенных между срубами, сохранился только развал пола.

Западнее этого дома расположены три постройки 2У, 2С и 2Ф. Постройки 2Ф и 2С, вскрытые в 6 и 7-м пластах, вероятно, являлись срубами трехкамерного дома размером П X 4,6 м. Постройка 2У, расположенная вблизи сруба 2С, имела размер 4 X 4 м.

Участок Г. Удалось выделить два сруба 2Ш и 2Э, расположенные по Холопьевой улице. Сохранность дерева очень плохая. Ориентировочные размеры сруба 2Ш — 4 X 4 м. Расположены они рядом.

3-й ярус (рис. 8). Мостовая Великой улицы вскрыта в значительно лучшем состоянии, чем во 2-м ярусе. Это прежде всего объясняется состоянием древесины, которая на раскопе, начиная с уровня 3-го яруса, сохраняется большей частью хорошо. Ширина настила мостовой — 4,8 — 4,2 м. В 3-м ярусе Холопьюю улицу заново не настилали. Плахи мостовой Великой улицы имеют следы пожара.

По всей площади раскопа основная масса перекопов XIX—XX вв. окончилась на уровне 3-го яруса. Остались только канавы водосточных систем XVII—XVIII вв. в северной половине раскопов II и I, идущие до 8-го яруса, большой погреб XIX в. на квадратах 173 и 174, идущий до 9-го яруса, и фундамент каменного дома XX в. в юго-западном углу раскопа VIII, идущий до 9-го яруса.

В 3-м ярусе расположены 16 срубов и несколько частоколов. Культурный слой состоит из темносерой земли со щепой.

Участок А. На углу перекрестка расположен сруб 4А, вскрытый в 8-м пласте. Сохранились 2 венца сруба; его размер — 7 X 6 м. Длинной стороной он ориентирован по Великой улице. Сруб погиб от пожара.

Построен он был в 4-м ярусе. Восточнее расположен сруб 3Б, сохранность которого очень плохая; вскрыты лишь 3 бревна нижнего венца. Размер сруба — 5 X 4,8 м. В юго-западном углу стояла печь. Других остатков этой постройки не сохранилось.

Участок Б. На самом углу стоит сруб 3Е, вскрытый в 7 и 8-м пластах. Сохранность постройки плохая. Размер сруба — 5,2 X 4,4 м. В северном углу, вероятно, находилась печь. Сруб погиб от пожара. Рядом расположен сруб 3Ж, вскрытый в 7 и 8-м пластах. Размер сруба — 6 X 5,8 м. В западном углу сруба стояла печь. На бревнах и внутри сруба — следы большого пожара.

Восточнее сруба 3Е расположен сруб 3И, вскрытый в 8-м пласте. Размер сруба — 3,5 X 3,5 м. Постройка сгорела.

Южнее по Великой улице стоит большой сруб 3К, вскрытый в 5 и 6-м пластах. Сруб — очень плохой сохранности; его размер — 5,6 X 5,5 м.

В южной половине участка стоят постройки 3Л и 3Н, вскрытые во 2 и 3-м пластах. От постройки 3Л сохранились два венца. Размер сруба — 4,8 X 4,8 м. Внутри сруба обнаружены остатки пола и в юго-западном углу — печь, сделанная из кирпича. Сруб 3Н сохранился на 3 венца. Его размер — 3,7 X 3,7 м. С востока к нему примыкал настил — пол сеней, связывающих этот сруб с другим в трехкамерное жилище.

Южнее этих построек расположены срубы 3О, 3П и 3М, вскрытые во 2 и 3-м пластах. Эти сооружения мы описываем здесь потому, что частокол, разграничивающий судьбы Б и Е, появился в 5-м ярусе. Сруб 3О, — небольшое жилое помещение размером 3,3 X 3,3 м, — имел пол и в юго-западном углу — печь. Сруб 3П, примыкавший к срубам 3О, вероятно, составлял вторую камеру этого жилища, но определенно сказать трудно, так как их стык разрушен поздней водопроводной канавой. Сруб 3М имел размер 3,4 X 3,4 м и сохранился лишь частично.

Участок В. На углу у перекрестка стоит трехкамерный жилой дом, о котором мы говорили при описании 2-го яруса.

Участок Г. Вдоль Холопьевой улицы расположены два сруба 4А и 4Э. Они вскрыты, в 8 и 9-м пластах. От сруба 4А сохранились 2 венца; его размер — 4,2 X 3,5 м.

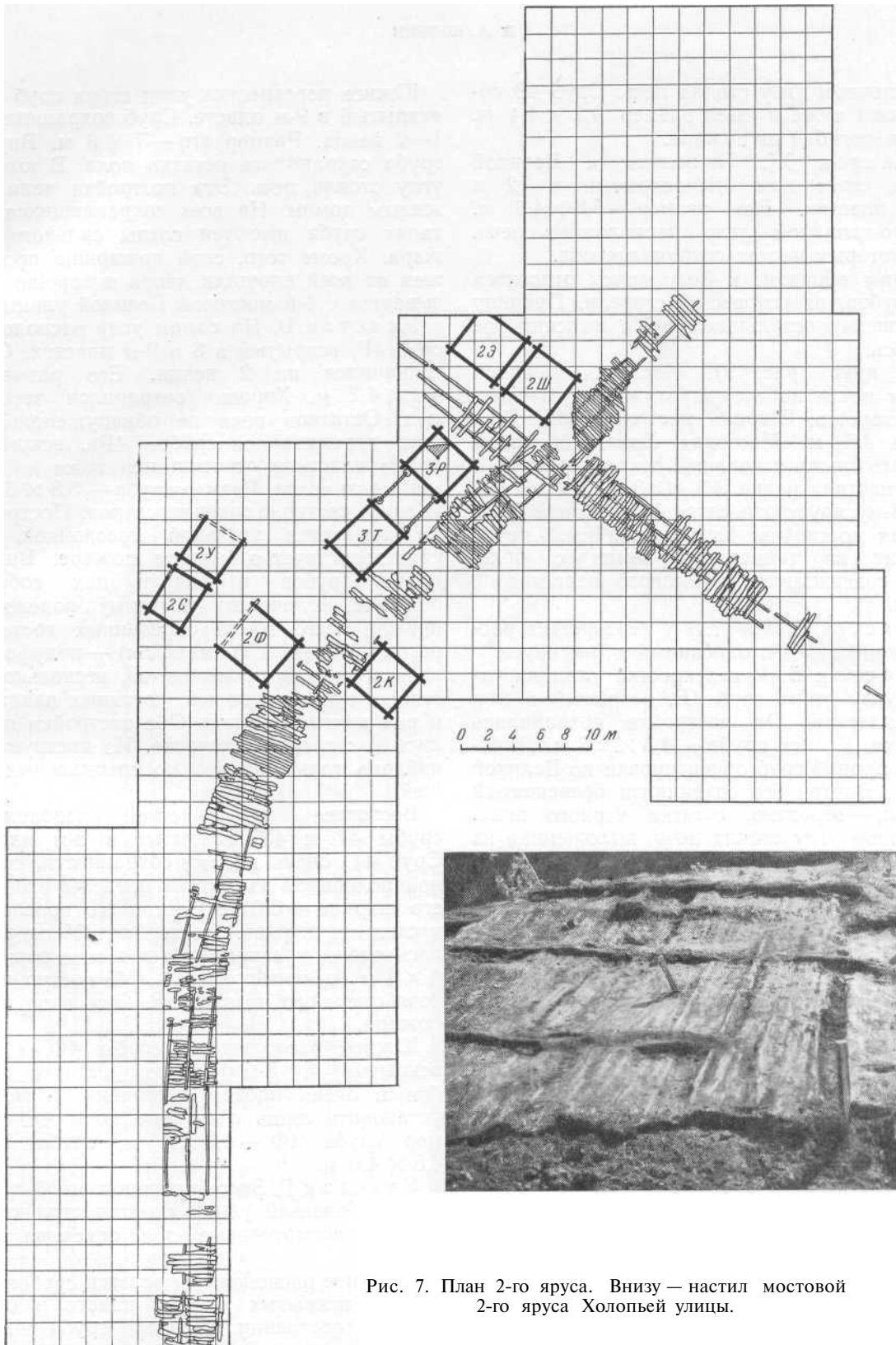

Рис. 7. План 2-го яруса. Внизу — настил мостовой 2-го яруса Холопьевой улицы.

В восточном углу стояла печь. Сруб 4Э сохранился хуже и имел размер 4,2 X 4,4 м. Срубы погибли от пожара.

Участок Ж. Примыкая к Великой улице, стоит дом 3Я, вскрытый в 12 и 13-м пластах. Его размер — 5,8X4,6 м. В юго-западном углу расположена печь. В некоторых местах сохранился пол.

Таким образом, к 3-му ярусу относятся 16 срубов, из которых 6 сгорели. Причину разрушения остальных срубов выяснить не удалось.

4-й ярус (рис. 9). Мостовая Великой улицы почти на всем протяжении сохранилась хорошо. Ширина настила мостовой — около 4,5 м. Мостовая Холопьевой улицы вскрыта также в хорошей сохранности. Ширина настила равна 3,5 — 3,8 м.

К 4-му ярусу относятся 16 срубов и 1 каменная постройка. Культурный слой яруса состоит из темносерой земли с большим содержанием древесного перегноя и щепы.

Участок А. На углу у перекрестка расположен сруб 4А, описанный в 3-м ярусе.

Участок Б. У перекрестка улиц на самом углу стоит сруб 4Е, вскрытый в 8 и 9-м пластах. От постройки сохранились 3 венца. Размер сруба — 4,3 X 2,8 м. Длинной стороной сруб ориентирован по Великой улице. Внутри его сохранился бревенчатый настил, — вероятно, остатки черного пола. В южном углу стояла печь, выложенная из кирпича. Постройка сгорела.

Далее на восток по Холопьевой улице расположен сруб 4Л, вскрытый в 8-м пласте. Сохранность сруба плохая. Его размер — 3,5x3,5 м. Каких-либо других деталей-постройки не сохранилось. Это, вероятно всего, было хозяйственное строение.

Восточнее расположены сруб 4М, вскрытый в 7 и 8-м пластах, и сруб 4Н, составлявшие вместе одно трехкамерное жилище. Сруб 4М сохранился на 2 венца и имел размер 7,7 X 6,25 м. Хорошо сохранился тесовый пол. В юго-западном углу стояла печь. С восточной стороны сруба находился настил въезда с Холопьевой улицы во двор дома. Внутри сруба непосредственно на полу лежал развал сильно обугленных досок. Постройка погибла от пожара. Сени и второй сруб дома сохранились очень плохо, и удастся восстановить только их планировку.

Южнее перекрестка улиц стоял сруб 5Ж, вскрытый в 9-м пласте. Сруб сохранился на 1—2 венца. Размер его — 7X6 м. Внутри сруба сохранились остатки пола. В южном углу стояла печь. Эта постройка являлась жилым домом. На всех сохранившихся деталях сруба имеются следы сильного пожара. Кроме того, слой пожарища прослежен на всей площади двора и хорошо связывается с 4-й мостовой Великой улицы.

Участок В. На самом углу расположен сруб 4Р, вскрытый в 8 и 9-м пластах. Сруб сохранился на 2 венца. Его размер — 4,8 X 4,2 м. Хорошо сохранился тесовый пол. Остатков печи не обнаружено. Этот сруб перекрывался срубом 4Ра, вскрытым в 8-м пласте и относящимся тоже ко времени 4-го яруса. Размер сруба — 3,8 X 3,8 м. В срубе частично сохранился пол. Постройка перекрывается угольной прослойкой, что свидетельствует о бывшем пожаре. Внутри обоих срубов и вокруг них собрано большое количество костяных поделок и прежде всего масса обрезанных костей и рогов (более 150 находок)—полуфабрикаты и отходы производства, несколько костяных рукояток ножей, костяных накладок и ряд других поделок. Обе постройки являлись мастерской костереза. Из инструмента найдено только несколько специальных ножей.

Восточнее на участке расположены срубы 4Т и 4У, вскрытые в 8-м пласте. Сруб 4Т, очень плохой сохранности, северной половиной уходит за пределы раскопа; его ширина — 3,8 м. Внутри его прослежен настил из жердей. Постройка 4У сохранилась очень фрагментарно и имела размеры 6 X 4 м (ориентировочно). Обе постройки — хозяйственного назначения. Они погибли от пожара.

Южнее расположены срубы 4Ф и 4Х, вскрытые в 8-м пласте. Остатки срубов в очень плохом состоянии, и можно установить лишь очертание построек. Размер сруба 4Ф — 4,2X4 м, сруба 4Х — 4,5 X 4,0 м.

Участок Г. Здесь расположены 4 сруба. Вдоль Холопьевой улицы стоят постройки 44 и 4Э, рассмотренные при описании 3-го яруса.

Севернее расположены остатки срубов 4Щ и 4Ю, вскрытых в 13-м пласте в очень плохом состоянии. Размер сруба 4Ю —

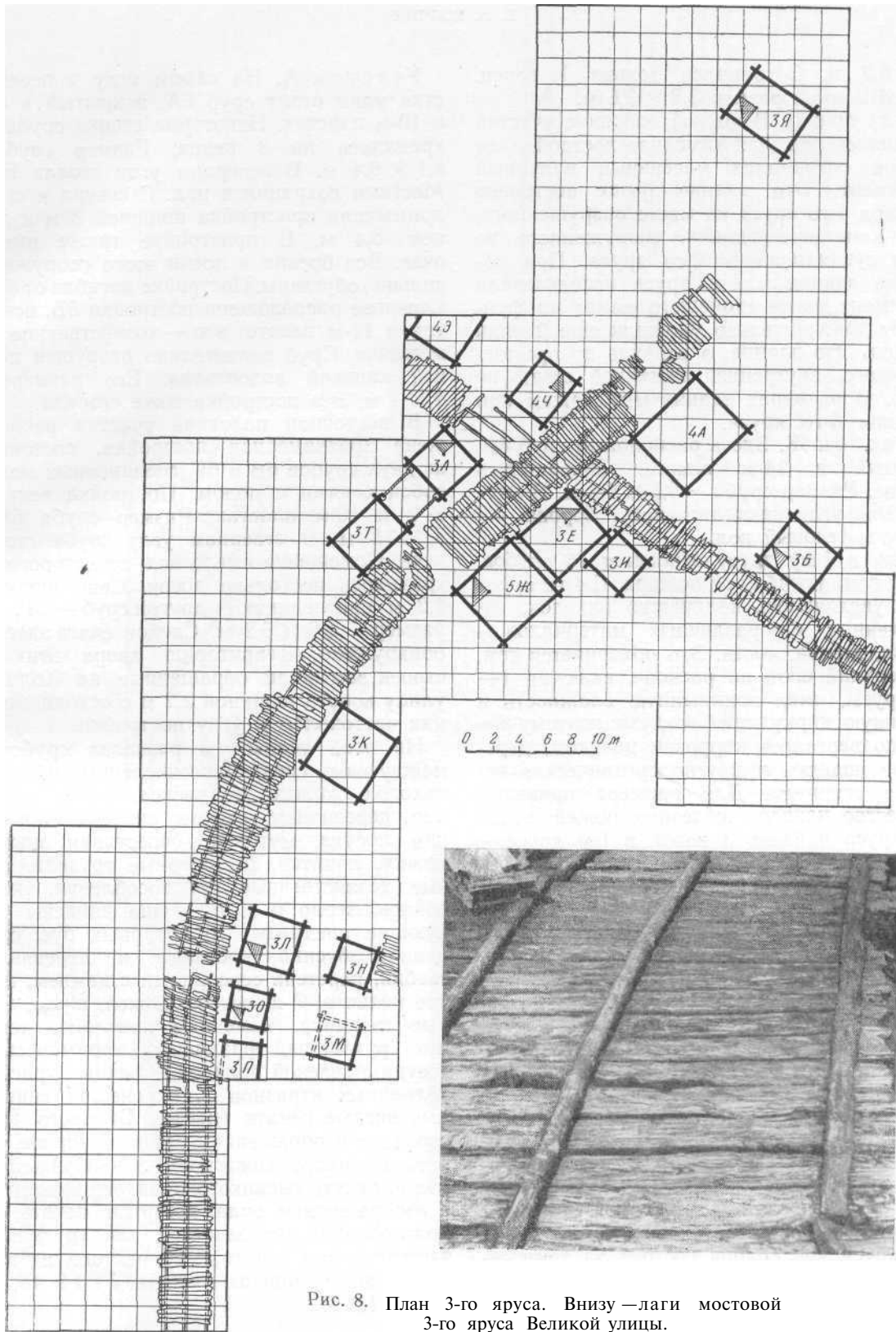

Рис. 8. План 3-го яруса. Внизу — лаги мостовой 3-го яруса Великой улицы.

7,2 X 6,2 м. Сохранился только 1 венец. Сруб 4Ш имел размер 3,8 X 3,6 м.

Участок Д. В южной половине участка находилась большая каменная постройка, от которой сохранился массивный валунный фундамент. Это здание было построено в период 4-го яруса на месте разрушенного, тоже каменного здания, сооруженного во время существования 6-го яруса. При постройке здания в 4-м ярусе использовали фундамент ранее стоявшего дома; на фундамент дополнительно уложили еще 2 ряда валунов. Это здание, в отличие от предшествующего, внутренней каменной стены не имело. О размерах здания мы скажем при описании 6-го яруса.

Участок Ж. Здесь расположен сруб 4Я, вскрытый в 14-м пласте. Сохранились 2 венца. Размер сруба — 5,8 X 4,5 м. В юго-западном углу находится печь. Хорошо сохранился тесовый пол.

Итак, к 4-му ярусу относятся 16 срубов, из них семь погибли от пожара. С 4-го яруса резко увеличилось количество находок, изготовленных из различных материалов — железа, дерева, кости. Это объясняется тем, что верхний слой на раскопе, включая 1—3-й ярусы, имел пониженную влажность и усиленную циркуляцию воздуха; поэтому железо подвергалось коррозии целиком, деревянные поделки и другие органические вещества гнивали. Для примера приведем количество находок железных ножей: выше 1-го яруса найдено 3 ножа, в 1-м ярусе — 4, во 2-м — 3, в 3-м — 10, в 4-м — 25, в 5-м — 42, в 6-м ярусе — 42 ножа и далее — примерно в том же количестве. Наблюдалось такое же резкое увеличение деревянных, костяных и других находок.

5-й ярус (рис. 10). Мостовая Великой улицы почти на всем протяжении, кроме небольших участков на раскопах IX, V и X, вскрыта в хорошем состоянии. Настил — из очень массивных плах, ширина которых достигает 50 см. Ширина мостовой — около 4,5 м. Мостовая Холопией улицы тоже сохранилась хорошо. Ширина настила мостовой — 3,6—4 м. На вскрытых участках поверхность мостовой обгорела,

К 5-му ярусу, кроме мостовых, относятся 16 срубов и ряд частоколов. Культурный слой яруса вне срубов состоит из темносерой земли с большим содержанием древесного перегноя и щепы.

Участок А. На самом углу у перекрестка улиц стоит сруб 6А, вскрытый в 8, 9 и 10-м пластах. Некоторые стенки сруба сохранились на 3 венца. Размер сруба — 6,1 X 6,4 м. В северном углу стояла печь. Местами сохранился пол. С севера к срубам примыкала пристройка шириной 3 м и длиной 6,4 м. В пристройке также имелся очаг. Все бревна и доски этого сооружения сильно обуглены. Постройка погибла от огня. Севернее расположена постройка 5Б, вскрытая в 11-м пласте; это — хозяйственное помещение. Сруб значительно разрушен поздней канавой водоотвода. Его размеры — 4 X 4 м. Эта постройка тоже сгорела.

В восточной половине участка расположена трехкамерная постройка, состоящая из двух срубов 6В и 6Г, соединенных между собой сенями с полом. Постройка вскрыта в 9 и 10-м пластах. Размер сруба 6В — 5,6 X 5 м. В северном углу сруба стояла печь. Помещение имело пол, от которого сохранилось несколько досок. Сени шириной 4,2 м присоединяют другой сруб — 6Г. Его размер — 5,6 X 5,2 м. Следов очага здесь не обнаружено. Территорию двора этих построек замыкали обращенные на Холопью улицу ворота шириной 2,2 м с отходящим от них частоколом к углу постройки.

На этой усадьбе в развалах срубов и между ними среди многочисленных обычных находок жилого комплекса, — как, например, деревянная точеная, резная и бондарная посуда, мутówki, берестяная посуда, ложки, лопатки, рыболовные грузила, разные хозяйственные приспособления, ткани, войлок, зерно и т. п., — еще найдены следующие предметы: 10 янтарных бус, стеклянная бусина, костяные и деревянные гребни, перстень серебряный с камнем, медное колечко, 7 железных ножей, шило, медные гвоздики, каменные пряслица, кожаные рукавицы, фрагменты керамического сосуда с зеленой поливой, 8 печных красных рельефных изразцов и, наконец, 4 свинцовые вислые печати (печать Великого Новгорода с изображением воина в короне, печать Великого Новгорода с изображением зверя, печать тысяцкого Великого Новгорода с изображением орла, истертая печать, использованная впоследствии как грузило, и заготовка для печати). Кроме того, на этой же усадьбе найдены грамоты № 14, 15, 17, 18 и 24.

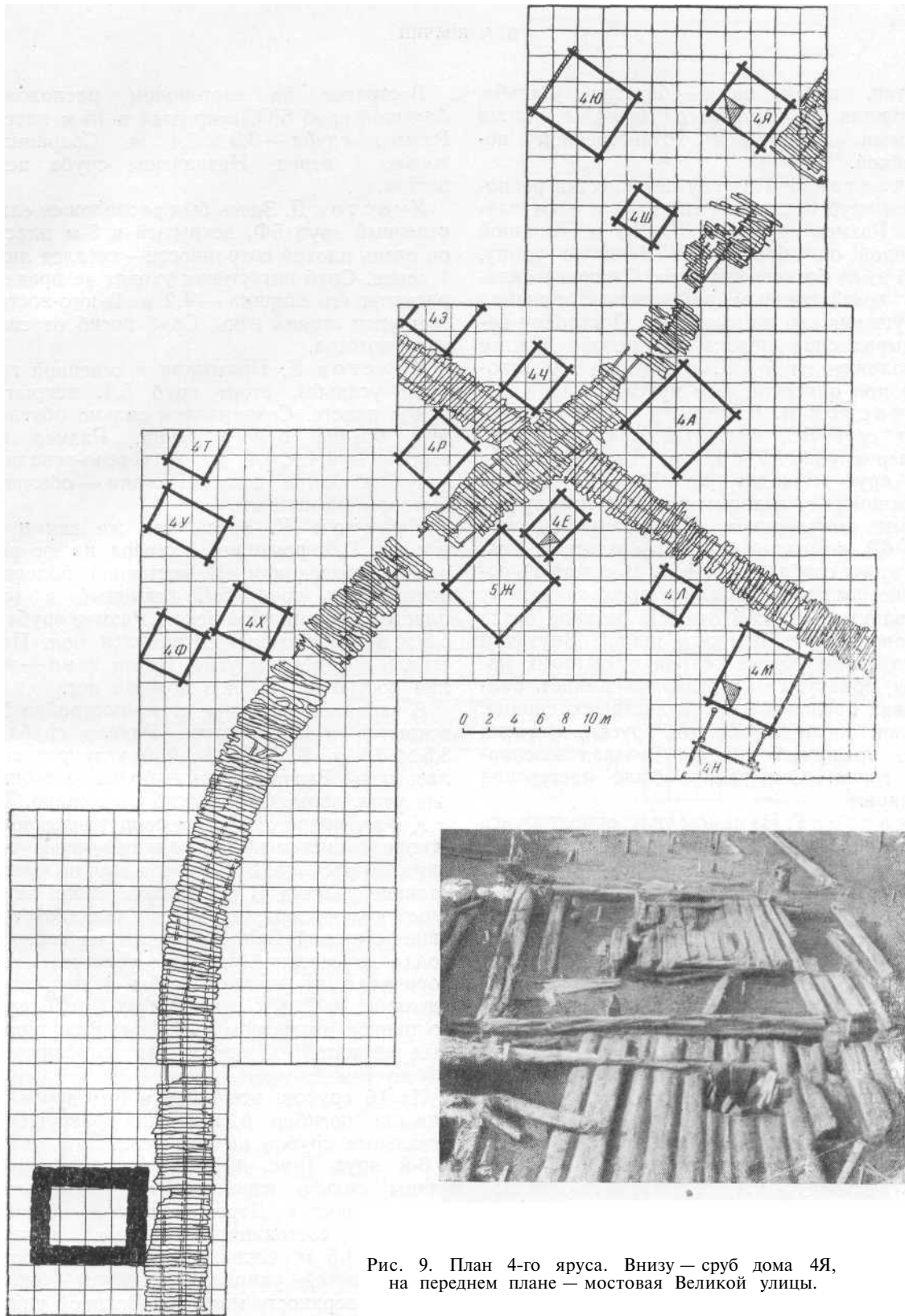

Рис. 9. План 4-го яруса. Внизу — сруб дома 4Я, на переднем плане — мостовая Великой улицы.

Итак, перед нами — богатая усадьба, состоящая из большого двора с двумя жилыми домами и хозяйственной постройкой.

Участок Б. На углу перекрестка расположен сруб 6Е, вскрытый в 10 и 11-м пластах. Размер сруба — 4,3 X 2,6 м. Длинной стороной он обращен на Великую улицу. Сруб имел бревенчатый пол. Строение являлось хозяйственным помещением; причина разрушения его не выяснена. Постройку перекрывал слой навоза со щепой. Южнее расположен сруб 5Ж, о котором мы говорили при описании 4-го яруса.

Участок В. В самом углу перекрестка стоит сруб 5С, вскрытый в 10-м пласте. Размер сруба — 5 X 4,6 м. Длинной стороной сруб выходит на Холопью улицу. В южном углу находится печь. Сруб служил жилым помещением. Южнее расположен сруб 6Р, вскрытый в 8 и 9-м пластах. Размер этого сруба — 5 X 4 м. В северной половине постройки стоял, судя по глиняному основанию, большой очаг. В развале очага собрано несколько кусков шлака. Внутри и около сруба, кроме обычных бытовых находок, обнаружены ювелирный пинцет, биллоновая проволока, кусок листового свинца, осколок тигля, точильные бруски. Остатки очага представляли собой развал ювелирного горна. Сооружение было мастерской ювелира.

Участок Г. На самом углу, ориентируясь по Великой улице, стоит трехкамерная постройка, состоящая из срубов 54 и 5Ы, вскрытых в 10-м пласте. Перед нами — жилой дом. Размер сруба 54 — 4 X 4 м. В восточном углу сруба расположена печь; размер ее основания — 1 X 1 м. Сруб 5Ы имел размер 4 X 3,5 м. Следов печи не прослежено. Внутри дома, кроме обычных бытовых вещей, найдена костяная шахматная фигурка. Постройка погибла от пожара. На северной половине участка расположены два сруба 5Ш и 5Ю, разделенные между собой частоколом. Это единственный случай деления данного участка за всю его историю, т. е. за все 5 веков. Сруб 5Ш вскрыт в 14 и 15-м пластах. От него остались 2 венца. Размер сруба — 6,2 X 6 м. Сохранились остатки пола. В северо-восточном углу имелась печь. Сруб являлся жилой постройкой. Следов пожара на срубе не обнаружено.

Восточнее, за частоколом, расположен большой сруб 5Ю, вскрытый в 15-м пласте. Размер сруба — 3,5 X 3,4 м. Сохранился только 1 венец. Назначение сруба неизвестно.

Участок Д. Здесь был расположен единственный сруб 5Ф, вскрытый в 5-м пласте; он очень плохой сохранности — остался лишь 1 венец. Сруб-пятистенок уходит за пределы раскопа; его ширина — 4,2 м. В юго-восточном углу стояла печь. Сруб погиб от сильного пожара.

Участок Е. Примыкая к северной границе усадьбы, стоит сруб 5Л, вскрытый в 4-м пласте. Сохранились сильно обугленные бревна одного венца. Размер постройки — 4,4 X 4,4 м. В северо-западном углу находится печь. Находки — обычного бытового комплекса.

Участок Ж. Здесь, так же как и на участке Г, территория с севера на юг разделена частоколом. В восточной половине расположен сруб 5Я, вскрытый в 15-м пласте. Сохранился 1 венец. Размер сруба — 5,5 X 5 м. Частично сохранился пол. Печь стояла в западном углу. Перед нами — жилая постройка. Следов пожара нет.

В западной половине стоит постройка 5Э, вскрытая в 15-м пласте. Размер сруба — 3,6 X 3,6 м. В юго-западном углу сохранилась печь. Внутри сруба — большое скопление угля, золы. Сруб погиб от пожара.

К 5-му ярусу относится сооружение водопроводной системы, проходившей через территорию раскопа. Водопровод шел по южной границе участка В к Великой улице, затем через колено направлялся по западной границе мостовой Великой улицы на север и, дойдя до северной границы участка А, поворачивал на восток. Трубы водопровода сделаны из двух деревянных долбленых половинок диаметром до 50 см. Водопровод был закопан в землю на глубину от 0,5 до 1 м.

Из 16 срубов, вскрытых в 5-м ярусе, от пожара погибли 6. Причина разрушения остальных срубов не выяснена.

6-й ярус (рис. 11). Мостовая Великой улицы сильно изношена, но сохранилась почти полностью. Дерево мостовой — в очень хорошем состоянии. Ширина настила улицы — 4,5 м. Сильно изношена и мостовая Холопьевой улицы; ее ширина — около 3,5 м. Поверхность мостовой Великой¹ улицы

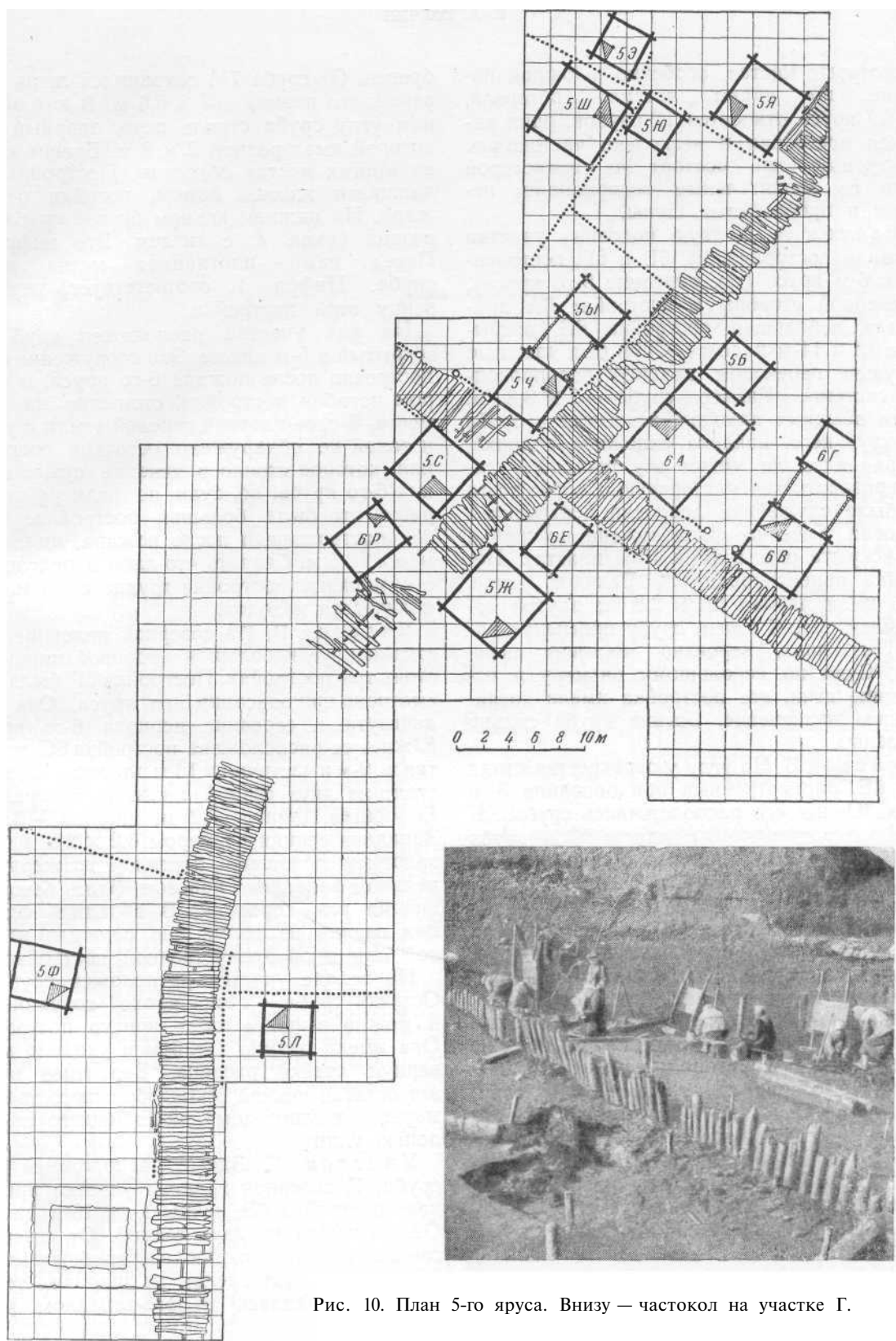

Рис. 10. План 5-го яруса. Внизу — частокол на участке Г.

в некоторых местах, особенно в южной половине, по краям настила обгорела. К 6-му ярусу относятся 17 срубов, одна каменная постройка и несколько частоколов. Культурный слой состоит из темносерой земли со значительным содержанием пергноя и прослойками щепы.

Участок А. Южную половину участка занимали постройки 6А, 6В и 6Г, построенные в 6-м ярусе (см. описание 5-го яруса). С северной стороны к постройке 6А примыкала небольшая постройка 6Б, вскрытая в 13 и 14-м пластах. Сруб был частично разрушен перекопом поздней водопроводной системы. Размер сруба — 5Х3,8 м. Среди обычных находок, вскрытых в срубе и вокруг него, найдена сапожная колодка, которая едва ли может эту постройку характеризовать как мастерскую. Скорее всего это была служебная дворовая постройка — кладовая. Севернее расположена постройка 6Д; вскрыта она в 15 и 16-м пластах. Постройка ориентирована по Великой улице. Сруб имел размер 2,4 Х 2,8 м; внутри сохранился пол. С юга к срубам примыкал настил из плах, вероятно мостовая переулка. Судя по небольшому размеру и отсутствию печи, эта постройка имела хозяйственное назначение. Бревна сруба сильно обуглены.

Участок Б. На углу у перекрестка стоял сруб 6Е, рассмотренный при описании 5-го яруса. Южнее его расположились срубы 6Ж и 6И, вскрытые в 10-м пласте. Оба сруба были отдельными секциями большого трехкамерного жилого дома и соединялись сенями шириной 4,4 м. Сруб 6Ж сохранился в 2 венца и имел размер 6 Х 6 м. На досках и бревнах сруба — следы сильного пожара. После пожара развал сруба был хорошо расчищен для подготовки площадки сруба 5Ж, поставленного непосредственно на венцы сруба 6Ж. Поэтому остатков печи и пола не сохранилось. У второй секции дома — сруба 6И сохранился только один венец; его размер — 6 Х 3,8 м. Сруб также погиб от пожара. Находки составляют обычную бытовую коллекцию. Из художественных вещей интересен костяной пенал, сплошь покрытый циркульным орнаментом (рис. 12).

На восточной половине участка стоит сооружение 7М, вскрытое в 10, 11 и 12-м пластах. К постройке с западной стороны примыкал дворовый настил из тонких круглых

бревен. От сруба 7М сохранился лишь один венец; его размер — 7 Х 6,6 м. В юго-западном углу сруба стояла печь, опорный ряз которой имел размер 2 Х 2 м. Бревна сруба во многих местах обуглены. Постройка, являвшаяся жилым домом, погибла от пожара. На нижнем южном бревне сруба вырезана буква л с титлом. Это цифра 1. Перед нами — плотницкая метка венца сруба. Цифра 1 соответствует первому венцу этой постройки.

На юге участка расположен сруб 6Н, вскрытый в 5-м пласте. Это сооружение было построено после пожара 6-го яруса, в котором погибли постройки, стоявшие на этом месте. В слое плотной горелой земли с углем и золой не обнаружено остатков сооружения, которое стояло в течение существования 6-го яруса, но, судя по размеру пожара, это была большая постройка. Сруб 6Н, поставленный после пожара, имел размер 5 Х 5 м. Сказать что-либо определенное о назначении постройки трудно из-за малого количества находок.

Участок В. На северной половине участка вокруг небольшой дворовой площадки стоят три постройки. Постройка 6Р была рассмотрена при описании 5-го яруса. Она воздвигнута в середине периода 6-го яруса. Южнее ее расположена постройка 6С, вскрытая в 9-м и частично в 10-м пластах. Она состоит из двух секций с сенями в середине. Ее общая длина — 7,2 м, ширина — 3,2 м. Западная секция размером 3,2 Х 2,8 м была заложена сплошным настилом из жердей и целиком заполнена навозом. Здесь была конюшня или коровник. В западной секции пол сделан из тесин; она служила кладовой или иной хозяйственной постройкой.

На западе участка расположен сруб 6Т. Остатки сруба — очень плохой сохранности, и можно выявить лишь контур постройки. Она имела размер 7 Х 6 м и уходила в северную стенку раскопа. Вероятнее всего, это остатки южной секции большого трехкамерного жилого дома, выходившего на Холлопью улицу.

Участок Г. Здесь расположены два сруба. К северной границе участка примыкает постройка 6Э, вскрытая в 16-м пласте. Она состояла из двух секций. От северной секции хорошо сохранился сруб размером 3,5 Х 3,5 м; пол сделан из широких тесин. Печка находилась в юго-западном углу.

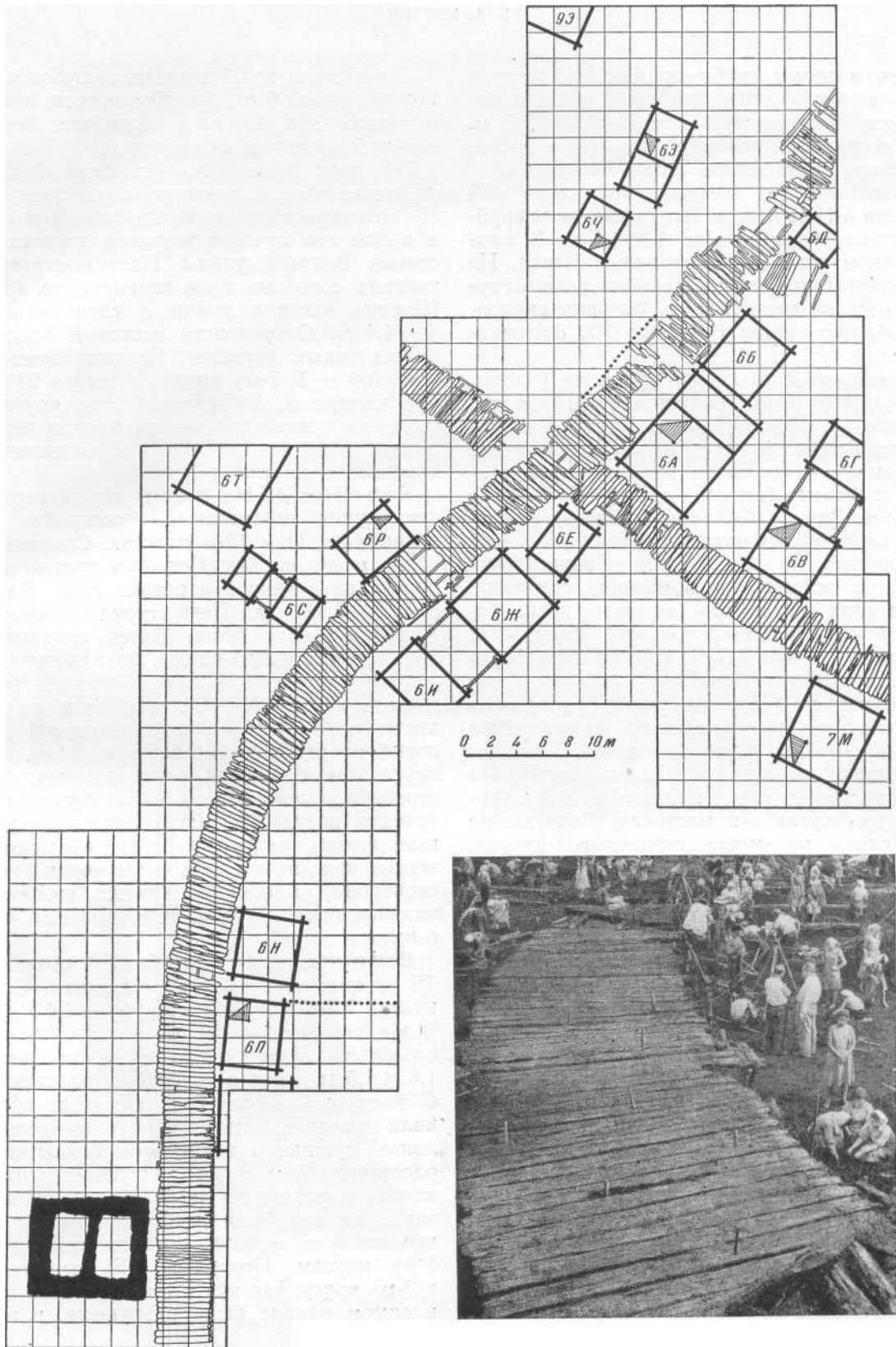

Рис. 11 План 6-го яруса. Внизу— мостовая Великой улицы.

С юга к этому срубам примыкают остатки пола и часть стенок южной секции постройки. Размер этой секции 3,5 X 3,2 м. Оба сооружения погибли от пожара. Это, вероятно, было жилое помещение.

Расположенная южнее постройка 64 вскрыта в 15-м пласте. Этот маленький сруб-пятистенник имел размер 4 X 3,4 м. В юго-восточном углу его была печь-каменка. Из характерных находок, связанных с этим срубом, можно отметить лишь большое скопление обрезков кожи (их было 700 фрагментов).

Участок Д. В южной половине участка была расположена большая каменная постройка размером 9,5 X 7,7 м. От нее остался лишь фундамент. Очень мощный фундамент из больших валунов имел глубину залегания (вместе с опорными лагами) в 3,6 м. Здание было пятистенное. Каких-либо характерных находок, связанных с этой постройкой, не обнаружено. Гражданский характер здания не вызывает сомнений. Это жилая постройка — «чюдный двор» боярской семьи Онцыфоровичей. Терем был построен в конце XIV в. Юрием Онцыфоровичем.

Участок Е. На этом участке, примыкая непосредственно к частоколу, расположена постройка 6П, вскрытая в 5-м пласте. Так же как и на участке Б, это сооружение было построено после пожара, во время которого обгорела 6-я мостовая. Сооружение поставлено на месте сгоревшего здания. От постройки 6П сохранились 2 венца. Сруб был пятистенный и имел размер 5,6 X 5,6 м. В северо-западном углу, вероятно, стояла печь. Среди обычных находок, — таких, как ключи, ножи, гвозди, обрывки тканей, берестяная и бондарная посуда, бусы, металлические браслеты и т. п., — встречены тигли. Но они, видимо, не характеризуют производственный инвентарь этого сооружения, так как данный участок был постоянно заселён сапожниками (см. ниже).

Участок Ж. В западной половине участка Ж, в самом углу стоит сруб 9Э. Постройка на территорию раскопа заходит лишь частично, юго-западным углом. Сруб вскрывался в 15, 16, 17, 18 и 19-м пластах. Все бревна сруба сильно обгорели — постройка погибла от пожара. Построена она была в 9-м ярусе. Находки внутри ее составляли обычный набор бытовых вещей.

В 6-м ярусе из 17 вскрытых срубов следы пожара имели 6 срубов. Кроме того, к ярусу относятся два больших пожарища без каких-либо остатков сооружений.

7-й ярус (рис. 13). Мостовая Великой улицы вскрыта в очень хорошем состоянии. По сохранности деревянных плах и настила в целом это лучшая мостовая из всех мостовых Великой улицы. Настил сделан из толстых сосновых плах шириной до 45 см. Ширина настила улицы в среднем равна 4 — 4,4 м. Сохранность мостовой Холопьевой улицы также хорошая. Настил имеет ширину 3,6 м. К 7-му ярусу относятся 21 сруб и 3 частоккола. Культурный слой яруса состоит из темносерой земли, иногда переходящей в темнокоричневую, с содержанием перегноя и щепы.

Участок А. На самом углу у перекрестка улиц расположена постройка 8А, вскрытая в 1Г и 12-м пластах. Сохранность сруба очень плохая. Остались только часть бревен двух венцов и развал пола. Размер сруба — 7 X 6 м. Печь стояла, вероятно, в южном углу дома. Здесь сохранились куски обожженной глины, но и в западном углу имелся развал камней, который трудно связать с чем-либо. Остатки пола на всем протяжении сруба сильно выгорели. Дом погиб от пожара. Он был построен в 8-м ярусе. Среди находок, связанных с этой постройкой, имеются бондарная, берестяная и точеная посуда, мутовки, лопаты деревянные, ложки, вальки, веревки, обрывки кожаных изделий и в том числе ножны, ножи, сковорода, рыболовные крючки, гвозди, точильные бруски и т. д., т. е. обычный набор бытовых вещей.

Восточнее, рядом со срубом 8А, стоял сруб 7Б, вскрытый в 11 и 12-м пластах. Сохранились 2 венца. Размер сруба — 4,4 X 4,4 м. В южном углу постройки находилась печь; столбовой фундамент ее имел размер 1,6 X 1,6 м. Внутри сруба был настлан пол. С восточной стороны к постройке примыкала дворовая вымостка, идущая вдоль Холопьевой улицы; в конце этой вымостки, на расстоянии 5 м от дома, находился настил въезда с улицы во двор усадьбы. Следует заметить, что были вскрыты 2 яруса этой вымостки, по уровню соответствующие 7 и 6-му ярусам. Постройку 7Б мы относим к 7-му ярусу, так как в 6-м ярусе она почти в самом начале была разрушена, и на ее

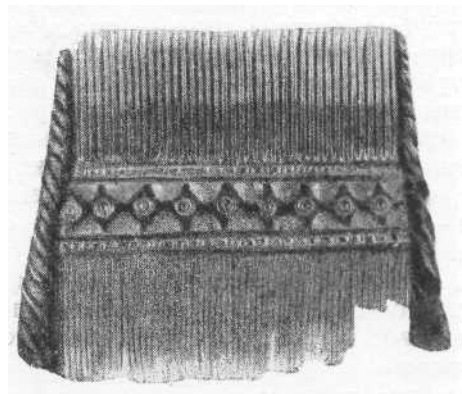
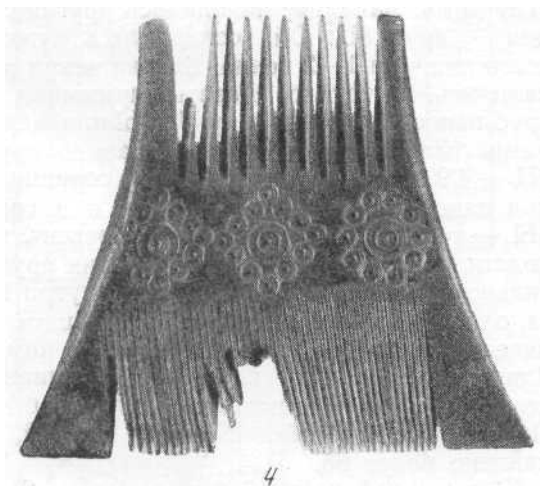
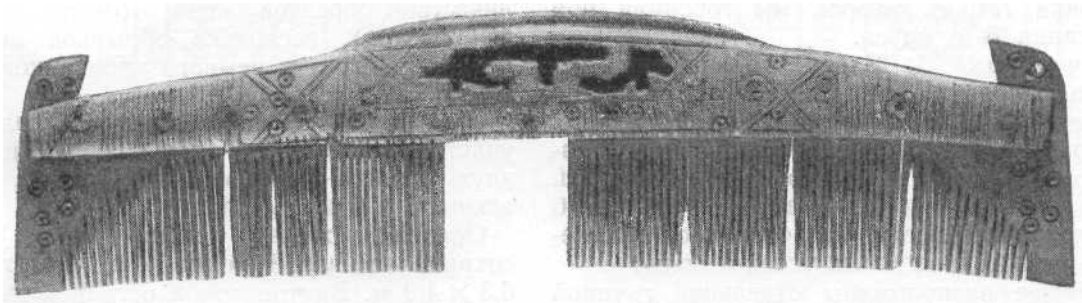
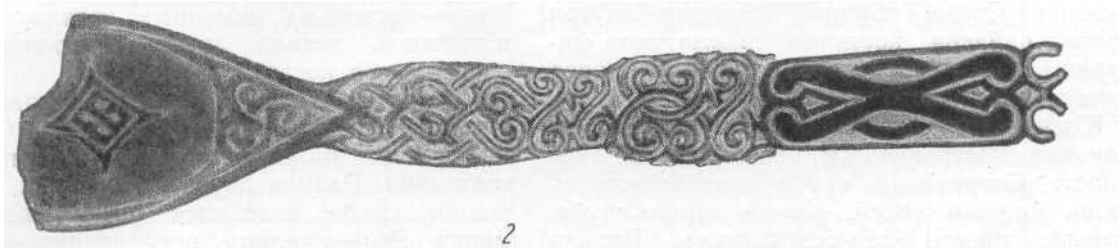
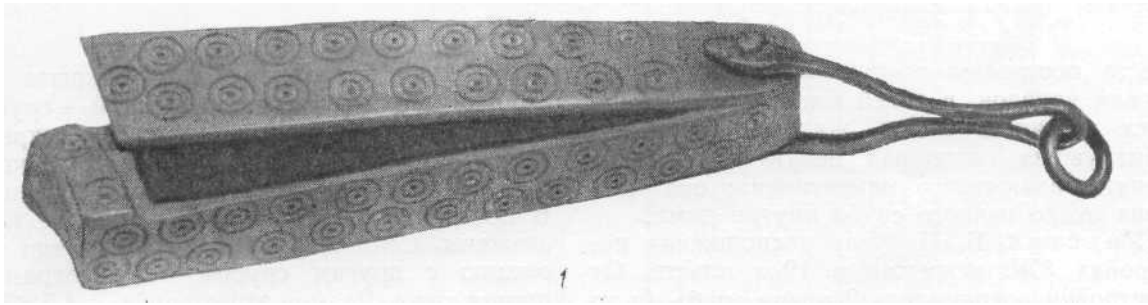

Рис. 12. Художественные изделия из кости
1 — коробочка (пенал) с циркульным орнаментом (6-й ярус); 2 — ложка (11-й ярус); 3 — расческа; 4, 5 — двусторонние гребни.

месте построены сооружения усадьбы 6А. Среди находок, в своей массе представлявших обычный набор жилого комплекса, обнаружена свинцовая печать — «Саввина печать, владычного наместника»; она найдена около печного сруба внутри дома.

Участок Б. На углу расположена постройка 8Ж, вскрытая в 12-м пласте. От постройки сохранились 2 венца сруба (и то лишь частично). Размер сруба — 5,5 X 4 м. Каких-либо остатков пола и печи не обнаружено. Среди обычных находок внутри сруба найдена костяная шахматная фигурка, а во дворе этого дома — свинцовая печать владычного наместника.

Южнее этой постройки расположена маленькая постройка 7Е, вскрытая в 11-м пласте. Сохранность сруба плохая; остался лишь нижний венец. Кроме венца сруба, больше ничего не сохранилось. Размер сруба (ориентировочно) равен 5,5 X 3,5 м. В восточной половине участка вскрыта постройка 7М, о которой мы говорили при описании 6-го яруса.

Участок В. Здесь обнаружено несколько сооружений. У самого угла расположен сруб 7Р, вскрытый в 11-м пласте. Сохранился только один нижний венец размером 4,6 X 4,5 м. В срубе был тесовый пол. Следов печи не осталось. Сруб погиб от пожара — внутри его оказалось множество мелких и крупных углей «зола».

Южнее расположены отдельной группой сооружения 7С, 7Т и 7У, вскрытые в 10 и 11-м пластах. Сооружение 7С сохранилось на 2 венца. Размер сруба — 6,5 X 6,5 м. Внутри был настлан тесовый пол. Местоположение печи установить не удалось. В срубе и вокруг него найдены обычные бытовые предметы. Рядом был расположен сруб 7У, сохранившийся также на 2 венца; он уходил в западную стенку раскопа, и поэтому известна только его ширина — 6,2 м. Хорошо сохранились опоры пола. В середине восточной половины стояла печь, сохранился ее опорный фундамент. Это сооружение являлось жилищем. Каких-либо характерных находок в нем не оказалось.

Севернее стоял сруб 7Т, от которого сохранился 1 венец. Следов печи не обнаружено. Ширина сруба — 5,2 м. Это, вероятно, была южная секция большого дома, выходявшего на Холопью улицу.

В южной половине участка вскрыта постройка, состоящая из 2 секций — срубов 8Т и 8У. Это жилое сооружение вскрыто в 8 и 9-м пластах. Размер первой секции 8Т — 3,6 X 4,5 м. Сохранились 3 венца. В постройке был пол. Следы печи не прослежены. Сени шириной 2 м соединяли эту секцию с другим срубом — 8У, сохранившимся хуже. Размер этого сруба — 4,5 X 3 м. Среди обычных находок встречены предметы, связанные с рыболовным промыслом, — несколько каменных грузил, много поплавков, детали лодки, ключины, — и очень много костей рыбы.

Участок Г. На самом углу стояла постройка 74, вскрытая в 12-м пласте. Сохранился лишь нижний венец в очень плохом состоянии. Размер сруба — 5 X 5 м. В середине сруба находился развал печи-каменки. Это — жилище ремесленника-кожевника. Во дворе дома, на север и на запад от постройки, встречено очень большое количество обрезков кожи (около тысячи фрагментов), несколько обрывков необработанных шкур и немного кроя и кожаных изделий.

Участок Д. На северной половине участка расположен дом, состоящий из двух секций — срубов *8Ц и 8Ы. Они вскрыты в 5 и 6-м пластах.

Основная жилая секция — сруб 8Ы — сохранилась на 3 венца и имела размер 6,3 X 4,9 м. Внутри сруба остались тесовый пол и развал печи, стоявшей в юго-восточном углу дома. Западнее находилась другая секция — сруб 8Ц. Она сохранилась хуже — всего лишь на 1—2 венца. Бревна венца развалились, и трудно сказать, примыкал ли сруб непосредственно к срубам 8Ы или между ними были неширокие сени. Размер сруба 8Ц — 4,9 X 2,9 м. Внутри него сохранился пол такой же конструкции, как и в срубе 8Ы, — тесовый, лежащий на бревенчатом подстиле. Все бревна и доски обоих срубов сильно обуглены и пространство внутри них заполнено темносерой землей с большим количеством золы, угля и мелкого камня. Здание погибло от пожара. Несомненно, это жилой дом. Все находки являются бытовыми вещами; особенно много гвоздей, их найдено более 55.

Южнее этой постройки находились 2 сарая — срубы 7Ы и 7Щ, вскрытые в 5-м пласте. Сруб 7Ы сохранился в высоту на

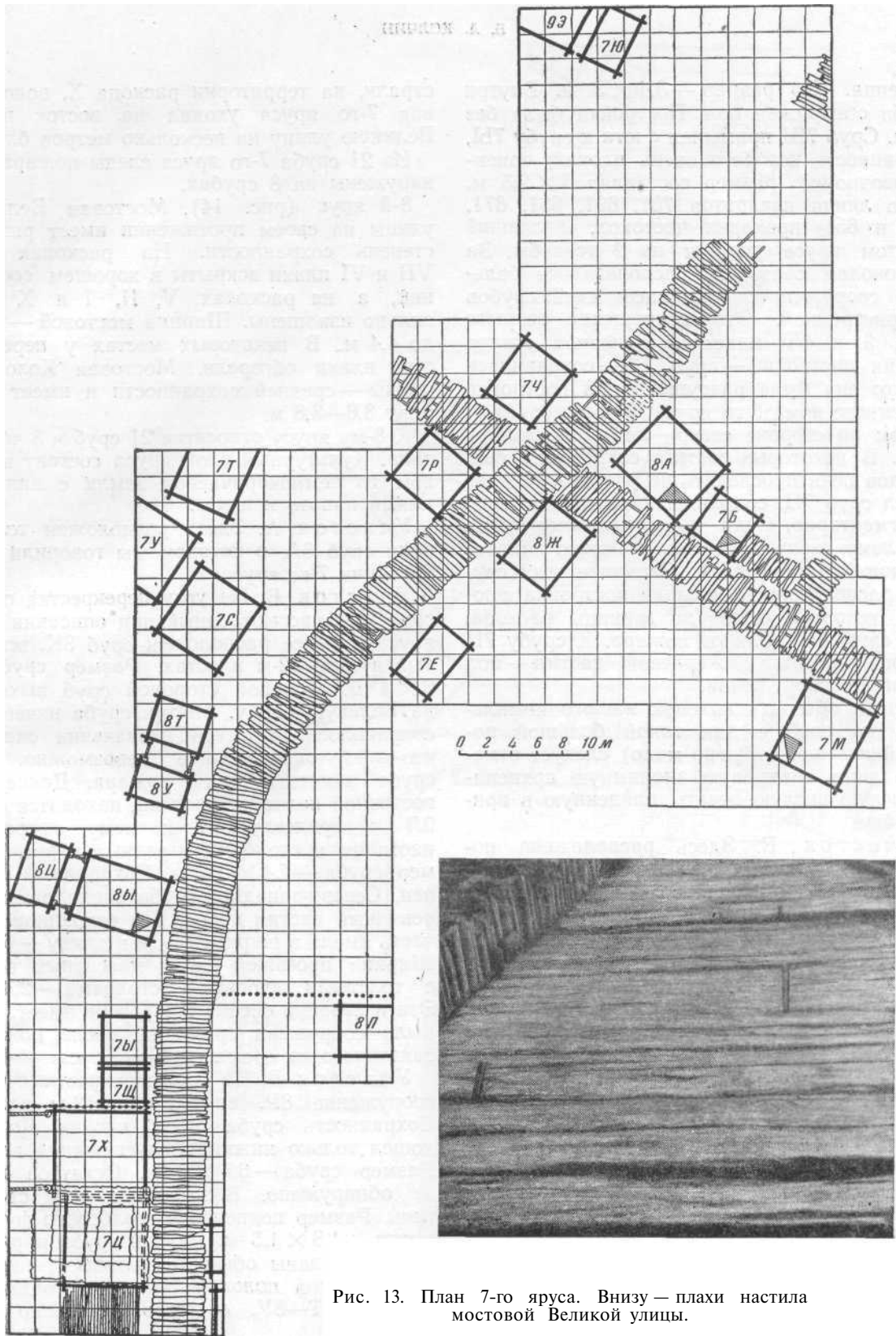

Рис. 13. План 7-го яруса. Внизу — плахи настила мостовой Великой улицы.

описании 7-го яруса. Сооружена она в начале существования 8-го яруса.

Участок Г. На углу расположен сруб 84, вскрытый в 13-м пласте. Сохранился довольно хорошо нижний венец сруба. Размер сруба — 4,3X4,15 м. Остатков пола и печи не прослежено. На бревнах сруба — следы пожара. Была ли постройка жилой или служебной, — сказать трудно, так как находки ничего не характеризуют. Восточнее расположена постройка 8Щ. Размер сруба — 3,8 X 4 м.

В самом северо-западном углу участка расположена частично вошедшая в раскоп постройка 8Ш, вскрытая в 18 и 19-м пластах. Сохранился один венец. Восточная стена имела размер 5 м. Внутри дома сохранился пол. Характерных находок нет.

Участок Д. Непосредственно у северной границы расположена постройка, состоящая из срубов 8Ц и 8Ы. Она рассмотрена при описании 7-го яруса. Дом был построен в начале периода 8-го яруса, после пожара построек 9У и 9Ф.

Южнее расположены срубы 8Ф и 8С, вскрытые в 6-м пласте. Сруб 8Ф сохранился на 1 венец и имеет размер 4,8 X 4 м. Внутри сруба был пол. Размер сруба 8С, также сохранившегося на 1 венец, — 3,3X3 м. В юго-восточном углу стояла печь. В постройке был настлан пол. Среди находок, заполнявших сруб, собрано очень много обрезков кожи, шило, ножи и точильные бруски. Вероятнее всего, здесь работал сапожник. Постройка погибла от пожара.

На южной половине участка стоит сруб 8Х, вскрытый в 4-м пласте. Западной половиной сруб уходит за пределы раскопа. Сохранился 1 венец сруба. Восточная стена имела размер 5,2 м. Внутри сруба был досчатый пол; в северо-восточном углу стояла печь.

Участок Е. Здесь расположена постройка 8П, о которой сказано в описании 7-го яруса. Западнее нее находится трехкамерное сооружение, состоящее из срубов 8М и 8Н, которые вскрыты в 7-м пласте. Сруб 8М сохранился на 1 венец и имел размер 3,25 X 3,25 м. От сруба 8Н сохранился также 1 венец. Размер этого сруба — 2,9 X 2,7 м. Срубы соединялись сенями. Оба помещения и сени были устланы жердевым настилом. Остатков печи в них не прослежено; это не жилища, а какие-то амбары-

лавки. Среди находок, сопровождавших эту постройку, имеются металлическая подвеска, янтарный крест, зерно конопли, обломки тигля, гвозди, несколько изделий из дерева и бересты, а также грамота № 91.

Участок Ж. Вдоль южной границы участка расположены постройки 8Я, 8Ю и 9Э. Постройка 8Я вскрыта в 17-м пласте. Сохранился частично только нижний венец. Размер сруба — около 5,2 X 4,8 м. На бревнах сруба — следы огня; постройка погибла от пожара. Среди вещей собраны 2 замка, ножи, янтарная бусина, гвозди, деревянная и берестяная посуда.

Постройка 8Ю вскрыта в 17-м пласте. Она сохранилась на один и в некоторых местах на два венца. Размер сруба — 3,7 X 3,7 м. В срубе остался пол. Печи не было. Постройка погибла от пожара. Стоящий в углу раскопа сруб 9Э рассмотрен нами при описании 6-го яруса.

В 8-м ярусе следы пожара сохранили 5 срубов.

9-й ярус (рис. 15). Мостовая Великой улицы — очень хорошей сохранности. По всей длине ее, кроме небольшого участка на раскопе X, плахи мостовой сохранились полностью. Ширина мостовой разная; на перекрестке она равна 4,2—4,4 м, далее на юг, на изгибе, достигает 5 м, а затем опять сужается до 4,5 м. На всем протяжении Великой улицы плахи мостовой по краям обуглены, но особенно сильно они обгорели в местах, где к ним примыкали постройки, тоже сгоревшие. Мостовая Холопьевой улицы вскрыта в худшем состоянии, особенно ее северо-западная часть. Многие плахи мостовой отсутствуют. Ширина мостовой колеблется от 3,6 до 4 м. Следы пожара заметны также и здесь; особенно в юго-восточной части.

К 9-му ярусу относятся 24 сруба, несколько настилов, 3 больших пожарища без остатков построек и ряд частоколов. Культурный слой яруса состоит в целом из темной или темнокоричневой земли с включениями навоза и щепы.

Участок А. Обнаружены 4 постройки и дворовый настил. У самого перекрестка расположен сруб 10А, вскрытый в 13, 14 и 15-м пластах. Сруб размером 6,6 X 6,3 м ориентирован по Холопьевой улице. Заполнение сруба — мощный слой пожарища. В восточной половине сруба сохранились остатки

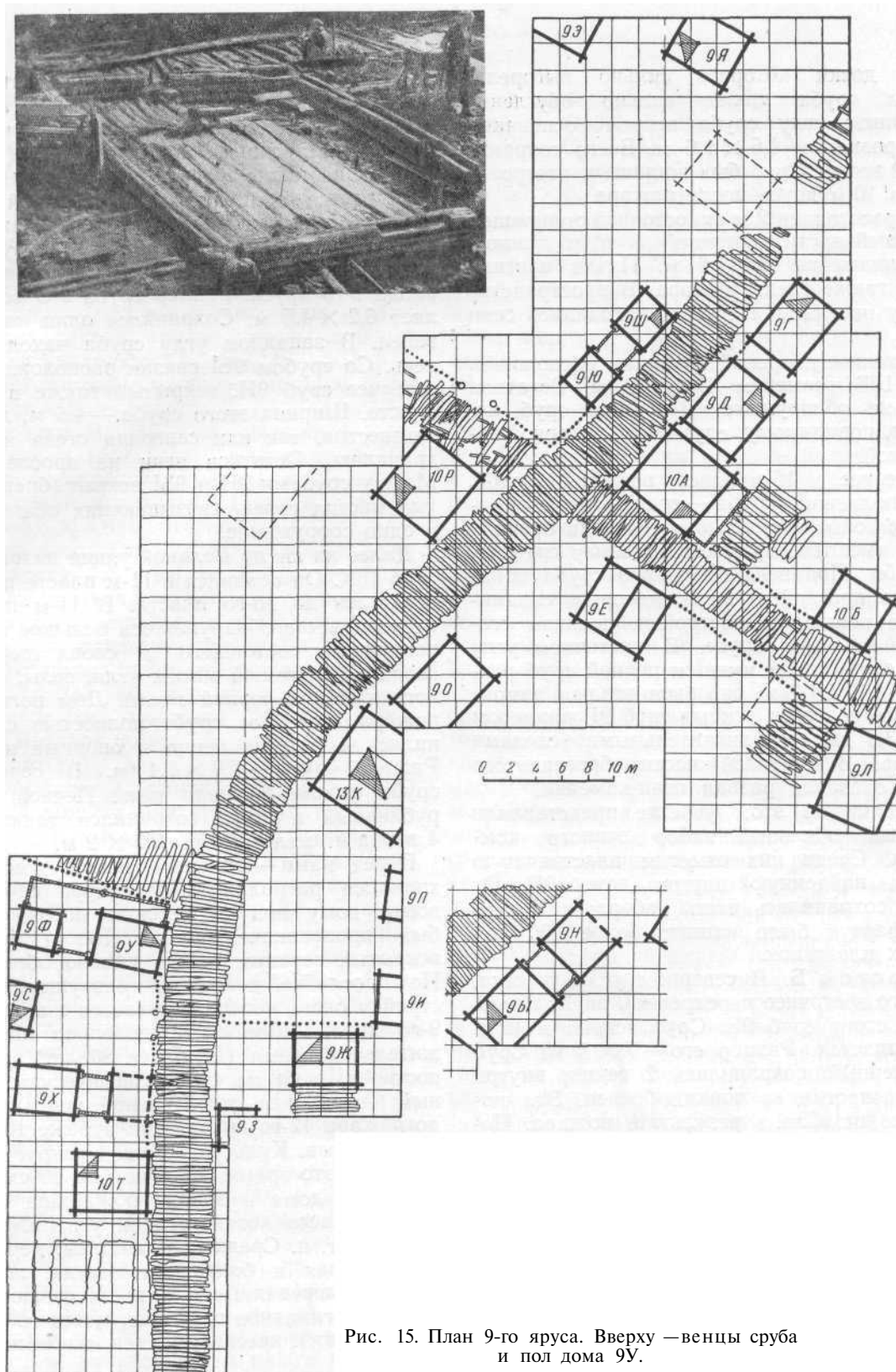

Рис. 15. План 9-го яруса. Вверху — венцы сруба и пол дома 9У.

пола, доски которого сильно выгорели. Венцы сруба также сильно обуглены. В южном углу сруба вскрыто основание печи размером 1,6 X 1,6 м. Всего сохранилось 3 венца. Сруб был жилищем, построенным в 10-м ярусе после пожара.

На расстоянии 2 м от восточной стенки шел дворовый настил шириной 3 м и длиной, сохранившейся на 14,6 м. Плахи настила несут также следы пожара. В пространстве между настилом и срубом находились сени дома.

Восточнее дворовой вымостки расположен сруб ЮБ размером 4,5 X 4,3 м. Остатков печи не обнаружено. Вскрытый сруб является, по видимому, служебной дворовой постройкой.

Севернее, в 16-м пласте вскрыт сруб 9Д. В заполнении сруба — значительная прослойка золы и древесного угля. На бревнах сруба имеются следы огня. Размер сруба — 6,7 X 5 м. Под всей площадью сруба обнаружена прослойка песка, которым спланировано пожарище постройки, целиком сгоревшей в 10-м ярусе. В восточном углу этого сооружения имеется печной сруб размером 1,7 X 1,7 м; оно было жилым домом.

Далее на север вскрыт сруб 9Г размером 4,8 X 3,9 м со значительными следами пожара. В северной части бревенчатого сруба оказался развал печи-каменки.

Находки на этом участке представляли обычный обильный набор жилого комплекса. Среди них отметим пластинчатую броню, найденную внутри дома 9Г. От брони сохранилась часть набора; на кожаный фартук было нашито более 300 железных пластинок.

Участок Б. В северном углу участка, немного восточнее перекрестка, на Холопьевой улице стоит сруб 9Е. Сруб вскрыт в 12 и 13-м пластах. Размер его — 7 X 5 м. Сруб пятистенный, сохранились 2 венца; внутри найден настил из тонких бревен. Эта постройка погибла в результате пожара. Пожарная прослойка очень четко связывает сруб с пожаром 9-й мостовой Холопьевой улицы.

Непосредственно под вымоеткой двора сруба 9Л, рассмотренного при описании 8-го пласта, находилось огромное пожарище, имевшее в плане форму большого прямоугольника размером 5,6 X 4,7 м. Остатков дерева от постройки не сохрани-

лось — сгорело все. Пожарище стратиграфически связывается с пожаром 9-го яруса.

По Великой улице на западной половине раскопа III вскрыта постройка 9-0 (пласт 12-й). Она также сгорела, и ее развал четко связывается с пожарной прослойкой 9-го яруса. Эта постройка была поставлена на месте сооружения 9Ы, которое разрушено задолго до пожара, но уже в течение периода 9-го яруса. Размер сруба 9-0 составляет 6,2 X 4,5 м. Сохранился один нижний венец. В западном углу сруба находилась печь. Со срубом 9Ы связан расположенный севернее сруб 9Н, вскрытый также в 12-м пласте. Ширина этого сруба — 4,5 м, длина неизвестна, так как северная стена не сохранилась. Остатков печи не прослежено. Между срубами 9Н и 9Ы вскрыт бревенчатый настил сеней, связывающих оба сруба в одно сооружение.

Далее на юг по Великой улице находился сруб 13К. Он появился в 11-м пласте и продолжался до 16-го пласта. В 11-м пласте на этом месте обнаружилось большое пятно пожарища, состоящего в своих верхних слоях из огромной массы угля, золы, жженого камня и черной земли. Дом погиб от пожара. Всего от сруба полностью сохранились 4 нижних венца и опорные плахи. Размер сруба — 7,8 X 7,1 м. В середине сруба стояла большая печь. Печной ряж, рубленный в обло, сохранился также на 4 венца и имел размеры 2,5 X 2 м.

Перед нами — большой жилой дом. Сохранился расположенный вокруг печи по всему дому пол из тесовых досок. Сруб был проконопачен мхом. Пол и бревна вскрытых верхних венцов сильно обгорели. По прослойке пожарища разрушение постройки очень четко связывается с пожаром 9-го яруса. Дом стоял довольно продолжительное время (не менее 80 лет) и был построен, судя по стратиграфическим данным (прослойка строительной шепы), еще до пожара 12-го яруса — на рубеже 13-го и 12-го ярусов. Культурный слой вокруг дома вырос за это время более чем на 80 см.

Внутри дома в завале пожарища обнаружена масса хозяйственной утвари, украшений и т. п. Среди них найдены: деревянная точеная и бондарная посуда, ложки, мутовки, деревянные корыта, вилы, лопаты, веретено, глиняное пряслице, масса гвоздей, ножи (5 шт.), кресало, безмен, скобы желез-

ные, стеклянные браслеты (7 шт.), кожаные ножны, бронзовый крестик, веревки, обрывки тканей и, в частности, кусок красного сукна, куски медной проволоки, деревянная игла для плетения сетей, 3 жернова и т. п.

Южнее на этом участке в глубине большого двора, примыкавшего к Великой улице, вскрыты 2 сруба — 9П и 9И, большая часть которых уходит в восточную стенку. На обоих срубах имелись следы пожара. По линии квадратов 477, 487, 497, 507, 517, 527 и 537 проходил частокол, который отделял участок Б от участка Е.

Участок В. На этом участке в слое 9-го яруса, в 14-м пласте вскрыт сруб ЮР на углу перекрестка Великой и Холопьевой улиц. Сохранился только 1 венец. Размер сруба — 5,6 X 5,6 м. В западном углу расположена печь. Столбовой фундамент печи имел размер 1,6 X 1,6 м. Во дворе дома ЮР, т. е. на запад от него, на уровне 9-го яруса вскрыты множество отдельных досок и плах со следами пожара и большое зольно-угольное пятно на квадратах 341, 342, 346 и 347. На юге этого участка обнаружен настил мостовой переулка, идущего с Великой улицы на запад.

Участок Г. Здесь вскрыто трехкамерное сооружение, состоящее из срубов 9Ю и 9Ш. Постройка ориентирована по Великой улице и выходит на нее длинной стороной. Размер сруба 9Ю — 3 X 2,6 м. С севера к срубам примыкает настил сеней из тонких бревен. На расстоянии 2,7 м на север расположен второй сруб — 9Ш, вскрытый в 16-м пласте. Остался только один нижний венец. Размер этого сруба — 3 X 4 м. Внутри сохранился пол и в восточном углу — печь. К срубам примыкали остатки какого-то другого сооружения, второй ли секции этого дома или сарая, — сказать трудно. В северной части этого участка обнаружилось огромное прямоугольное пятно пожарища размером 6 X 5 м.

Участок Д. Вскрыто 5 срубов, несколько настилов, к ним примыкавших, и 2 частокола. Срубы 9У и 9Ф, расположенные на северной половине участка, соединены между собой сенями и имеют на северной стороне пристройку. Это трехкамерное сооружение было жилым домом; размер его — 11 X 6 м. Остатки постройки вскрыты в 7, 8 и 9-м пластах. В 7-м пласте обнару-

жился огромный развал обугленных бревен, досок и чурбаков. Дом целиком погиб от пожара. Сруб 9У, являвшийся основным жилым помещением этого дома, имел размер 5,1 X 3,7 м. Сохранились 4 венца. Сруб рублен из сосновых бревен диаметром 20—22 см. В северо-восточном углу сруба была печь размером 1,5 X 1,4 м. Внутри сруба обнаружен пол из толстых тесин. Вход в эту часть дома был с запада, из сеней. Сени шириной 3 м, с полом из досок, соединяли сруб 9У со срубом 9Ф — амбаром-кладовой. Размер кладовой — 2,9 X 2,9 м. Во всю длину этого сооружения, в его северной части, имелась пристройка шириной 2,3 м с хорошим тесовым полом. Вход в дом был, вероятно, с Великой улицы через эти сени.

Дом вплотную примыкал к частоколу, который разделял участки В и Д. От юго-восточного угла дома вдоль мостовой Великой улицы отходил частокол, в середине которого, повидимому, были ворота. Этот дом был построен в начале периода 9-го яруса после пожара 10-го яруса.

В развале пожарища и около дома собрано множество находок; среди них имеются точеная и резная деревянная посуда, ложки, клепки от разных видов бондарной посуды, масса обычной глиняной посуды, поливная золотоордынская посуда (20 фрагментов), лопата, мутовки, костяные и деревянные гребни, стеклянные браслеты, разные бусы, янтарное кольцо, янтарный крестик, медная и железная пряжки, кольца железные, пряслица глиняное и каменное, разные веревки, деревянные вальки, деревянный пест от толчеи, куски войлока, два топора, ножи, кресала, замки, шило, сковорода, точильные бруски, грецкие орехи, кожаная обувь, шахматные фигурки, копылы от саней, шпангоуты от лодки, гвозди, кусок янтаря, глиняный тигелек и круглая медная проволока.

Южнее сруба 9Ф вскрыт небольшой сруб 9С с печью. Этот сруб также погиб от пожара. Еще южнее обнаружен сруб 9Х, западная сторона которого разрушена поздним фундаментом. Ширина сруба — 4,5 м. Восточнее у сруба оказалась пристройка шириной 2,7 м, с настилом из досок. Это были сени, соединявшие сруб 9Х с другим срубом, от которого остались только следы бревен. На бревнах сруба 9Х заметны следы сильного пожара. Постройка сгорела во

время пожара 9-го яруса. Южнее вскрыт сруб ЮТ очень плохой сохранности. В северо-западном его углу прослежена печь. Это жилой дом, разрушенный во время пожара.

Участок Е. Вплотную к частоколу здесь стоял сруб 9Ж, вскрытый в 8-м пласте. Размер сруба — 5,4 X 4,4 м. На северной половине сохранились 2 венца. Бревна были проконопачены мхом. В северо-западной части сруба обнаружена толстая прослойка глины, возможно, — основание печи. Сохранились остатки пола. На юг от сруба отходит деревянный настил, — вероятно, пол сеней этого дома. На квадратах 540 и 621 находится маленький обгорелый сруб 93 размером 3,2 X 3 м.

Участок Ж. Здесь вскрыты 2 сруба. Сруб 9Я погиб от пожара; сохранился лишь нижний венец. Размер сруба — 4,8 X 3,2 м. В западном углу стояла печь размером 1,8 X 1,5 м. На всей площади сруба оказался развал сильно горелых бревен.

В северо-западном углу раскопа XI в 19-м пласте вскрыта часть огромного пожарища, уходящего за границы раскопа на север и запад. Пожарище имело прямоугольную форму, т. е. очертание какой-то деревянной постройки. Стратиграфически пожарище связывается с 9-м ярусом. После пожара на этом месте было построено сооружение 9Э (см. описание 6-го яруса).

Итак, в 9-м ярусе из вскрытых 24 срубов 16 были разрушены в результате пожара и дошли до нас в развале пожарищ.

10-й ярус (рис. 16). Мостовая Великой улицы — плохой сохранности. Многие плахи отсутствуют, некоторые сдвинуты со своих мест. Ширина настила колеблется от 4 до 4,4 м. Следов пожара на настиле мостовой не обнаружено. Мостовая Холопьевой улицы также плохо сохранилась. Многие плахи вынуты. Ширина настила — 3,5—3,8 м.

В 10-м ярусе, кроме мостовых улиц, вскрыты 19 срубов, несколько частоколов и два пожарища. Культурный слой яруса состоит в целом из темной или темнокоричневой земли с включениями навоза и щепы.

Участок А. На Холопьевой улице к 10-му ярусу относятся вскрытые в 13, 14 и 15-м пластах сооружения 10А и 10Б (о них сказано в описании 9-го яруса). Они были построены в середине периода 10-го яруса на месте сгоревшей в афМ же ярусе

усадьбы со срубом НА. Последний стоял у перекрестка улиц и был ориентирован по Холопьевой улице. Он имел размеры 6,4 X 6,2 м. Бревна венца сруба слегка обгорели; заполнение внутри сруба состояло из черной земли со щепой, золой и древесным углем.

Участок Б. На этом участке находилось 5 срубов. На Холопьюю улицу выходил сруб НЕ, раскопанный в 13 и 14-м пластах. Хорошо сохранилась южная половина сруба — на 3 венца. Размеры сруба — 6 X 5,9 м. Частично сохранился пол, настланный из горбылей. В заполнении сруба хорошо прослеживается пожарище. Значительная площадь пола сгорела, а на оставшейся заметны следы пожара. В слое пожарища встречаются линзы обугленного-зерна.

На Великой улице, немного отступя от перекрестка, стоит сруб 11Ж, вскрытый в 14 и 15-м пластах. Сохранность бревен очень плохая. Размер сруба — 5,5 X 4,5 м. Короткой стороной сруб выходил на Великую улицу. В западном углу его стояла печь, развал которой вскрыт в 15-м пласте. Сруб уничтожен пожаром.

Рядом с описанным срубом на юг по Великой улице стояло сооружение ПИ_г, вскрытое в 13 и 14-м пластах. Общие размеры сруба — 7,3 X 4,5 м. Длинной стороной он был обращен на Великую улицу; в восточном углу находилась печь. Сруб погиб от пожара одновременно со срубом 11Ж. Все три сруба были построены в 11-м ярусе.

Далее на юг в течение всего периода существования 10-го яруса стоял дом 13К, построенный в 13-м ярусе. Во время пожара, когда Погибли дома 11Ж и ПИ, этот дом не сгорел.

На юге участка Б, у мостовой Великой улицы находился сруб ИМ, вскрытый в 10 и 11-м пластах. От постройки остался только один нижний венец размером 6,8 X 6,3 м. В юго-восточном углу обнаружен развал печи. Пол и лаги не сохранились. Постройка погибла от пожара и стратиграфически очень четко связывается с уровнем 10-го яруса.

Участок В. На всей площади участка вскрыты 2 сруба. На углу у самого перекрестка стоял построенный в 10-м ярусе сруб ЮР. Он был разрушен в 9-м ярусе.

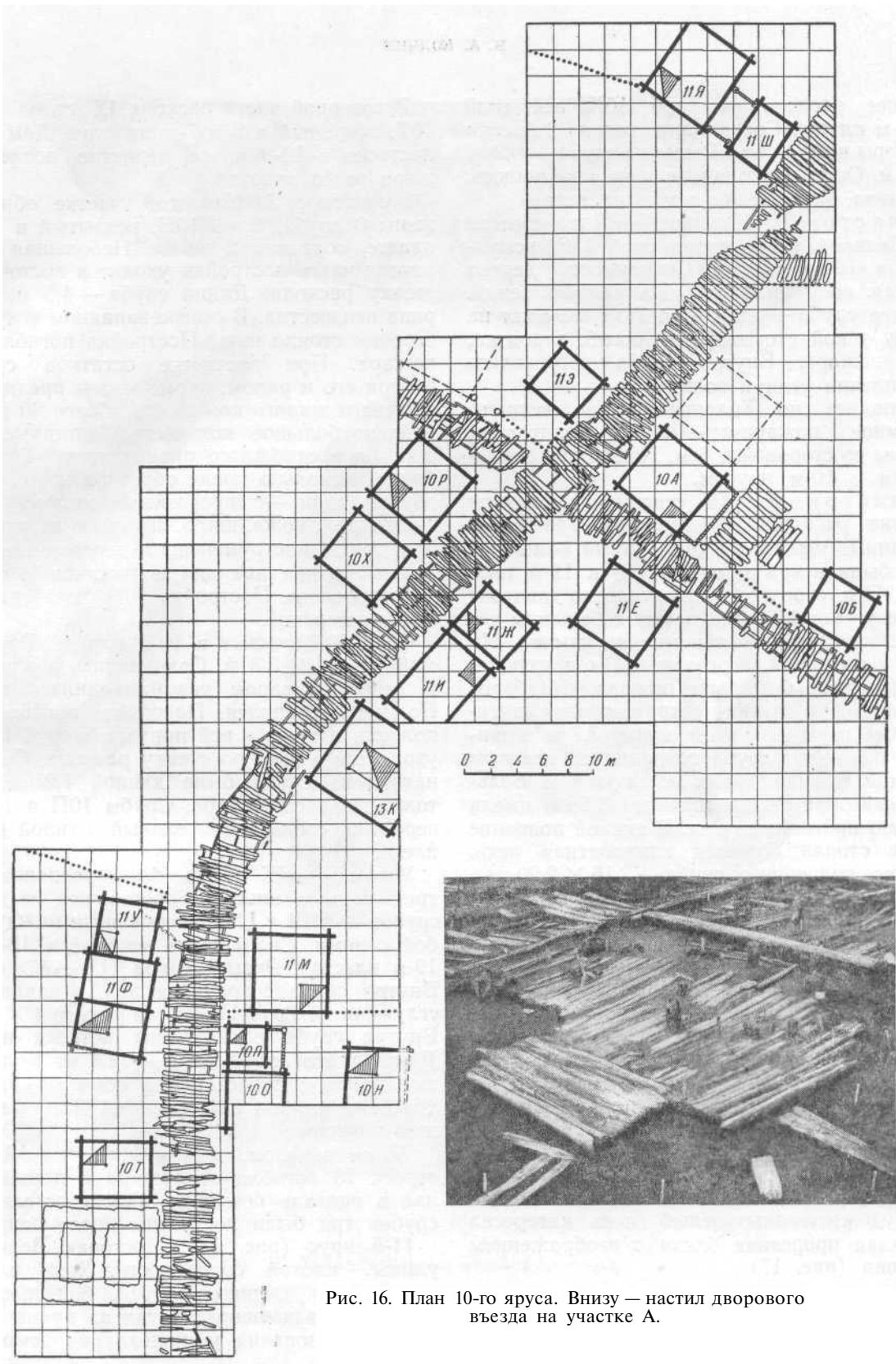

Рис. 16. План 10-го яруса. Внизу — настил дворового въезда на участке А.

Южнее расположен сруб 10X, вскрытый в 14-м пласте. Сохранились только 2 бревна и опоры всех 4 стен. Размеры сруба — 5,2 X 5 м. Остатков пола и печи не сохранилось. Причина разрушения сруба не ясна.

Участок Г. Недалеко от перекрестка по Великой улице стоял сруб 11Э, вскрытый в 16-м пласте. Сохранность дерева плохая, но у части сруба остались 2 венца. Размер сруба — 4,6 X 4 м. Дом выходил на улицу узкой стороной; он погиб, вероятно, при пожаре. Внутри сруба встречались вкрапления угля и золы.

Западнее по Холопьевой улице вскрыто огромное пожарище — пятно квадратной формы со стороны в 6 м. Пожарище связывается с 10-м ярусом.

Участок Д. На северной половине участка располагались 2 сруба — 11У и 11Ф, связанные между собой в единый комплекс. Они были вскрыты в 8, 9, 10 и 11-м пластах. Эти сооружения перекрыты мощным слоем углистой черной земли с большим количеством золы, угля и мелких камней. На всех остатках деревянных конструкций были следы большого пожара. Наиболее массивный и лучше сохранившийся пятистенный сруб 11Ф имел длину 7,7 м и ширину 5,8 м. От сруба сохранились целиком 2 венца, а в некоторых местах и три. Большая северная секция шириной 3,25 м имела хорошо пригнанный пол. В южной половине сруба стояла большая глинобитная печь. Размер подпечного сруба — 2,16X2,20 м.

К северной стенке этого сруба непосредственно примыкал сруб НУ, не имевший южной стены; ее заменяла северная стена сруба 11Ф. Размер сруба — 4,5X4,2 м. Внутри сруба в юго-западном углу находилась печь. Сруб ПУ был, повидимому, пристроен к срубам 11Ф немного спустя после его постройки, но в дальнейшем это было единое сооружение. Весь дом сгорел во время сильного пожара. Пожарище стратиграфически очень четко привязывается к 10-му ярусу.

Находки внутри срубов составляют обычный набор бытовых и хозяйственных вещей. Из художественных вещей очень интересна костяная прорезная бляха с изображением дракона (рис. 17).

Судя по размеру конструкции печи в срубе 11Ф, эта постройка была связана с каким-то производством.

В северной части раскопа IX стоял сруб ЮТ, вскрытый в 6 и 7-м пластах. Дом был построен в 10-м ярусе, вероятно, после пожара этого участка.

Участок Е. На этом участке обнаружены 3 сруба. Сруб ЮН, вскрытый в 10-м пласте, сохранил 2 венца. Небольшая восточная часть постройки уходит в восточную стенку раскопа. Длина сруба — 4,6 м, ширина неизвестна. В северо-западном углу постройки стояла печь. Постройка погибла от пожара. При расчистке остатков сруба внутри его и рядом, кроме массы предметов обычного жилого комплекса (более 30 шт.), найдено большое количество инструментов и отходов сапожного производства. Тут собрано несколько тысяч обрезков кожи, крой обуви (один, — с прорезным орнаментом), 2 сапожных ножа, шило, игла медная, оселки для точки инструмента, 3 деревянные колодки, из них две для подростков и одна для взрослого. Постройка ЮН была сапожной мастерской.

Сруб ЮП вскрыт в 10-м пласте. Размер сруба — 3,5 X 3,3 м. Сохранились два венца В северо-западном углу находилась печь. Пол не сохранился. Постройка погибла от пожара. Южнее к ней примыкал сруб 10-О, уходящий в южную стенку раскопа. Северная стена сруба была длиной 4,2 м. Он тоже погиб от пожара. Срубы ЮП и 10-О, вероятно, составляли единый жилой комплекс.

Участок Ж. Здесь было расположено трехкамерное жилище, состоявшее из двух срубов — 11Ш и 11Я, соединенных между собой сенями. Сооружение вскрыто в 18-м и 19-м пластах. Размер сруба 11Я — 6 X 6 м. Внутри сруба сохранился пол, в западном углу — печь. Сруб 11Ш имел размер 4 X 4 м. Внутри сруба обнаружены остатки пола. Длина всего сооружения — 12,5 м. Коллекция находок представляла обычный набор хозяйственно-бытовой утвари. Дом разрушен пожаром.

Таким образом, в 10-м ярусе из 19 построек 13 погибли от пожара и дошли до нас в развале пожарищ. Среди остальных срубов три были построены после пожара.

11-й ярус (рис. 18). Мостовая Великой улицы — плохой сохранности. Хотя плахи сохранились целиком и все, большинство их сильно изношено. Настил за время своего существования несколько раз ремонти-

Рис. 17. Художественные изделия из кости.

1 - накладная пластинка с изображением дракона (8-й ярус); 2 - накладная бляха с изображением русалки, пьющей из рога (11-й ярус); 3 - накладная бляха с изображением дракона (10-й ярус); 4 - навершие в виде головы орла (25-й ярус); 5 - навершие в виде головы филина (18-й ярус); 6 - рукоятка ножа в виде рыбы - сига (18-й ярус).

ровался. Мостовая была построена сразу же после грандиозного пожара 12-го яруса (см. ниже). Об этом нам говорит следующее наблюдение. У большинства плах выпуклая сторона, т. е. та сторона, которой плаха клалась на продольные лаги, обуглена. Это могло произойти единственно в том случае, если на изготовление плах были употреблены круглые обугленные бревна, т. е. в данном случае развалы пожарища, о котором мы скажем ниже. Ширина мостовой колебалась от 4,4 до 4,6 м. Следов пожара на поверхности настила по всей длине мостовой не наблюдалось. Мостовая Холопьевой улицы — несколько лучшей сохранности. Ширина этой мостовой — около 3 м. Следов пожара здесь также не обнаружено.

К 11-му ярусу относятся 16 срубов и несколько частоколов. Большинство сооружений построено в начале периода И-го яруса после пожара 12-го яруса.

Участок А. На углу у перекрестка находился сруб ПА, сгоревший в 10-м ярусе и построенный в самом начале существования 11-го яруса.

Участок Б. Здесь повторилась планировка 10-го яруса, так как сооружения, вскрытые в этом ярусе, существовали и в 11-м ярусе. Срубы НЕ и ПИ построены в начале периода 11-го яруса, сразу же после пожара 12-го яруса. Сруб 11Ж построен, вероятно, в середине времени существования 11-го яруса на месте другого сруба ПЛ. Этот последний сруб, вскрытый в 15-м пласте, — плохой сохранности; размер его — 5,8 X 4,5 м. В южном углу была печь. С восточной стороны к срубам примыкала небольшая клеть размером 3 X 2,7 м. Сооружение построено сразу же после пожара 12-го яруса и в середине периода 11-го яруса было сломано.

Участок В. На самом углу у перекрестка улиц находился огромный сруб 13Р, вскрытый в 14, 15, 16, 17 и 18-м пластах. Ориентирован он по Холопьевой улице. Размер сруба — 8,4 X 8,3 м. Сохранились 4 венца. Внутри был настлан пол из толстых тесин, лежавших на 4 толстых переводах. Следов печи внутри сруба не обнаружено. Остались следы нескольких внутренних перегородок. Постройка была разрушена в период 11-го яруса. Причины разрушения не ясны, так как следов пожара на сохранившихся деталях здания не обнаружено. Строи-

лось это сооружение во время существования 13-го яруса, когда настлали 13-ю мостовую Холопьевой улицы; об этом свидетельствует то, что для опорных плах фундамента здания были использованы плахи настила 14-й мостовой. Дом был, вероятно, нежилого назначения. Об этом нам говорит, во-первых, отсутствие печи и, во-вторых, необычайный состав находок: их очень мало и почти нет домашней утвари, столь обычной среди находок в других жилых сооружениях.

Южнее этого сруба находился сруб 12Х, вскрытый в 14, 15, 16 и 17-м пластах. Сохранились 2 венца. Размеры сруба — 7 X 7 м. Обнаружены остатки пола. В северо-восточном углу сруба оказался развал печи. Сооружение было жилым домом. Следов пожара нет. Дом был разрушен в 11-м ярусе, а построен в 12-м.

Участок Г. Здесь находился сруб 11Э, построенный в 11-м ярусе и разрушенный в 10-м ярусе.

Участок Д. На этом участке обнаружено сооружение, состоящее из срубов 11Ф и НУ. Построено оно в начале периода 11-го яруса и погибло от пожара в 10-м ярусе. Южнее стоял маленький срубик постройки 11Ы.

Участок Е. Вскрыта постройка ПН. Сохранились 2 венца сруба. Размер постройки — 3,7 X 3,7 м. Внутри обнаружены остатки пола из тесин, лежавших на двух лагах. В северо-восточном углу находился фундамент печи размером 1,3 X 1 м. Постройка воздвигнута в начале существования И-го яруса и была разрушена в этом же ярусе. Вдоль всей северной границы участка проходил частокол.

Участок Ж. Здесь повторилась планировка Ю-го яруса, так как сооружение со срубами 11Я и 11Ш, существовавшее в период Ю-го яруса, было построено в 11-м ярусе.

Итак, мы видим, что в слое 11-го яруса не прослежено ни одного пожара и большинство сооружений, построенных в этом периоде, продолжало существовать в 10-м ярусе (11 срубов из 16 перешли в 10-й ярус).

12-й ярус (рис. 19). Мостовая Великой улицы — хорошей сохранности. Ширина настила больше, чем у предшествующих мостовых, и колеблется около 5 м. На всем

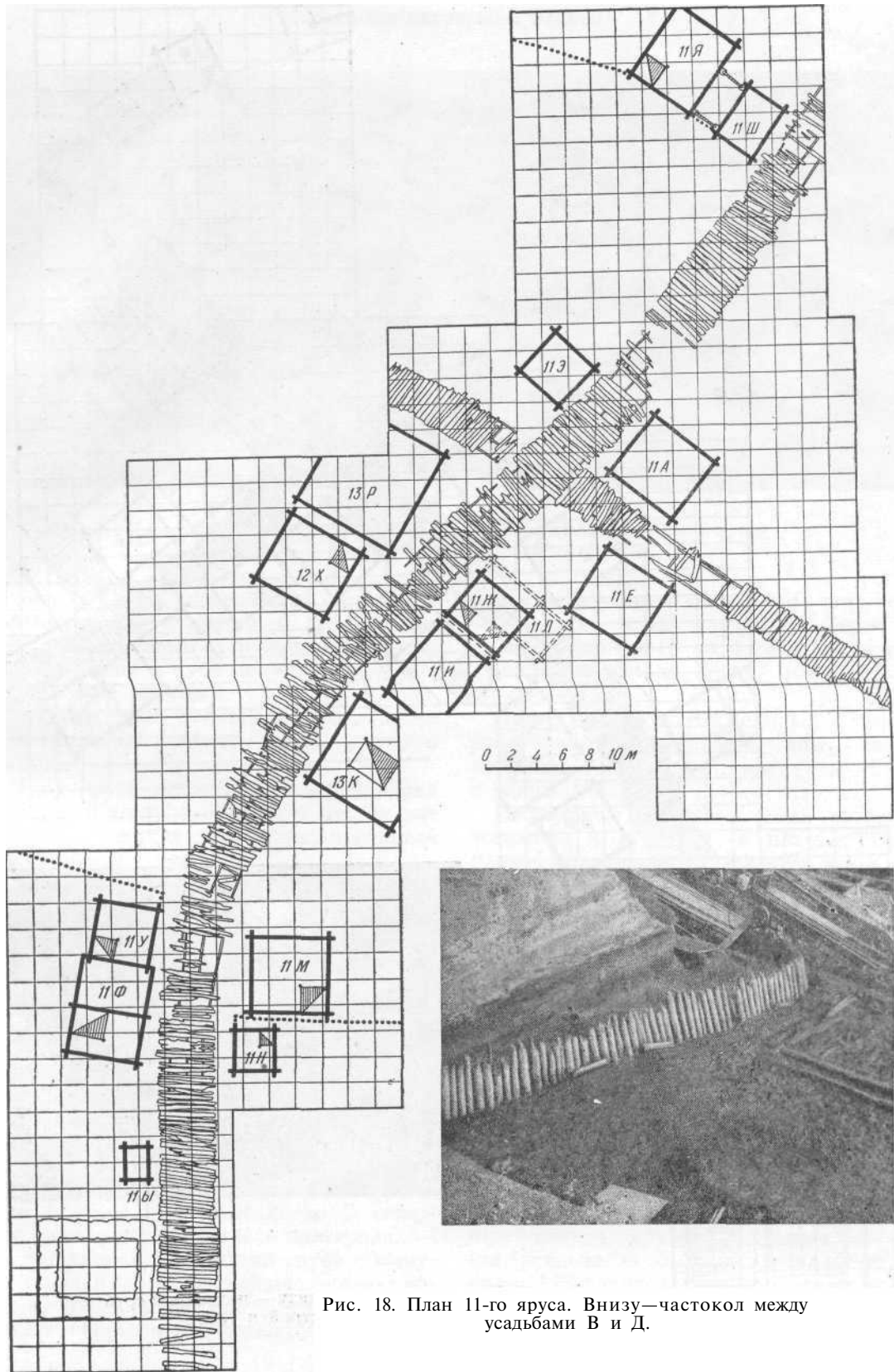

Рис. 18. План 11-го яруса. Внизу—часток между
усадьбами В и Д.

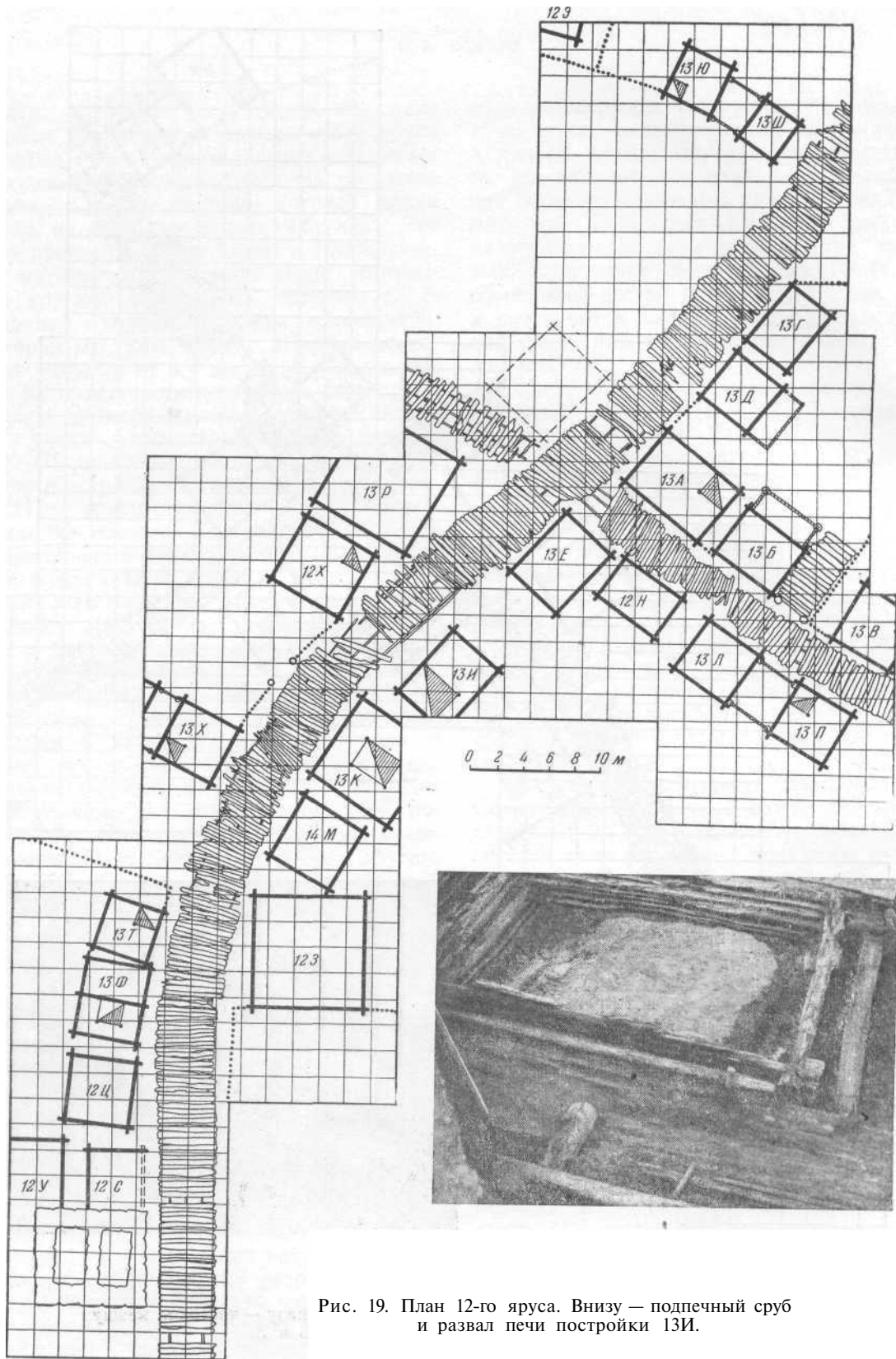

Рис. 19. План 12-го яруса. Внизу — подпечный сруб и развал печи постройки 13И.

Рис. 20. Вид на перекресток Великой и Холопьевой улиц 12-го яруса.

протяжении улицы поверхность мостовой сильно обгорела, особенно в местах, где к ней примыкали постройки. Мостовая Холопьевой улицы — тоже хорошей сохранности; ширина настила — 3,5—3,7 м. Поверхность мостовой Холопьевой улицы, также как и Великой, носит следы пожара (рис. 20).

К 12-му ярусу относятся 24 сруба и ряд частоколов. Культурный слой в местах вне сооружений состоит из темнокоричневой земли со щепой и навозом.

Участок А. На участке расположены 5 срубов и дворовый настил. В самом углу у перекрестка улиц стоит сруб 13А и рядом с ним по Холопьевой улице — сруб 13Б. Срубы вскрыты в 17, 18 и 19-м пластах. Оба сруба представляли собой огромные пожарища. Все сохранившиеся деревянные конструкции обгорели, пространство в них и между ними заполнено массой золы, угля, песка, жженого камня, обломками досок и бревен.

Сруб 13А был размером 7,3 X 5,5 м. Внутри частично сохранились пол и его переводы. В восточном углу находилась печь. Размер сруба 13Б — 4,2 X 5,2 м. С северной стороны у него оказалась пристройка — чулан шириной 1,9 м. Внутри сруба обнаружены остатки пола. В верхних слоях пожарища этого сруба расчищено большое количество обугленного зерна (более 5 пу-

Дов), образующего в южном углу сруба сплошную толстую прослойку. Зерно хранилось здесь где-то на полатах и во время обвала перекрыло часть пожарища постройки.

Далее на восток по Холопьевой улице располагались сохранившийся лишь частично дворовый настил и въезд в усадьбу с улицы.

Несколько, севернее стоял сруб 13Д, вскрытый в 18-м и 19-м пластах. Сруб — плохой сохранности, размером 4,8 X 4,4 м. Узкой стороной он ориентирован по Великой улице. Остатков пола и печи внутри сруба не сохранилось. С восточной стороны к срубам примыкали небольшие сени шириной 1,9 м. Сруб сторел.

В северной части участка расположен сруб 131, вскрытый в 19-м пласте. Сохранность сруба плохая. Его размер по линии восток—запад — 5,2 м; длина неясна так как северная стенка не сохранилась. Сруб имеет следы пожара.

С северной стороны у восточного угла сруба 13А расположен развал камней и глины. Это остатки какого-то очага, вернее всего горна. По обилию находок, собранных внутри срубов и рядом с ними, эта усадьба необычна. Здесь обнаружено более 175 находок. Кроме рядовых находок деревянной посуды и иной домашней утвари, обнаружены: 58 обломков различных

стеклянных браслетов, более 70 железных гвоздей, костяные и деревянные гребни, ножи, ключи, жернов и подпятник с втулкой от него, большая личина от замка, пряжки от конской сбруи, скребница конская, поясная пряжка, слюда, осколки стекла, костяно-стиль, коньки, воск, яичная скорлупа, шерстяные нити, вишневые косточки, бусы, обрывки веревок, тканей и т. п. Помимо этого, в развале сруба 13Б и вокруг него найдено 27 кусочков янтаря, 5 небольших слитков меди, кусок свинца, медная проволока, медная цепочка, медная чашка от весов, тигель, 4 точильных бруска. В развале сруба 13Г оказалась золотая печать конца XII в.; во время существования 12-го яруса она уже имела значение только как слиток драгоценного металла. Принадлежность усадьбы не вызывает сомнений — перед нами жилище и мастерская богатого ремесленника-ювелира. Усадьба была построена в 13-м ярусе.

В восточной части участка располагалось, ориентируясь по Холопьев улице, сооружение 13В, вскрытое в 17 и 18-м пластах. Размер сруба — 5,1 X 4,8 м. Сохранились следы пожара. Это было производственное помещение, ибо вся южная половина сруба заполнена мощным слоем глины, являвшейся, вероятно, основанием большой печи. Территорию сруба 13В окружал частокол. Сруб был построен в 13-м ярусе.

Участок Б. На самом углу у перекрестка улиц расположен сруб 13Е, вскрытый в 17 и 18-м пластах. Сохранилось 3 венца. Размеры сруба — 6,8 X 5,2 м. Обнаружены обломки досок пола. Дом погиб от пожара. Построен он был в начале периода 13-го яруса.

Южнее по Великой улице находилась постройка 13И, вскрытая в 15, 16 и 17-м пластах. Сруб — хорошей сохранности: 2 венца по всему периметру и 4 — в юго-западной части. Размер сруба — 6,5 X 4,5 м. Сруб отстоит от мостовой на 1,2 м. Хорошо сохранился тесовый пол. Значительную часть сруба (около 9 кв. м) занимала печь, сложенная из сырцового кирпича. Бревенчатый печной ряж размером 3,6 X 2,6 м сохранился на 6 венцов. Все верхние бревна постройки сильно обгорели — постройка погибла от пожара. Стратиграфически пожар очень четко связывается с пожаром настила 12-й мостовой. Построено здание было в на-

чале периода 13-го яруса. Судя по находкам, а главное по размеру и конструкции печи, сруб был каким-то производственным сооружением, вернее всего, пекарней.

Дальше по улице стоял дом 13К, построенный в 13-м ярусе и описанный выше. Во время пожара 12-го яруса постройка не погибла (как сгорели дотла соседние дома), а, вероятно, только частично обгорела и после ремонта продолжала стоять. Южнее находится сруб 14М, вскрытый в 12, 13, 14, 15 и 16-м пластах. От постройки сохранилось 5 венцов, хорошо проконопаченных мхом. Размер сруба — 6 X 6 м. Внутри найдены остатки пола. На северной и западной стенах обнаружены следы пожара, от которого сооружение погибло. Оно было построено в 14-м ярусе. Сооружение имело хозяйственное назначение. Среди находок, связанных с этой постройкой, следует отметить хорошо сохранившуюся беговую лыжу (рис. 21) и резную спинку кресла (рис. 22).

Далее на юг стояла большая постройка 12-3, вскрытая в 11 и 12-м пластах. От постройки сохранилось основание всех стен, в некоторых местах — до трех венцов. Размер сруба — 9,5 X 9,5 м. Внутри постройка была разделена двумя перерубами, т. е. здание было шестистенное. Сохранилось несколько досок от пола. Никаких следов печи или ее основания не обнаружено. Все бревна сруба, пола и других деталей постройки сильно обуглены. Постройка погибла от пожара и вместе с ней выгорела поверхность настила мостовой 12-го яруса на участке против постройки. Внутри сруба на всей площади обнаружена сплошная прослойка (толщиной 8 см) обугленного зерна ржи и ячменя. Находок, относящихся к комплексу жилища, почти нет. Перед нами — сооружение хозяйственного назначения, скорее всего, торговое помещение по продаже зерна.

На восток от перекрестка улиц, рядом со срубом 13Е находился сруб 12Н, вскрытый в 15 и 16-м пластах, размером 6 X 4,2 м. Сохранился только один нижний венец сруба, целиком обгоревший. Пожар стратиграфически хорошо связывается с пожаром 12-й мостовой Холопьев улицы. Дом был построен в самом конце периода 13-го или в начале периода 12-го яруса.

Далее на восток стояли два сруба 13Л и 13П, составлявшие трехкамерное жилище.

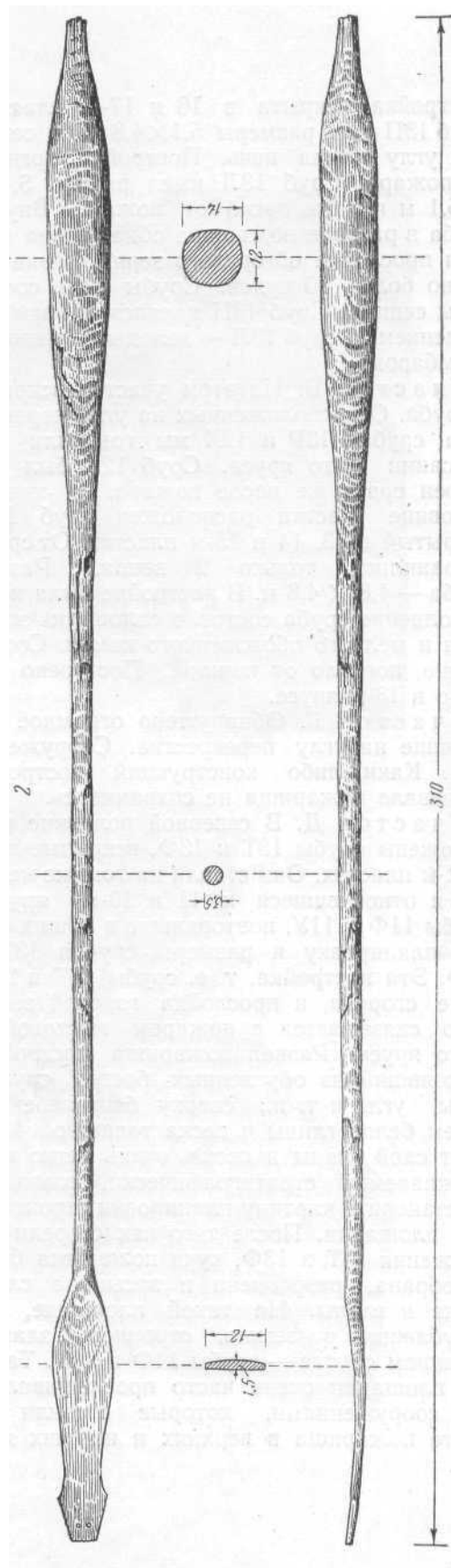
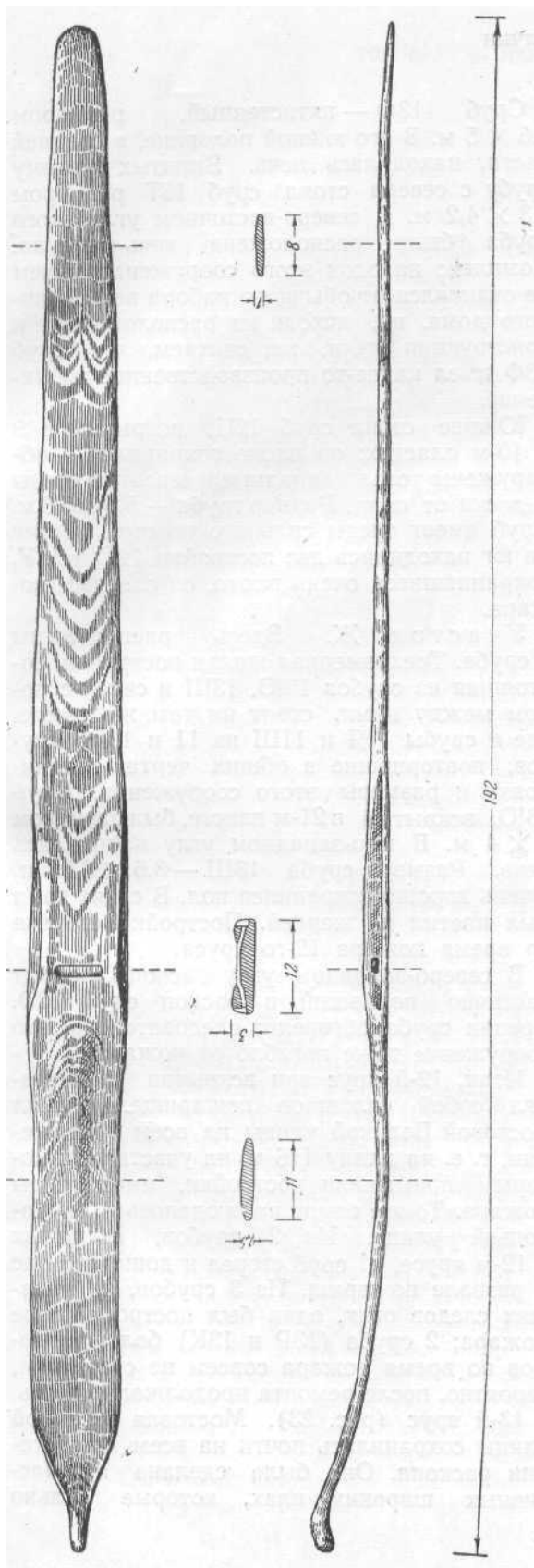

Рис. 21. Беговая лыжа (1) 13-го яруса и корабельное весло (2) 16-го яруса.

Постройка вскрыта в 16 и 17-м пластах. Сруб 13П имел размеры 5,1X4,8м. В северном углу стояла печь. Постройка погибла от пожара. Сруб 13Л имел размер 5,1 X 5,1 м тоже погиб от пожара. Внутри сруба в развале пожарища обнаружена толстая прослойка обгорелого зерна. Зерна собрано более 10 пудов. Срубы были соединены сенями. Сруб 13П являлся жилым помещением, а сруб 13Л — холодной кладовой и амбаром.

Участок В. На этом участке вскрыты 3 сруба. О расположенных на углу перекрестка срубах 13Р и 12Х мы говорили при описании 11-го яруса. Сруб 12Х был построен сразу же после пожара. В южной половине участка расположен сруб 13Х, вскрытый в 13, 14 и 15-м пластах. От сруба сохранились только 2 венца. Размер сруба — 4,8 X 4,8 м. В постройке была печь. Заполнение сруба состояло сплошь из золы, угля и мелкого обожженного камня. Сооружение погибло от пожара. Построено оно было в 13-м ярусе.

Участок Г. Обнаружено огромное пожарище на углу перекрестка. Сооружений нет. Каких-либо конструкций постройки в развале пожарища не сохранилось.

Участок Д. В северной половине расположены срубы 13Т и 13Ф, вскрытые в 11 и 12-м пластах. Они стояли на том же месте, где и относившиеся к 11 и 10-му ярусам срубы 11Ф и НУ, повторявшие в общих чертах планировку и размеры срубов 13Т и 13Ф. Эта постройка, т. е. срубы 13Т и 13Ф, тоже сгорела, и прослойка горелой земли ясно связывается с пожаром мостовой и 12-го яруса. Развал пожарища постройки, состоявший из обугленных бревен срубов, золы, угля и т. п., сверху был перекрыт слоем белой глины и песка толщиной 4 см. Этот слой глины и песка, очень четко прослеживаемый стратиграфически, позволяет восстановить картину планировки строительной площадки. После того как сгорели сооружения 13Т и 13Ф, куча пожарища была разобрана, разровнена и засыпана слоем песка и глины. На такой площадке, без углубления в землю, строилось здание, в данном случае — срубы 11Ф и НУ. Такие же площадки очень часто прослеживались под сооружениями, которые ставили на месте пожарища в верхних и нижних ярусах.

Сруб 13Ф — пятистенный, размером 5,5 X 5 м. В его южной половине, в средней части, находилась печь. Впритык к этому срубу с севера стоял сруб 13Т размером 4,3 X 4,2 м. В северо-восточном углу этого сруба была расположена печь-каменка. Комплекс находок этого сооружения ничем не отличался от обычного набора вещей жилого дома, но, исходя из расположения и конструкции печи, мы считаем, что сруб 13Ф имел какое-то производственное назначение.

Южнее стоял сруб 12Ц, вскрытый в 9 и 10-м пластах; он плохо сохранился — обнаружены только западные и северные стены и доски от пола. Размер сруба — 5,5 X 5,3 м. Сруб имеет следы сильного пожара. Далее на юг находились две постройки 12С и 12У, сохранившиеся очень плохо, со следами пожара.

Участок Ж. Здесь расположены 3 сруба. Трехкамерная жилая постройка, состоящая из срубов 13Ю, 13Ш и сеней с полом между ними, стоит на том же месте, где и срубы 11Я и 11Ш из 11 и 10-го ярусов, повторившие в общих чертах планировку и размеры этого сооружения. Сруб 13Ю, вскрытый в 21-м пласте, был размером 4 X 4 м. В юго-западном углу находилась печь. Размер сруба 13Ш — 3,6 X 3,6 м. Очень хорошо сохранился пол. В сенях дома был настил из жердей. Постройка сгорела во время пожара 12-го яруса.

В северо-западном углу раскопа вскрыт частично попавший в раскоп сруб 12Э. Бревна сруба обгорели; следовательно, это сооружение тоже погибло от пожара.

Итак, 12-й ярус при вскрытии представлял собой сплошное пожарище. Настил мостовой Великой улицы на всем протяжении, т. е. на длину 116 м, на участках, к которым примыкали постройки, имел следы пожара. То же самое наблюдалось и на Холопьевой улице. Из 24 срубов, вскрытых в 12-м ярусе, 21 сруб сгорел и дошел до нас в развале пожарищ. Из 3 срубов, не имевших следов огня, один был построен после пожара; 2 сруба (13Р и 13К) больших домов во время пожара совсем не сгорели и, вероятно, после ремонта продолжали стоять.

13-й ярус (рис. 23). Мостовая Великой улицы сохранилась почти на всем протяжении раскопа. Она была сделана из массивных широких плах, которые сильно

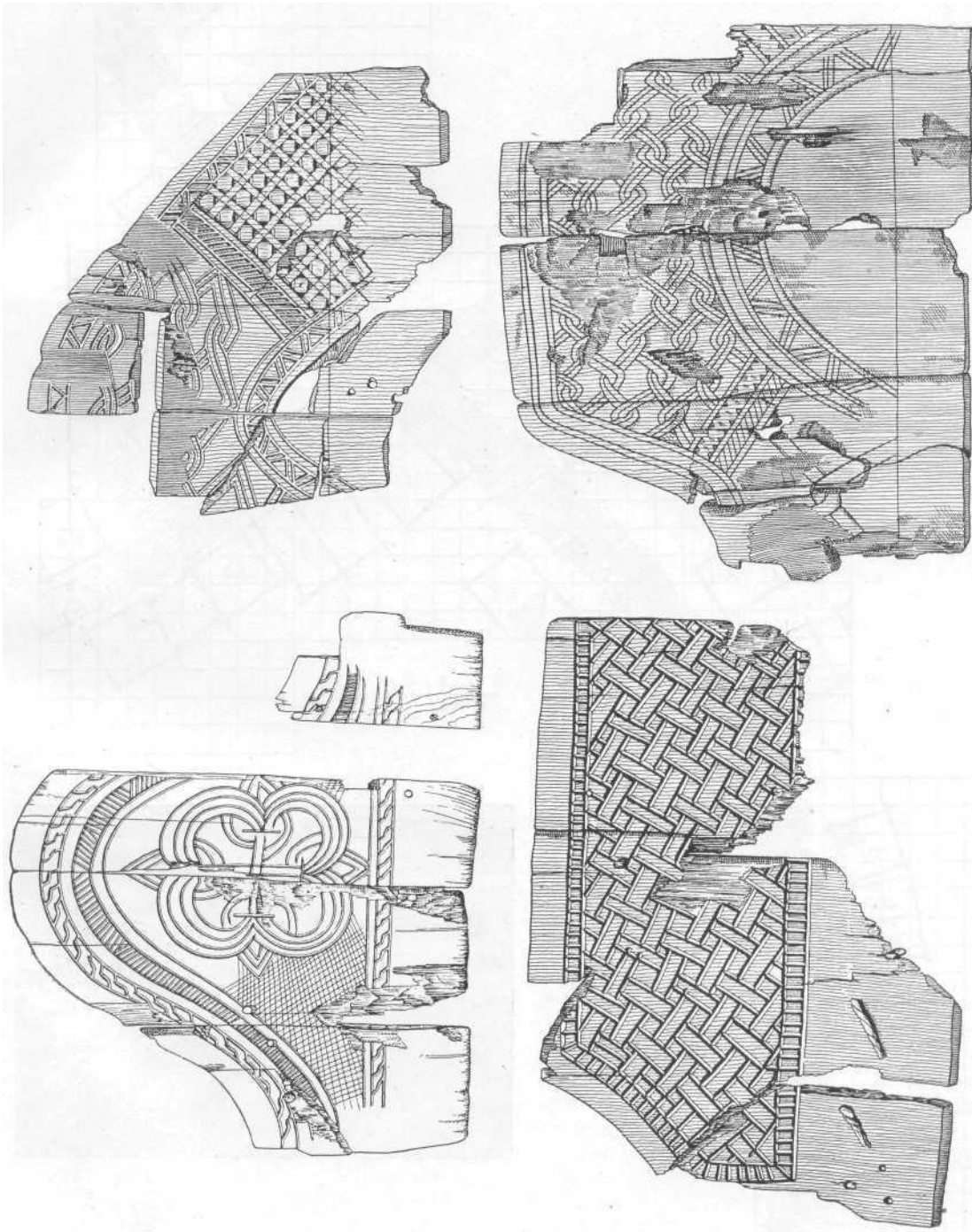

Рис. 22. Резные спинки кресел.

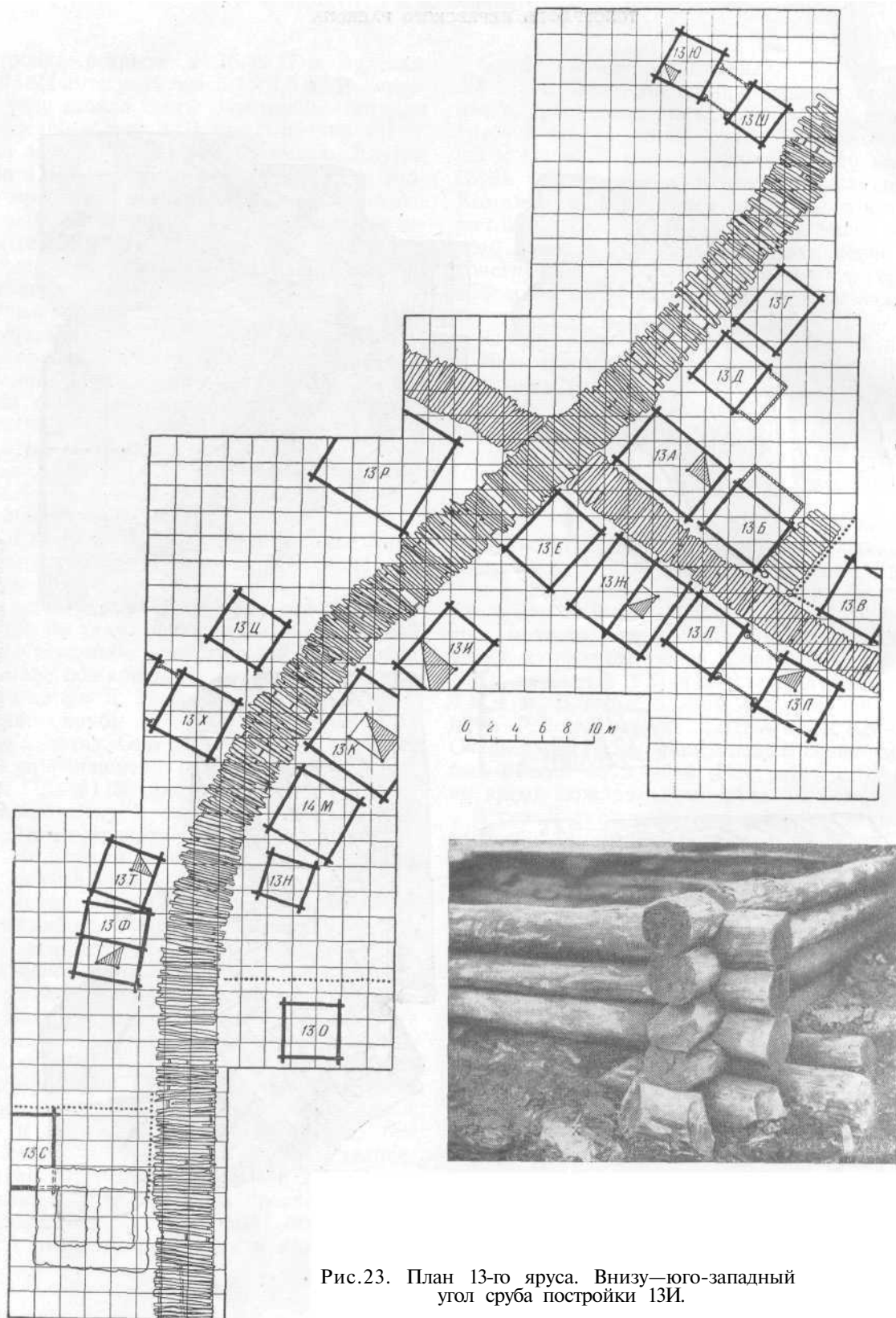

Рис.23. План 13-го яруса. Внизу—юго-западный угол сруба постройки 13И.

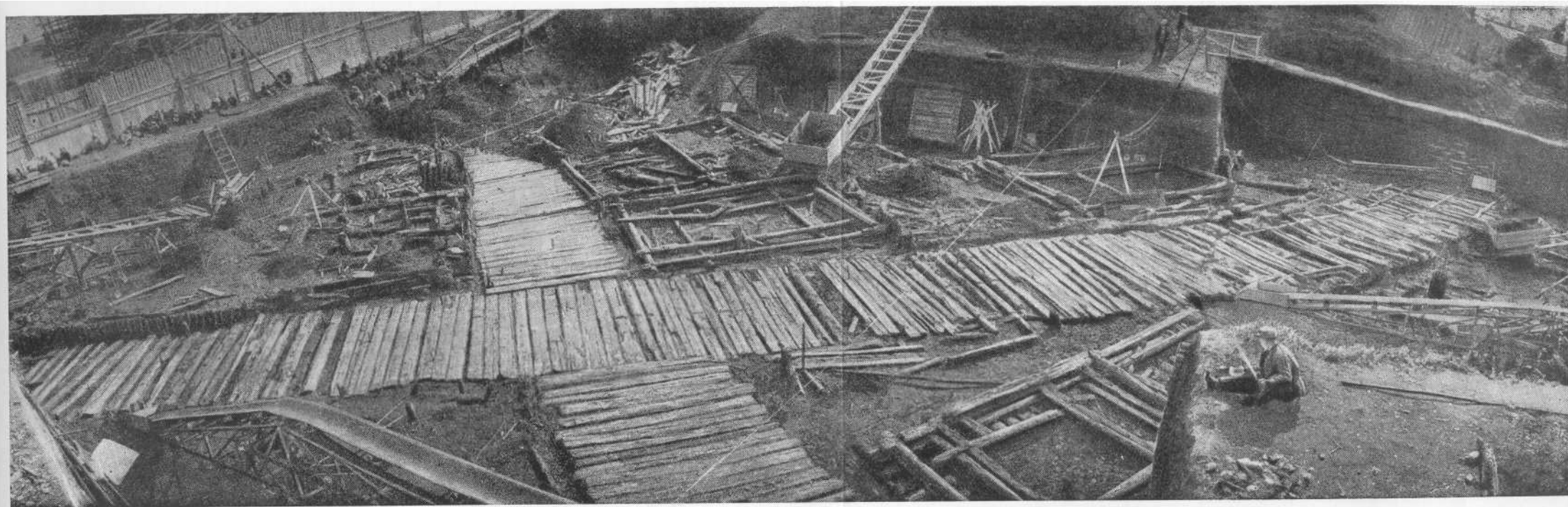

Рис. 24. Вид на перекресток Великой и Холопьевой улиц 13-го яруса.

изношены; в некоторых местах имеются выбоины. Ширина настила мостовой — около 5 м. Мостовая Холопьевой улицы — значительно лучшей сохранности. Сооружена она из толстых плах-полубревен шириной до 35 см. Ширина настила улицы достигает 3,6 м (рис. 24).

К 13-му ярусу относятся 22 сруба и 2 частокола. Культурный слой состоит в основном из черно-коричневой жирной земли с большим содержанием навоза и небольшими прослойками щепы.

Участок А. На участке по Холопьевой улице расположены срубы 13А, 13Б, 13В, 13Г и 13Д так же, как и в 12-м ярусе.

Участок Б. От перекрестка на юг вдоль Великой улицы идут срубы 13Е, 13И, 13К и 14М. Затем идет сруб 13Н, вскрытый в 13 и 14-м пластах. От постройки целиком сохранилось только одно восточное бревно, остальные стенки сруба — в обломках. Размер сруба — 4 X 4 м. Остатков пола и печи не сохранилось. Следов пожара не обнаружено. Все срубы, кроме 14М, были построены в течение периода 12-го яруса.

На восток от сруба 13Е расположен сруб 13Ж, вскрытый в 15 и 16-м пластах. Сохранилось только 3 стены сруба; северная стена, выходящая на Холопью улицу, разрушена полностью. Размер сруба — 7 X 7 м. В средней части восточной половины дома стояла печь, сложенная из сырцового кирпича. Следов пожара, связанных со срубом 13Ж, не обнаружено (внутри сруба оказалось несколько горелых досок, которые связаны со сгоревшим срубом 12Н, стоявшим непосредственно на срубе 13Ж). Обращает на себя внимание обилие находок, собранных внутри сруба 13Ж и рядом во дворе дома. Всего найдено около 300 предметов. Среди них 29 гвоздей, 17 стеклянных браслетов, 6 бусин, 7 ножей, масса обрывков шерстяных, льняных и суконных тканей, обрывки кожаной обуви, кожаный кошелек, обрывки медной проволоки, кусок меди, долото, скобель, острога, коса, двое ножниц, 5 замков, 3 ключа, 3 замочные личины, стремя, стрела, пряжка, бронзовая поясная накладка с эмалью, бронзовый браслет, несколько кусочков янтаря, вислая свинцовая печать новгородского тиуна Калиста. Следует отметить, что большинство предметов в той или иной степени поломано, т. е. было

выброшено во двор или оставлено под полом дома.

Далее на восток от этого дома находились срубы 13Л и 13П.

Участок В. На углу у перекрестка стоит сруб 13Р. Строился он в самом начале периода 13-го яруса. Далее на юг по Великой улице стоит сруб 13Ц, вскрытый в 16 и 17-м пластах. Сохранность плохая. Размер сруба — 4,8 X 4,6 м. Следов пожара не обнаружено. Сруб построен в начале существования 13-го яруса. В южной половине участка стоит сруб 13Х (см. описание 12-го яруса).

Участок Г. Построек нет.

Участок Д. На северной половине участка стоят срубы 13Т и 13Ф, а на южной половине — сруб 13С. Последний вскрыт в 10 и 11-м пластах; сохранился он очень плохо; западная часть его уходит за границу раскопа. Ширина сруба — 6,2 м. Остатков пола и печи не сохранилось. Следов пожара нет.

Участок Е. Здесь стоит сруб 13-0, вскрытый в 13 и 14-м пластах. Сохранность постройки средняя, ее размер — 4,6 X 4,8 м. Остатков пола и печи нет, следов пожара — тоже.

Участок Ж. На этом участке стоят срубы 13Ю и 13Ш, о которых мы говорили при описании 12-го яруса.

Таким образом, из 22 срубов, относящихся к 13-му ярусу, ни один сруб в течение этого периода не сгорел. За это время был построен 21 сруб и 17 срубов яруса продолжали стоять в течение периода 12-го яруса.

На рис. 25 показано скульптурное изображение головы зайца, найденное в 13-м ярусе.

14-й ярус (рис. 26). Сохранность мостовой Великой улицы средняя, плахи сильно изношены и в некоторых местах отсутствуют. Ширина настила колеблется от 4,6 до 5 м. Настил мостовой во многих местах на всех раскопах носит следы пожара. Мостовая Холопьевой улицы сохранилась очень плохо; ширина ее — около 3,5 м (рис. 27).

К 14-му ярусу относятся 16 срубов, несколько пожарищ и частоколов. Культурный слой состоит из черно-коричневой жирной земли с навозом и очень небольшими прослойками щепы.

Участок А. На углу у перекрестка расположено огромное пожарище, вскрытое

в 20-м пласте. От сооружения осталась лишь часть пола. Постройка занимала не менее 7 X 5 м. Погибло сооружение от пожара.

Рис. 25. Скульптурное изображение головы зайца (дерево; 13-й ярус).

Восточнее пожарища находится сруб 14Б, вскрытый в 19 и 20-м пластах. Размер сруба — 5,6 X 5,6 м. В южном углу сруба стояла печь-каменка. На срубе и внутри его имеются следы пожара. Этот сруб, вероятно, вместе со срубом, от которого остался только пол, составляли один жилой комплекс. Сруб 14Б, очевидно, был помещением мастерской, так как здесь среди находок обнаружены медная проволока, медная чашка от весов, кресало, оселки, слиток меди и литейная форма.

Далее на восток на участке расположен дворовый настил, сохранившийся очень плохо. К нему с востока примыкало пятно пожарища постройки, уходящей в восточный профиль.

На север от угла по Великой улице обнаружен сруб 14Г плохой сохранности; стенки его развалены. Размер сруба — 4,2 X 4,2 м.

В развале сруба обнаружены более 3 пудов обугленного зерна и масса хозяйственного инвентаря (рис. 28). Постройка эта — амбар-кладовая — погибла от пожара.

На севере участка по линии квадратов 758, 746, 734 и 722 — частокол, к которому примыкал сруб 14Д, вскрытый в 21-м пласте. Восточной половиной сруб уходит в профиль. Ширина сруба — 5 м.

Участок Б. Немного отступя на юг от перекрестка, стоит сруб 14Е, вскрытый в 17 и 18-м пластах. Сохранился 1 венец, в некоторых местах — два. Размер сруба — 5 X 5 м. В южном углу сруба находилась печь. Постройка сгорела.

Восточнее этого сруба, выходя на Холпью улицу, стоит большой сруб 14Ж, вскрытый в 18-м пласте. От сруба сохранился только 1 венец. Размер сруба — 6 X 6 м. Внутри, в слоях угля и золы, собрано большое количество находок — сывше 200. Все они — бытового назначения. Постройка погибла от пожара. Далее на восток расположен сруб 14И, вскрытый в 19 и 20-м пластах. Сохранность сруба плохая. Его размеры (ориентировочно) — 7,5 X 6,5 м. На бревнах заметны следы пожара. В южной половине участка на Великой улице расположен сруб 14М (см. описание 12-го яруса), который был построен в 14-м ярусе.

Участок В. На участке находятся 2 больших сруба 15С и 15Т, вскрытые в 17, 18 и 19-м пластах. Постройка 15С представляет собой пятистенный сруб, уходящий западной частью за границу раскопа. Ширина сруба — 6,4 м, длина до среднего перегиба — 6,2 м. Длина сруба была больше 8—9 м. В середине восточной половины его стояла печь. Частично сохранился пол. Сруб имеет следы пожара и перекрыт слоем золы и угля. Южнее сруба шел частокол, отделявший эту постройку от другого сруба 15Т, также пятистенного. Ширина сруба — 6,5 м, длина неизвестна, так как он уходит в западную стенку раскопа. В восточной половине сруба, в средней части расположена печь. Хорошо сохранился пол. На дереве заметны следы огня и все сооружение перекрыто слоем золы и угля.

Участок Г. Сооружений нет.

Участок Д. На северной половине обнаружены срубы 15Ф и 15У, вскрытые в 12, 13 и 14-м пластах. Срубы расположены вдоль мостовой Великой улицы и связаны

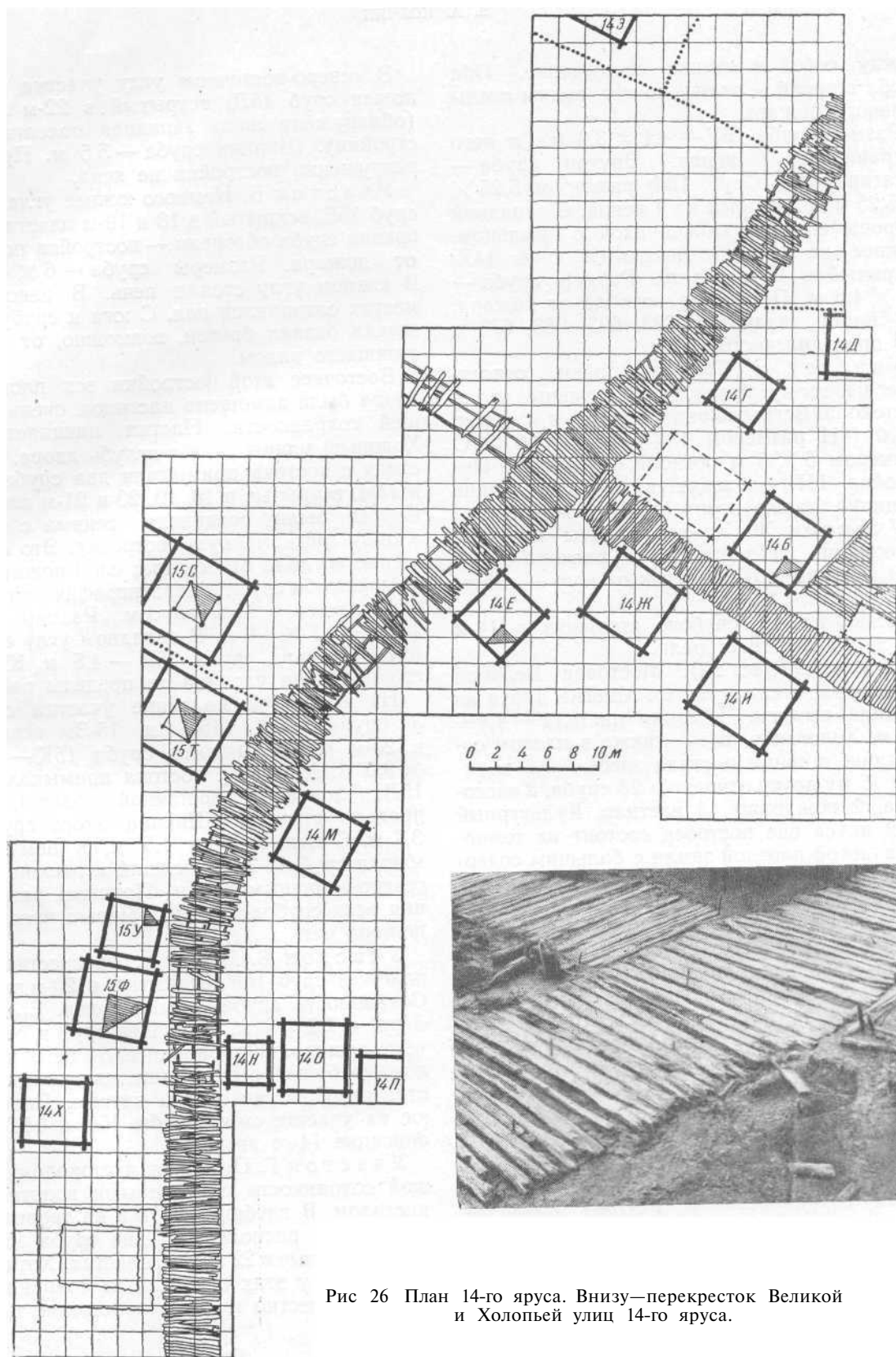

Рис 26 План 14-го яруса. Внизу—перекресток Великой и Холопьевой улиц 14-го яруса.

между собой в единое сооружение. Оба сруба сгорели — всюду на них видны следы сильного пожара.

Размер сруба 15У — 4,1 X 3,9 м. От него сохранились 3 венца. Внутри сруба — остатки пола. Сруб 15Ф размером 5,25 X 5,25 м сохранился на 4 венца. С западной стороны его расположен вход с крыльцом. Южнее на участке находится сруб 14Х, вскрытый в 12-м пласте. Размер сруба — 4,6 X 4,6 м. Постройка погибла от пожара. По линии квадратов 703, 693, 683, 673 и 663 проходил частокол.

Участок Е. Три постройки, относящиеся к этому ярусу, расположены вдоль частокола. Вскрыты они в 13 и 14-м пластах. Сруб 14Н размером 4 X 4 м и сруб 14-0 размером 5 X 5 м погибли от пожара. Постройка 14П, заходящая в раскоп лишь частично, также носит следы пожара.

Участок Ж. Здесь вскрыты частично заходящий на территорию раскопа сруб 14Э и несколько на восток от него — частокол.

Итак, из 16 срубов, стоявших в 14-м ярусе, 13 срубов сгорели.

15-й ярус (рис. 29). Мостовая Великой улицы сохранилась плохо. Многие плахи из настила вынуты. Ширина настила — 4,4—4,8 м. Холопья улица — также в плохом состоянии; ширина настила здесь — 3,5 м.

К 15-му ярусу относятся 23 сруба, 2 частокола, 2 пожарища, 3 настила. Культурный слой яруса вне построек состоит из темно-коричневой плотной земли с большим содержанием навоза и незначительным количеством щепы.

Участок А. Угловой сруб 15А вскрыт в 21-м пласте. Сохранность дерева плохая. Венцы сруба, сохранившиеся на 2 и 3 ряда, развалились. Размер сруба — 7,5 X 5,3 м. Сруб был пятистенный. В восточном углу стояла печь. Весь развал сруба перекрыт мощной прослойкой золы и угля. Постройка погибла от пожара. Восточнее этого сруба находился большой развал пожарища, вскрытого в 21-м пласте. Далее на восток к ярусу относится дворовая вымостка, идущая от мостовой Холопьевой улицы, очень хорошей сохранности. К настилу с востока примыкает сруб 15В, вскрытый в 20-м пласте. Размер сруба — 4,1 X 2,6 м. Судя по бревенчатому настилу и большому слою навоза на нем, постройка служила хлевом.

В северо-восточном углу участка расположен сруб 15Д, вскрытый в 22-м пласте (обнаружена лишь западная половина постройки). Ширина сруба — 5,5 м. Причина разрушения постройки не ясна.

Участок Б. Немного южнее угла стоял сруб 15Е, вскрытый в 18 и 19-м пластах. Все бревна сруба обгорели — постройка погибла от пожара. Размеры сруба — 6 X 4,6 м. В южном углу стояла печь. В некоторых местах сохранился пол. С юга к срубам примыкал развал бревен, возможно, от сруба, стоявшего рядом.

Восточнее этой постройки вся площадка двора была замощена настилом очень хорошей сохранности. Настил начинается от Холопьевой улицы и идет вглубь двора. К настилу с востока примыкали два сруба 15Ж и 15И, вскрытые в 18, 19, 20 и 21-м пластах. Срубы были соединены сенями с полом в одну трехкамерную постройку. Это сооружение погибло от пожара; слой пожара покрывает оба сруба и стратиграфически четко связывается с 15-м ярусом. Размер сруба 15Ж — 4,7 X 4,5 м. В западном углу стояла печь. Ширина сруба 15И — 4,5 м. Южная его половина уходила за пределы раскопа.

На восточной половине участка стояли 3 сруба — 15К, 15Л и 15-3, вскрытые в 20-м пласте. Размер сруба 15К — 3,5 X 3,5 м. К нему с востока примыкал сруб 15Л, ушедший в восточной половине за пределы раскопа: Ширина этого сруба — 3,7 м. С юга, отступя 1,5 м, к нему примыкал сруб 15-3, вошедший в раскоп лишь северо-западным углом. Причины разрушения этих срубов не ясны. Явных признаков пожара нет.

Участок В. В углу у перекрестка расположен сруб 15Р, вскрытый в 20-м пласте. Сохранность сруба очень плохая. Его размеры — 7,2 X 7 м. Разрушен сруб в результате пожара. Юго-западнее от него расположено большое пожарище, связывающееся стратиграфически с 15-м ярусом. Далее на юг на участке стоят срубы 15С и 15Т (см. описание 14-го яруса).

Участок Г. Огорожен частоколом хорошей сохранности с въездными воротами и настилом. В глубине участка на территории раскопа XI расположены два сруба 15Ш и 15Э, вскрытые в 22 и 23-м пластах. Хотя южные стены у этих срубов и не сохранились, но нам известно их местоположение и про-

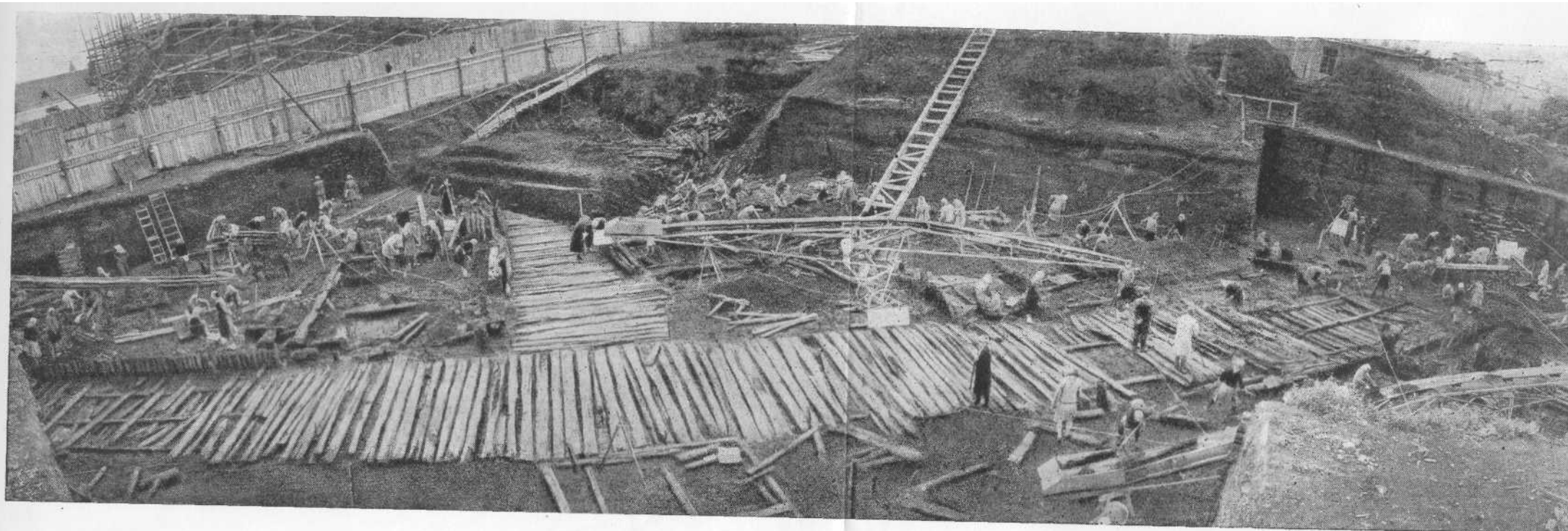

Рис 27. Вид на перекресток Великой и Холопьевой улиц 14-го яруса.

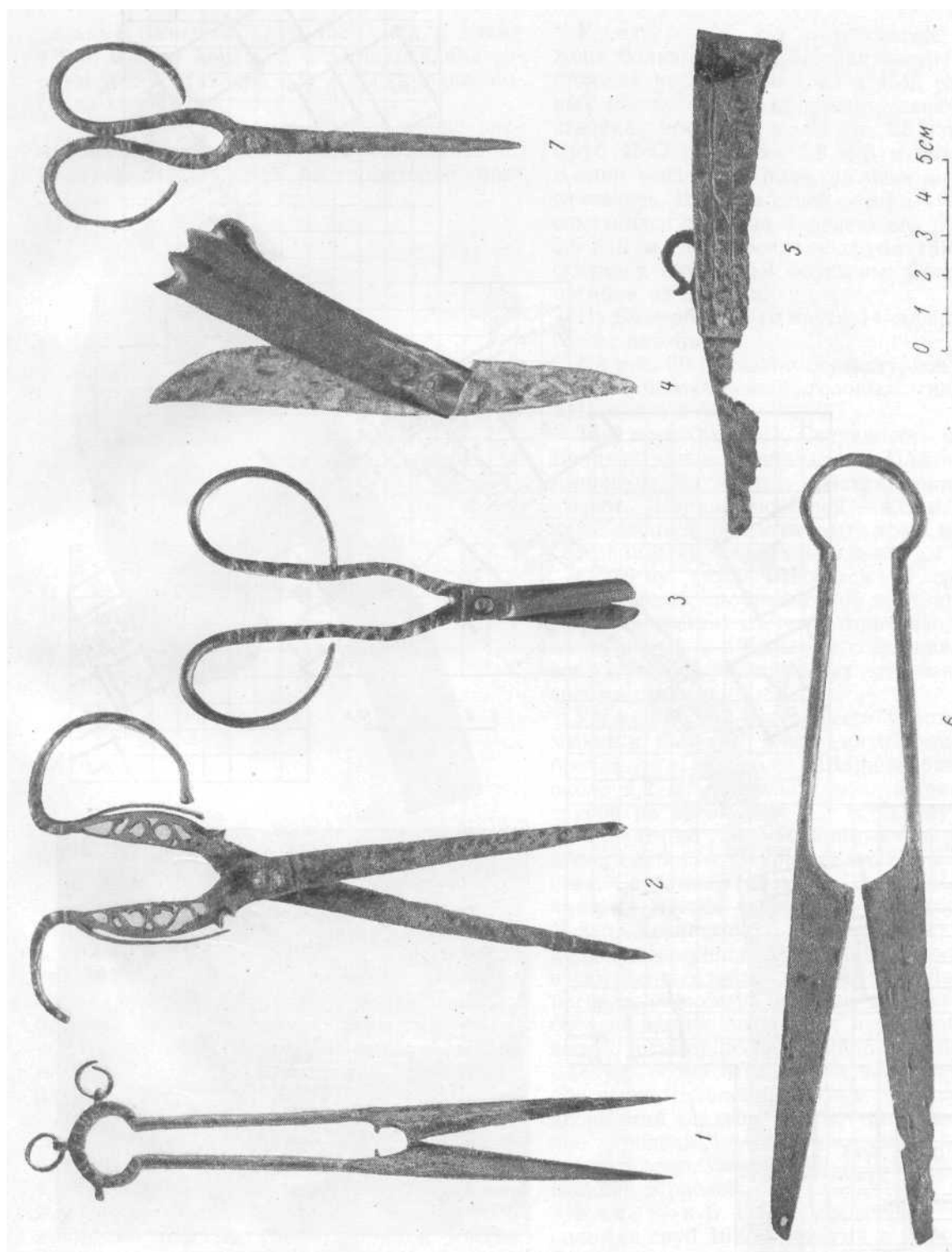

Рис. 28. Ножи и ножницы.
 1 — ножницы пружинные (27-й ярус); 2 — ножницы шарпирные (11-й ярус); 3 — ножницы шарпирные (14-й ярус); 4 — нож складной с костяной рукояткой (15-й ярус); 5 — бритва складная с железной рукояткой (13-й ярус); 6 — ножницы пружинные (24-й ярус); 7 — ножницы шарпирные (12-й ярус).

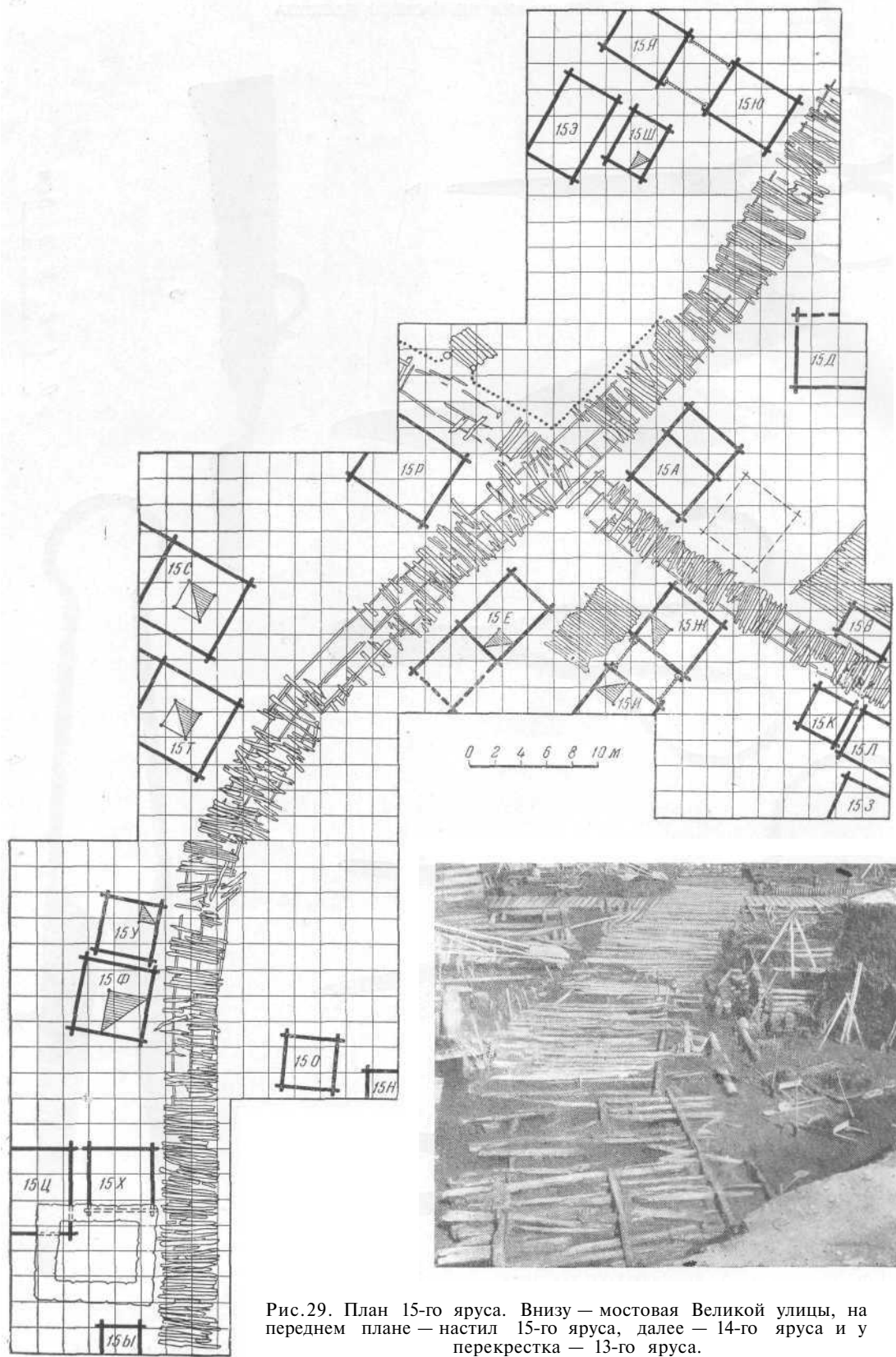

Рис.29. План 15-го яруса. Внизу — мостовая Великой улицы, на переднем плане — настил 15-го яруса, далее — 14-го яруса и у перекрестка — 13-го яруса.

дольные размеры. Сруб 15Э имел в длину 4,4 м, а сруб 15Ш — 3 м. Общая длина сооружения составляла 9,2 м. Постройка погибла от пожара.

Участок Д. В северной половине расположены срубы 15У и 15Ф (см. описание 14-го яруса). Южнее на территории рас-

Рис. 30. Скульптурное изображение человеческой головы (дерево; 15-й ярус).

копа IX находятся два сруба 15Ц и 15Х, вскрытые в 12 и 13-м пластах. Они составляли вместе одно сооружение. Многие бревна постройки обуглены — она погибла от пожара.

У самой южной границы раскопа стоял маленький сруб 15Ы, он также сгорел. Его размеры — 2,6 X 2,7 м.

Участок Е. Здесь расположены 2 постройки — срубы 15-0 и 15Н, вскрытые в 14-м пласте. Размер сруба 15-0 — 4,1 X 3,9 м. Обе постройки погибли от пожара. Все внутреннее пространство срубов заполнено толстым слоем углистой массы, состоящей из золы, угля, жженого камня и земли. Обгорели и все бревна срубов.

Участок Ж. На этом участке обнаружена большая трехкамерная постройка, состоящая из 2 срубов 15Ю и 15Я, соединенных между собой широкими сенями. Постройка вскрыта в 22 и 23-м пластах. Сруб 15Ю размером 5,8 X 5 м сохранился в один венец. Ни пола, ни печи внутри не оказалось. Ширина сеней — 3,7 м. Сруб 15Я сохранился тоже на 1 венец; его размер — 5,6 X 5 м. Все бревна у сруба 15Ю и частично у сруба 15Я обуглены. Сооружение погибло от пожара.

Из 23 срубов 15-го яруса 14 срубов имели следы пожара.

На рис. 30 показано скульптурное изображение человеческой головы, найденное в 15-м ярусе.

16-й ярус (рис. 31). Сохранность мостовой Великой улицы очень плохая. Плахи сильно изношены, на многих участках они отсутствуют. Ширина мостовой — 4,5 м. Мостовая Холопьевой улицы вскрыта тоже в плохом состоянии; ее ширина — 3,2—3,4 м.

К 16-му ярусу относятся 17 срубов и 1 частокол. Культурный слой этого яруса вне построек состоит из темнокоричневой земли, очень плотной, с большим содержанием навоза и разных растительных остатков — мха, соломы, травы.

Участок А. Вдоль всего участка, примыкая к Холопьевой улице, находился развал бревен от 2 построек. Ширина развала — около 4,2 м. Следовательно, ширина этих срубов не превышала 4,2 м. Длину срубов установить не удалось. Примыкая к развалу, стоял сруб 17А, вскрытый в 22 и 23-м пластах. Сруб имел размер 7,5 X 5 м. В некоторых местах сохранился пол постройки. В заполнении сруба вскрыта толстая прослойка пожарища, состоящая из золы, угля и обугленных обломков дерева. Постройка погибла от пожара. Внутри и вокруг сруба собрано много интересных и разнообразных вещей, относящихся к жилому комплексу. Следует особо отметить большое корабельное весло (длиной 3,1 м) и найденное во дворе этой усадьбы скульптурное изображение крокодила. На восточной половине участка расположен сруб 17Д, частично вошедший в раскоп.

Участок Б. На углу у перекрестка расположен сруб 16К, вскрытый в 21-м пласте. Сохранился нижний венец сруба. Его размер — 5,6 X 3,6 м. Причина разрушения

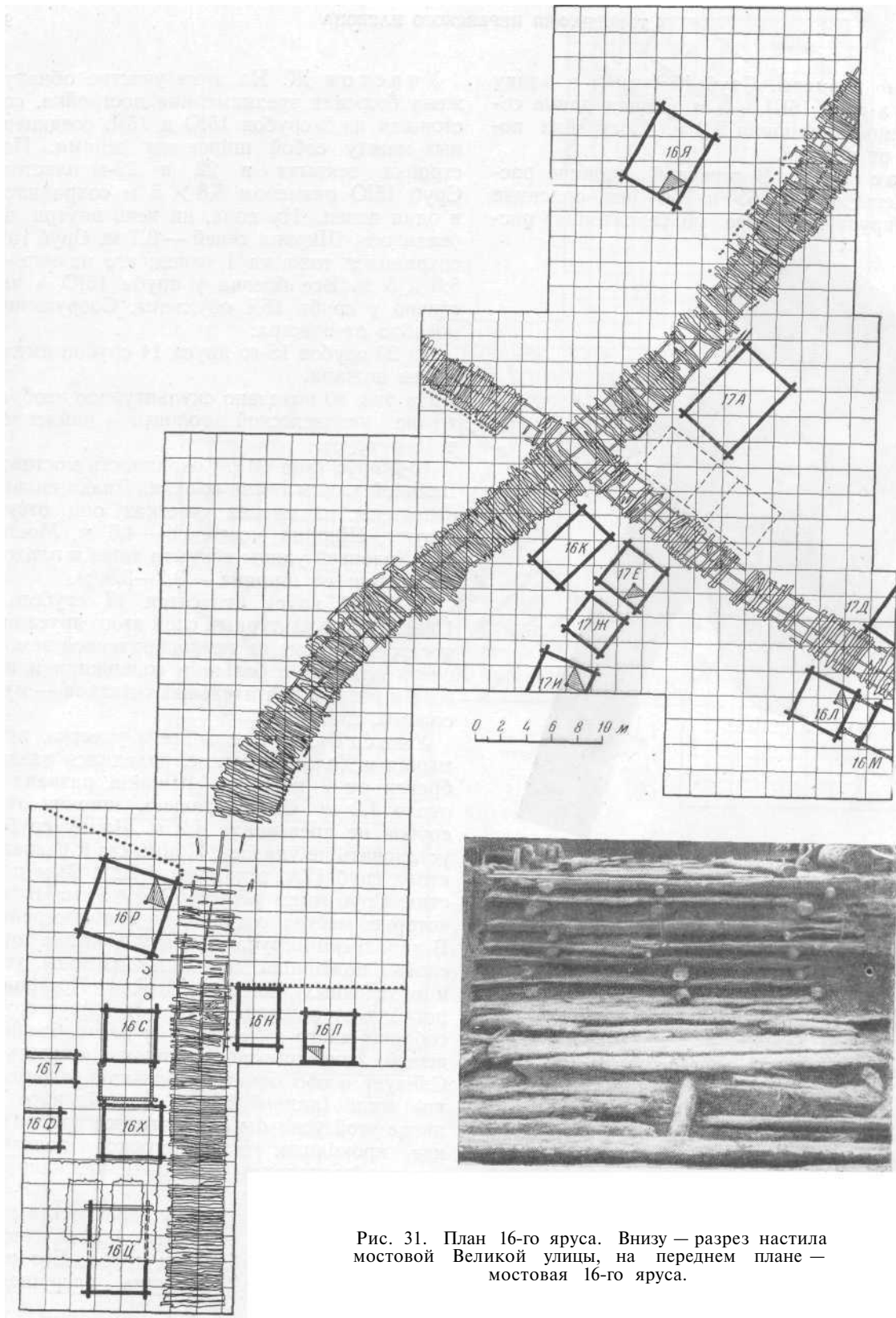

Рис. 31. План 16-го яруса. Внизу — разрез настила мостовой Великой улицы, на переднем плане — мостовая 16-го яруса.

постройки не ясна. На восток от этого сруба расположены срубы 17Е и 17Ж. Размер сруба 17Е — 4 X 3,7 м. Сохранность дерева очень хорошая. В южном углу постройки стоит печь. Сени (шириной около 1 м) соединяли этот сруб с другим срубом 17Ж, размер которого — 3,5 X 3 м. Этот сруб был устлан бревенчатым полом. Следов пожара на срубах нет. Южнее расположен сруб 17И, вскрытый в 20-м пласте (только северная его половина). Ширина сруба — 4,5 м. В восточном углу стояла печь.

На восточной половине участка находятся 2 сруба 16Л и 16М, образуя трехкамерное сооружение. Они вскрыты в 21-м пласте. Сруб 16М в раскоп входит лишь частично. Сруб 16Л имел размер 3,5 X 3,5 м. В северо-восточном углу его стояла печь. Сени (шириной 2,8 м) соединяли эту камеру со срубом 16М. Следов пожара на постройке не обнаружено.

Участок Г. Здесь расположен сруб 16Я, вскрытый в 22-м пласте. Сруб сохранился плохо, в 1 венец. Его размер — 6,6 X 6,3 м. В юго-восточном углу была печь.

Участок Д. Непосредственно у частоккола, разделяющего усадьбы В и Д, стоит сруб 16Р, вскрытый в 14 и 15-м пластах. Размер его — 5,9 X 6 м. От сруба сохранились 2 венца; дерево — в плохом состоянии. У восточной стены внутри сруба расположена печь. Частично сохранился пол. Причина разрушения постройки не ясна. Это жилой дом. Среди находок в срубе и рядом с ним, кроме обычных берестяных и деревянных поделок, собраны железные ключи, скобы, кольца, крючки, гвозди, костяной гребень, стеклянные бусы и браслеты, обломок стеклянного сосуда, точеная деревянная чаша, фрагмент керамики с зеленой поливой, кожаная подошва, куски войлока и, наконец, 2 грамоты (№ 107 и 108). Южнее по Великой улице стоял сруб 16С, вскрытый в 13-м пласте. Размер сруба — 4 X 4 м. Постройка погибла от пожара. Между этими постройками находились проезжие ворота. Воротные столбы имели диаметр 40 см; ширина проезжей части — 2 м. Южнее были вскрыты 4 постройки, находящиеся в очень плохом состоянии, — 16Т, 16Ф, 16Х и 16Ц.

Участок Е. На участке, примыкая к частокколу, расположены срубы 16Н и 16П, вскрытые в 15-м пласте. Сруб 16П южной стеной немного уходит в южный профиль.

Размер северной стены — 4,8 м. Постройка погибла от пожара. Сруб 16Н, размером 4 X 4 м, следов пожара не имеет. Это была хозяйственная постройка, возможно, — лавка. Под полом в углу сруба обнаружены два скопления своеобразных продуктовых запасов какого-то грызуна: в одном месте лежала кучка семян конопли весом более 2 кг и недалеко от нее — кучка лесных орехов, более 600 шт.

Таким образом, следы пожара сохранились на 3 постройках из 17.

17-й ярус (рис. 32). Мостовая Великой улицы — средней сохранности. Большая часть плах настила оказалась непо потревоженной. В некоторых местах — следы ремонта. Ширина настила улицы — около 5 м. Такая же сохранность мостовой Холопьевой улицы. Ширина мостовой колеблется от 3 до 3,5 м; наибольшая ширина — в северо-западной стороне.

К 17-му ярусу относятся 11 срубов, 3 частоккола и несколько настилов. Культурный слой яруса — темнокоричневая плотная земля с большим содержанием навоза и щепы.

Участок А. На углу Великой и Холопьевой улиц расположены сооружения усадьбы с постройкой 17А. Эти сооружения рассмотрены при описании 16-го яруса. Построены они были в начале периода 17-го яруса.

Участок Б. Недалеко от перекрестка по Холопьевой улице расположены постройки 17Е и 17Ж. О них мы говорили при описании 16-го яруса. Южнее находится постройка 17И, тоже описанная в 16-м ярусе. Эти сооружения были построены в середине периода 17-го яруса. Восточнее по Холопьевой улице находятся 2 сруба 17М и 17Л, составлявшие трехкамерную постройку с большой дворовой вымосткой. Они вскрыты в 22 и 23-м пластах. Сруб 17М сохранился очень плохо — на 1 венец; его размер — 4,8 X 4,4 м. Внутри сруб заполнен мелким, битым булыжником. Следов пола и печи не прослежено. Сени (шириной 2 м) соединяли этот сруб со срубом 17Л, который сохранился на 3 венца. Ширина его — 4,8 м, а длина — более 5 м (сруб уходит за границу раскопа). Внутри сруба сохранились опоры пола и в северо-западном углу — развал печи. Следов пожара на бревнах срубов нет. Большое количество находок,

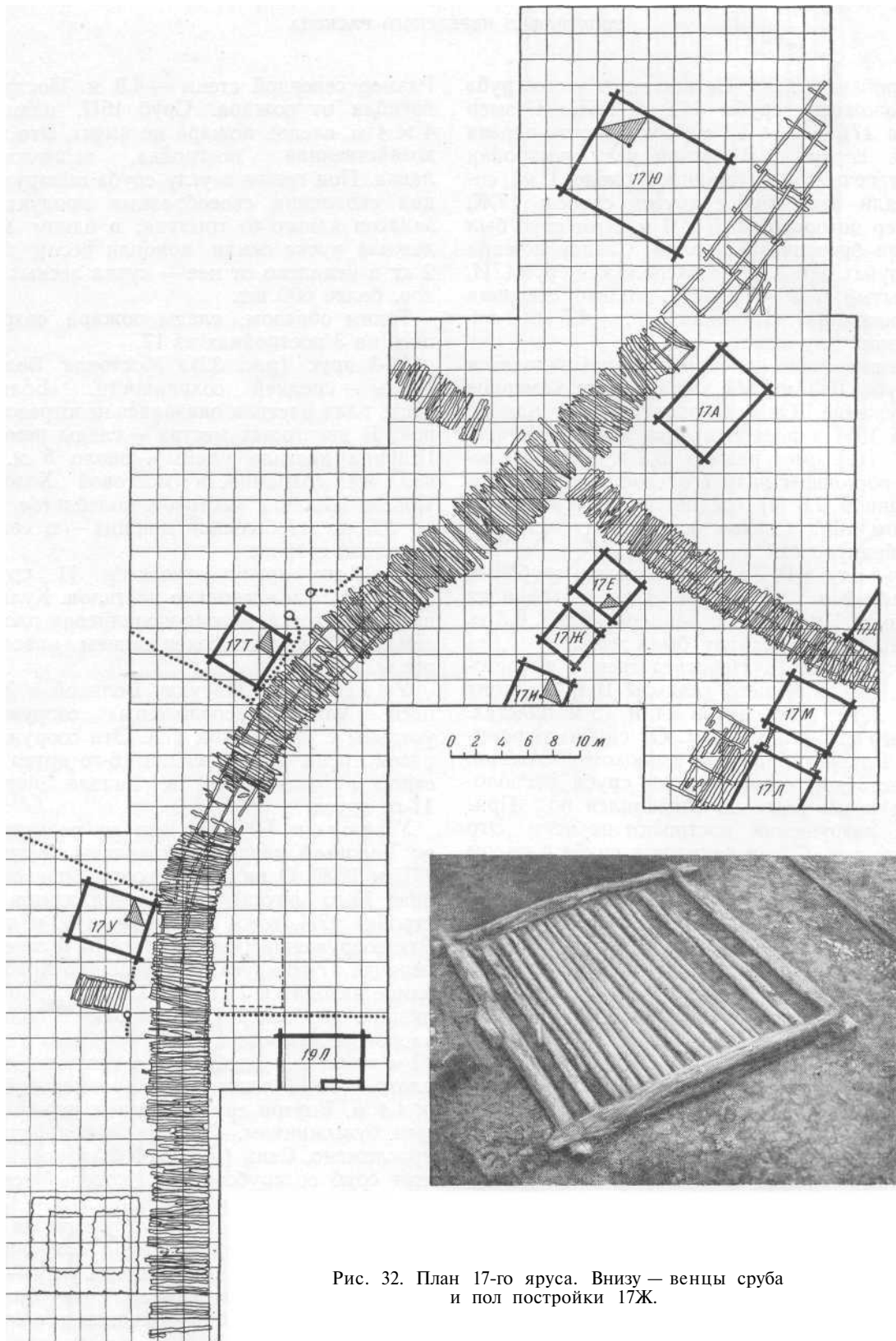

Рис. 32. План 17-го яруса. Внизу — венцы сруба и пол постройки 17Ж.

собранных внутри срубов и во дворе, имеет бытовой характер, но среди них во дворе дома найдены 3 свинцовые вислые печати. Одна печать с формулой «Господи, помози рабу своему Ивану», другая — с изображением Иоанна и Михаила и третья — с изображением Василия и Лазаря.

Участок В. В средней части участка, примыкая к Великой улице у въездных ворот усадьбы, расположена постройка 17Т, вскрытая в 19 и 20-м пластах. Сохранились 2 венца сруба. Его размер — 4,8 X 4,7 м. В северо-восточном углу сруба стояла печь. Каких-либо характерных находок, связанных с этой постройкой, не обнаружено; это, вернее всего, жилой дом. Севернее дома стояли ворота этой усадьбы. Воротные створы висели на двух толстых верейных столбах диаметром 65 см. Расстояние между столбами (проем ворот) равно 1,68 м.

Участок Г. На северной половине стоит очень большая постройка 17Ю, вскрытая в 26-м пласте. От сруба остался 1 венец; его размер — 10,2 X 7,8 м. Частично сохранился сильно обугленный пол. В северном углу находилась печь. Постройка погибла от пожара.

Участок Д. У самого частокола, разделяющего усадьбы В и Д, стоит сруб 17У, вскрытый в 16-м пласте. Сохранился 1 венец. Размер сруба — 5,5 X 4,1 м. В северо-восточном углу стояла печь. Постройка являлась жилым домом. Находки, собранные внутри сруба и рядом с ним, составляют обычный бытовой инвентарь. Южнее этого дома находились ворота с въездом во двор, устланный деревянными плахами. Ширина настила — 2,4 м.

Участок Е. Здесь находился большой жилой дом 19П, вскрытый в 15, 16 и 17-м пластах. Южная половина сруба выходила за границу раскопа. Хорошо сохранились 3 венца сруба, проконопаченные мхом. Длина северной стены постройки — 7,4 м. В юго-восточном углу дома стояла печь. От нее вскрыта столбовая опора. Исходя из размеров опоры печи, можно считать, что длина восточной стены — около 6,5 м. Итак, дом имел размер 7,4 X 6,5 м. Сохранились балки пола, которые лежали на толстой глиняной подушке толщиной до 0,4 м. Глина заполняла всю площадь сруба. Следов пожара на сооружении не обнаружено. Дом был разрушен в 17-м ярусе, а построен в 19-м. Внутри дома и на территории двора

собрано большое количество находок. Кроме деревянной и берестяной посуды, а также многочисленных бытовых деревянных предметов, найдены железные ключи, ножи, стамеска, кресало, сложный лук и наконечники стрел, бусы янтарные, хрустальные, стеклянные, металлические, 17 обломков стеклянных браслетов, бронзовые браслеты, подвески, каменный крестик, осколок стекла и стеклянный сосудик, 5 костяных гребней, 2 деревянных самшитовых гребня, ножны кожаные, куски войлока, поливная керамика, куски медной проволоки, зерно проса и конопли. Отдельно следует упомянуть находку шиферных пряслиц (23 шт.), расположенных компактно группой, и обнаруженную тут же берестяную грамоту № 105.

Очень интересно сопоставить эти две находки. Грамота № 105, найденная в 17-м пласте у угла дома (следует заметить, что этот участок являлся непроходным, дом примыкал к частоколу), была выброшена вскоре после постройки дома. Ее текст гласит (в переводе): «От Семка ко Кулотке. Что ты говорил Несде про те веверици. Когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял у меня Лазовк в Переяславле». В письме говорится о том, что некто Семен свой долг новгородцу Кулотке отдал Лозовке, вероятно, компаньону Кулотки, когда они оба (т. е. Кулотка и Лозовка) были в Переяславле Русском. Итак, новгородец Кулотка, торговец, ходивший в Киевскую землю с новгородскими товарами, привозил в Новгород среди прочих товаров и шиферные пряслица. И вот в его разрушенном доме найдено 23 пряслица. Таким образом, нам становится известным не только занятие хозяина богатого сруба 19П, но и его имя.

18-й ярус (рис. 33). Сохранность мостовой Великой улицы очень плохая. От настила остались только продольные лаги с одиночно лежащими плахами, которые служили опорами лаг 17-й мостовой. В некоторых местах плахи повернуты вдоль мостовой; это было сделано лишь в момент постройки 17-й мостовой. Ширина мостовой обычная — 4,5—5 м. Мостовая Холопией улицы сохранилась несколько лучше, особенно ее юго-восточная половина. Ширина настила — 3—3,2 м.

К 18-му ярусу относятся 8 срубов, Г настил и 3 частокола. Культурный слой яруса состоит из темнокоричневой плотной,

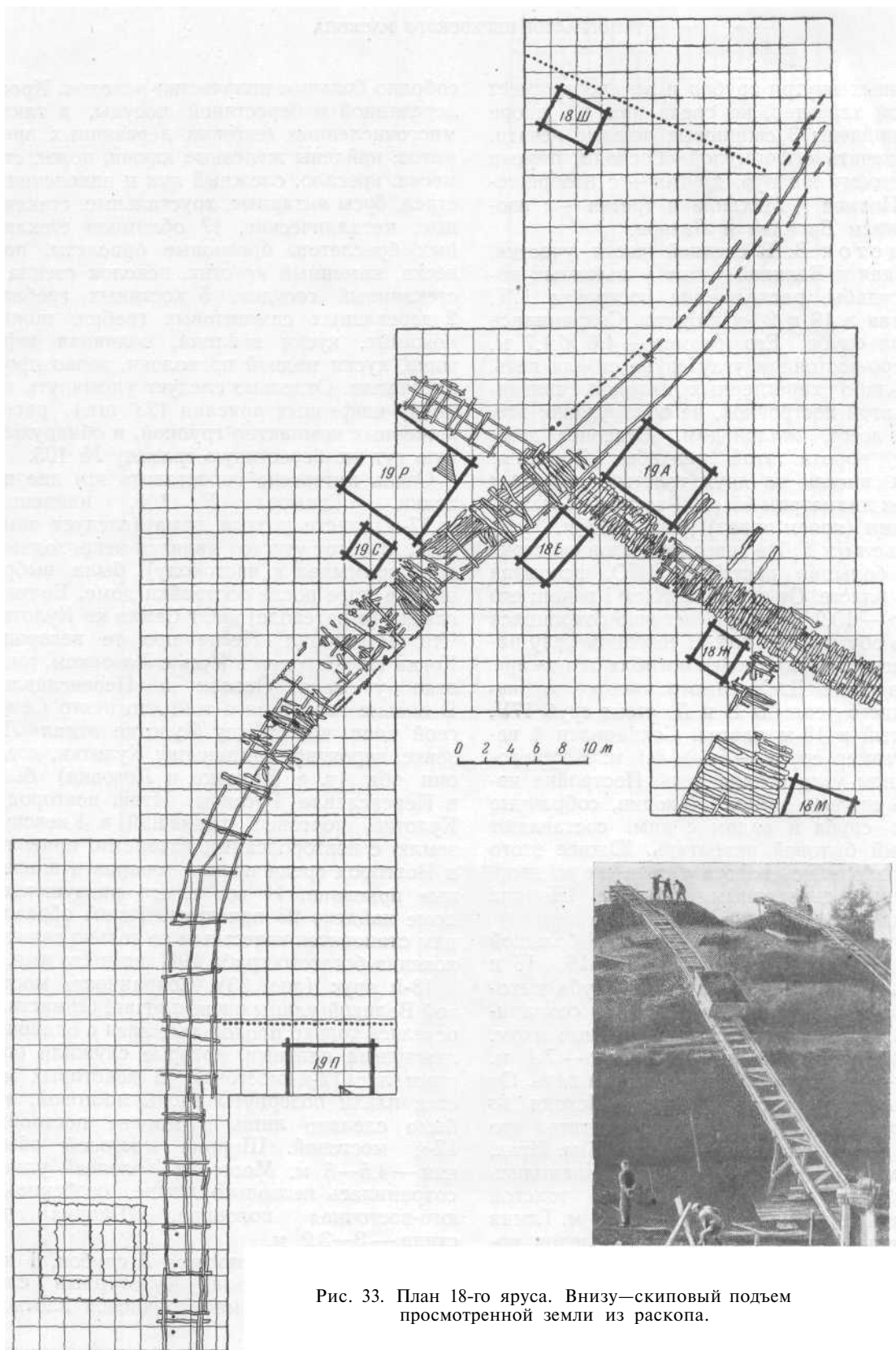

Рис. 33. План 18-го яруса. Внизу—сиповый подъем просмотренной земли из раскопа.

жирной земли с навозом и прослойками щепы.

Участок А. На самом углу стоит сруб 19А, вскрытый в 24-м пласте. Сохранность сруба очень плохая, и развал стен прослеживается лишь по опорным плахам. Ориентировочный размер сруба — 5,5 X 6,5 м. Далее на восток вдоль улицы был расположен дворовый настил длиной 7 м и шириной 4,5 м. В заполнении сруба и на дворе этой постройки характерных находок нет. Все находки (более 120 шт.) имеют бытовое назначение. Постройка являлась жилым домом.

Участок Б. На самом углу у перекрестка стоит сруб 18Е, вскрытый в 23 и 24-м пластах. Сохранность его очень плохая, размер — 5,3 X 2,8 м. Ни пола, ни печи в этом срубе нет. Находок тоже мало. Восточнее по Холопьев улице стояли два здания, связанные между собой в один жилой комплекс, с большим дворовым настилом. Восточнее настила стоял сруб 18М, вскрытый в 23-м пласте и уходящий южной половиной за пределы раскопа. Сруб сохранился на один венец. Ширина его — 4,6 м. Сооружений внутри сруба не обнаружено. Дворовый настил, примыкавший к этим зданиям, был выложен из толстых плах длиной 6,7 м и шириной 40 см. Следов пожара не обнаружено. Западнее дворовой мостовой, при выходе на улицу стоит сруб 18Ж, вскрытый в 24-м пласте. Сохранился один венец. Размер сруба — 3,8 X 3,8 м. Это была служебная постройка.

Участок В. На углу у перекрестка стоят два сруба. Большой сруб 19Р вскрыт в 22 и 23-м пластах. Он сохранился на 2—3 венца. Размер сруба — 7 X 6,5 м. Сохранилось несколько досок от пола. В северо-восточном углу сруба стояла печь. Постройка погибла от пожара. С южной стороны сруба на расстоянии 1,5 м стоял сруб 19С, вскрытый в 22 и 23-м пластах. Сохранился один венец сруба; его размер — 2,6 X 2,4 м. Внутри был тесовый пол очень хорошей сохранности. Эта постройка тоже погибла от пожара. Пространство между срубами было замощено досками. Здесь, возможно, были сени. Внутри и около этих срубов найдены ножи, ножницы, ключи, железная омедненная гирька, костяные коньки, костяная иконка, каменный крестик, медная цепочка, позолоченная медная про-

волока, более 10 обломков амфор, обрывки тканей, пряслица, стеклянные бусы, много деревянной и берестяной посуды и масса деревянных поделок хозяйственного назначения.

Участок Г. В северной части участка стоит небольшой сруб 18Ш, вскрытый в 25-м пласте. Сохранность сруба плохая. Его размер — 3 X 2,6 м. Вероятнее всего, это служебная постройка.

Участок Д. Здесь построек нет.

Участок Е. На этом участке стоит сруб 19П, о котором сказано в описании 17-го яруса.

19-й ярус (рис. 34). Мостовая Великой улицы на своем протяжении сохранилась неравномерно. На площади раскопов II и X сохранность очень плохая; плахи и даже некоторые лаги отсутствуют. На раскопах VI, VII и IX сохранность мостовой значительно лучше, большинство плах осталось непотревоженным. Ширина настила — 4,7—4,8 м. Мостовая Холопьев улицы сохранилась плохо. Ее ширина — 3,2 м.

К 19-му ярусу относятся 15 срубов, 2 настила и часток. Культурный слой состоит из темнокоричневой плотной земли с навозом и щепой.

Участок А. На углу стоит постройка 19А с примыкающим к ней дворовым настилом. Сооружение рассмотрено при описании 18-го яруса.

Участок Б. Отступя 6 м от перекрестка, на Холопьев улице стоит большая постройка 20Е, вскрытая в 22, 23 и 24-м пластах. Сохранился в очень хорошем состоянии лишь один нижний венец со всеми внутренними и внешними конструкциями и основанием. Размер сруба — 10 X 8 м. Сруб пятистенный. В середине большой северной половины дома стояла печь размером 1,7 X 1,5 м. Почти на всем внутреннем пространстве сруба сохранился пол из толстых тесовых досок. Вход в дом, — вероятно, с крыльцом, — был с южной стороны. К нему вела вымостка из досок, отходившая от внутренней дворовой мостовой. Восточнее сруба располагалось несколько служебных построек — срубы 20Ж и 20К. Первый из них вскрыт в 25-м пласте, второй сруб — в 25 и 26-м пластах. От сруба 20Ж сохранился 1 венец; его размер — 3,8 X 2,8 м. От сруба 20К остались 1—2 венца; его размер — 4,3 X 4 м. Ни пола, ни печи

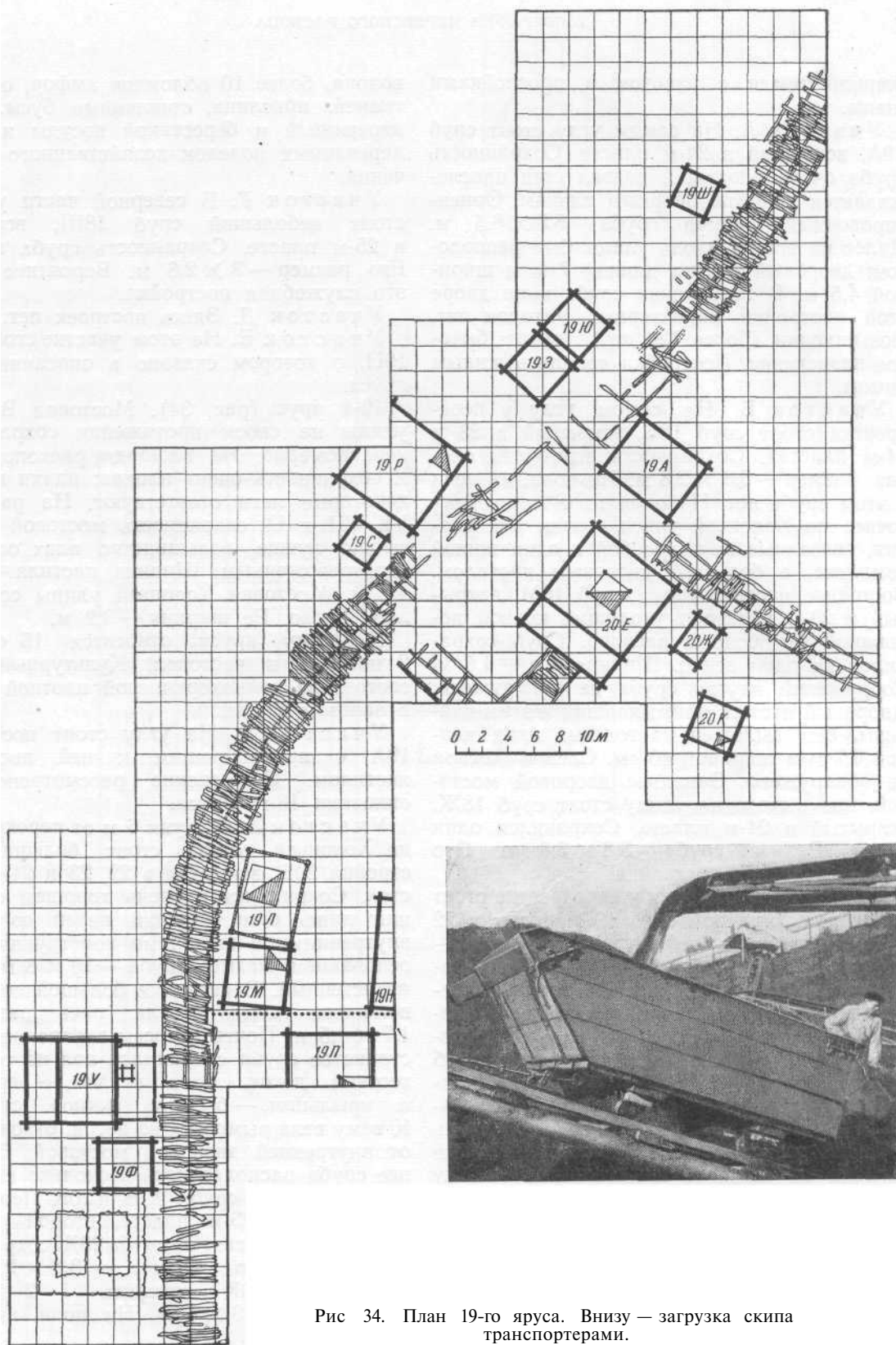

Рис 34. План 19-го яруса. Внизу — загрузка скипа транспортерами.

в срубах не обнаружено. Внутри большого дома и на территории, к нему примыкающей, кроме деревянной точеной, резной и бондарной посуды, ложек и прочей домашней утвари, найдено 14 шиферных пряслиц, деревянные и костяные гребни, стеклянные и сердоликовые бусы, стеклянные сосуды, стекло листовое, крестики каменные, янтарь, слюда, обрывки тканей, веревки, костяные и железные иглы, медная цепочка, медная чашка от весов, коньки костяные, медный колокольчик, височное ромбоцитковое кольцо, бронзовая подвеска, ножи (9 шт.), ножницы, шилья, пила, топоры, ключи, замок, гвозди, скобы, кричные клещи, проволока медная, грецкие орехи, зерно. Найдены 5 свинцовых печатей-пломб с изображениями процветшего креста и бородатого святого и, наконец, грамота № 84. Перед нами — богатая усадьба с разнообразным хозяйственным инвентарем и домашней утварью.

На южной половине участка стояли срубы 19Л, 19М, 19Н, вскрытые в 18-м пласте. Срубы 19Л и 19М составляют вместе одно сооружение. Сруб 19Л, — северная секция этого сооружения, — имел размер 7 X 5 м. Стены этой постройки были сделаны не из горизонтальных венцов, как обычно, а из бревен, забранных в вертикальные столбы. В центре этого помещения стояла печь размером 3,2 X 3,2 м, сложенная из плинф. Частично сохранился пол. Судя по конструкции печи, эта секция дома была не жилой, а, вероятно, пекарней или иным производственным помещением. Южная половина дома была сделана обычным приемом — из рубленых венцов; сохранился только нижний венец. Размер сруба — 5,2 X 5,2 м. Внутри сруба — остатки пола. В северо-восточном углу стояла печь. Эта секция была жилищем. Восточнее расположена постройка 19Н, вошедшая в раскоп частично. Западная сторона ее равна 8,5 м. Собранные находки дают обычную коллекцию жилого дома.

Участок В. На углу у перекрестка стоят срубы 19Р и 19С, построенные в 19-м ярусе. Они рассмотрены при описании 18-го яруса.

Участок Г. У перекрестка стоит сооружение, состоящее из 2 срубов 19Э и 19Ю. Вскрыты они в 23 и 24-м пластах. Оба сруба сохранились на 1 венец. Размер сруба 19Э —

4,6 X 4,2 м. Внутри был пол; печь не прослежена. Сруб 19Ю, примыкающий вплотную, имел размер 3 X 4,2 м. Внутри этого сруба также сохранился пол; печь проследить не удалось. Находки, связанные с этим сооружением, составляют обычный жилой инвентарь. Севернее, примыкая к Великой улице, расположена небольшая постройка 19Ш, вскрытая в 27-м пласте. Бревна этого сооружения в углах соединены не замком, а забраны в пазы вертикальных столбов. Сохранились 2 венца. Размер постройки — 3 X 3 м. Внутри ее был дочатый пол. Постройка имела какое-то служебное назначение.

Участок Д. В средней части расположен сруб 19У, вскрытый в 16-м пласте. Сохранность сруба плохая, размер его — 7,8 X 6,5 м. Внутри — остатки пола. Находок в срубе почти не было. С востока к нему примыкала пристройка с погребом, размер которого — 0,6 X 0,6 м. Глубина погреба — 1 м. Южнее расположен сруб 19Ф размером 4,4 X 3,6 м.

Участок Е. Здесь находилась постройка 19П, разрушенная в 17-м ярусе. О ней мы говорили при описании 17-го яруса.

20-й ярус (рис. 35). Мостовая 20-го яруса на протяжении Великой улицы сохранилась неравномерно: на раскопах IX, VII, VI и V, сохранность хорошая — все плахи остались непотревоженными, а на раскопах II и X большинство плах отсутствует. Ширина настила колеблется от 4,2 до 5 м. Мостовая Холопьевой улицы сильно разрушена.

Сохранились только лаги и некоторые плахи. Ее ширина — 3,1 м. Западная часть Холопьевой улицы имеет следы сильного пожара.

К 20-му ярусу относятся 20 срубов, 2 настила и 4 частокола. Культурный слой состоит из темнокоричневой плотной, жирной земли с навозом и щепой.

Участок А. На углу у перекрестка улиц, стоит большой жилой дом 21А, вскрытый в 26 и 27-м пластах. Это массивный пятистенный сруб, сохранившийся довольно хорошо на 1 венец вместе с конструкциями: пола, фундамента и пр. Размер сруба — 9,5 X 6 м. Сруб ориентирован длинной стороной по Холопьевой улице. Внутри сохранился пол. В середине большой западной секции дома размером 6,5 X 6 м стоит печь, размером 1,6 X 1,2 м. С восточной стороны

дома находилось крыльцо или сени. К входу в дом вел дворовый настил. Въезд в усадьбу расположен на Холопьев улице. От него сохранились 2 толстых верейных столба. Ширина ворот — 1,9 м.

Севернее дома 21А стоит маленькая постройка—хозяйственное сооружение 21В, вскрытое в 25 и 26-м пластах. Сохранился 1 венец размером 3,8 X 3 м. Внутри сруба — остатки пола. Восточнее этой постройки расположена постройка 21Д, от которой остался досчатый настил, лежавший в 2 яруса, т. е. его настиляли 2 раза. Это замощение было окаймлено одним рядом бревен, не связанных между собой. Была ли эта постройка крытой, или нет, — сказать трудно. Внутри срубов и на площади двора собрано более 300 находок, среди которых — все виды деревянной и берестяной посуды, кухонные принадлежности и различные хозяйственные приспособления, сделанные из дерева. Кроме того, найдены железные ножи, долота, замки, ключи, петли, скобы, кольца, накладки, кресала, скребницы, гвозди (более 35 шт.), бусы стеклянные, янтарные, сердоликовые, инкрустированные, янтарный перстень, браслет медный плетеный, браслет пластинчатый, бубенчики медные, медные кольца, монетовидная подвеска, тройной витой биллоновый браслет, 2 медные чашки (разные) от коромыселных весов, коромысло маленьких весов, свинцовая и медная проволока, каменная иконка с изображением Иоанна Предтечи, костяные гребни, небольшой слиток меди, обрывки тканей, тесьма, веревки, кожаный мяч, точильные бруски и т. п. При разборке сооружения 21А были вскрыты 2 опорные плахи пола, оказавшиеся обломками 2 больших дубовых резных колонн. От обеих колонн уцелели лишь их половины (плахи расколота вдоль). Диаметр первой колонны — 59 см, длина сохранившейся части — 111 см; диаметр второй колонны — 51 см, длина сохранившейся части — 80 см.

По линии квадратов 141—91 проходит частокол, огораживающий северную половину участка.

Участок Б. Вся северная половина участка по Холопьев улице занята постройками 20Е, 20Ж и 20К с примыкающими к ним дворовыми мостками. Об этих постройках сказано в описании 19-го яруса. В центре участка по Великой улице стоит

вскрытый в 21-м пласте сруб 20Ы плохой сохранности. Его размер — 5,2 X 4,5 м. Остатки пола и печи не прослежены.

На южной половине этого участка расположены 3 сооружения 20Л, 20М и 20Н, вскрытые в 18 и 19-м пластах. Сооружения 20Л и 20М составляли единую постройку. Сруб 20Л, сохранившийся на 1 венец, был размером 6 X 6 м. Остатков пола нет. В северо-восточном углу стояла печь. К северной стороне сруба примыкала постройка 20М размером 7 X 6 м. Она, так же как сооружения 19-го яруса, на этом месте была сделана из бревен, забранных в вертикальные толстые стояки. В северной половине сруба стояла большая печь, размером 2,2 X 2,1 м. Сохранились лаги пола. Судя по большому размеру печи и характеру постройки, последняя была, вероятно, также производственным сооружением. Восточнее сруба 20Л стояла небольшая постройка 20Н, размером 3,8 X 2 м, окруженная частоколом. Характерных находок, отличающихся от обычного набора вещей из жилищ, не обнаружено.

Участок В. На углу перекрестка стоит сруб 20Р, вскрытый в 23 и 24-м пластах. Сохранились в очень плохом состоянии 2 венца. Размер сруба 6,6 X 6,6 м. Следов пола и печи не обнаружено. Южнее расположена постройка 20Т, вскрытая в 20, 21 и 22-м пластах. Сохранность сруба плохая, но его планировка прослеживается хорошо. Это был большой пятистенный сруб шириной 6 м. Длина сруба неизвестна, так как он уходит за границу раскопа, но она не менее 7 м. В центре сруба стояла печь.

Участок Г. Этот участок, огороженный частоколом, имел въезд с Холопьев улицы. Въездные ворота отстояли от настила улицы на 2 м. Верейные столбы были диаметром более 50 см. Ширина (проем) ворот — 2,6 м. От настила мостовой к воротам идет вымостка из круглых бревен.

В северной половине участка расположена постройка 20Ш. Эта жилая постройка, вскрытая в 27-м пласте, сохранилась на 1 венец. Сруб пятистенный, размером 8,5 X 6,6 м. Хорошо сохранился пол. В юго-западном углу восточной секции стояла печь. Постройка погибла от пожара.

Среди бытовых и хозяйственных предметов, собранных внутри и около сруба, найдено много обрешков листовой и полосовой

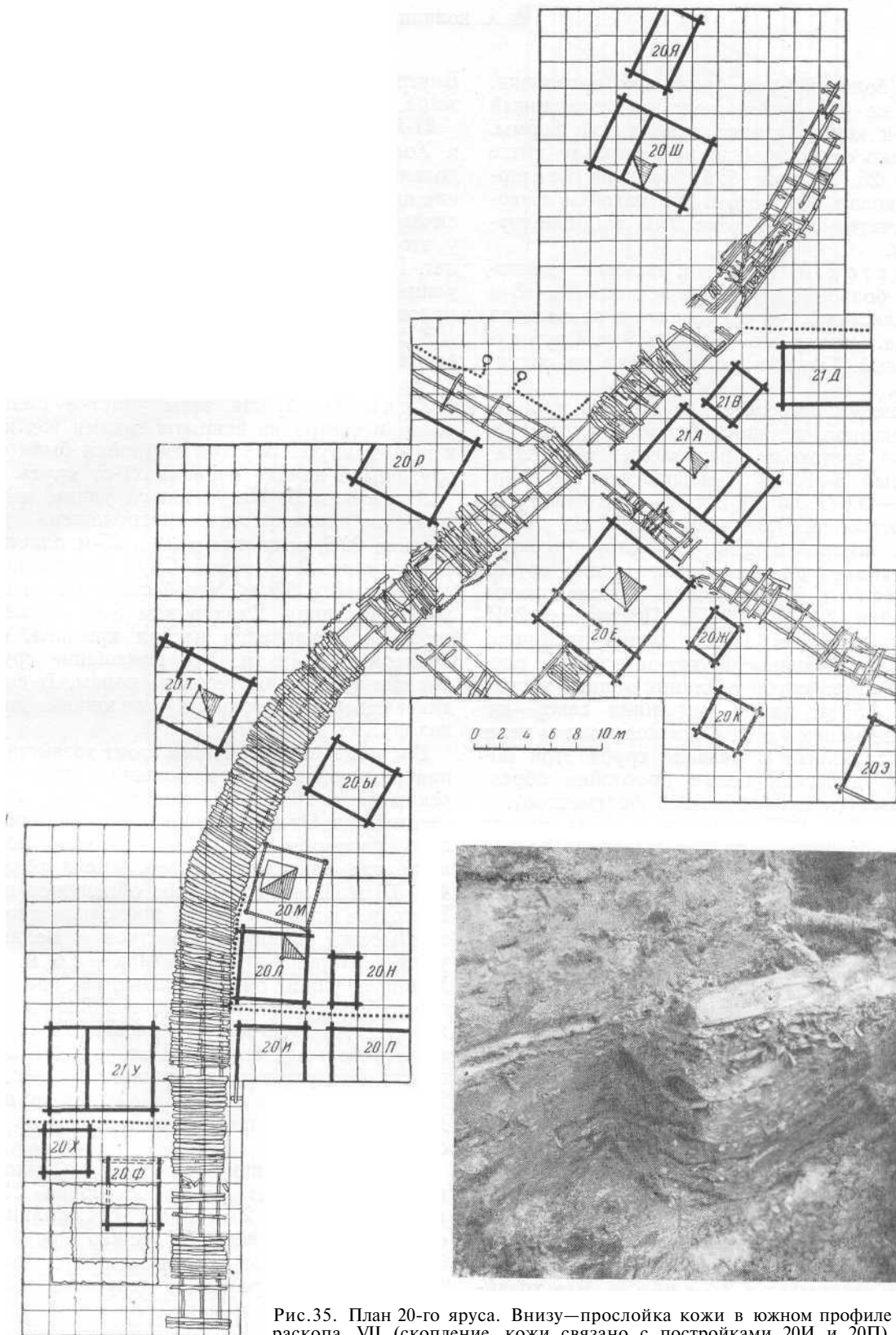

Рис.35. План 20-го яруса. Внизу—прослойка кожи в южном профиле раскопа VII (скопление кожи связано с постройками 20И и 20П).

меди (более 200) и бронзовой проволоки. Здесь же обнаружен железный ювелирный молоток конструктивно правильной формы. Недалеко от постройки, но несколько выше (пласт 25, квадрат 725) найдена ювелирная наковальня с рогом. Эти находки позволяют считать, что в доме 20Ш жил ювелир-медник.

Участок Д. В южной половине расположен большой сруб 21У, вскрытый в 18 и 19-м пластах; сруб сохранился в развале на 2 венца. Размер его — 8,5 X 6,5 м. Сруб пятистенный. Остатки пола и печи не сохранились.

Южнее, непосредственно к срубам, примыкал частокол, делящий участок на 2 владения. За частоколом расположен сруб 20Х, вскрытый в 17 и 18-м пластах. Размер сруба — 3,6 X 3,6 м. Это была хозяйственная постройка. Примыкая к Великой улице, стояла постройка 20Ф, от которой сохранился только развал нижнего венца сруба.

Участок Е. На участке расположены постройки 20И и 20П. Постройка 20И вскрыта в 18-м пласте лишь частично; южная ее половина уходит за пределы раскопа. Размер сруба по линии запад—восток равен 5,5 м; длина по линии север—юг была не менее 4,6 м. Остатков пола и печи не сохранилось. В развале сруба этой постройки залегали целые прослойки обрезков кожи (всего более 5000 фрагментов).

Постройка 20П вскрыта в 18-м пласте также частично; в раскоп выходила только северо-западная ее часть. В длину эта постройка была не менее 7 м. Сохранились балки пола. Среди находок внутри сруба и вокруг него собраны: бронзовое стремя, ножи, деревянные ложки, много обломков амфор, стеклянные бусы, стеклянные браслеты, грецкие орехи и множество деревянной и берестяной посуды. Это все сопровождалось обилием обрезков кожи. Вдоль частокола на всем участке собраны более 4000 обрезков кожи и масса шерсти. Перед нами—дом и мастерская кожевника. Ранее, в верхних слоях, шерсть в таких количествах не встречалась, и мы впервые наблюдаем соединение двух производств — сапожного и кожевенного.

Участок Ж. В западной половине, вдалеке от мостовой, расположена постройка 20Я, вскрытая в 27-м пласте. Эта хозяйственная постройка имела размер 5,6 X 2,2 м.

Внутри был пол. Постройка погибла от пожара.

21-й ярус (рис. 36). От мостовых Великой и Холопьевой улиц сохранились только продольные лаги. Плахи были оставлены лишь как опоры будущей, т. е. 20-й мостовой. В отличие от всех предшествующих мостовых у этой мостовой имелось 4 ряда опорных лаг. Ширина настила — 4,2 м. На Холопьевой улице настил сохранился только в восточной половине. Ширина настила — 3 м (рис. 37).

К 21-му ярусу относятся 13 срубов, 4 настила и 3 частокола. Культурный слой этого яруса такой же, как и предшествующего.

Участок А. На этом участке планировка и постройки вскрыты такими же, как и в 20-м ярусе. Все эти постройки были сооружены в начале периода 21-го яруса.

Участок Б. На Холопьевой улице, недалеко от перекрестка, расположена постройка 22Е, вскрытая в 24 и 25-м пластах. Сохранились 2—3 венца. Сруб пятистенный, размером 8 X 6,2 м. Узкой стороной он выходит на улицу. Вход в дом был с южной стороны. Сохранился настил крыльца, его размер — 2 X 1,8 м. Все помещение сруба выстлано хорошим тесовым полом. В середине северной (большей) половины дома находилась печь.

Восточнее во дворе дома стоит хозяйственная постройка 21Л с большим погребом, вскрытая в 26 и 27-м пластах. Она двухсекционная. От южной половины сохранился сруб размером 4 X 3,8 м; северная половина, где находился погреб, имела размер 4 X 3,5 м. В этой половине обнаружен пол. Восточнее этой постройки проходили дворовые мостки наподобие мостков с Великой улицы. Ширина этого настила — 3,6 м. До Холопьевой улицы он не доходит, так как был перерублен при постройке поздних сооружений. На восточной половине участка стоит небольшой сруб 21К, вскрытый в 26-м пласте. Его размеры по линии север—юг — 3,9 м. Восточная половина уходит за пределы раскопа. В постройке был пол из досок.

Западнее большого дома стоит выходящая на Великую улицу постройка 21Ж, вскрытая в 23 и 24-м пластах. Сохранился один нижний венец. Размер сруба — 5 X 3,6 м. Остатков пола и печи нет. Южнее этой постройки проходили дворовые мостки к подъезду дома.

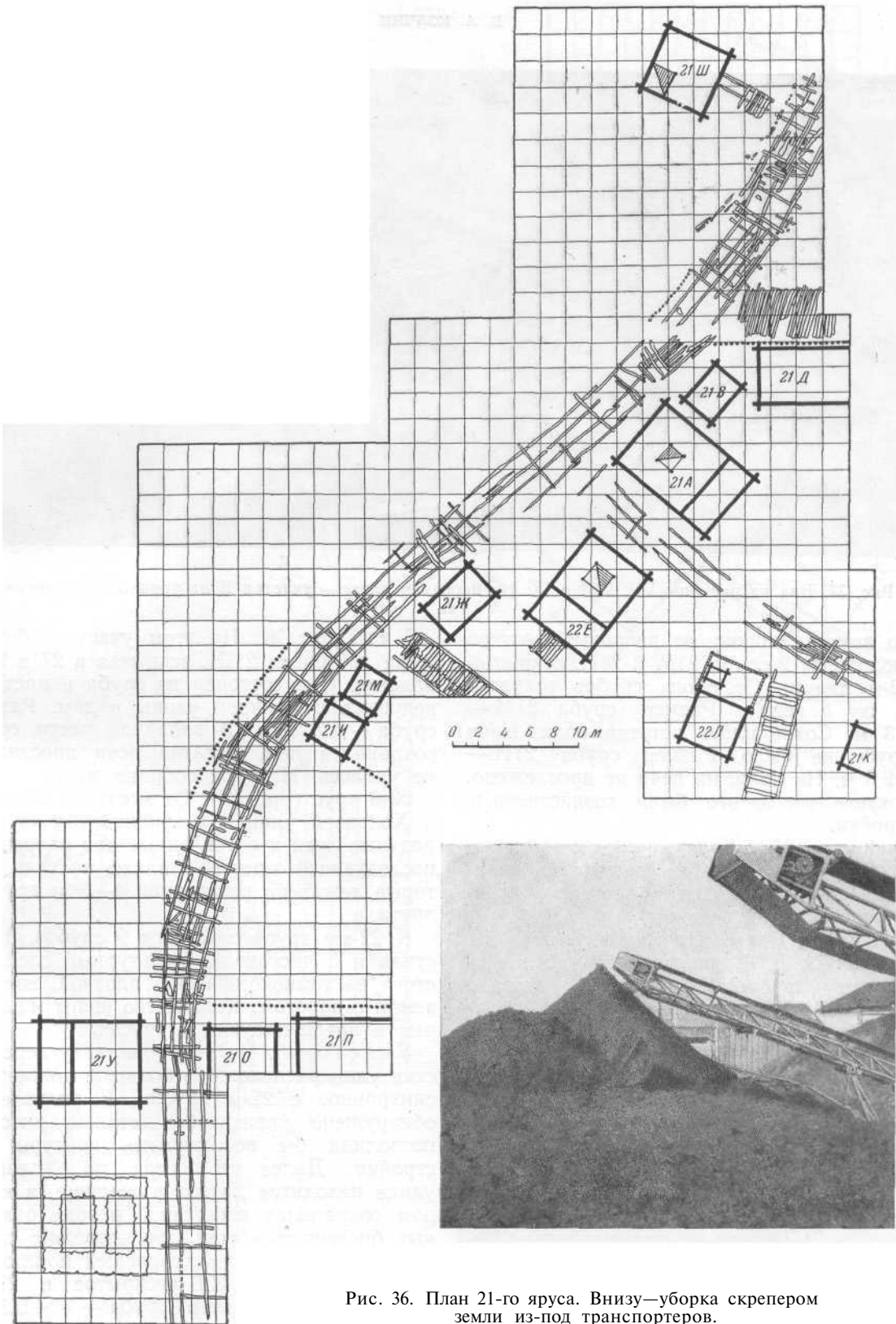

Рис. 36. План 21-го яруса. Внизу—уборка скрепером земли из-под транспортеров.

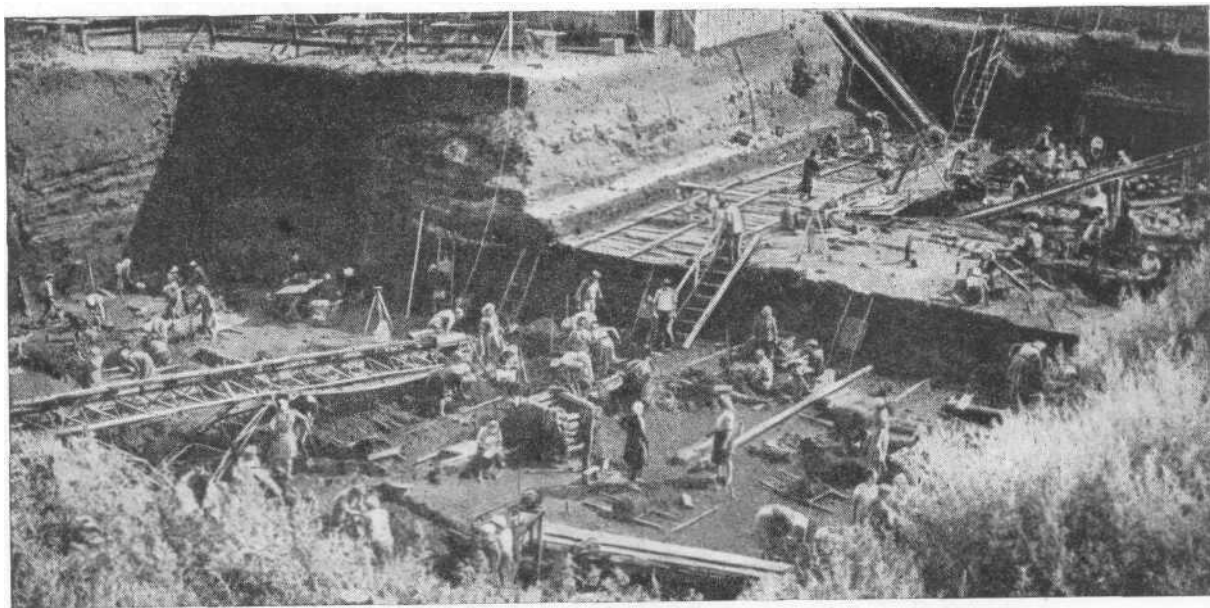

Рис. 37. Вид на раскопы VII, VIII и IX. На переднем плане — участок Д на уровне 21-го яруса.

По другую сторону от дворовых мостков расположены 2 сруба 21М и 21И, вскрытые в 22-м пласте. От обоих срубов сохранилось по 1 венцу. Размер сруба 21М — 3 X 3 м. Сохранились остатки пола. Печи в срубе не было. Размер сруба 21И — 3 X 2,6 м. Ни пола, ни печи не прослежено. Вероятнее всего, это были хозяйственные постройки.

Начиная с 21-го яруса, через все нижележащие ярусы в середине участка по квадратам 438—425 проходит частокол, делящий участок на 2 усадьбы.

Участки В и Г. Построек нет.

Участок Д. В центральной части участка стоит сруб 21У, о котором сказано в описании 20-го яруса.

Участок Е. Здесь расположены срубы 21-0 и 21П, вскрытые в 20-м пласте. Размер постройки 21-0 — 6 X 4 м. Ни печи, ни пола не обнаружено. Постройка 21П южной и восточной частями уходит за пределы раскопа. Внутри сруба ничего не сохранилось, но следует заметить, что между постройками и тыном залегало большое количество обрезков кожи и шерсти. Внутри постройки 21П среди немногочисленных бытовых находок обнаружены серебряная гривна киевского типа и 8 шиферных пряслиц.

Участок Ж. На этом участке обнаружена постройка 21Ш, вскрытая в 27 и 28-м пластах. Она состояла из сруба и настила, ведущего с Великой улицы в дом. Размер сруба — 5 x 5 м. В западной части сруба сохранился пол. Остатки печи проследить не удалось. Находок собрано мало.

22-й ярус (рис. 38). От мостовой Великой и Холопьевой улиц сохранились только продольные лаги и оставленные как опоры для последующей мостовой плахи настила, которые лежат на расстоянии 4—5 м друг от друга.

К 22-му ярусу относятся 9 срубов, 3 настила и 3 частокола. Культурный слой состоит из темнокоричневой плотной, жирной земли с навозом. Количество щепы меньше, чем в предшествующих ярусах.

Участок А. На углу участка у перекрестка улиц расположено большое пожарище, синхронное с 22-м ярусом. В развале не обнаружено каких-либо деталей, которые позволили бы восстановить контуры постройки. Далее на восток по Холопьевой улице находится другое пожарище, в котором сохранился небольшой развал отдельных бревенчатых стен, что позволяет определить часть контура сгоревшей постройки. Это — сооружение 22Б, вскрытое в 27 и 28-м пластах. Размер сруба — 7 X 5,5 м.

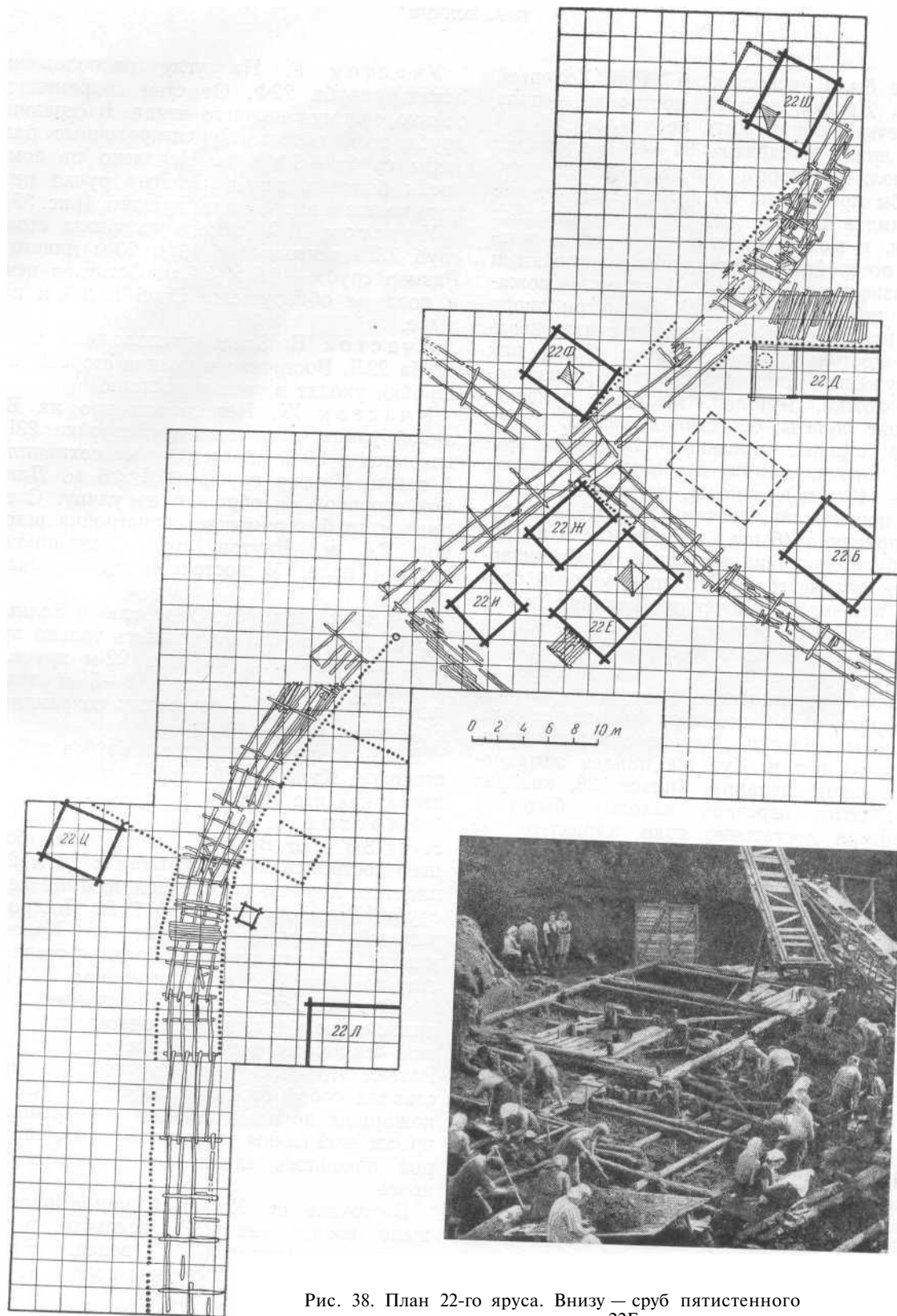

Рис. 38. План 22-го яруса. Внизу — сруб пятистенного жилого дома 22Е.

Здание было расположено вдоль Холопьевой улицы. Других деталей постройки, — пола или печи, — обнаружить не удалось.

По линии квадратов 91 — 141 проходил частокол, к которому на территории этой усадьбы примыкала постройка 22Д. От нее сохранился лишь развал досок и отдельных бревен, и можно восстановить только контуры постройки. Конструкция постройки и ее назначение не ясны. В развале пожара 22Б, 22Д и внутри двора были найдены 354 предмета, не считая керамики, костей животных и кожи. Среди них обнаружены бондарная, точеная и резная посуда, ложки, мутовки, кухонные лопатки, большие лопаты, берестяная посуда, топор, шпора, стрелы, чапельник, сковорода, кресало, ключи, замки нутряные и висячие, ножи (13 шт.), кольца, заклепки, скобы, игла портняжная, гвозди (39 шт.), шиферные пряслица (5 шт.), стеклянные и янтарные бусы, перстень янтарный, крест янтарный, костяные гребни (6 шт.), медный браслет, пряжка позолоченная медная, оковка ножен медная, орнаментированная медная накладка, осколки зеленого стекла, костяная стрела, обрывки тканей, веревки, изразцы, керамика с зеленой поливой (4 фрагмента), скорлупа крашенных яиц, точильные бруски, жернова, зерно, гречские орехи и т. п. Тут же найден западно-европейский денарий (пласт 28, квадрат 114). Этот перечень находок бытового инвентаря достаточно ярко характеризует хозяйство новгородца, владевшего этой усадьбой.

Участок Б. На самом углу перекрестка стоит сруб 22Ж, вскрытый в 24-м пласте. Целиком сохранился нижний венец и частично — второй. Размер сруба — 6 X 4 м. Пол и печь не прослежены. Судя по набору находок, они все носят бытовой характер; сруб можно считать жилым. Южнее, на углу между Великой улицей и дворовым въездом, стоит постройка 22И, вскрытая в 23-м пласте. Размер сруба — 4 X 4 м. Никаких других деталей не прослежено. Вероятнее всего, это амбар-кладовая.

Далее на восток по Холопьевой улице стоит большой дом 22Е (см. описание 21-го яруса). По квадратам 437, 432, 428 и 423 проходит частокол, делящий участок Б на две усадьбы.

Участок В. Сооружений нет.

Участок Г. На углу расположены остатки сруба 22Ф. От стен сохранились только обломки нижнего венца. В середине сруба стояла печь. Ориентировочные размеры сруба — 6 X 4 м. Недалеко от дома среди бытовых вещей найдена ручка резного ковша в виде головы дракона (рис. 39).

Участок Д. У самого частокола стоит сруб 22Ц, вскрытый в 19 и 20-м пластах. Размер сруба — 4,6 X 4,4 м. Остатков печи и пола не обнаружено. Сруб погиб в пожаре.

Участок Е. Здесь расположена часть сруба 22Л. Восточная и южная стороны постройки уходят в стенки раскопа.

Участок Ж. Непосредственно на Великой улице стоит жилая постройка 22Ш, вскрытая в 30-м пласте. От нее сохранился 1 венец. Размер сруба — 6,2 X 5 м. Длинной стороной он обращен на улицу. С запада к срубам примыкает пристройка шириной 2,6 м. Внутри сруба сохранились остатки пола. У восточной стены стояла печь.

23-й ярус (рис. 40). От мостовой Великой улицы 23-го яруса сохранились только продольные лаги. Их, как и в 22-м ярусе, — 4 ряда. Через интервал в 4—5 м лежат плахи. В таком же состоянии сохранилась и Холопья улица.

К 23-му ярусу относятся 8 срубов и 6 частоколов. Культурный слой — такого же состава, как и в 22-м ярусе.

Участок А. На углу перекрестка, отступя 3,5 м от Великой улицы, стоит большая постройка 24А, вскрытая в 28 и 29-м пластах. Хорошо сохранился нижний венец сруба. Размер сруба — 9 X 7 м. Постройка длинной стороной выходит на Холопью улицу. Дом пятистенный. Средняя стена делит дом на 2 секции размером 7 X 7 и 7 X 2 м. В обеих секциях частично сохранился тесовый пол. В восточном углу большой секции стоит печь размером 1 X 1,3 м. Развал этой постройки до расчистки представлял собой огромное пожарище. Сверху пожарище по всей площади перекрывалось прослойкой глины (толщиной 7 см), на которой покоилось здание, сторевшее в 22-м ярусе.

Восточнее по Холопьевой улице расположено сооружение 23В, вскрытое в 29-м пласте. Сохранился 1 венец. Размер сруба — 3 X 2,6 м. Остатков пола и печи не

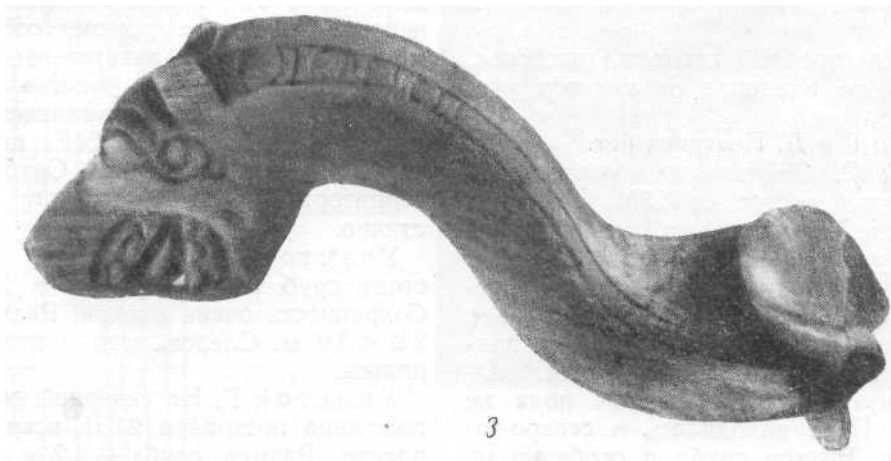
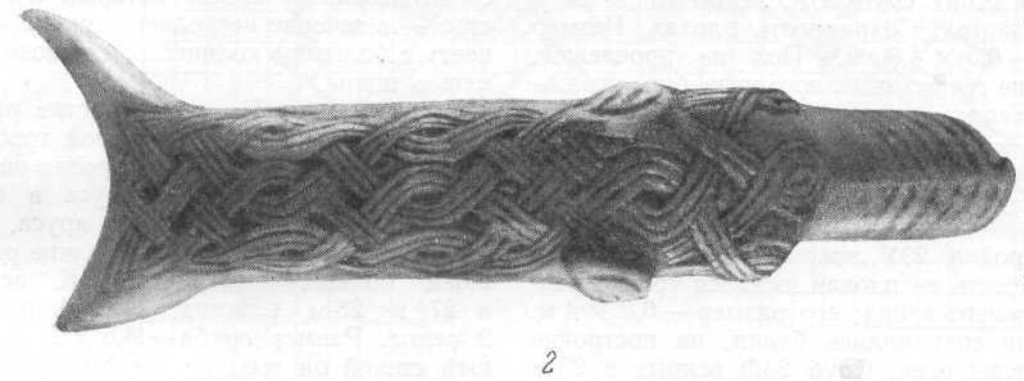
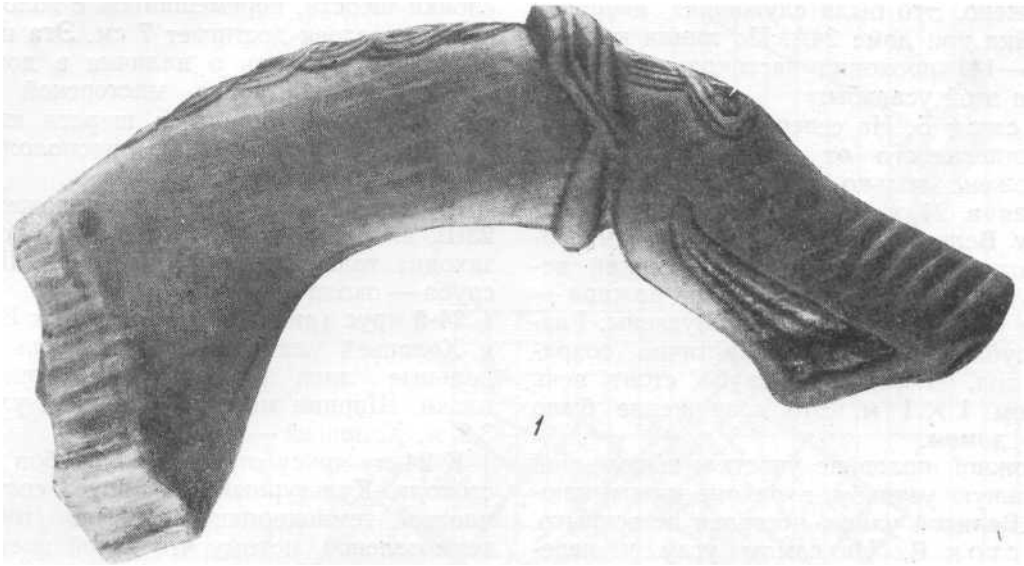

Рис. 39. Резное дерево

1---рукоятка ковш в виде головы дракона (23-й ярус); 2 — то же, вид сверху; 3 — рукоятка ковш в виде головы дракона (28-й ярус).

прослежено. Это была служебная дворовая постройка при доме 24А. По линии квадратов 91—141 проходил частокол — северная граница этой усадьбы.

Участок Б. На северной половине участка, отделенного от южной частоколом, расположена только одна постройка 23Е, вскрытая в 24 и 25-м пластах. Она стоит на углу Великой улицы и дворовой мостовой. Сохранился только один нижний венец сруба. Постройка погибла от пожара — доски и бревна сруба сильно обуглены. Размер сруба — 4,5 X 4 м. Частично сохранился пол. В середине сруба стоит печь размером 1 X 1 м. Это сооружение было жилым домом.

На южной половине участка, выделенной в отдельную усадьбу, в районе, примыкающем к Великой улице, построек не вскрыто.

Участок В. На самом углу у перекрестка стоит сруб 23Р, вскрытый в 24 и 25-м пластах. Сохранность плохая. Размер сруба — 6,5 X 4,8 м. Пол не прослежен. В районе северо-западного угла (сам угол — вне раскопа) имеется развал камней, возможно, — остатки печи. Бревна сруба обуглены; кроме того, в завале постройки встречаются угли, зола. Строение погибло от пожара.

Постройка 23У вскрыта в 25-м пласте. Сохранность ее плохая, остался только развал нижнего венца; его размер — 6,8 X 4 м. От пола сохранились балки, на постройке есть следы огня. Сруб 23Ф вскрыт в 25-м пласте. Сохранились только развалы нижнего венца размером 6,8 X 5 м и пола. Печь не прослежена. На постройке заметны следы огня.

Далее за постройкой проходил частокол, отделявший это владение от южного участка.

Участки Г и Д. Построек нет.

Участок Е. На площадь участка заходит частично постройка 23М, вскрытая в 21-м пласте. Восточная и южная части постройки уходят за пределы раскопа. Длина сруба по линии запад—восток в пределах раскопа равна 5,9 м. С запада к срубу примыкает еще небольшая пристройка шириной 1,9 м. Здание имеет толстую глиняную подушку. Следов пола не прослежено. Печь находилась в северо-западном углу. Внутри сруба и особенно на дворе у частокола залегают целые про-

слойки шерсти, перемешанной с золой. Толщина прослоек достигает 7 см. Эта находка позволяет говорить о наличии в доме или в соседней постройке мастерской кожевника. Прослойка золы и шерсти является выбросом из зольника, расположенного где-то поблизости.

Участок Ж. Здесь расположен сруб 23Ш, вскрытый в 29-м пласте. В раскоп он заходит только южной половиной. Ширина сруба — около 6 м.

24-й ярус (рис. 41). От мостовых Великой и Холопьевой улиц сохранились только продольные лаги и некоторые поперечные плахи. Ширина мостовой Великой улицы — 3,8 м, Холопьевой — 3,5 м.

К 24-му ярусу относятся 7 срубов и 2 частокола. Культурный слой яруса состоит из плотной темнокоричневой земли (точнее, — темнозеленой, потому что такой цвет имеет свежесрезанный пласт, который очень быстро, — в течение нескольких секунд, — тускнеет) с большим количеством навоза и примесей щепы.

Участок А. На этом участке расположена постройка 24А, о которой говорилось в описании 23-го яруса. Построена она была в начале периода 24-го яруса и сгорела в конце существования 23-го яруса.

Участок Б. На Холопьевой улице расположена большая постройка 25К, вскрытая в 27 и 28-м пластах. Сохранились 1—2 венца. Размер сруба — 8,5 X 6 м. Меньшей стеной он выходит на Холопьюю улицу. В южной половине сруба стоит печь. Сохранились сильно обугленные остатки пола. Дом погиб от пожара. Находок, связанных непосредственно с домом, собрано очень мало, и они не выразительны.

Южнее на этом участке находились срубы 24Е и 24Ж. Сохранность их очень плохая. Размер сруба 24Е, погибшего от пожара, — 2,8 X 2,8 м. Сруб 24Ж на территорию раскопа входит лишь частично.

Участок В. На углу у перекрестка стоит сруб 24Т, вскрытый в 26-м пласте. Сохранность очень плохая. Размер сруба — 3,2 X 3,2 м. Следов печи и пола не сохранилось.

Участок Г. На северной половине расположена постройка 24Ш, вскрытая в 30-м пласте. Размер сруба — 4,2 X 4 м. Пол и печь внутри сруба не сохранились. Бревна

прослежено. Это была служебная дворовая постройка при доме 24А. По линии квадратов 91—141 проходил частокол — северная граница этой усадьбы.

Участок Б. На северной половине участка, отделенного от южной частоколом, расположена только одна постройка 23Е, вскрытая в 24 и 25-м пластах. Она стоит на углу Великой улицы и дворовой мостовой. Сохранился только один нижний венец сруба. Постройка погибла от пожара — доски и бревна сруба сильно обуглены. Размер сруба — 4,5 X 4 м. Частично сохранился пол. В середине сруба стоит печь размером 1 X 1 м. Это сооружение было жилым домом.

На южной половине участка, выделенной в отдельную усадьбу, в районе, примыкающем к Великой улице, построек не вскрыто.

Участок В. На самом углу у перекрестка стоит сруб 23Р, вскрытый в 24 и 25-м пластах. Сохранность плохая. Размер сруба — 6,5 X 4,8 м. Пол не прослежен. В районе северо-западного угла (сам угол — вне раскопа) имеется развал камней, возможно, — остатки печи. Бревна сруба обуглены; кроме того, в завале постройки встречаются угли, зола. Строение полибло от пожара.

Постройка 23У вскрыта в 25-м пласте. Сохранность ее плохая, остался только развал нижнего венца; его размер — 6,8 X 4 м. От пола сохранились балки, на постройке есть следы огня. Сруб 23Ф вскрыт в 25-м пласте. Сохранились только развалы нижнего венца размером 6,8 X 5 м и пола. Печь не прослежена. На постройке заметны следы огня.

Далее за постройкой проходил частокол, отделявший это владение от южного участка.

Участки ГиД. Построек нет.

Участок Е. На площадь участка заходит частично постройка 23М, вскрытая в 21-м пласте. Восточная и южная части постройки уходят за пределы раскопа. Длина сруба по линии запад—восток в пределах раскопа равна 5,9 м. С запада к срубам примыкает еще небольшая пристройка шириной 1,9 м. Здание имеет толстую глиняную подушку. Следов пола не прослежено. Печь находилась в северо-западном углу. Внутри сруба и особенно на дворе у частокола залегают целые про-

слойки шерсти, перемешанной с золой. Толщина прослоек достигает 7 см. Эта находка позволяет говорить о наличии в доме или в соседней постройке мастерской кожевника. Прослойка золы и шерсти является выбросом из зольника, расположенного где-то поблизости.

Участок Ж. Здесь расположен сруб 23Ш, вскрытый в 29-м пласте. В раскоп он заходит только южной половиной. Ширина сруба — около 6 м.

24-й ярус (рис. 41). От мостовых Великой и Холопьевой улиц сохранились только продольные лаги и некоторые поперечные плахи. Ширина мостовой Великой улицы — 3,8 м, Холопьевой — 3,5 м.

К 24-му ярусу относятся 7 срубов и 2 частокола. Культурный слой яруса состоит из плотной темнокоричневой земли (точнее, — темнозеленой, потому что такой цвет имеет свежесрезанный пласт, который очень быстро, — в течение нескольких секунд, — тускнеет) с большим количеством навоза и примесью щепы.

Участок А. На этом участке расположена постройка 24А, о которой говорилось в описании 23-го яруса. Построена она была в начале периода 24-го яруса и сгорела в конце существования 23-го яруса.

Участок Б. На Холопьевой улице расположена большая постройка 25К, вскрытая в 27 и 28-м пластах. Сохранились 1—2 венца. Размер сруба — 8,5 X 6 м. Меньшей стеной он выходит на Холопьюю улицу. В южной половине сруба стоит печь. Сохранились сильно обугленные остатки пола. Дом погиб от пожара. Находок, связанных непосредственно с домом, собрано очень мало, и они не выразительны.

Южнее на этом участке находились срубы 24Е и 24Ж. Сохранность их очень плохая. Размер сруба 24Е, погибшего от пожара, — 2,8 X 2,8 м. Сруб 24Ж на территорию раскопа входит лишь частично.

Участок В. На углу у перекрестка стоит сруб 24Т, вскрытый в 26-м пласте. Сохранность очень плохая. Размер сруба — 3,2 X 3,2 м. Следов печи и пола не сохранилось.

Участок Г. На северной половине расположена постройка 24Ш, вскрытая в 30-м пласте. Размер сруба — 4,2 X 4 м. Пол и печь внутри сруба не сохранились. Бревна

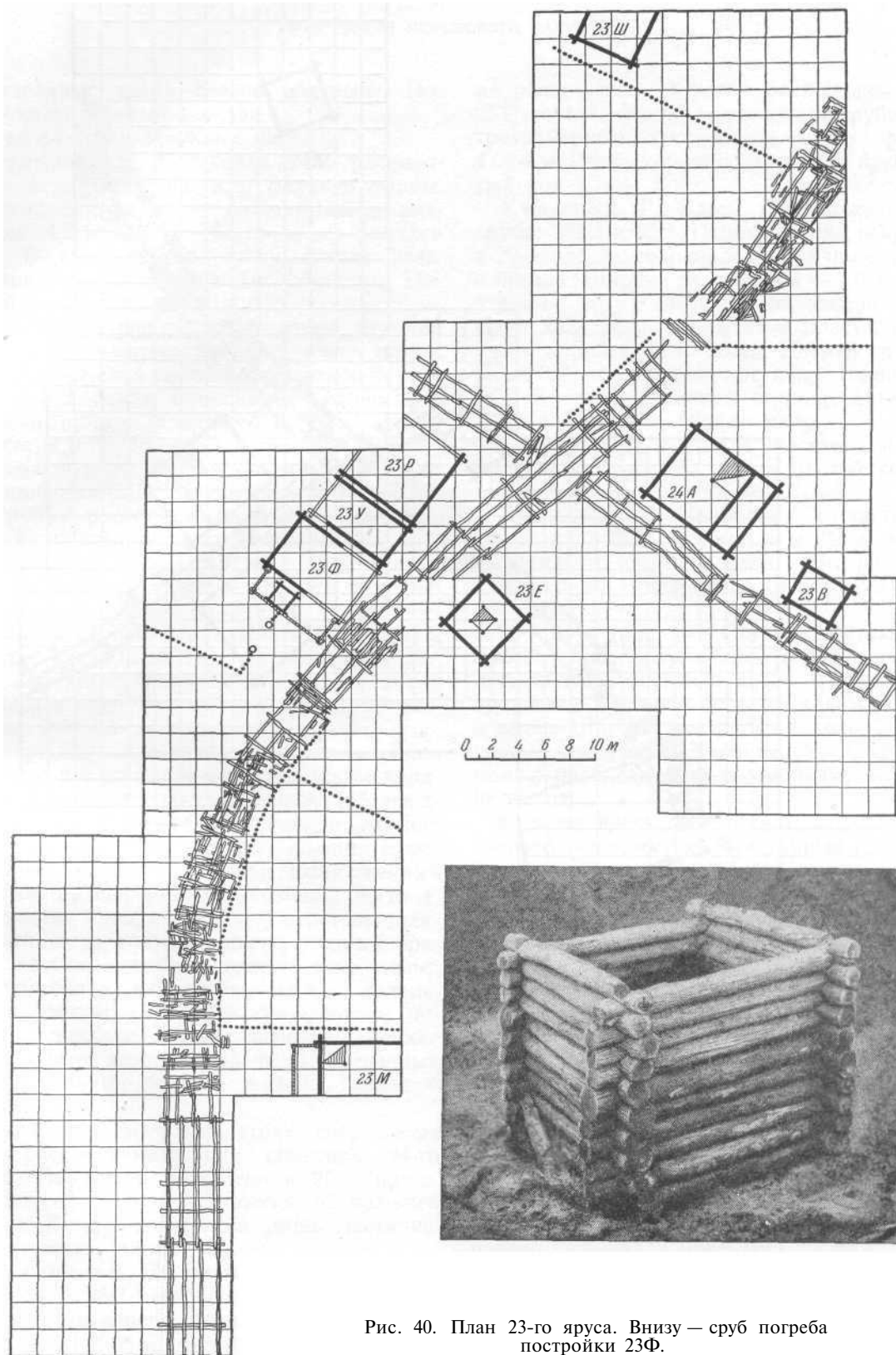

Рис. 40. План 23-го яруса. Внизу — сруб погреб
 постройки 23Ф.

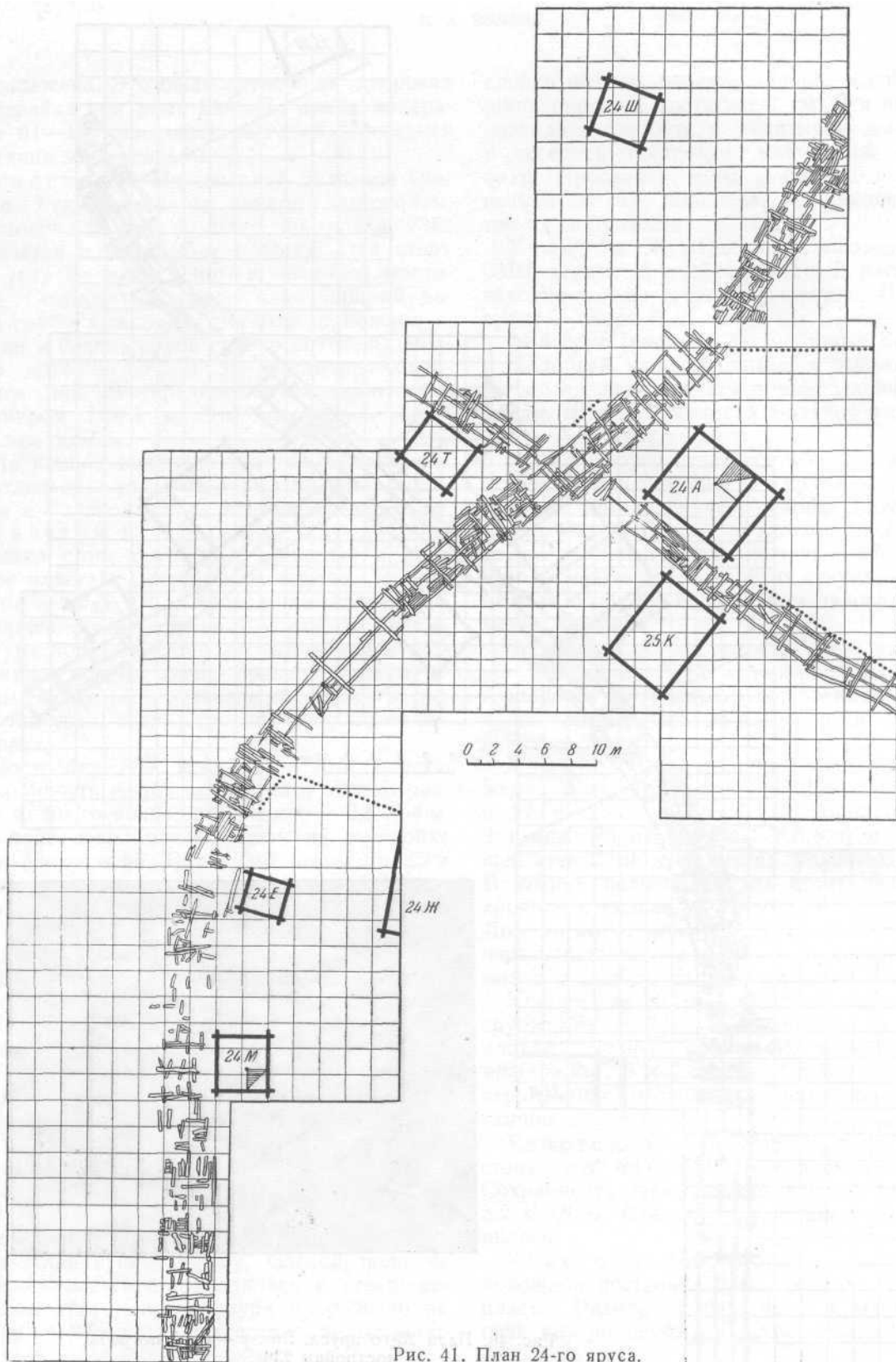

Рис. 41. План 24-го яруса.

и отдельные доски сильно обуглены. Постройка погибла от пожара.

Участок Д. Построек нет.

Участок Е. Постройка 24М расположена в западной части у Великой улицы. От постройки остался нижний венец размером 4,2 X 4,2 м. Частично сохранился пол. В юго-восточном углу стояла печь. Бревна и доски пола сильно обуглены. Постройка сгорела.

25-й ярус (рис. 42). Мостовая Великой и Холопией улиц сохранилась очень плохо. Культурный слой состоит из плотной темно-коричневой земли с большим количеством щепы и примесью навоза. К 25-му ярусу относятся 9 срубов и 5 частоколов.

Участок А. На Холопией улице стоит большой дом 25А, вскрытый в 30-м пласте. Постройка погибла в пожаре. В дальнейшем ее развал был спланирован под следующее сооружение — дом 24А. В силу этого пожараще 25-го яруса на раскопе перекрывалось слоем глины толщиной 8 см. Расчищенный сруб 25А обнажился на 2 венца. Его размер — 9,2 X 7 м. В некоторых местах хорошо сохранился пол. С восточной стороны к срубам примыкали сени дома размером 7 X 4,3 м. Печь стояла, вероятно, в центре большого сруба. Внутри постройки и вокруг нее на дворе найдены, кроме керамики, костей животных и кожи, 165 предметов. Обнаружены бондарная и точеная посуда, берестяная посуда, ложки, совки (рис. 43), мутовки и прочий хозяйственный инвентарь, шиферные пряслица (8 шт.), стеклянные бусы, стеклянный перстень, стеклянный сосуд голубого цвета, медный браслет, костяные гребни, ножи (8 шт.), копье, гарпун, топор, сковороды, шилья, кольца, скобы, гвозди (17 шт.), кусок воска, писанка глиняная, ткани, веревки, грецкие орехи, слиток меди, игрушечный деревянный меч, точильные бруски, жернов, весло и другие вещи.

Участок Б. Здесь стоит сооружение 25К, рассмотренное при описании 24-го яруса. Оно было построено в 25-м ярусе. На южной половине участка расположен сруб 25Ж, сохранившийся лишь частично. Его ширина — 4,5 м.

Участок В. На самом углу перекрестка стоит сруб 25Р, вскрытый в 27-м пласте. Сохранность дерева очень плохая. Размер сруба — 3,6 X 3 м. Остатков пола и печи

не обнаружено. Южнее расположен сруб 25Т, составлявший, возможно, со срубом 25Р трехкамерное сооружение. Его размер 4 X 4 м. Очень хорошо сохранился бревенчатый пол.

Участок Г. Здесь расположены два сруба: 25Ш и 25Э. Первый из них, вскрытый в 29-м пласте, сохранился частично — только 3 бревна. Ширина этого сруба — 2,6 м. В северном углу была расположена печь. Сруб 25Э, вскрытый в 31-м пласте, сохранился хорошо, на 1 венец. Размер сруба — 3,8 X 3,8 м. Внутри частично сохранился пол. К срубам с южной стороны примыкал настил. Находок собрано мало.

Участок Д. На этом участке находится маленький сруб 25У очень плохой сохранности. Его размер — 2,5 X 2,5 м.

Участок Е. Примыкая к частоколу, стоит сруб 25Х, вскрытый в 22-м пласте. Сохранность сруба плохая. Его размер — 4,6 X 4,3 м. В северо-восточном углу расположена печь.

26-й ярус (рис. 44). Остатки мостовой Великой улицы сохранились в виде развала лаг, круглых бревен и досок настила. Направление мостовой остается таким же, как и выше. Ширина мостовой — около 3 м. На уровне этого яруса Холопья улица, которую можно проследить по постройкам, мостовой не имела.

К 26-му ярусу относятся Ю срубов и несколько частоколов. Культурный слой состоит из темно-коричневой земли со значительным содержанием навоза.

Участок А. На самом углу расположена большая жилая постройка 26А, вскрытая в 31-м пласте. От нее сохранились развал бревен нижнего венца сруба и часть пола. Размер постройки — 8,3 X 7 м. Расположение печи установить не удалось. К дому с востока через всю площадь раскопа идет мостовая очень хорошей сохранности. Она сделана из досок, которые вставлены в пазы бревен, лежащих по краям настила. Ширина мостовой — 2,5 м. В северной части усадьбы, примыкая к частоколу, расположена постройка 26Д. От нее сохранился только развал длинных досок, вероятно, — пола. Судить, о характере постройки у нас нет данных.

Участок Б. Здесь расположено несколько сооружений. У самого перекрестка стоит, сруб 26Е, вскрытый в 31-м пласте.

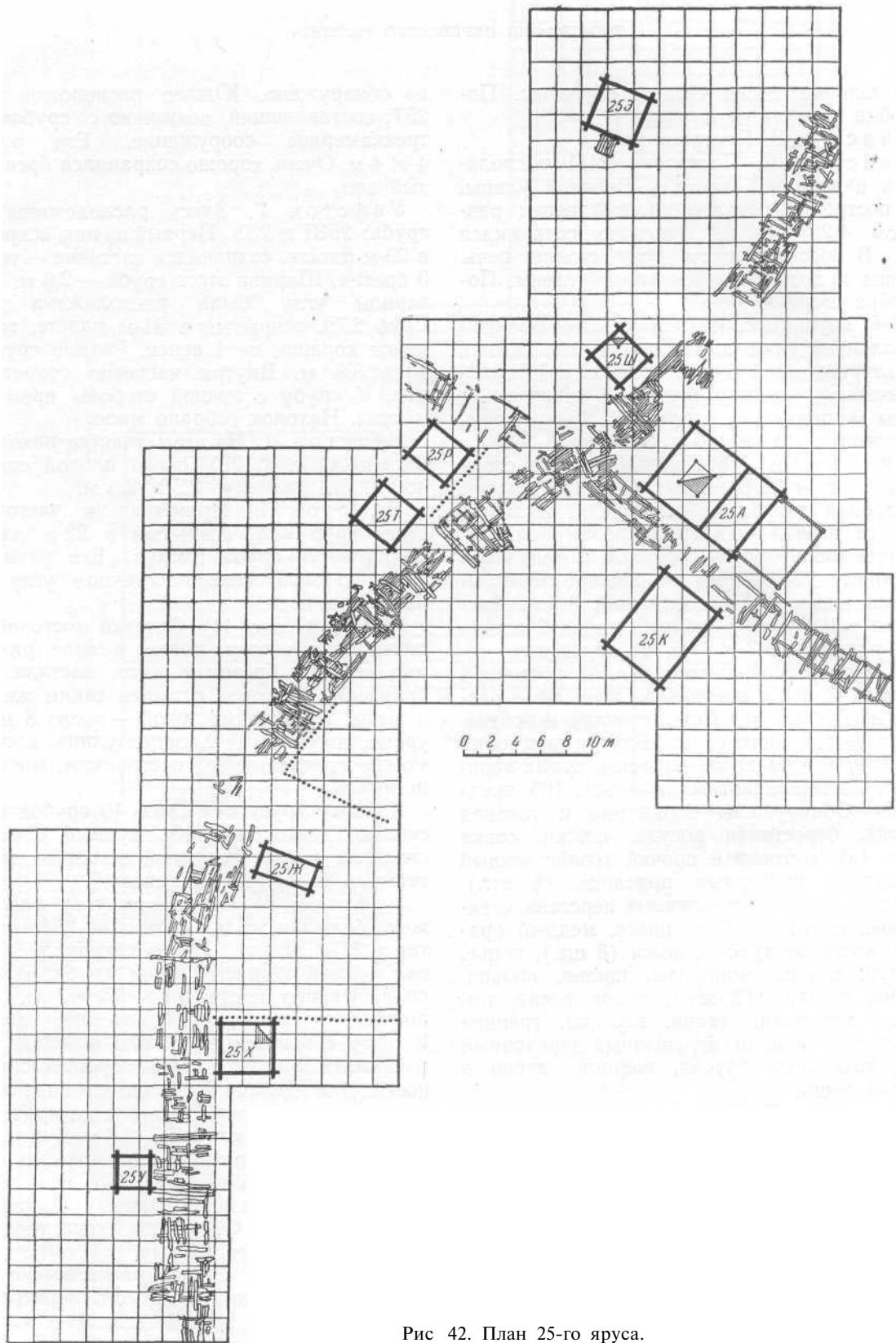

Рис 42. План 25-го яруса.

Рис. 43. Деревянная посуда

1 - ковш (9-й ярус); 2 - ковш (24-й ярус); 3 - совок (25-й ярус); 4 - корабельный черпак (13-й ярус).
8 Заказ 515

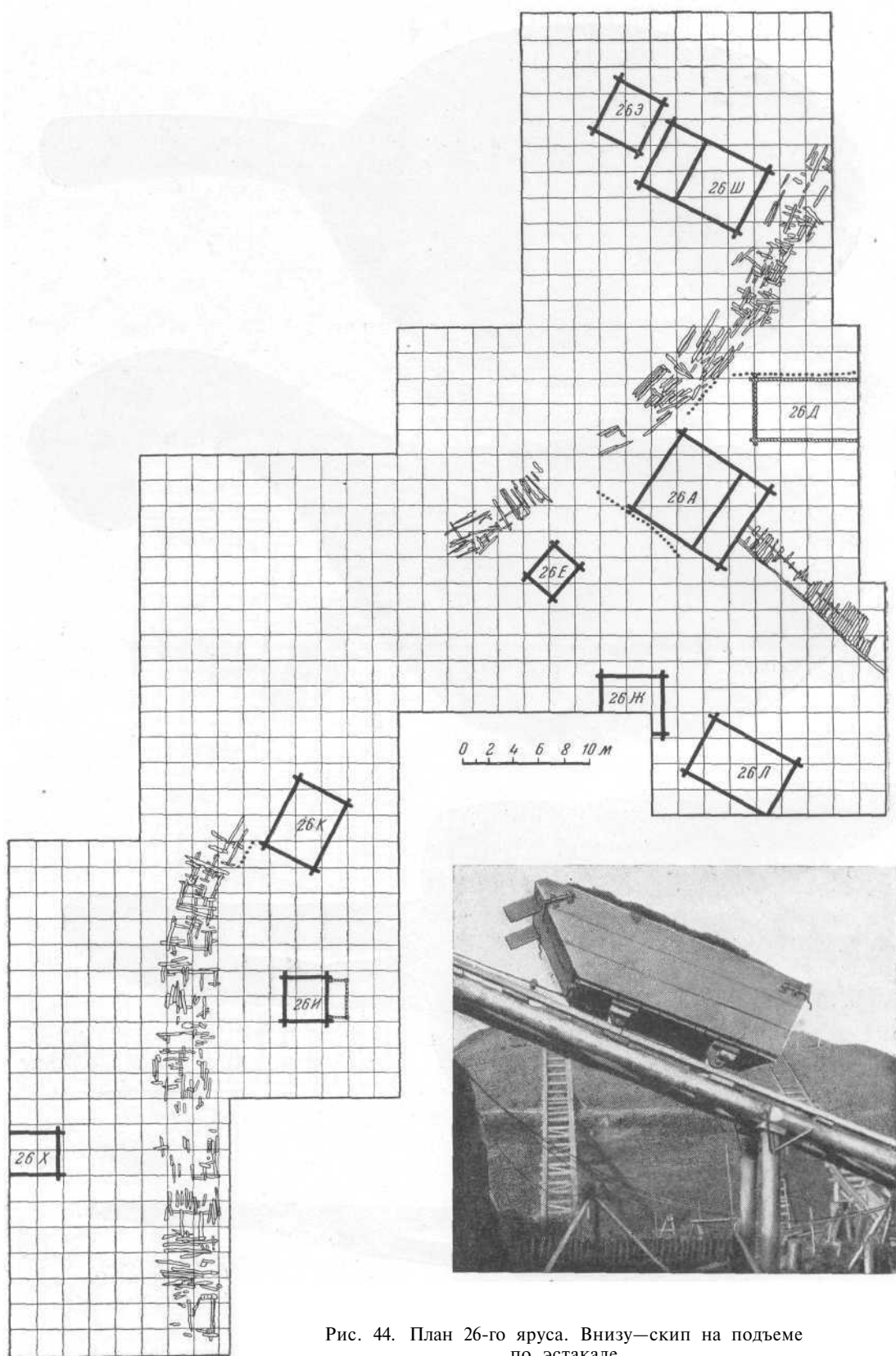

Рис. 44. План 26-го яруса. Внизу—скип на подъеме по эстакаде.

Размер сруба — 3,2 X 2,8 м. Других деталей постройки не прослежено. Юго-восточнее расположена постройка 26Ж, вскрытая в 30-м пласте. Ее размер — 4,5 X 4 м. Сохранилось несколько досок пола. В северо-западном углу находилась печь.

Еще восточнее обнаружены остатки большой постройки 26Л, состоящей из развала большого сруба, вскрытого в 30-м пласте. От сруба сохранились частично только пол в длину на 4 м и окаймлявшие его бревна стен. Ширина сруба по линии запад—восток — около 6 м. Доски пола и бревна обгорели. Постройка погибла от пожара.

На южной половине участка находятся срубы 26К и 26И. От постройки 26И сохранился полностью нижний венец размером 3,4 X 3,4 м. Внутри сруба ничего не осталось. Восточнее к срубу примыкала небольшая пристройка. О назначении постройки что-либо сказать невозможно. От постройки 26К сохранились нижний венец и развал пола. Размер этого сруба — 4,4 X 4,8 м. Вероятно, это было жилище.

Участок В. Построек нет.

Участок Г. Здесь расположены 2 сруба 26Ш и 26Э, вскрытые в 31, 32 и 33-м пластах. Сруб 26Ш — пятистенок; размер его — 8,8 X 5,4 м. Остатков пола и печи не прослежено. Сруб 26Э расположен западнее большого сруба и имеет размер 4,6 X 4,4 м. Хорошо сохранились все бревна нижнего венца.

Участок Д. В 22-м пласте вскрыт небольшой сруб 26Х. Его размер — 3,8 X 3,2 м. Частично сохранился пол.

27-й ярус (рис. 45). Мостовая Великой улицы имеет прежнее (как указано выше) направление. Ее сохранность плохая — это развал лаг и круглых бревен настила. Ширина — около 3 м. Мостовой Холопней улицы нет, но улица в то время существовала, что доказывается наличием частокла, идущего по направлению улицы в южной части участка А.

Культурный слой состоит из темнокоричневой земли, насыщенной большим количеством перегнившей древесины.

К 27-му ярусу, кроме мостовой, относятся еще остатки 4 срубов, расположенных на участках Б, Г и Е.

От сруба 27Е, вскрытого в 31-м пласте, сохранился только угол венца. Ширина сруба была не менее 5 м. Сруб 27К, вскры-

тый в 27-м пласте, сохранился также частично. Ширина постройки была 2,7 м, длина — более 4 м. Постройка сгорела; следы сильного пожара прослежены на ее остатках. От постройки 27Ж сохранился только развал бревен. Восстановить ее размеры не удалось. Маленькая хозяйственная постройка 27Ы была размером 3,5 X 2 м.

Все эти сооружения стоят в предматериковом слое; непосредственно под ними через 20—40 см открылся материк.

28-й ярус (рис. 46). Направление Великой улицы прежнее. Мостовая сохранилась плохо и лишь на раскопе IX, а также частично — на раскопах II, I и X. От мостовой остались лаги и несколько круглых бревен настила. Мостовая лежит на предматериковом слое. На некоторых участках (раскопы IX и VII) материк открывается непосредственно под мостовой, на других участках (раскопы II и I) под мостовой залегает еще на 20—30 см культурный слой. На раскопе X под мостовой 28-го яруса вскрыта дополнительная конструкция, состоящая из длинной продольной лаги и нескольких поперечных досок. Она получила условный номер — мостовая 28А. Под этой конструкцией открылся материк.

Культурный слой на уровне 28-го яруса состоит из темнокоричневой плотной земли с большим содержанием навоза и перегнившей древесной трухи; часто встречаются включения песка.

Следует обратить внимание на то, что по каким-то причинам большая часть дерева в этих слоях сгнила, в силу чего на уровне 28-го яруса не прослежено никаких построек. Ниже темнокоричневой плотной земли культурный слой переходит в предматериковый гумус темносерого цвета.

В новгородской стратиграфии существует понятие «ниже 28-го яруса». Под этим термином мы подразумеваем тонкий пласт культурного слоя, в котором еще обнаруживаются вещи X в. Эта прослойка (особенно на раскопах НА, НЯ, I и II) находится немного ниже соответствующего уровня 28-й мостовой и часто смешивается с предматериковым гумусом.

Всего в 28 ярусах было открыто 315 срубов. В это число вошли не только срубы, вскрытые в очень хорошем состоянии — с целиком сохранившимися стенами в 4—5 венцов, полом, печью и другими деталями,

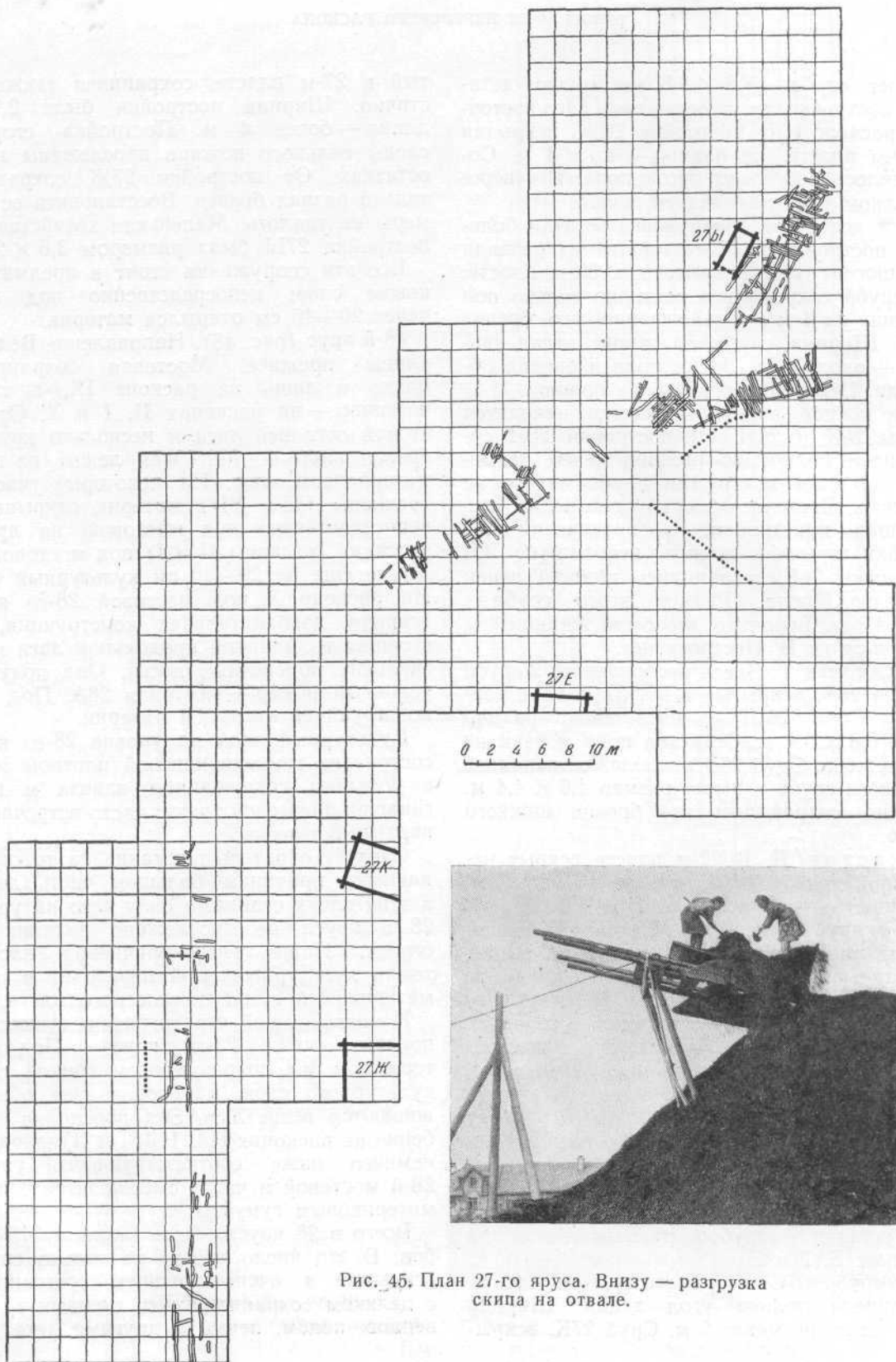

Рис. 45. План 27-го яруса. Внизу — разгрузка
скипа на отвале.

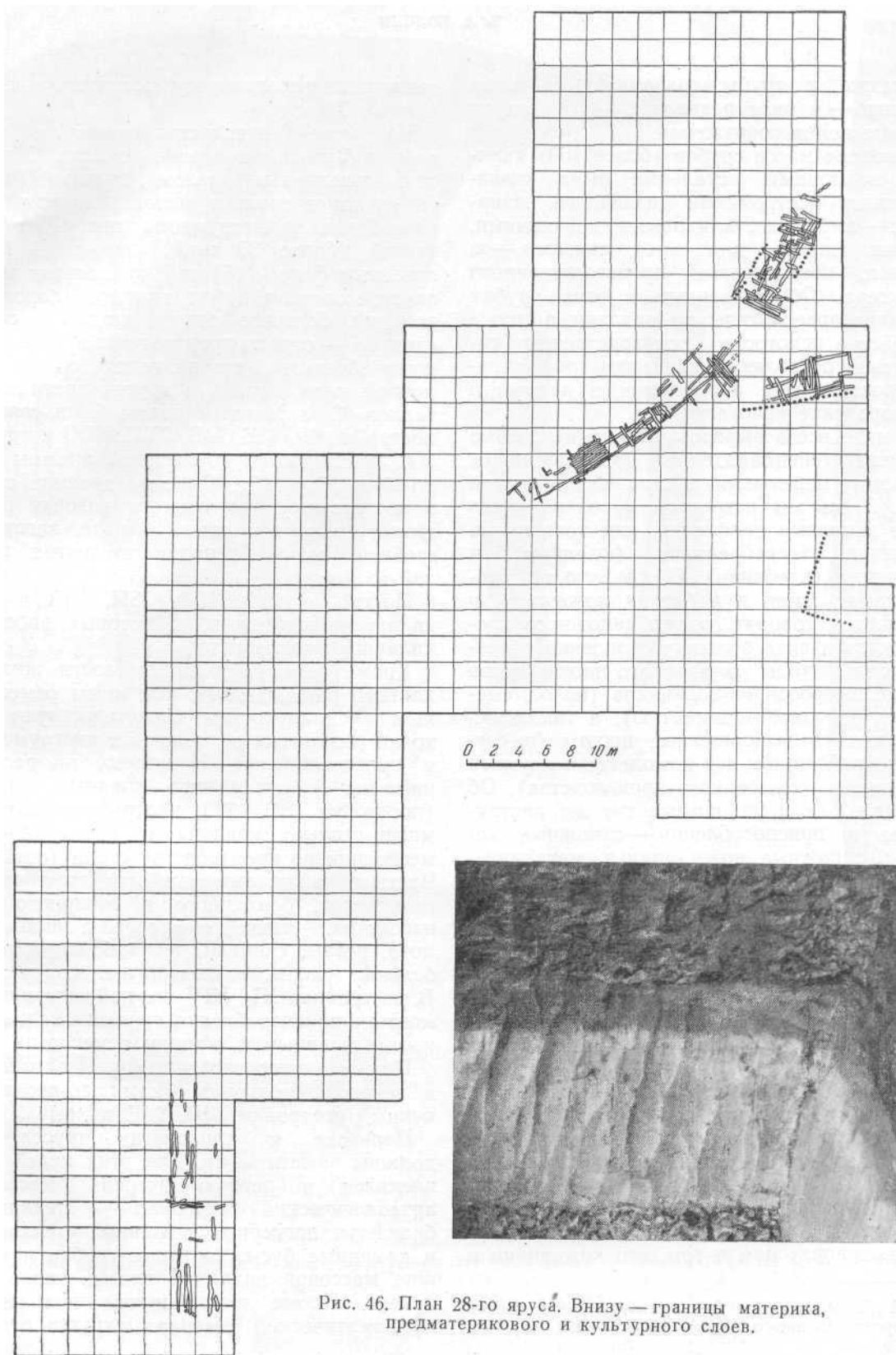

Рис. 46. План 28-го яруса. Внизу — границы материка, предматерикового и культурного слоев.

но также и срубы, сохранившиеся лишь частично — в виде развала 2—4 бревен от нижнего венца сооружения.

Основная масса срубов (более 160) являлась жилищами, остальные были хозяйственными постройками различного назначения — амбарами, кладовыми, конюшнями, банями, хлевами для скота, лавками — и, наконец, помещениями производственного характера. Обнаруженные в этих срубах в обилии археологические находки, а также устройство некоторых производственных сооружений позволяют определить род занятий новгородцев, населявших в древности эти городские кварталы.

Прежде всего вырисовываются некоторые профили специализации ремесленников, живших у перекрестка Холопей и Великой улиц. Здесь мы встречаем довольно часто такие массовые профессии, как кожевники, сапожники, серебрянники (ювелиры) и калачники (хлебники). О том, что во многих домах жили и работали кожевники — сапожники, говорят отходы сапожного производства в виде больших скоплений обрезков кожи, отходы кожевенного производства в виде выбросов из зольников (волос, смешанный с золой и известью), а также испорченные и выброшенные шкуры (не отдельно найденные, а в комплексе с другими признаками кожевенного производства). Об этом говорят и находимые тут же инструменты и приспособления — сапожные колодки, сапожные ножи, шилья, металлические и деревянные скребки, а также крой обуви. С кожевным и сапожным ремеслом были связаны постройки 64, 74, 8С ЮН 20Н, 21П, 23М и другие.

Следует заметить, что новгородские летописи в записях XVI в. эту местность неоднократно упоминают под названием «Кожевники». Такое название за этим районом Неревского конца продолжало удерживаться и в течение последующих веков. Так, например, на плане Новгорода 1673 г., составленном Пальмквистом, военным агентом шведского посольства в Россию, на месте всей прибрежной части Неревского конца написано: «Здесь устроена большая мастерская юфти»¹. Археологические материалы говорят нам о том, что кожевники и

сапожники заселяли эту местность еще начиная с XI в.

Не менее распространенным в этом районе было и ювелирное ремесло. О занятиях ювелирным делом жителей некоторых домов говорят находимые там приспособления и инструменты (рис. 47) в виде тиглей (более 30 шт.), льячек (4 шт.), литейных форм (15 шт.), ювелирных наковален, молотков, зубил, пинцетов, бородков, волочил, большие слитки меди, и самое главное, — отходы производства в виде шлаков и обрезков листовой, полосовой и проволоочной меди, свинца и других цветных металлов. С ювелирным делом были связаны постройки 6Р, 13Б, 14Б, 20Ш, 17Ю и другие.

С костерезным ремеслом связаны постройки 4Р и 4Ра. В более древних слоях о костерезном производстве говорят находимые полуфабрикаты в виде заготовок гребней, ложек, пеналов и других изделий из кости.

Постройки 11Ф, 13Ф, 13И, 19Л и 20М являлись пекарнями, в которых работали калачники и хлебники.

Кроме того, о принадлежности жителей данного района к тем или иным ремесленным специальностям свидетельствуют находки различных ремесленных инструментов и приспособлений. Например, на раскопе найдены 3 экземпляра кричных клещей (постройки 18Е, 17Т), употреблять которые могли только кричник и укладник — ремесленник по производству стали (рис. 48). Частыми находками являются инструменты столярного, бондарного и токарного производства, — такие, как сверла, пилы, долота, резцы, скобели, тесла, бондарные скобельки, топоры, гвоздомеры и т. д. (рис. 49). В постройках XI—XIV вв. найдены инструменты и приспособления, связанные с кузнечным, слесарным и ткацким ремеслами.

Помимо многочисленных ремесленников, в некоторых открытых нами домах жили купцы (постройки 19П, 20Е и др.).

Переходя к хронологии ярусов, мы должны заметить, что для этих целей привлекался в первую очередь массовый археологический материал — стеклянные браслеты, шиферные пряслица, стеклянные и каменные бусы, костяные гребни и ставшие массовой находкой вислые свинцовые печати. Кроме того, широко привлечены нумизматический материал и группы отдель-

¹ А. Л. Монгайт. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, 1952, стр. 41.

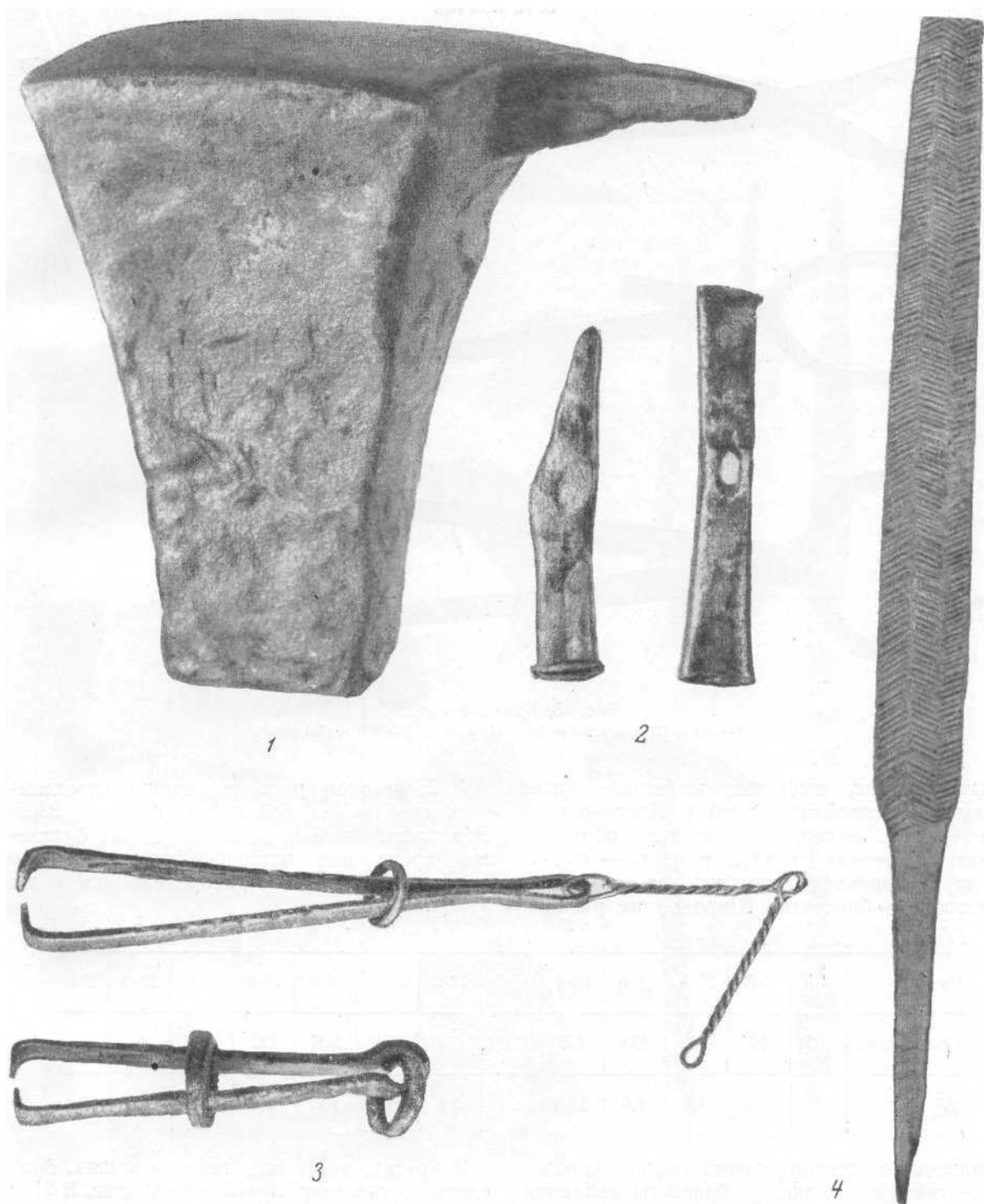

Рис. 47. Ювелирные инструменты
1 — ювелирная наковальня (18-й ярус); 2 — ювелирные молоточки (23-й и 20-й ярусы); 3 — пинцеты (16-й и 11-й ярусы)- 4 — напильник (7-й ярус).

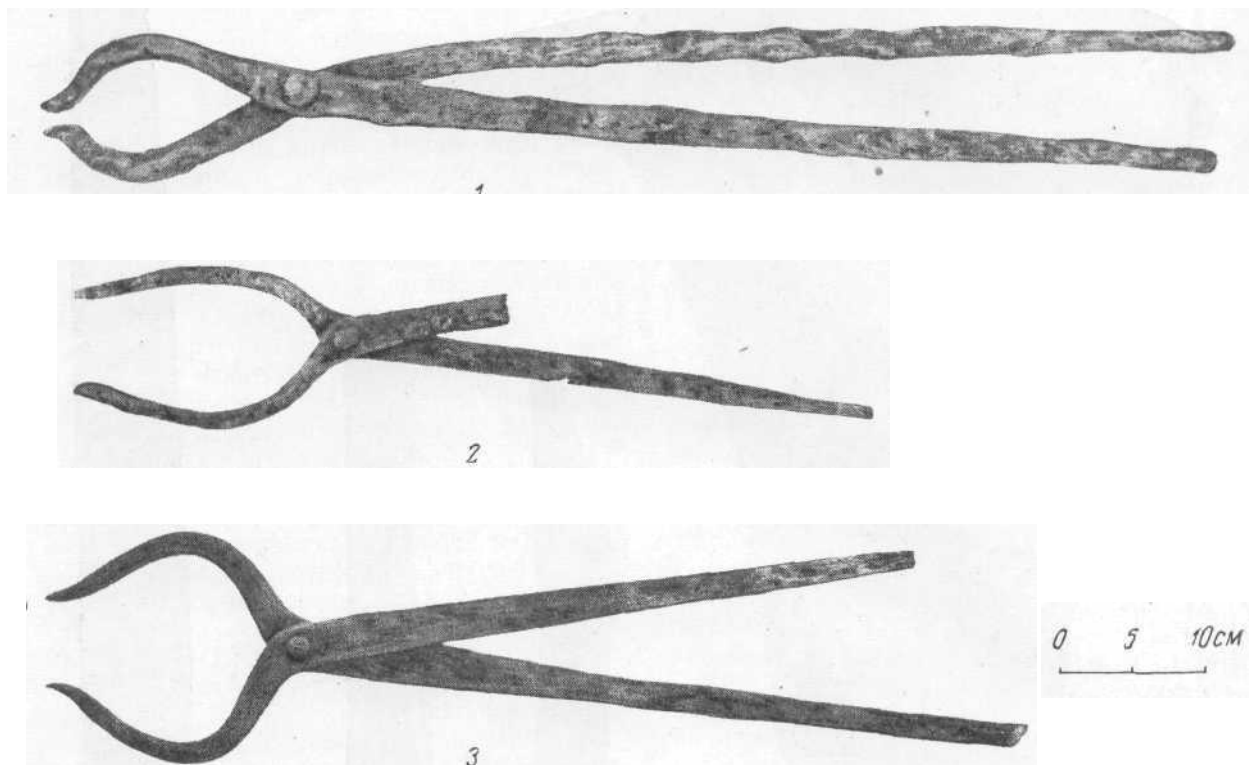

Рис. 48. Крючковые клещи
1 — XII в. (18-й ярус); 2 — XII в. (17-й ярус); 3 — XV в. (3-й ярус).

ных находок, имеющих надежные даты. Самой массовой находкой в Новгороде, — не считая, конечно, керамики, обрезков кожи, железных гвоздей и т. п., — как и в других древнерусских городах, являются стеклянные браслеты. Широкое их распро-

В Неревском раскопе хорошо определенных стеклянных браслетов найдено 2309. Это исключительно обломки; целых браслетов среди них встречено только 7. По ярусам браслеты распределяются так (табл. 1):

Таблица 1

Ярус	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й
Количество	23	36	96	153	273	461	461	271	248	122	69	46	9
%	1	1,6	4,1	6,6	11,8	20	20	11,7	10,7	5,4	3	2	0,4

странение в домонгольский период хорошо известно, и стеклянные браслеты являются верхней находкой, датирующей слои XI—XIII вв.

А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 25, 26; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 535

В ярусах, выше или ниже лежащих, браслеты составляют случайные находки. В 21-м ярусе — 6, в 22-м — 3, в 23-м — 1, в 24-м нет, в 25-м — 3, в 26-м нет, в 27-м — 3, в 28-м ярусе нет. В верхних ярусах браслеты встречены: во 2-м ярусе — 1, в 3-м — 3, в 4 и 5-м нет, в 6—11 и 7-м ярусах — 10,

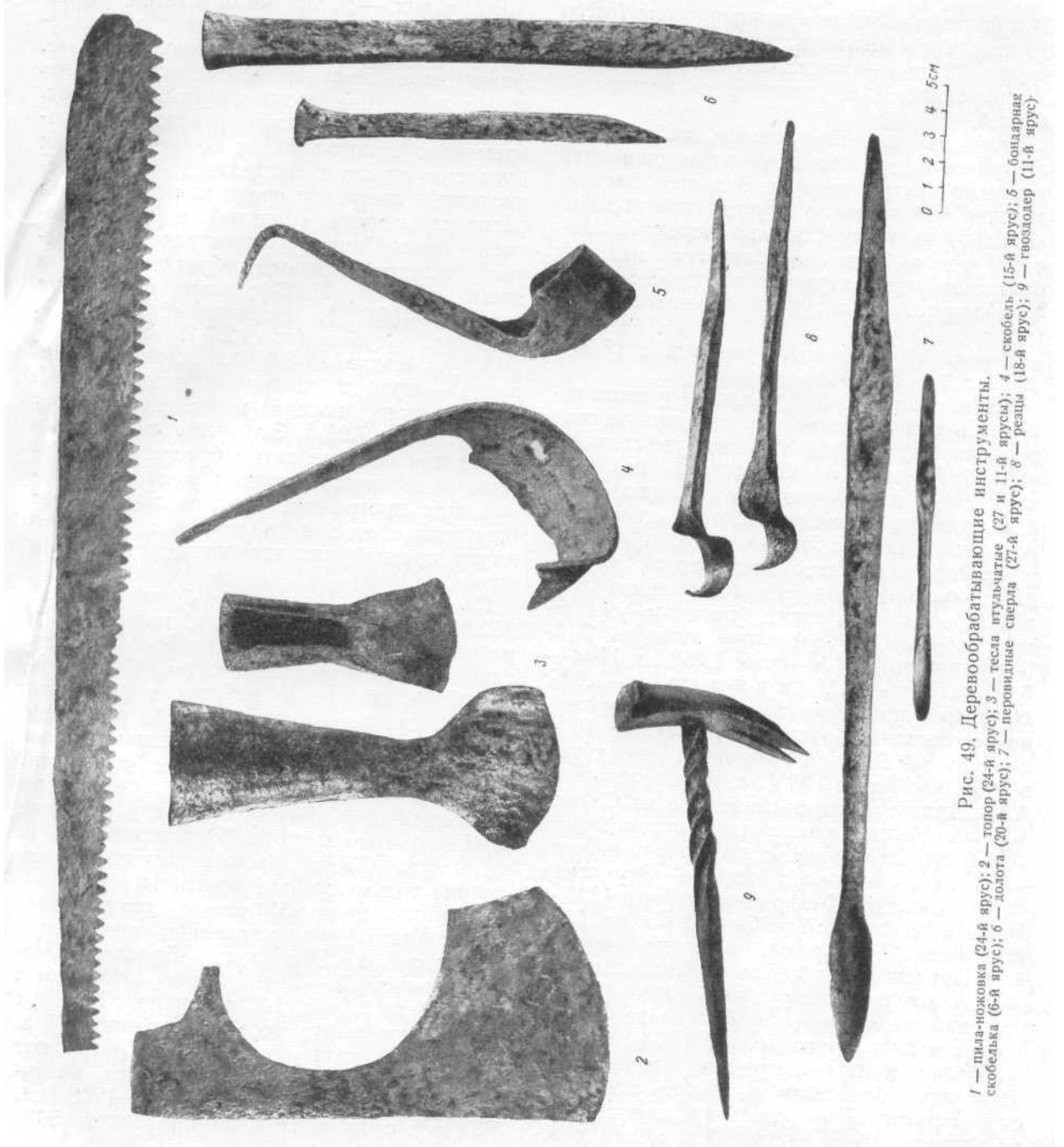

Рис. 49. Деревообрабатывающие инструменты.

1 — пила-ножовка (24-й ярус); 2 — топор (24-й ярус); 3 — тесла втульчатые (27 и 11-й ярусы); 4 — скобель (15-й ярус); 5 — боцаларная скобелька (6-й ярус); 6 — долота (20-й ярус); 7 — первинные сверла (27-й ярус); 8 — резцы (18-й ярус); 9 — гвоздодер (11-й ярус).

Эти браслеты попали в нижние ярусы (всего 16 шт.) через мелкие перекопы, а в верхние ярусы (25 шт.) — также через перекопы или с привозной (для планировки пожарищ) землей.

Если мы нанесем данные табл. 1 на диаграмму, то получим одновершинную, довольно крутую кривую. В кривой распределения браслетов по ярусам стратиграфически очень интересны два перелома: начало резкого падения количества находок браслетов, приходящееся на рубеж 12 и 13-го ярусов, и затухание кривой в 8 и 9-м ярусах.

Первый перелом мы связываем с 1237—1242 гг.

После монгольского разгрома русских городов в них временно прекратились многие ремесла и в том числе производство стеклянных браслетов. В Новгороде, не подвергшемся монгольскому разорению, производство стеклянных браслетов продолжалось, но мода на ношение этого украшения у новгородских горожанок "стала пропадать, — ведь в то время жительницы других городов Руси таких браслетов уже не носили. Если в 13-м ярусе найдено 20% браслетов, то в 12-м — уже 11,8%, в 11-м — 6,6%, в 10-м — 4,1% и в 9-м ярусе — 1,6%. В наборе украшений новгородских горожанок стеклянные браслеты исчезают в 10 и 9-м ярусах. Это происходит не позже чем в 20—30-е годы XIV в. При раскопках А. В. Арциховского в Новгороде на Славне хорошо была прослежена строительная прослойка, связанная с постройкой каменной стены окольного города. Эту стену строил посадник Федор Данилович в 1335 г. Ниже этой прослойки было найдено 1105 стеклянных браслетов, а выше — только 4¹. Приведенные цифры очень выразительно говорят о том, что после 1335 г. стеклянные браслеты в Новгороде совершенно вышли из употребления.

Обилие в археологических материалах стеклянных браслетов и четкость новгородской стратиграфии позволяют нам сделать ряд интересных наблюдений над этой категорией находок (рис. 50). Здесь мы немного забежим вперед и используем хронологию, установленную нами ниже.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № И, 1949, стр. 124, 140.

Во-первых, — расцветка браслетов. В Новгороде, как и на других памятниках, встречены браслеты зеленые, синие, голубые, фиолетовые, желтые, черные, коричневые, оранжевые и ряд промежуточных оттенков. Хронологически все эти расцветки одновременны; с появления и до исчезновения браслетов стекло окрашивалось во все перечисленные цвета. Но среди них были цвета распространенные (модные) и мало употребляемые. Самым распространенным цветом являлся . зеленый (браслетов этого цвета найдено 23,1 %); затем шли цвета черный (18,8% У, коричневый (18,6%), синий и голубой (по 9,2%), фиолетовый (6,8%), желтый (3,0%), остальные находки — лишь в единичных экземплярах¹. Кроме этого, носили многоцветные браслеты (всего 7,2%) — Это чаще всего были синие или зеленые витые браслеты с вплетенным по спирали тонким желтым жгутиком или прозрачные крупновитые желтые браслеты с идущей в середине крученого жгута красной или коричневой стеклянной нитью.

По форме браслеты были гладкие (52,8%), крученые (41,8%), витые (2%), ребристые (1,1%) и др. Интересна хронологическая закономерность формы браслетов. Крученые, витые и ребристые браслеты более характерны для первой половины времени бытования этого украшения в Новгороде. Появившись вместе с гладкими, крученые браслеты в 16, 15 и 14-м ярусах преобладают; в 12-м ярусе, т. е. в середине XIII в., они исчезают. Во 2-й половине XIII в. и начале XIV в. распространенными являются только гладкие браслеты.

Наконец, несколько слов о хронологических рамках распространения стеклянных браслетов в Новгороде. Браслеты появляются в 21—20-м ярусах (это рубеж XI—XII вв.), и в 1-й половине XII в. их носят еще мало; во 2-й половине XII в. (16 и 15-й ярусы) эти браслеты начинают быстро распространяться, достигая максимума в 14 и 13-м ярусах (1200—1242 гг.). На этот отрезок времени приходится 50%

¹ В перечисленные здесь браслеты вошли лишь браслеты, сделанные из прозрачного стекла. Кроме них, на раскопе найдены браслеты (3,9%), изготовленные из стекловидной непрозрачной густой массы, имеющие также разные цвета, но в основном темные оттенки (черно-коричнево-фиолетовые).

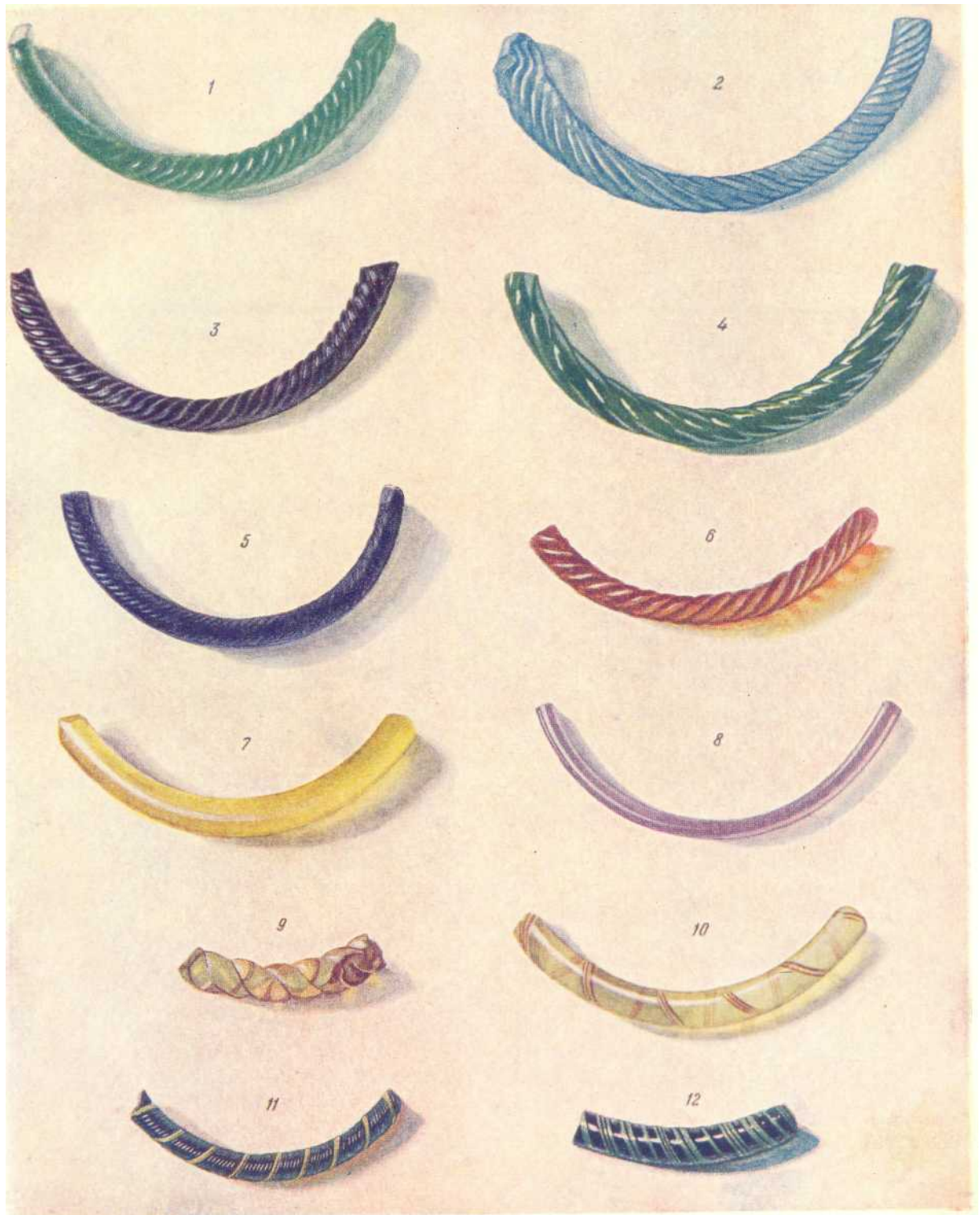

Рис. 50. Стекланные браслеты

Таблица 2

Ярус	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже	Всего
Количество	0	1	5	8	16	21	41	17	37	146
%	—	0,7	3,4	5,5	11	14,3	28	11,6	25,5	100

Таблица 3

Ярус	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й
Количество	0	3		1	5	6	7	8	4	3	2	1

всех находок браслетов. После 1242 г. употребление браслетов быстро падает, и в 1-й четверти XIV в. они исчезают.

Итак, в Новгороде стеклянные браслеты бытовали в течение XII и XIII вв. Временем широкого распространения этого украшения у новгородских горожанок являлась 1-я половина XIII в.

Очень интересны для хронологии бусы, которые также являются массовой находкой. Древнерусские бусы хорошо известны по курганам и могильникам, где их даты установлены более или менее точно. В Неревском раскопе бус найдено более 1800. Сделаны они из стекла, янтаря, кости, камня и металла. Все бусы по материалу, форме и цвету можно разделить на 31 тип. Основная масса приходится на долю стеклянных бус (14 типов).

Для наших целей мы возьмем только те типы бус, которые имеют твердо установленные даты и широкое распространение. К их числу мы относим стеклянные лимонные бусы, бочонкообразные золоченые и серебрёные, желтые зонные, винтообразные синие, бусы со спирально-волнистой инкрустацией, сердоликовые бипирамидальные и сердоликовые шарообразные.

Стеклянные бусы, по цвету и форме похожие на лимоны, широко известны в курганах всех областей центральной и северной

полос Восточной Европы. Они твердо датируются X и началом XI в. В Новгороде найдено 156 экземпляров таких бус. По ярусам они распределяются следующим образом (табл. 2).

10 экземпляров найдены в верхних слоях: в 4-м ярусе — 2, в 9-м — 1, в 10-м — 1, в 14-м — 1, в 15-м — 2, в 20-м — 3 экземпляра. Попали они в эти слои через разные перекопы.

Итак, мы видим, что лимонные бусы характерны для 23 и 24-го ярусов и ниже до самого материка.

Бочонкообразные золоченые и серебрёные стеклянные бусы хорошо датируются XI в.; частично они относятся к XII в. и к X в. Дата их установлена твердо¹. В Неревском раскопе найдено 45 экземпляров этих бус. По ярусам они распределяются так (табл. 3).

Остальные 4 бусины найдены по одной в 13, 14, 15 и 16-м ярусах. Эти находки случайны и не характерны по времени.

Таким образом, основная масса бочонкообразных бус (всего 80%) падает на 21—26-й ярусы.

Желтые зонные бусы могут служить надежным признаком XII—XIV вв. Они широко известны в курганах лесной полосы Восточной Европы. Очень важна их нижняя дата. Эти бусы ни разу не встречены в курганных комплексах XI в. и старше.

¹ Стеклянным бусам древнего Новгорода посвящена статья Ю. Л. Шаповой, напечатанная в настоящем томе. Материалами статьи я здесь пользуюсь.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, игр. 32, 145 и 147.

Таблица 4

Ярус	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й
Количество	2	1	1	0	3	0	6	7	9	6	2	8	2	4	0

Таблица 5

Ярус	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й
Количество	0	2	3	1	6	3	2	3	5	2	2	0

Таблица 6

Ярус	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й
Количество	0	0	10	0	2	0	1	0	0	0	1

Таблица 7

Ярус	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й
Количество	0	2	0	3	4	2	5	2	4	1	1	0

В Новгороде их найдено 61 экземпляр; по ярусам они распределяются так (табл. 4).

Остальные 7 бус распределены случайно по одной в 4, 5 и 6-м ярусах, в 24-м ярусе — 2, в 25 и 26-м ярусах — по 1 экземпляру. Основная масса бус падает на 11—20-й ярусы.

Винтообразные синие стеклянные бусы хорошо известны по курганам вятичей. Они датируются XIII—XIV вв.¹ В Новгороде их найдено 29 экземпляров, и по ярусам они распределяются таким образом (табл. 5).

Все бусы распределяются в 8—17-м ярусах.

Черные непрозрачные бусы с рельефной спирально-волнистой инкрустацией широко известны в золотоордынских слоях Волжской Булгарии и датируются второй половиной XIII в. и XIV в.² В новгородских коллекциях их найдено 18 экземпляров;

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 33, 140.

² А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ., из раскопок Л. К. Ивановского. СПб., 1896, стр. 42. Кроме того, эти сведения любезно сообщены А. П. Смирновым.

по ярусам они распределяются следующим порядком (табл. 6).

Остальные 2 экземпляра найдены в 1 и 3-м ярусах. Следует оговорить, что в 9-м ярусе бусы найдены в разных усадьбах на большом расстоянии друг от друга и не представляли одного ожерелья. Таким образом, основная часть этих бус приходится на 8—11-й ярусы.

Сердоликовые бипирамидальные бусы, — одно из типичных восточнославянских украшений, — датируются XI—XIV вв., но основная их дата падает на XII—XIV вв.¹ В Новгороде их найдено 24 экземпляра, которые по ярусам распределяются так (табл. 7).

Сердоликовые шарообразные бусы хорошо датируются VIII—X вв. Они являются основным типом каменных бус в Салтовском могильнике, встречаются в Гнездовских и Приладожских курганах.² В Новго-

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей стр. 36, 136, 146.

² В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, стр. 53.

роде их найдено 16 экземпляров. По ярусам они распределяются так (табл. 8).

Таблица 8

Ярус	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже
Количество	0	4	5	3	2	2

Оканчивая рассмотрение бус в их связи с хронологией, я должен отметить, что стратиграфическая датировка всех других типов бус ни в одном случае не нарушала принятые в археологической литературе датировки их типов. Полосатые лимонovidные

В Неревском раскопе шиферных пряслиц найдено всего 779 экземпляров. Среди этого количества имелись 2 компактные группы пряслиц: в одном случае одновременно найдено 22 экземпляра (16-й ярус) и в другом — 23 экземпляра (19-й ярус). При распределении пряслиц по ярусам эти находки я исключаю, и, таким образом, в число учитываемых вошли 734 экземпляра пряслиц. По ярусам они распределяются следующим образом (табл. 9).

Итак, подавляющая масса пряслиц (93,2%) приходится на 12—28-й ярусы. Внутри этого периода они распределяются неравномерно. А. В. Арциховский уже отмечал, что шиферные пряслица появились

Таблица 9

Ярус	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й
Количество	1	4	6	3	1	5	4	4	11	7	4	15	18	16	32

Таблица 9 (продолжение)

Ярус	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже
Количество	36	38	54	79	61	69	41	50	35	44	48	33	7	8

бусы (24 экземпляра), которые датируются X в. — 1-й четвертью XI в., найдены только в 24—28-м ярусах и ниже. Подавляющая масса желтого, голубого и зеленого бисера (123 экземпляра из 137) обнаружена в 24—28-м ярусах и ниже. Глазчатые гладкие и рельефные бусы (22 экземпляра) найдены в 20—28-м ярусах и ниже. Основное их количество (17 экземпляров) относится к 25—28-му ярусам и ниже.

К числу массовых находок, характерных для домонгольской Руси, принадлежат шиферные пряслица. Как убедительно доказал Б. А. Рыбаков, пряслица из розового шифера, изготовлявшиеся в районе Овруча на Волыни, проникают в Новгородские земли в конце X в.¹ В древней Руси они бытовали до середины XIII в., так как после монгольского нашествия выделка их совершенно прекратилась.

¹ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 195.

раньше, чем стеклянные браслеты, и что время бытования браслетов и пряслиц не совпадает¹. Как видно из табл. 9, максимум распространения пряслиц падает на 19—21-й ярусы — время, когда стеклянные браслеты еще только появлялись.

Находка пряслиц в верхних ярусах (с 1 по 11-й) может быть объяснена не только поздними перекопами и привозом земли для планировки пожарниц со стороны, где могли оказаться пряслица, но в основном тем, что пряслица, являясь обязательной деталью прядильного приспособления, могли в отдельных случаях применяться и бытовать во время, когда их производство уже прекратилось.

Точную дату для X в. и начала XI в. дают костяные односторонние наборные гребни

¹ А. В. Арциховский. Стратиграфическая датировка грамот и надписей. — «Новгородские грамоты на бересте», стр. 56.

Таблица 10

Ярус	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже
Количество	0	6	7	6	12	12	7	10

Таблица 11

Ярус	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й
Количество	1	0	5	29	3	3	1	0

(расчески) и костяные футляры к ним. Такие гребни широко представлены в славянских древностях конца I тысячелетия н. э.¹ Например, эти гребни найдены в Гнездовских курганах², в Старой Ладоге в слоях IX—X вв.³, на Сарском городище⁴ и на многих других памятниках IX—X вв. Исчезают гребни в начале XI в. Таких расчесок и футляров в Новгороде найдено 62 экземпляра. По ярусам они распределяются так (табл. 10).

В табл. 10 указано 60 гребней и футляров; еще 2 гребня найдены в 17 и 18-м ярусе, попали они туда случайно.

Тут же стоит упомянуть еще одну хронологически интересную находку. В подавляющей массе наборное костяное полотно гребня-расчески заключалось в две костяные же планки, которые соединялись между собой медными заклепками. Но иногда, — правда, очень редко, — эти окаймляющие планки делались из бронзы; подобный гребень с бронзовой спинкой был найден в Гнездове⁵. Точно такой же экземпляр с бронзовой спинкой обнаружен и в Новгороде на 26-й мостовой Великой улицы.

Очень компактной коллекцией в Неревском раскопе найдена поливная золотоордынская керамика. Всего собрано 42 фрагмента, которые распределяются по ярусам таким образом (табл. 11).

Все представленные экземпляры являются золотоордынской керамикой раннего типа и датируются от середины XIII в. до 2-й половины XIV в.

Среди датирующих находок можно упомянуть и несколько категорий металлических предметов. Относительно массовой находкой в новгородских древностях являются железные кресала. Всего их найдено 49 экземпляров. По типу они подразделяются на 3 группы, две из них основные — калачевидная (22 экземпляра) и овальная (23 экземпляра). А. А. Спицын при изучении инвентарей новгородских курганов отмечал, что калачевидные кресала (огнива) встречаются исключительно в курганах XI—XII вв.¹ Такие же кресала известны в Гнездовских курганах. Овальные кресала в Новгородских курганах встречались исключительно в инвентарях XIII—XIV вв.²

Калачевидные кресала по ярусам распределяются в таком порядке (табл. 12).

Следовательно, они характерны для 18—28-го ярусов. Овальные же кресала распределяются по ярусам следующим образом (табл. 13).

Таким образом, овальные кресала характерны для 5—12-го ярусов.

Шумящие бронзовые привески в виде коньков, распространенные в древностях финно-угров, хорошо датируются XIII—XIV вв.³ В Новгороде их встречено 12 экземпляров, которые по ярусам распределяются так (табл. 14).

¹ L. Niederle. *Zivot starych slovanu*, Praha, Dil I, Svazek, 1, стр. 149.

² В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 54.

³ Старая Ладога. Л., 1948, стр. 76.

⁴ Д. Эдц/яг. Сарское городище. Ростов 1928 стр. 37, 38.

⁵ В. И. Сизов. Ук. соч., стр. 89.

¹ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 28.

² Там же, стр. 47.

³ П. Н. Третьяков. Костромские курганы М., 1931, стр. 26.

Таблица 12

Ярус	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже
Количество	2	5	3	2	1	2	1	1	1	1	3	0

Таблица 13

Ярус	4-й	5-й	6-й	7-й»	8-й /	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й
Количество	1	4	2	1	4	3	2	2	2	2	0

Таблица 14

Ярус	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й
Количество	1	1	0	1	2	2	2	2	1	0

Вислые свинцовые печати в Новгородской экспедиции стали массовой находкой. На раскопах НА, НЯ и I—XI их найдено 37 экземпляров. Поэтому для Новгорода они могут являться надежными археологическими памятниками, прекрасно датирующими культурный слой. Топографию, описание и датировку печатей мы приводим по ярусам, в которых они обнаружены¹.

К 3-му ярусу относится 1 вислая печать, найденная у самого настила 3-й мостовой Холопней улицы (пласт 8, квадрат 243). Это анонимная архиепископская печать с очень точной датой: 1415—1421 гг.

К 4-му ярусу относятся 4 печати. Первая — печать Великого Новгорода — на лицевой стороне имеет изображение птицы с надписью «орел». Ее дата—1422—1437 гг. Она найдена между 4-й мостовой Холопней улицы и домом 4М (пласт 8, квадрат 49). Вторая печать — Семена Давыдовича, на лицевой стороне ее изображен св. Симеон Столпник. Датируется она серединой XV в. Найдена печать между 4-й мостовой Великой улицы и домом 4Е (пласт 9, квадрат 229). Третья печать — Родиона Юрьевича, найденная в глубине двора на участке Д

(пласт 5, квадрат 605). Датируется она 2-й половиной XIV в. Четвертая печать — Великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.) — обнаружена во дворе усадьбы В между домами 4Р и 4Т (пласт 8, квадрат 332).

В 5-м ярусе найдены 5 печатей, причем 4 — на одной усадьбе. Первая — печать Великого Новгорода — на лицевой стороне имеет изображение воина в короне с щитом и копьем в руках. Датируется она 1-й четвертью XV в. Найдена печать под пожарищем, внутри сгоревшего дома 6А (пласт 9, квадрат 166). Вторая печать, тоже Великого Новгорода, на лицевой стороне имела изображение зверя. Датируется она концом 1-й половины XV в. Найдена во дворе усадьбы около северо-восточного угла дома 6А (пласт Ю, квадрат 124). Третья печать — тысяцкого Великого Новгорода; на лицевой стороне ее — изображение птицы. Датируется печать 2-й четвертью XV в.; она найдена на территории усадьбы А (квадрат неизвестен, так как печать обнаружена при выбросе земли). Четвертая — анонимная архиепископская печать найдена на усадьбе у восточной стены дома 6В (пласт 9, квадрат 73). Она датируется 1-й четвертью XV в. Последняя, относящаяся к этому ярусу, печать великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.) обнаружена во дворе участка В, между домами 6Р и 5С (пласт 10, квадрат 323).

¹ Специальное исследование о вислых печатях из Новгородских раскопок публикует в настоящем томе В. Л. Янин. При определении и датировке печатей я пользовался этой статьей.

В 6-м ярусе печатей нет.

К 7-му ярусу относятся 3 печати. Одна из них — печать посадника Василия Федоровича (1371—1392 гг.) — найдена около западной стены дома 7Р (пласт 11, квадрат 266). Вторая — анонимная архиепископская печать обнаружена во дворе большого дома 7Х (пласт 3, квадрат 706). Датируется она XIV в. Третья печать — «Саввина печать владычного наместника» — найдена внутри дома 7Б около печи (пласт 12, квадрат 139). Этот тип печати обнаружен впервые и может быть датирован последней третью XIV в.

В 8-м ярусе найдена 1 печать очень плохой сохранности и не читаемая, но по типу она может быть отнесена к разряду владычных и датироваться XIV в. Печать обнаружена во дворе дома 8Ж (пласт 12, квадрат 274).

В 9-м ярусе найден обломок хорошо читаемой печати: «Печать владычна». Она обнаружена во дворе дома ЮГ, недалеко от Великой улицы (пласт 5, квадрат 667). Печать может быть датирована серединой XIII в.

В 10 и 11-м ярусах печатей нет.

К 12-му ярусу относится 1 печать — «Каллистова печать новгородского тиуна». Впервые встреченная печать датируется XIII в. Она найдена внутри дома 12Н (пласт 16, квадрат 277).

К 12 и 13-му ярусам относится княжеская золотая печать с изображением св. Николая и Василия. Повидимому, печать принадлежала Ярополку Ростиславичу (1177—1181 гг.). Найдена она внутри дома 13Г (пласт 19, квадрат 121), стоявшего в усадьбе богатого ювелира. Эта постройка существовала в течение периодов 12 и 13-го ярусов. В 13-м ярусе обнаружена еще одна «Каллистова печать новгородского тиуна» — на 13-й мостовой Холопией улицы (квадрат 235).

К 14-му ярусу относятся 2 печати. Одна из них трудно читается и по типу не имеет себе аналогии. Датирована печать только стратиграфически; она найдена во дворе недалеко от Великой улицы (пласт 21, квадрат 766). Другая печать — княжеская с изображением св. Петра и Павла. Датироваться она может XII в. Обнаружена во дворе участка Ж (пласт 21, квадрат 759).

К 14 к 15-му ярусам относится княжеская печать с изображением архангела Михаила и княжеским знаком. Печать может быть определенно датирована серединой XII в. Она найдена во дворе у южной стены дома 15Т (пласт 16, квадрат 463).

В 15-м ярусе обнаружена княжеская печать. Она может принадлежать Мстиславу, одному из младших сыновей Юрия Долгорукого. Датируется печать серединой XII в. Найдена во дворе домов 15Ц и 15Х (пласт 12, квадрат 687).

В 16-м ярусе найдена княжеская печать, которую можно отнести к Ярополку Ростиславичу (1177—1181 гг.). Она найдена во дворе участка В (пласт 21, квадрат 336).

К 16 и 17-му ярусам относится княжеская печать с изображением архангела и св. Бориса и Глеба. Печать датируется серединой XII в. Найдена в выбросе земли с пластов 22 и 23, на участке А.

В 17-м ярусе обнаружены 3 княжеские печати, причем во дворе одной усадьбы с большим домом 17М—17Л. Первая печать (пласт 22, квадрат 12) с изображением св. Иоанна Предтечи на оборотной стороне имеет надпись: «Господи помози рабу своему Ивану». Датировать ее можно 2-й половиной XII в. Вторая печать (пласт 22, квадрат 30) — с изображением на одной стороне архангела Михаила и на другой — св. Иоанна Предтечи. Она также датируется 2-й половиной XII в. Третья печать (пласт 22, квадрат 15) на одной стороне имеет изображение св. Лазаря и на другой — св. Василия. Печать относится к началу XII в.

В 18-м ярусе печатей нет.

К 19-му ярусу относятся 6 печатей. Пять из них — печати-пломбы с изображением процветшего креста и бородатого святого. Все они найдены во дворе богатой усадьбы 20Е (пласт 24, квадрат 16 — две печати; пласт 25, квадраты 22 и 60; пласт 26, квадрат 20). Они датируются стратиграфически началом XII в. Н. П. Лихачев их датировал XI в.¹

В этом же ярусе найдена древнейшая русская вислая печать, обнаруженная после окончания работ в срубе 19Л. Она была

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 103—134.

вымыта дождем в законсервированном на зиму пласте раскопа VII. Эта печать принадлежала Изяславу, сыну Владимира Святого (конец X в.).

В 20-м ярусе оказались 2 печати. Одна — печать-пломба (на 20-й мостовой Великой улицы в квадрате 260), трудно читаемая и датированная стратиграфически. Другая печать, княжеская, на лицевой стороне имела сбитое изображение, а, на другой — греческую надпись. Печать принадлежит к типам XI в. и может быть датирована рубежом X—XI вв. Найдена она у северного угла дома 20Ш (пласт 27, квадрат 821).

В 21 и 22-м ярусах печатей нет.

К 23 и 24-му ярусам относятся 2 печати, найденные одна вблизи от другой на южной половине участка Б (пласт 25, квадраты 422 и 433). Первая печать имеет на одной стороне изображение св. Николая Мирликийского, на другой — человеческую фигуру в княжеской шапке. Она датируется временем Святослава Ярославича (1026—1076 гг.). У второй печати на одной стороне — изображение безбородого святого, а на другой — четырехстрочная греческая надпись. Датируется эта печать рубежом X—XI вв.

Итак, на раскопах было найдено всего 37 печатей. Из них 31 печать по типу, манере изготовления, палеографическим данным и другим признакам определяются хронологически твердо с той или иной степенью точности. У остальных 6 печатей, получивших хронологическое уточнение в пределах века (которым они датируются сами по себе) по залеганию в слое, т. е. стратиграфически, все датировки подтвердились стилистическими и палеографическими признаками этих печатей.

Печати с твердой датой распределены стратиграфически по ярусам следующим образом: 22 печати по времени их изготовления соответствуют дате яруса, в котором они найдены (сравнение произведено после установления хронологии ярусов); 9 печатей обнаружены в более поздних слоях, т. е. попали в землю не сразу, а через 30—100 лет (но не более 100 лет). И ни одной печати не найдено в слоях, более ранних по отношению ко времени изготовления самой печати.

Довольно обширен в Неревском раскопе нумизматический материал. Всего обнару-

жено 14 отдельных монетных находок. В их число входят клад среднеазиатских монет, кошелек с 6 монетами, кошелек с 3 монетами и 11 монет, отдельно найденных.

Клад куфических монет, обнаруженный в 27-м ярусе (пласт 30, квадрат 312), дает твердую дату для последней четверти X в. Очень важным обстоятельством этой находки является то, что клад не был зарыт. Он находился под слоем пожарища 27-го яруса в развале сгоревшей и рухнувшей постройки. В состав клада входят 61 целая монета и 810 обрезков серебряных дирхемов, маленькая серебряная лунница и набор разновесов. В кладе имеются монеты семи восточных династий, но подавляющая масса принадлежит Саманидам.

Все монеты размещаются в пределах 50 лет — с самой ранней даты 923 г. до поздней 972 г. Наибольшее количество падает на 941—942 гг. Это позволяет говорить о быстром накоплении клада и о том, что он был собран в 60—70-х годах X в.

Кошелек из кожи с матерчатой подкладкой, содержащий 6 монет, найден в 22-м ярусе (пласт 19, квадрат 662) во дворе усадьбы недалеко от Великой улицы. Все 6 экземпляров являются западноевропейскими монетами и определяются так¹: два саксонских серебряных денария Ордульфа (или Отто; 1059—1071 гг.) или Германа (ум. 1086 г.)²; третья монета — фризский серебряный денарий Бруко III (1038—1057 гг.)³; четвертая серебряная монета — епископа Гейротеида; в источниках он неизвестен; по Данненбергу, монета чеканена между 1040 и 1070 гг.; пятый серебряный денарий из-за стертости надписей точно не определим, но укладывается в рамки X в. — 1-й половины XI в.; шестой экземпляр, вероятно, — монета Утрехта, 2-й половины XI в.

Второй кошелек (обрывок), сделанный из ткани, с 3 монетами, найден в 22-м ярусе (пласт 22, квадрат 501), во дворе усадьбы недалеко от Великой улицы. Первая монета — фризский серебряный денарий Бруно III (1038—1057 гг.)⁴. Вторая монета

¹ Определение монет произвел В. Л. Янин.

² Н. Dannenberg. Die deutsche Miinzen der sachsichen und frankischen Kaiserzeit. Berlin, 1876, I, № 595—597.

³ Там же, № 503.

⁴ Там же, № 502

пока не определима, а третья — нечитаемый обломок денария.

Описание остальных монет мы сделаем по ярусам.

В 16-м ярусе (пласт 19, квадрат 411) найдена одна западноевропейская серебряная монета Отгона III (983—1002 гг.)¹ К

К 20-му ярусу относится византийская медная монета Константина VIII (XI) (1025—1028 гг.)², найденная внутри большого дома 20Ш (пласт 27, квадрат 811).

К 22-му ярусу относится обнаруженная около постройки 22Д (пласт 28, квадрат 114) серебряная монета. Это подражание монетам Утрехта времени Вильгельма де Понте (1054—1076 гг.)³.

В 23-м ярусе у стены дома 23Х (пласт 24, квадрат 393) обнаружена фризская серебряная монета Бруно III (1038—1057 гг.)⁴.

В 23 и 24-м ярусах внутри дома 24А (пласт 29, квадрат 156) найдена серебряная эслингенская монета с именем императора Людовика. Данненберг относит ее ко времени Отгонов (936—1002 гг.)⁵.

К 25 и 26-му ярусам относится найденный во дворе усадьбы (пласт 30, квадрат 841) саманидский дирхем Насра ибн-Ах-меда (Аш-Шаш) (323 г. х. = 934/935 гг.)⁶.

В 27 и 28-м ярусах, в предматериковом слое недалеко от Великой улицы (пласт 23, квадрат 605) обнаружена медная византийская монета Романа I (919—921 гг.)⁷.

И, наконец, в небольшом перекопе (к каждому ярусу относится перекоп, — установить не удалось; по залеганию монета находилась на уровне 28-го яруса), у самого перекрестка Великой и Холопьевой улиц (пласт 33, квадрат 176), найдена серебряная фризская монета Бруно III (1038—1057 гг.)⁸.

Остальные 3 монеты (пласт 23, квадрат 440; пласт 20, квадрат 840; пласт 31, квад-

рат 140) являлись подражанием денариям и нами не учитываются.

К хронологии ярусов необходимо также привлечь и 3 грамоты на бересте, которые датируются по упоминаемым в них лицам, хорошо известным из летописей.

В 8-м ярусе найдена берестяная грамота № 98 (пласт 7, квадраты 587, 589). Это частное письмо к новгородскому посаднику Онцыфору Лукичу. В письме Онцыфор именуется посадником, а, как нам известно, степенным посадником он был с 1350 г. по 1354 г.¹ Следовательно, письмо было написано в эти годы.

В 6-м ярусе (в канаве для частокола 6-го яруса вдоль Великой улицы; пласт 9, квадрат 524) найдена берестяная грамота № 94. Это также частное письмо, адресованное Юрию Онцыфоровичу, сыну Онцыфора Лукича. Юрий Онцыфорович в течение ряда лет был послом в Москве и Литве, воеводой и в 1411 г. — посадником. Умер он в 1417 г. Таким образом, письмо могло быть написано в последнюю четверть XIV в. или в начале XV в.

В 5-м ярусе недалеко от мостовой Великой улицы (пласт 2, квадрат 662) найдено письмо к «Господину Юрию». Адресатом грамоты был, повидимому, Юрий Онцыфорович.

Кончая обзор находок, которыми мы датировали ярусы, необходимо заметить, что и масса единичных находок, имеющих ту или иную дату, распределилась по ярусам, совершенно не нарушая, а только уточняя их хронологию. Например, два вятичских семилопастных височных кольца, датированных XII—XIV вв.², найдены в 17 и 18-м ярусах, ромбоштитковое височное кольцо XI—XIII вв. — в 20-м ярусе. Для IX—XI вв. характерны широко известные кубические и цилиндрические пружинные замки с Т-образным ключевым отверстием³. Ключей от таких замков в Новгороде найдено 19, и распределяются они между 19 и 27-м ярусами.

Многую изучены все вещи из металла, кости и дерева, найденные в Неревском

¹ Новгородская первая летопись. Изд. Академии наук СССР. М.—Л., 1950, стр. 362—364. (Дальше — сокращенно: НЛ1).

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 150.

³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М., 1953, стр. 155.

¹ Н. Dannenberg. Ук. соч., № 706.

² W. Wroth. Catalogue of the imperial byzantine coins and metals. London, 1908, II, стр. 492, 493, № 10—13.

³ Н. Dannenberg. Ук. соч., № 546—549.

⁴ Там же, № 498—511.

⁵ Там же, № 948.

⁶ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Записки Археологич. об-ва, т. VI. СПб., 1855, стр. 176.

⁷ W. Wroth. Ук. соч., стр. 455, 456, № 14—24.

⁸ Н. Dannenberg. Ук. соч., № 502.

раскопе. Ни одна группа предметов по своему залеганию в ярусе не нарушила намеченную нами хронологию (см. ниже).

Наконец, при определении хронологии ярусов мы согласовывали масштаб времени с интенсивностью роста культурного слоя. На рис. 51 приводится сравнительная таблица хронологии толщи культурного слоя.

Глубина, м	Пласт	Ярус	Век	
1	1		XX	
	2		XIX	
	3		XVIII	
	4		XVII	
	5		XVI	
6	1			
7	2			
2	8		XV	
	9			3
	10		4	
	11		5	
	12		6	
3	13		XIV	
	14			7
	15			8
	16		9	
	17		10	
4	18		XIII	
	19			11
	20			12
	21		13	
	22		14	
5	23		XII	
	24			15
	25			16
	26		17	
	27		18	
6	28		XI	
	29			19
	30			20
	31		21	
	32		22	
7	33		X	
	34			23
	35			24
			25	
			26	
	27		28	
			Погребенная почва	

Рис. 51.

Как и следовало ожидать, основной массив культурного слоя (5 м) приходится на X—XIV вв. Это вполне согласуется с исторической судьбой Великого Новгорода.

X в. — время основания и застройки города (в данном случае — одного из участков Неревского конца). Выравнивается рельеф местности, осушается почва. Культурный слой растет быстро. В XI—XII вв. город продолжает развиваться и часто перестраивается. XIII—XIV вв. — эпоха расцвета Великого Новгорода. В это время идет интен-

сивная застройка улиц и пустырей, город живет полнокровной жизнью. Напластование культурного слоя продолжается, и растет он довольно быстро. В эти века культурный слой увеличивается в среднем по 1 м в столетие.

С XV в. город начинает терять свое экономическое и политическое значение, а вместе с этим в нем замирает жизнь. В XV в. культурный слой вырастает только на 0,75 м, и чем дальше, тем меньше. За XVII, XVIII, XIX и XX вв. культурный слой в городе вырос всего лишь на толщину в 1 м. Меньшая мощность культурного слоя в позднее время объясняется также и меньшей сохранностью в нем органических веществ.

Рассмотрим распределение ярусов по векам и наметим для них хронологические рамки. При этом необходимо указать, что основой для определения хронологии является лишь общая закономерность распределения всех датирующих категорий находок (и прежде всего массовых) по тем или иным группам ярусов (рис. 52).

Выше мы видели, что среди находок нижних ярусов почти совершенно нет вещей только IX в. и имеется огромная масса вещей X в. Таким образом, самым ранним временем для Неревского раскопа, вне всяких сомнений, может быть лишь X в.

Далее мы распределяем ярусы по векам следующим образом.

X в. (26—28-й ярусы) хорошо определяется кладом среднеазиатских монет, византийской монетой Романа I, лимонными бусами, сердоликовыми и шарообразными бусами, односторонними гребнями, началом распространения шиферных пряслиц и другими находками, особенно металлическими, украшениями.

XI в. (20—25-й ярусы) определяется многими монетами, бочонкообразными золочеными стеклянными бусами, шиферными пряслицами и, кроме того, крайними датами вещей X и XII вв.

XII в. (15—20-й ярусы) очень хорошо определяется многими печатями (12 экземпляров), появлением стеклянных браслетов, шиферными пряслицами, желтыми зонными бусами, сердоликовыми бипирамидальными бусами и другими находками.

XIII в. (10—15-й ярусы) прежде всего определяется стеклянными браслетами

(1237—1242 гг. — резкое падение их количества), исчезновением шиферных пряслиц (в массовом употреблении; позже встречаются единичные экземпляры), желтыми бусами, винтообразными бусами, несколькими печатями и другими находками.

XIV в. (6—10-й ярусы) хорошо определяется печатями, поливной золотоордынской керамикой, золотоордынскими бусами, грамотами и многими другими вещами.

XV в. (3—6-й ярусы) определяется в основном, — и при этом четко, — свинцовыми печатями.

XVI в. (0—3-й ярусы) выделяется только стратиграфически.

Рубеж между X и XI вв. мы проводим по границе 25 и 26-го ярусов. Возможно ли другое решение? Мы считаем, что нет. Если мы проведем рубеж между 24 и 25-м ярусами или выше, то хронологии ярусов прежде всего не будут соответствовать нумизматические и сфрагистические материалы. Клад среднеазиатских монет, попавший в землю не ранее конца 70-х годов X в., будет отстоять от рубежа на 2 яруса, что стратиграфически едва ли возможно (клад найден в разрушенном жилище). Западноевропейские денарии будут находиться в ярусах середины и 1-й половины XI в., что также допустимо лишь с предположением, что все они найдены в поздних ямах. Проведя рубеж между 26 и 27-м ярусами, мы отодвинем все сфрагистические и нумизматические материалы в ярусы, более отдаленные от их даты, и, наконец, многие вещи, характерные в основном для X в. и входящие в XI в. лишь частично, распределяясь по ярусам, в значительном количестве перейдут в XI в. Таким образом, мы видим, что здесь везде необходимо предположение или о перекопах, или о позднем бытовании вещи. Проводя же рубеж между 25 и 26-м ярусами, мы все находки хронологически согласовываем с их фактическим залеганием по ярусам.

Границу XI и XII вв. мы проводим через 20-й ярус условно. Но это также наиболее целесообразная граница, при которой все археологические находки XI и XII вв. (печати, монеты, бусы) распределяются хронологически в ярусах без каких-либо допущений о перекопах или позднем залегании. Ниже конец 20-го яруса мы свяжем с пожаром 1113 г.

Рубеж XII и XIII вв. проходит через 15-й ярус. Это опять наиболее целесообразное решение, так как при данной хронологии хорошо укладываются по ярусам стеклянные браслеты и шиферные пряслица, не нарушая стратиграфии печатей и других находок.

Рубеж между XIII и XIV вв. проводится через 10-й ярус. Граница XIV и XV вв. проходит через 6-й ярус. Эта граница определяется очень четко и прежде всего многими печатями (см. печати 7 и 5-го ярусов); хорошо согласуется она также с грамотами к Юрию Онцыфоровичу и Онцыфору Лукичу.

Граница между XV и XVI вв. проходит по 3-му ярусу, что также не нарушает распределения находок, в данном случае — печатей.

Рубеж XVI и XVII вв. мы проводим через ярус О условно, исходя из масштабов времени, потому что твердо датированных находок в этих ярусах не обнаружено.

Определив хронологию ярусов по векам в пределах отрезков времени от 20 до 30 лет, мы свяжем теперь топографию вскрываемых ярусов с некоторыми письменными известиями. Новгородские летописи, сохранившие нам массу сообщений о событиях, связанных с новгородской жизнью, часто упоминают о пожарах, которые в Новгороде, как и во всех древнерусских городах, нередко уничтожали дотла не только отдельные жилища новгородцев, но целые кварталы и даже районы города. Летописи и другие письменные источники нам сохранили только за период от 1100 г. до 1500 г. сведения о 79 пожарах. По полноте описания происшествий эти известия простирались от лаконичной записи «Погоре Славно от святого Ильи до Нутной улицы» до подробного рассказа о том, когда, где, у кого и от чего возник пожар, какой он был силы и сколько сгорело домов и церковей и погибло людей.

Среди этих записей имеется 16 упоминаний о пожарах в районе Холопьев и Козьмодемьянской улиц или в Неревском конце в целом. Известия эти записаны под 1113, 1177, 1194, 1211, 1267, 1299, 1311, 1340, 1342, 1368, 1394, 1397, 1414, 1471, 1472 и 1477 гг. Большинство этих рассказов довольно подробно сообщает о печальных событиях. Следует заметить, что новгородские

летописцы, хорошо знавшие мирские дела горожан, не пропускали ни одного сколько-нибудь значительного пожара, чтобы о нем не сказать и в связи с этим поучить новгородцев о том, что «за грехы наша сбывается пророчество Исаия пророка, еже рече: преложю праздники ваша в плачь, игриша ваша в сетование. Тоже, братье, богъ казнить за грехы наша, кажа нас на покаяние, да быхом ся остале злобь своих; аще согрешихом, нь не отчаемся твоея милости: твоя бо власть есть казнити и паки миловати. Казнив, господи, помилуй»¹.

Рассмотрение топографии пожаров по ярусам мы начнем не в хронологической последовательности их вскрытия, а с 12-го яруса, так как его топография является наиболее четкой и выразительной. 12-й ярус, как мы уже говорили, представлял собой сплошное пожарище. 21 горелый сруб из 24 вскрытых в ярусе дошел до нас в развале большого одновременного пожара. Настил мостовых Великой и Холопъей улиц имел также следы сильного пожара. Итак, сооружения, стоявшие в 12-м ярусе, погибли во время большого пожара, бушевавшего на значительной площади Неревского конца. Хронологически конец 12-го яруса по нашей стратиграфии падает на 60-е годы XIII в. Первая Новгородская летопись под 1267 г. сообщает: «По грехомъ нашимъ загореся на Кузюдемьяне улицы месяца мая в 23, пред вечерню, и погоре весь конецъ Неревский. О горе, братье, толь лют пожаръ, яко и по воде огонь хожаше, и много товара погоре на Волхове в лодьях, и неколико головъ сгоре, и единомъ часе все погоре; и мнози, от того разбогатеше, а иней обнищаша мнозе»².

Таким образом, «лют пожар», уничтоживший дома, амбары, мастерские, сараи и другие постройки 12-го яруса, произошел вечером 23 мая 1267 г.

Предшествующий, более ранний пожар в этом районе летопись отмечает под 1211 г. За этот промежуток времени в 56 лег летопись, упоминая о пожарах в других районах города (6 пожаров — в 1217, 1231, 1234, 1252, 1261 и 1262 гг.), ничего не говорит о пожарах Неревского конца. Это очень хорошо согласуется со стратиграфией

и топографией 12 и 13-го ярусов. В 13-м ярусе не вскрыто ни одного пожарища или слоя со следами пожара. Большинство построек 13-го яруса продолжало стоять и в 12-м ярусе до самого пожара 1267 г.

Кроме того, интересно отметить, что большая часть сооружений 12-го яруса сохранилась на 2—3, а некоторых и на 4 венца, несмотря на то, что все они сгорели в 1267 г. Это объясняется тем, что за период существования этих сооружений в 40—50 лет вокруг них вырос культурный слой, и во время пожара построек те или иные части (нижние венцы), которые оказались в земле, т. е. «ушли в землю», не горели и дошли до нас.

В 11-м ярусе, относящемся к 70—80-м годам и началу 90-х годов XIII в., из 16 срубов ни один не имел следов пожара, и на всей площади раскопа не вскрыто ни одного пожарища.

В 10-м ярусе многие дома погибли от пожара. Из 19 вскрытых в ярусе срубов на ГЗ очень четко прослеживаются следы пожара, и вокруг них расположены прослойки горелого слоя — золы, угля, жженого камня.

Помимо этого, удастся выделить два пожара, происшедших в течение периода 10-го яруса: один пожар, начавшийся на Холопъей улице, — от него погибли постройки Холопъей улицы ПА, 11Ж, ПИ, ПЯ, НЕ и ПЭ, — и другой пожар на южной половине территории раскопа, во время которого погибли остальные 6 домов. Оба пожара упоминаются в летописи: это пожары 1299 и 1311 гг. (пожар 1299 г. является первым пожаром после 1267 г.).

О пожаре 1299 г. летопись рассказывает: «В лето 1299 г. месяца априля в 18 день, в субботу великую, в 1 час ноци загореся на Вареской улице. . . вздвижеся буря с вихромъ и тако бысть силень огонь вборзе. . . и вержеся огонь изъ немецкого двора в Неревский конецъ загореся на Холопьи улицы и тамо того сельнее огонь, а неревляне на оной стороне, а мость Великий огонь заял. И тако створися пагуба велика и тако бо на свете богъ и добрии люди уяша» .

Здесь описывается большой пожар на Торговой стороне, перекинувшийся во время сильной бури на Софийскую сторону в район Холопъей улицы, но пожар этот

¹ НЛ1, стр. 329.

² Там же, стр. 315.

быстро «богъ и добрии люди уяша». Но все же в этом пожаре погибло 10 церквей и «многа узорочая в церквах».

Пожар 1311 г. вспыхнул «июня в 28 в ношь загорися на Розважи улици Глебов дворъ, и погоре конец Неревский, семо до гребле, а семо и за Боркову улици и сгоре церковь святыи Козма и Дамианъ и другая... и домове добрый. О горе, бяше лют пожаръ, с ветромъ и с вихромъ. ...»¹.

Итак, время гибели от пожара сооружений 10-го яруса мы можем связать с пожарами 18 апреля 1299 г. и 28 июня 1311 г.

В последующие годы, в течение 29 лет, в Неревском конце пожаров не было, но в 1340 и 1342 гг. Неревский конец горел дважды. Пожар в районе перекрестка Холопией и Великой улиц можно скорее всего связать с пожаром 1342 г., так как пожар 1340 г., вспыхнув на Розважи улице в поле, распространился на Софийской стороне на юго-восток и перекинулся через Волхов.

Пожар 1342 г. загорелся на Даньславле улице и распространился на юг по берегу и в город — на запад. Летопись сообщает: «Того же лета (1342 г.) загорися в Новгороде на Даньславли улици, и погоре по берегу и до гребли, а в гору до святых 40 и до святых Кузьмы и Дамиана. . . и много зла створися. Людие же бояшеса, не смеяшу в городе жити, нь по полю, а инии по рли живяху, друзии же по берегу в учанех. . .»².

На раскопе в 9-м ярусе были вскрыты 24 постройки. Из них 16 построек имели значительные следы большого пожара (обгорелые бревна срубов, развал золы, угля, обожженных камней и т. п.). Следы пожара заметны и на развалах мостовых Великой и Холопией улиц. Две постройки 9Ы и 9Н были сломаны до пожара, и на их месте построено сооружение 9-О, которое сгорело вместе с окружающими домами. Одно сооружение было построено после пожара. У остальных построек причину разрушения установить не удалось, так как их развалы были в свое время хорошо спланированы под поздние постройки. Итак, разрушение жилищ и иных построек 9-го яруса мы связываем с пожаром 1342 г.

Следующий пожар 1368 г. связывается с разрушениями 8-го яруса. Пожар 12 мая

1368 г., — «Бысть пожаръ золь в Новгороде; погоре город Детиниць весь и владычень дворъ, и святая София огоре и Неревский конецъ по половине улицы до Даньславле улице»³, — захватил территорию вскрытых нами построек лишь частично. Из 21 постройки, стоявшей в 8-м ярусе, явные следы пожара имеют лишь 5 (84, 8К, 8С). Возможно, горели и другие дома, но об этом сказать трудно из-за отсутствия каких-либо данных.

Разрушение построек 7-го яруса легко связать с большим пожаром 1394 г.: «Той же осени погоре владычень дворъ и околотки и за городим много улиц погоре, а у святей Софеи маковица огоре. . .»².

В 7-м ярусе вскрыта всего 21 постройка. Восемь из них носят значительные следы пожара, на других же постройках следов пожара не обнаружено, вероятно, потому, что они в свое время после разрушения были хорошо спланированы. Но во всяком случае из 7-го яруса в 6-й ярус перешел только один сруб.

Частично разрушения 6-го яруса мы связываем с пожаром 1414 г. «Месяца августа въ 3 погоре Неревский конецъ от святого Володимера и до Гзени»³.

Большой промежуток времени от 1414 до 1471 гг., когда в летописи опять упоминается пожар, заполняют 5 и 4-й ярусы. В 5-м ярусе из 16 срубов следы пожара имелись лишь на 6 срубах. Несколько иную картину представляет 4-й ярус. Из 16 построек, вскрытых в ярусе, 7 построек сгорели. Эти разрушения можно связать с пожарами 1471' или 1477 гг. Лаконичные записи летописи сообщают: «Того же лета (1471 г.) бысть на Яковли улици пожар и середь Боркове улици и до Кузмодемьяни улици»⁴. Другая запись гласит: «1477 бысть пожаръ от Розважи улици погоре и до Боркове улици побережье все и до Великой улици, и Марфе посадници чюдный дворъ»⁵. Скорее всего, вскрытые нами дома сгорели в 1471 г.

Летописные сведения о пожарах конца XII в. и начала XIII в. более отрывочны и лаконичны. За это время о пожарах

¹ НЛ1, стр. 370.

² Там же, стр. 386, 387.

³ Там же, стр. 405.

⁴ Новгородская вторая летопись, стр. 372.

⁵ Там же, стр. 378.

¹ НЛ1, стр. 334.

² Там же, стр. 355.

Я р у с	1500			1400			1300			1200			1100			1000												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
Д а т а																												
П о ж а р ы п о л е т о п и с и																												
В с е г о с р у б о в в я р у с е	5	8	16	16	16	17	21	24	19	16	24	22	16	23	17	11	8	15	20	13	9	8	7	9	10	4		
С л е д ы п о ж а р а н а с р у б а х	—	—	6	7	6	6	8	5	16	13	0	21	0	13	14	3	1	2	—	2	—	1	5	3	1	1	1	
	1А	4А	4А	6А	6А	6А	8А	8А	10А	10А	11А	13А	13А	13А	13А	14А	15А	17А	19А	21А	21А	22А	24А	24А	25А	26А		
		3Б		5Б	6Б	7Б			10Б	10Б		13Б	13Б	13Б	14Б							22Б						
					6В	6В					9Г	13Г	13Г	14Г								21В	21В				26Д	
	1Е		3Е	4Е	6Е	7Е		9Е	11Е	11Е	9Е	13Е	13Е	14Е	15Е	17Е	17Е	18Е	20Е	22Е	22Е	23Е	24Е			26Е	27Е	
	1Ж		3Ж	5Ж	5Ж	8Ж	8Ж	8Ж	11Ж	11Ж	9Ж	13Ж	14Ж	15Ж	17Ж	17Ж	18Ж	20Ж	20Ж	21Ж	22Ж				26Ж	26Ж	27Ж	
								9З				12З	15З	15З														
		2К	3И		6И			9И	11И	11И	11И	13И	13И	14И	15И	17И	17И					20И	21И	22И		26И		
			3К		13К	13К	13К	13К	13К	13К	13К	13К	13К	15К	16К								20К	20К	21К	25К	26К	27К
			3Л	4Л	5Л			9Л	9Л	11Л	11Л	13Л	13Л	14Л	16Л	17Л							19Л	20Л	21Л	26Л		
С р у б ы			3М	4М			7М	8М	11М	11М	11М	14М	14М	14М	16М	17М	18М	19М	19М	20М	21М				23М	24М		
			3Н	4Н			6Н	8Н	9Н	10Н	11Н	12Н	13Н	14Н	15Н	16Н												
			3О				7Т		9О	10О		13О	14О	15О														
я р у с е			3П				6П	8П	9П	10П	13П	13П	14П	16П	17П	18П	19П	19П	20П	21П								
	1Р	3Р	3Р	4Р	6Р	6Р	7Р	8Р	10Р	10Р	13Р	13Р	13Р	15Р	16Р								25Р					
		2С			5С	6С	7С	8С	9С		12С	13С	15С	15С	16С													
		3Т	3Т	4Т		6Т	8Т	10Т	10Т		13Т	13Т	15Т	15Т	16Т	17Т								24Т	25Т			
		2У		4У			8У	8У	11У	11У	12У	13У	15У	15У										23У				
		2Ф		4Ф	3Ф		7У	8Ф	9Ф	11Ф	11Ф	13Ф	13Ф	15Ф	16Ф									22Ф				
				4Х			7Х	8Х	9Х	10Х	12Х	12Х	13Х	14Х	15Х	16Х												
				8Ц			8Ц	8Ц			12Ц	13Ц	15Ц	16Ц														
			4Ч	4Ч	5Ч	6Ч	7Ч	8Ч			13Х																	
1Ш	2Ш		4Ш	5Ш		7Ц	8Ш	9Ш	11Ш	11Ш	13Ш	13Ш	13Ш															
			7Ш	8Ш		7Ш	8Ш																					
	2З	4З	6З	9З	9З	9З	9З	11З	11З	11З	12З	14З	15З															
			4В	5В	6З	7В	8В	9В			13В	13В	13В															
		3Я	4Я	5Я		7Б	8Я	9Я	11Я	11Я		15Я	16Я															
				5Б		8Б	8Б	9Б	11Б	11Б		15Б																

Рис. 53. Сравнительная таблица пожаров по ярусам и летописям. (Цифры в рамках указывают на то, что остатки срубов имеют следы пожара).

в Неревском конце летопись упоминает лишь 3 раза — в 1177, 1194 и 1211 гг.

Под 1177 г. летопись сообщает: «Того же лета погоре на осень Неревский конец от Иванковей и сгоре церкви 5»¹. С этим пожаром можно связать пожары 16-го яруса. Под 1194 г. летописец отмечает: «Зажьжеса пожаръ в Новегороде. .. той же недели в пяток в торговое время, загореса на Хревкове улици дажь и до ручья в Неревский конец и сгоре церкви 7 и домов велицей»². С этим пожаром мы связываем 15-й ярус. Из 23 построек яруса следы пожара имели 14 сооружений.

Под 1211 г. летописец сообщает: «Того же лета безъ князя и безъ новгородцовъ в Новегороде бысть пожаръ великъ, загореса на Рядятине улици и сгоре дворовъ 4000 и 300»³. С этим пожаром можно связать пожары 14-го яруса. Из 16 построек яруса сгорели 13. Так как в этих пожарах сгорела только часть построек того или иного яруса, мы удлиняем время яруса еще на такой же отрезок, т. е. дату пожара относим к середине яруса.

Заканчивая рассмотрение письменных известий о пожарах, мы должны обратить внимание на строгую и единственно возможную связь летописных дат пожаров со

стратиграфией ярусов. Если, например, пожар 12-го яруса (1267 г.) мы попытаемся связать с пожаром 1299 г., то будет нарушена не только хронология ярусов, при которой ни одна находка уже не будет соответствовать по залеганию своей дате, но и топографию пожаров по ярусам также нельзя будет связать со «спектром» пожаров (рис. 53). За пожаром 12-го яруса, который мы будем датировать 1299 г., следует через 12 лет пожар 1311 г., а в 11-м ярусе, следующем за 12-м ярусом, ни одно здание не сгорело; некоторые из них перешли в 10-й ярус и сгорели лишь только в его время.

То же самое произойдет, если пожар 12-го яруса мы попытаемся связать с пожаром 1211 г. При этом варианте также нарушается хронология и топография ярусов. К 13-му ярусу, в котором не было ни одного пожара, в «спектре» пожаров будет относиться пожар 1194 г.

Итак, на основании дат многочисленных археологических находок, которые мы связываем по залеганию с тем или иным ярусом, и по связи топографии пожарищ ярусов с летописными известиями, устанавливается следующая хронология ярусов Неревского раскопа:

- 1-й ярус. Середина XVI в.
- 2-й ярус. 10—30-е годы XVI в.
- 3-й ярус. Начало XVI в.—1471 г.
- 4-й ярус. 1471 г.—40-е годы XV в.
- 5-й ярус. 40-е годы XV в.—1414 г.
- 6-й ярус. 1414—1394 гг.
- 7-й ярус. 1394—1368 гг.
- 8-й ярус. 1368—1342 гг.
- 9-й ярус. 1342 г.—28 июня 1311 г.
- 10-й ярус. 28 июня 1311 г.—80-е годы XIII в.
- 11-й ярус. 80-е годы XIII в.—23 мая 1267 г.
- 12-й ярус. 23 мая 1267 г.—40-е годы XIII в.

- 13-й ярус. 40-е годы XIII в.—20-е годы XIII в.
- 14-й ярус. 20-е годы XIII в.—самое начало XIII в.
- 15-й ярус. Самое начало XIII в.—80-е годы XII в.
- 16-й ярус. 70—80-е годы XII в.
- 17-й ярус. 50—60-е годы XII в.
- 18-й ярус. 30—40-е годы XII в.
- 19-й ярус. 10—20-е годы XII в.
- 20-й ярус. 10-е годы XII в.—конец XI в.
- 21-й ярус. 70—80-е годы XI в.
- 22-й ярус. 60—70-е годы XI в.
- 23-й ярус. Середина XI в.
- 24-й ярус. 2-я четверть XI в.
- 25-й ярус. 1-я четверть XI в.
- 26-й ярус. Последние десятилетия X в.
- 27-й ярус. 70—80-е годы X в.
- 28-й ярус. Середина X в.

¹ НЛ1, стр. 225.

² Там же, стр. 233.

³ Там же, стр. 250.

В. Л. ЯНИН

ВИСЛЫЕ ПЕЧАТИ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК
1951—1954 гг.

Великий Новгород в русской сфрагистике занимает значительное и почетное место. Можно сказать, не опасаясь преувеличений, что новгородский материал среди древних русских печатей XI—XV вв. в количественном отношении составляет не менее 90% всех находок. Такие соотношения характерны и для печатей того же времени, сохранившихся при подлинных актах. Однако если последний факт может быть до некоторой степени объяснен известными историческими обстоятельствами, благодаря которым именно новгородские документы дошли до нас в большем количестве, эти обстоятельства не могли служить причиной преимущественного сохранения печатей также и в новгородской почве.

Указанная особенность топографии находок древнерусских печатей неоднократно отмечалась исследователями русской сфрагистики, а Н. П. Лихачевым была сделана попытка найти ей объяснение. Н. П. Лихачев, обратив внимание на концентрацию находок в пределах крупных городов древности и отметив, что в число последних не входят Владимир, Суздаль, Чернигов, Смоленск, Полоцк, Рязань, пришел к выводу, что указанные пробелы объясняются случайностью, а обилие находок в Новгороде вызвано открытием там некоего микроцентра находок, каким является Городище, место бывшего княжеского двора и архива. «В Киеве, — отмечал Н. П. Лихачев, — не найден такой центр находок, и находки случайны, единичны»¹. Действительно, если су-

дить по этому и некоторым другим замечаниям Н. П. Лихачева, можно было бы думать, что большая часть материала, с которым ему приходилось иметь дело, — а его собрание до сих пор является основным источником изучения древнерусской сфрагистики, — происходит с Городища. Однако обращение к рукописному наследию указанного исследователя помогает установить, что такой вывод весьма неосторожен. Пояснительный текст к «Сфрагистическому альбому», подготовленный автором в последние годы жизни¹, содержит указания на место находки или покупки всех экземпляров его собрания. Городищенские находки в тексте «Альбома» отмечены пунктуально, но их мало сравнительно с находками, имеющими суммарное указание «Новгород»: Собрание Н. П. Лихачева составлялось путем многочисленных покупок через местных агентов, а если эти последние не располагали точными сведениями о месте находки скупаемых ими экземпляров, тем меньше оснований у нас объявлять подавляющее большинство этих находок городищенскими.

Нет сомнений в том, что Городище является исключительной сокровищницей русской сфрагистики. В Новгороде до сих пор бытуют воспоминания о том, как обилие находок печатей в сочетании с коммерческой деятельностью агентов Н. П. Лихачева на несколько лет отвлекло крестьян с Городище от занятий земледелием и скотоводством и превратило их в кладоискателей. Тяжелым наследием этого своеобразного

¹ Н. П. Лихачев. *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 1. Л., 1928, стр. 10.

¹ Рукопись — в архиве ЛОИИМК.

промысла явилось полное нарушение стратиграфии этого ценнейшего археологического памятника. До настоящего времени городищенский материал составляет значительную часть новых сфрагистических поступлений Новгородского музея. Однако, несмотря на все эти факты и даже в силу этих фактов, мы берем на себя смелость говорить об искусственном преувеличении значения Городища как места добычи древних печатей за счет собственно новгородской территории.

Известную ясность в вопрос о микротопографии новгородских находок могло бы внести изучение богатой сфрагистической коллекции Новгородского музея. К сожалению, во время войны коллекция была полностью обезличена, и паспортных сведений экземпляры, найденные до войны, а таких экземпляров большинство, — не сохранили.

Тем больший интерес должны представить материалы, которые в течение четырех последних лет были добыты Новгородской экспедицией. Все 46 описываемых ниже экземпляров происходят с территории собственно Новгорода. Из них 42 экземпляра найдены в процессе раскопок на Неревском конце, где была археологически изучена сравнительно небольшая часть рядового городского района. Таким образом, уже это обстоятельство делает недействительным

предположение Н. П. Лихачева о роли «микроцентров» типа Городища. Фактическое же отсутствие памятников сфрагистики в раскопках других русских городов говорит о неслучайности их обилия в Новгороде и заставляет еще внимательнее подойти к изучению новгородских памятников.

Публикуемый в настоящей работе материал частично был издан автором (печати из раскопок 1951 г., древнейшая печать X в.)¹, однако раскопки последующих лет внесли некоторые уточнения в датировку залегания печатей; некоторые новые сфрагистические находки позволили лучше понять уже опубликованные печати; наконец, при изучении стратиграфии раскопа важно привлечение всего комплекса находок печатей. Эти соображения заставляют вернуться и к уже опубликованному материалу.

При изложении последний был классифицирован по разрядам. Порядок изложения в общем совпадает с порядком последовательности находок. Сначала описываются и комментируются памятники новгородской административной сфрагистики XII—XV вв., затем — княжеские печати, среди которых преобладают относящиеся к XI—XII вв. Более детально принцип классификации русских вислых печатей изложен в конце работы на основании изучения публикуемых памятников.

НОВГОРОДСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПЕЧАТИ

XIII—XV вв.

Печати должностных лиц новгородской администрации времени самостоятельности составляют половину всего добытого за 4 года сфрагистического материала (24 из 46). В их числе представлены все разряды печатей, употреблявшихся администрацией Новгорода в XIII—XV вв.

I. Печати Великого Новгорода

Государственные печати Новгородской республики не представляют большой редкости в сфрагистических собраниях. К настоящему времени их известно свыше 50 экземпляров. Сравнительное изучение этих печатей позволяет установить, что в разное время в Новгороде употреблялось для их оттискивания не менее 35 пар матриц. Специальное исследование печатей Великого Новгорода было предпринято

Н. Г. Порфиридовым². Несмотря на ограниченность материала, привлеченного указанным автором (им использовано всего около 20 печатей этого разряда), в его исследовании освещены все основные разновидности государственной печати. Ограниченность материала не позволила Н. Г. Порфиридову выйти за рамки предварительных хронологических выводов. Привлечение новых материалов, в том числе и добытых при новгородских раскопках, дает возможность сделать некоторые уточнения.

¹ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, 1953, XVIII, стр. 372—385; его же. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, 57, 1954, стр. 39—45.

² Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Новгородский исторический сборник, вып. 8. Новгород, 1940.

Всего в результате четырехлетних раскопок обнаружено 5 новых экземпляров печати Великого Новгорода.

1. Пласт 9, квадрат 166. Круглая свинцовая печать диаметром 32 мм (табл. 1).

Л. С. Изображение воина во весь рост, с копьем в правой руке, со щитом в левой и в короне о трех зубцах.

О. С. Надпись в 4 строки:

печа. | новго | роцк. | ✕ та

Печать обнаружена в слоях 5-го яруса (1-я половина XV в.).

До сих пор было известно 5 экземпляров печати Великого Новгорода с изображением светского воина в зубчатой короне¹. Публикуемая печать оттиснута одним буллотирем с печатью, уже изданной, но не датированной². Остальные печати этого типа распределяются по матрицам на две группы: три из них оттиснуты одним буллотирем³, четвертая — другим. Последняя — черновосковая — сохранилась при грамоте 1418—1421 гг.⁴ Все эти печати чрезвычайно близки друг другу, отличаясь лишь орфографией надписей и мелкими деталями изображений. Всю группу печатей с изображением воина можно датировать, таким образом, первой четвертью XV в. Следует напомнить, что Н. Г. Порфиридов единственную известную ему печать датировал суммарно XV в., опираясь на весьма отдаленные аналогии⁵.

2. Круглая свинцовая печать диаметром 26—27 мм (табл. 1).

Л. С. Изображение зверя⁶ вправо; вокруг — точечный ободок.

О. С. Надпись в 5 строк:

печат. : | двѣлик | оgono | кагор | ода

¹ Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 26, 27, рис. 1; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIII, 9, XXVII, /, XXXVI, 8, LV, 10.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LV, 10.

³ Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., рис. 1; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIII, 9, XXVII, /.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXXVI, 8; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 96, грамота № 58.

⁵ Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 27.

⁶ В литературе фантастический зверь новгородских печатей называется иногда грифоном, иногда — рысью. Оба эти определения неверны. В большинстве случаев «зверь» не имеет крыльев и не может быть назван грифоном. Пояснительная надпись «лют зверь» на печатях 1-й четверти XV в. еще нуждается в истолковании.

Публикуемый экземпляр не принадлежит к числу найденных при раскопках. Он поднят одним из сотрудников экспедиции на берегу Волхова около часовни Чудного Креста в 1951 г. (ныне часовня снесена).

3. Точно такой же экземпляр, оттиснутый той же парой матриц, обнаружен при раскопках в 1953 г. (табл. 1). Залегание последней печати стратиграфически не определяется: она была найдена в осыпи стенки раскопа.

Отличительной особенностью обоих экземпляров является то, что четвертая строка надписи была сначала пропущена резчиком матрицы и вписана мелкими буквами потом. Данный вариант печати обнаружен впервые, однако печати с изображением зверя представляют наиболее распространенную группу печатей Великого Новгорода; к настоящему времени их известно 34.

4. Пласт 10, квадрат 124. Круглая свинцовая печать диаметром 31 мм (табл. 1).

Л. С. Изображение зверя вправо.

О. С. Надпись в 4 строки:

... | двѣлик | оgono | орода*

Печать фрагментирована. Обнаружена она в слое 5-го яруса (1-я половина XV в.).

Известны еще 2 экземпляра печати, оттиснутые тем же буллотирем¹. Оба экземпляра не датированы.

Из 34 печатей с изображением зверя, известных к настоящему времени, при грамотах сохранились лишь 9 экземпляров. По связи с грамотами они принадлежат к двум периодам, разделенным значительным промежутком времени. Три печати сохранились при грамотах 1417—1421 гг.², шесть — при грамотах 1439—1448 гг.³ Обе группы имеют известные отличия формального порядка. Печати 1417—1421 гг. несут легенду, сформулированную как «Печать Новгороцкая» или «Новгородская печать». На печатях же 1439—1448 гг. эта легенда формулируется как «Печать Великого Новгорода». Исключение представляют лишь две грамоты — грамота Великого Новгорода магистру Ливонского ордена 1417 г.⁴ и грамота Великого Новгорода тверскому великому князю

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXXIX, 4; Новгородский музей, инв. № 3528.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамоты № 53 и 58.

³ Там же, грамоты № 20, 69 и 72.

⁴ Там же, грамота № 53.

Борису Александровичу 1446—1447 г.¹ К обеим этим грамотам приведено по две новгородских печати с изображением зверя, причем на одной из них надпись «Печать Новгородская», а на другой — «Печать Великого Новгорода». Явная несообразность присутствия на этих грамотах двух равноценных по значению печатей свидетельствует, повидимому, о дополнительной обработке этих грамот, почему-либо утративших свои подлинные печати. Прием такой фальсификации был распространен в архивной практике в древности.

Особенности формулирования легенд печатей дают опору для их датировки. Все три печати с изображением зверя из коллекций Новгородской экспедиции, поскольку они несут надпись «Печать Великого Новгорода», можно датировать серединой XV в. (1439—1456 гг.).

5. Пласт 8, квадрат 49. Круглая свинцовая печать диаметром 30 мм (табл. I).

Л. С. Изображение сидящей птицы с раскрытым клювом, влево; наверху:

орелъ

О. С. Надпись в 4 строки:

печа|т.ик|ва|города

вокруг — линейный ободок.

Печать пробита в центре большим отверстием (диаметр отверстия — 12 мм). Обнаружена она в слое 4-го яруса (2-я половина XV в.).

Государственная печать Великого Новгорода с изображением птицы принадлежит к числу наиболее редких находок. Из 8 таких печатей, известных к настоящему времени³, при каком-либо датированном акте не сохранилась ни одна. Наиболее интересными аналогиями нашей печати являются две, также несущие надпись «Орелъ». Одна из них найдена летом 1928 г. в Новгородском кремле⁴, другая, также найденная в Новгороде, воспроизведена Н. П. Лихачевым⁵. Оба экземпляра — других матриц,

нежели наша печать, но близки ей по палеографическим признакам, по композиции изображения и надписи, величине, особенностям изображения птицы и т. д. На нашем экземпляре слово «Орелъ» сохранилось отчетливо, в отличие от ранее известных, где оно только угадывалось.

Описывая экземпляр Новгородского музея, Н. Г. Порфиридов отметил в качестве аналогий печати должностных лиц Новгорода с изображением птицы. Такими оказались печати посадника Дмитрия Васильевича и тысяцкого Михаила Андреевича при жалованной грамоте Великого Новгорода Сергие-ву монастырю (1447—1454 гг.)¹ и посадника Ивана Лукиничича при жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю (1459—1470 гг.)².

Опираясь на эти аналогии, за отсутствием более близких, можно было бы датировать государственную печать с изображением птицы серединой XV в., признав ее тип nasledующим тип печатей с изображением зверя. Однако существует возможность иначе уточнить ее хронологию.

Государственная печать Великого Новгорода в новгородской актовомой практике доживает лишь до 1456 г., когда Яжелбицкий договор с Василием Васильевичем Темным постановил, чтобы у новгородских документов «печати быти князей великих»³. С 1456 г. функции новгородской государственной печати несут уже печати великокняжеских тиунов, на которых, однако, изображен не орел, а зверь⁴. Это позволяет думать, что в короткий промежуток времени с 1449 г. (последняя датированная грамотой печать с изображением зверя) до 1456 г. (Яжелбицкий договор) продолжается употребление тех же сфрагистических типов, что и в 1439—1449 гг., и искать нашим печатям с орлом другую датировку.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 150, грамота № 95.

² Там же, стр. 151, грамота № 96.

³ Там же, стр. 41, 42, грамота № 23. Упоминание «печати Великого Новгорода» в договорной грамоте Великого Новгорода и Пскова с епископом юрьевским 13 января 1474 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 135, грамота № 78), повидимому, в целом не противоречит этому положению. Печать вновь упоминается в годы, непосредственно предшествующие окончательному присоединению Новгорода, и это вполне в духе событий тех лет.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLIII, 3, XLVIII, 15.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамота № 20.

² См. В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты. КСИИМК, 65, 1956.

³ Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 31, 32, рис 5 6 7; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XX, 8, XXXIX, 5, L, 8, LV, 8.

⁴ Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., рис. 6.

⁵ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LV, 8.

Пояснительная- надпись «Орель» на этих печатях имеет ближайшую аналогию в пояснительной надписи «А се лють зверь» на печатях 1417—1421 гг. с изображением зверя. В то же время легенда оборотной стороны, в отличие от легенд печатей с «лютым зверем», формулируется на них как «Печать Великого Новгорода». Такой переходный характер печатей с орлом позволяет относить их к 1422—1438 гг., т. е. к периоду, печати которого при грамотах неизвестны совершенно. Аналогии середины XV в. в печатях должностных лиц вполне закономерны и могут рассматриваться как результат подражания государственной печати.

первой четвертью XV в. Повидимому, можно предполагать в публикуемой печати со всадником более ранний вариант государственной печати Великого Новгорода, нежели печати с воином и «лютым зверем», поскольку оба последних типа, как это показано выше, относятся к самому концу 1-й четверти XV в. и непосредственно увязываются с печатями, изображающими орла.

Не касаясь других типов новгородской государственной печати, более древних, мы можем результат изучения публикуемых печатей изобразить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Дата	Изображение	Легенда
Начало XV в. . .	Всадник	«Печать Новгородская»
1417—1421 гг. . .	Воин; «Лют зверь»	«Печать Новгородская»
1422—1438 гг. . .	«Орел»	«Печать Великого Новгорода»
1439—1456 гг. . .	Зверь	«Печать Великого Новгорода»

6. Пласт 3, квадрат 1004. Круглая свинцовая печать диаметром 28—32 мм (табл. I).

Л. С. Изображение всадника влево.

О. С. Надпись в 4 строки:

печа|т|г|нов|гороч|кад

Печать обнаружена в слоях 4—5-го ярусов (середина XV в.). Изучение ее в ряду печатей этого разряда позволяет утверждать, что стратиграфически дата находки близко совпадает с датой изготовления публикуемой печати. Тип новгородской государственной печати с изображением всадника сейчас обнаружен впервые. Каких-либо более или менее близких аналогий ее лицевой стороне нам неизвестно совершенно, хотя изображение всадника на древнерусских печатях не является редким сюжетом. Поэтому при определении древности новой находки можно опереться в основном на особенности оборотной стороны этой печати. На последней легенда сформулирована именно так, как на описанных выше печатях более ранней группы, — «Печать Новгородская». Это обстоятельство позволяет рассматривать печать с изображением всадника в первую очередь в тесной связи с печатями, изображающими воина и «лютого зверя», и суммарно датировать ее

Точные даты смены одного сфрагистического типа другим, проставленные в первой графе табл. 1, в известной степени условны и в дальнейшем, несомненно, будут уточнены новыми находками.

II. Печать тысяцкого Великого Новгорода

7. Пласт 9—10, выброс из квадратов 91—170. Круглая свинцовая печать диаметром 30 мм (табл. I).

Л. С. Изображение сидящей птицы, влево; вокруг — точечный ободок; в поле — орнаментальные точки.

О. С. Надпись в 4 строки:

т|з|ак|ого вели|кого нов|города

Печать обнаружена в слоях 5-го яруса (1-я половина XV в.).

Находка печати новгородского тысяцкого подобного типа сделана впервые. Печати тысяцких вообще чрезвычайно редки. К настоящему времени известно всего 16 экземпляров печатей этого разряда, сохранившихся в большинстве своем при грамотах XIV в. На всех известных печатях, за единственным исключением, помещены имена тысяцких. Обычный тип подобных печатей содержит на обеих сторонах строчные надписи. Известно было лишь три отклонения от обычного типа: анонимная печать тысяц-

кого Машка при грамоте 1301 г., с изображением святого, печать тысяцкого Филиппа при грамоте 1372 г., с изображением св. Филиппа², и печать тысяцкого Михаила Андреевича (1448—1461 гг.), с изображением св. Михаила, птицы и с круговыми надписями³. Вновь найденная анонимная печать палеографически относится к XV в., а стилистически чрезвычайно близка к печатям Великого Новгорода с изображением орла. Основания для датировки последних второй четвертью XV в. приведены выше.

Публикуемая печать заполняет значительный пробел в ряду печатей новгородских тысяцких. Из 16 известных до последнего времени печатей этого разряда 4 относятся к 1301—1307 гг.⁴, 6 — к 1371—1373 гг.⁵, 1 — к 1392 г.⁶, 4 — к 1411—1417 гг.⁷ и 1 — к 1448—1461 гг.⁸ От 2-й четверти XV в., таким образом, не было известно ни одной печати тысяцких.

III. Печать посадника новгородского

8. Пласт 11, квадрат 266. Круглая свинцовая печать диаметром 26 мм (табл. I).

Л. С. Надпись в 4 строки:

печ|аг|а|б|а|с|ил|а|а|ф|е|д|о|р|о|в|

О. С. Надпись в 5 строк:

пос|а|д|н|ик|а|н|о|в|г|р|о|д|к|а|.

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XV, 2; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 63, грамота № 3-1.

² Там же, табл. XIV, 4; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамота № 17.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVIII, 3.

⁴ Две печати Машка (упомянутая и воспроизведенная Н. П. Лихачевым в Сфрагистическом альбоме, табл. XX, 4) и две печати Андреяна (при грамоте 1303—1307 гг.; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамота № 36, и экземпляр Новгородского музея, инв. № 3513).

⁵ Печати Матфея Фалелеевича, Олисия Ананьича и Филиппа (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамоты № 15, 17, 44 и 45; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVII, 6).

⁶ Печать Микиты Федоровича (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. L, 13).

⁷ Печать Василья Игнатьевича, Овраама Степановича, Онаньи Константиновича, Олисия Константиновича (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVII, 7, XXXVI, 6, XXXVI, 3; Новгородский музей, инв. № 4108).

⁸ Упомянутая печать Михаила Андреевича.

Печать обнаружена в слоях 7-го яруса (2-я половина XIV в.).

Вновь найденная печать является первой находкой печати посадника Василия Федоровича. Василий Федорович в 1371—1372 гг. упоминается в договорной грамоте Дмитрия Донского с Новгородом как посол, приехавший в Москву. В 1386 г. посадник Василий Федорович доставляет по приказанию новгородцев в Ямны к Дмитрию Донскому 3000 рублей, взятых с палатей св. Софии². В 1388 г. он сопровождает в Москву игумена Иоанна на поставление в архиепископы³, в 1391 г. посылается в Изборск на съезд с немцами⁴, в 1392 г. умирает монахом⁵. Из договора Великого Новгорода с ганзейскими городами (так называемый Нибуров мир) известно о печати посадника Василия Федоровича: «А что о другой грамоте, о которой Новгород говорить, за Олексеевой владыцнею печатью и за посадницей Васильевой Федоровича и тысяцкого Богьдана Обакуновица. . .» и т. д.⁶ Однако до сих пор печати этого посадника не находились.

Печать посадника Василия Федоровича выполнена в той же манере и, по всей вероятности, тем же резчиком, который изготовлял печати тысяцкого Матфея Фалелеевича, посадника Юрия Ивановича, тысяцкого Олисия и Семена Андреевича, сохранившиеся при известной грамоте Новгорода посламу Юрию и Якиму 1372 г.⁷

IV. Печати тиунов новгородских

Этот интереснейший разряд новгородских административных печатей в новгородских раскопках 1951—1954 гг. представлен 2 экземплярами печати тиуна Каллиста. Обе печати оттиснуты одним буллотирем.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 31, грамота № 16.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 94, т. V, стр. 242, т. VIII, стр. 51 (под 6894 г.).

³ ПСРЛ, т. III, стр. 94, т. IV, стр. 96 (под 6896 г.).

⁴ ПСРЛ, т. III, стр. 95, т. IV, стр. 98 (под 6899 г.).

⁵ ПСРЛ, т. III, стр. 96, т. IV, стр. 99 (под 6900 г.).

⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 81, 82, грамота № 46 (1392 г.).

⁷ Там же, грамота № 17; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIV, 2, 8, 10, 12.

9. Пласт 18, квадрат 235. Круглая свинцовая печать диаметром 30 мм (табл. II).

Л. С. Надпись в 3 строки:

КАЛИСТОВА ПЕЧАТЪ

О. С. Надпись в 3 строки:

НОВГОРОЦКОГО ТИУНА

Печать обнаружена в слоях 13-го яруса (середина XIII в.).

10. Пласт 16, квадрат 277. Круглая свинцовая печать диаметром 26 мм, идентичная предыдущей (табл. II).

Печать обнаружена в слоях 12-го яруса (2-я половина XIII в.).

Печати новгородского тиуна Каллиста не были известны до новгородских раскопок.

Автором настоящей статьи уже высказывалось предположение о тождестве новгородских тиунов и купеческих старост Ивановского ста и отмечались трудности точного хронологического определения отдельных печатей¹. Каллист неизвестен в летописях и актах, однако определению его времени помогает стратиграфия публикуемых находок. Следует отметить, что стратиграфические датировки (середина XIII в.)² очень древни. Они подтверждаются также стилистическими и палеографическими наблюдениями над публикуемыми печатями. Эти наблюдения позволяют отнести время возникновения должностных тиунских печатей к периоду, значительно более древнему, нежели считалось прежде.

Одна тиунская печать в коллекциях Новгородской экспедиции происходит не из раскопок, а приобретена случайной покупкой.

11. Круглая свинцовая печать диаметром 27 мм (табл. II).

Л. С. Надпись в 4 строки:

КАЛ. АКОВ ПЕЧАТЪ

О. С. Надпись в 5 строк:

ТИУНА НОВОГОРОДА АКО . . .

Печать сломана пополам по каналу шнура.

¹ В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов как исторический источник. КСИИМК, 52, 1953, стр. 106—111.

² Уточнение стратиграфии раскопа дает возможность исправить ошибку, допущенную в статье о печатях новгородских тиунов (КСИИМК, 52, 1953, стр. ПО), где печати Каллиста датированы 1-й половиной XIII в.

Вновь найденная Василкова печать принадлежит к числу наиболее распространенных тиунских печатей. К настоящему времени известно уже 11 печатей этого тиуна¹, публикуемый экземпляр является двенадцатым. Он принадлежит также к наиболее распространенному варианту матриц этого типа (всего существуют три разновидности «Василковых» печатей)². Хронологически точно Печать не определяется, суммарно она может быть датирована XIV в.

V. Печати новгородских архиепископов

Новгородские раскопки дали 6 новых экземпляров владычных печатей. Все новые экземпляры принадлежат к числу анонимных.

В свое время Н. П. Лихачевым было высказано предположение о том, что анонимные печати являются не личными печатями новгородских архиепископов, а печатями, прикладывавшимися от их имени специальными должностными лицами³. Действительно, в настоящее время известны два основных типа архиепископских печатей. Один содержит изображение богородицы «Знамение» на одной стороне и подробную надпись о принадлежности печати тому или иному архиепископу. Таких печатей существует целый ряд: Мартирий (1193—1199 гг.)⁴, Далмат (1251—1274 гг.)⁵, Климент (1274—1299 гг.)⁶, Феоктист (1299—1308 гг.)⁷, Давид (1308—1324 гг.)⁸, Моисей (1324—1330, 1352—1359 гг.)⁹, Василий (1331—1351 гг.)¹⁰, Алексей (1359—

¹ В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов..., Приложение, печати № 9—19.

² Там же.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 34.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, /; L, 5.

⁵ 4 экземпляра. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 2, 3, LVI, 3; Новгородский музей, инв. № 4042.

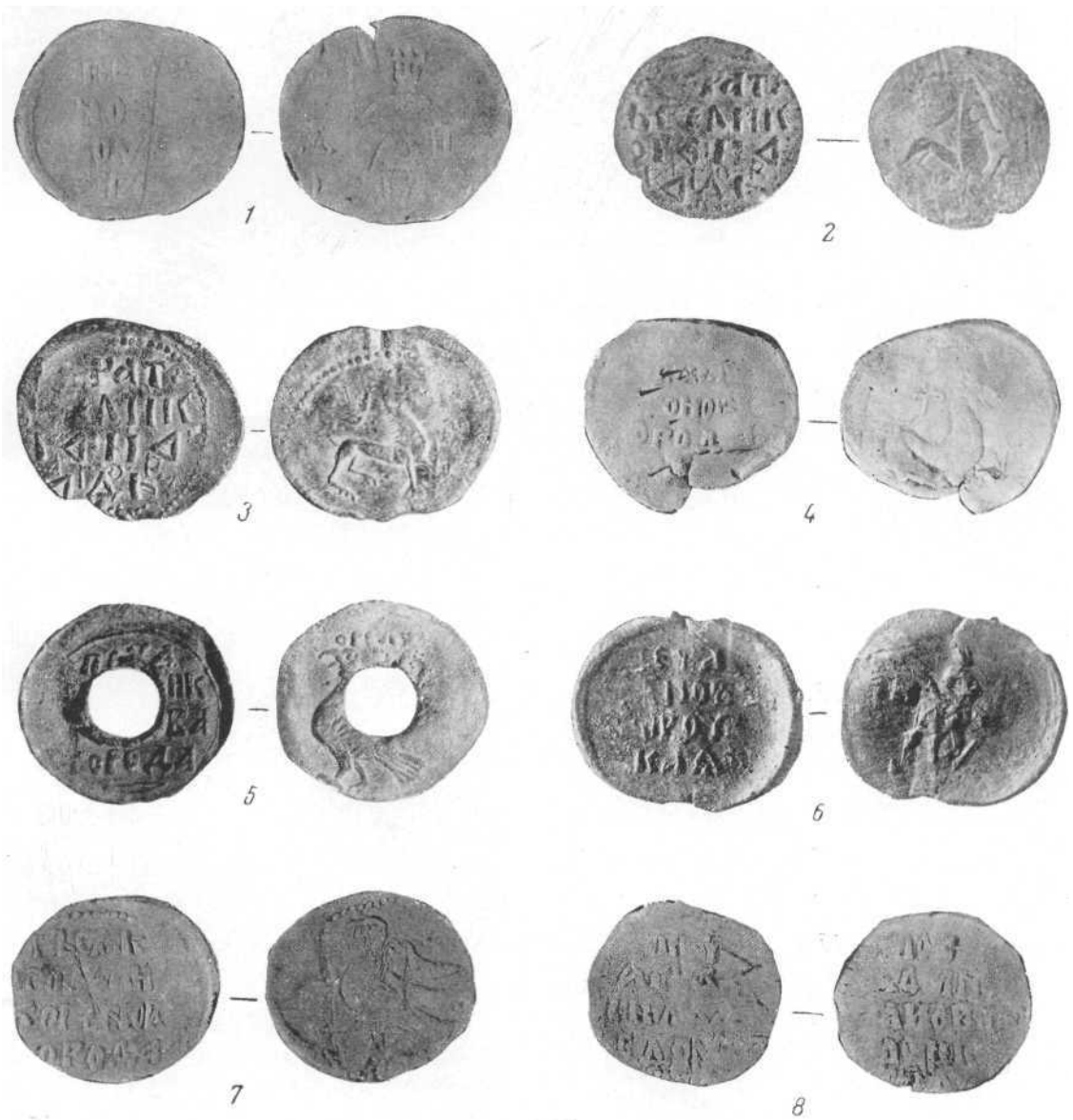
⁶ 3 экземпляра. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 4, 5, XXXVIII, 12.

⁷ 4 экземпляра. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 6—9.

⁸ 7 экземпляров. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 10, 11, 14; XXVI, 12, XXXVIII, 10; XLII, 3; L, 7.

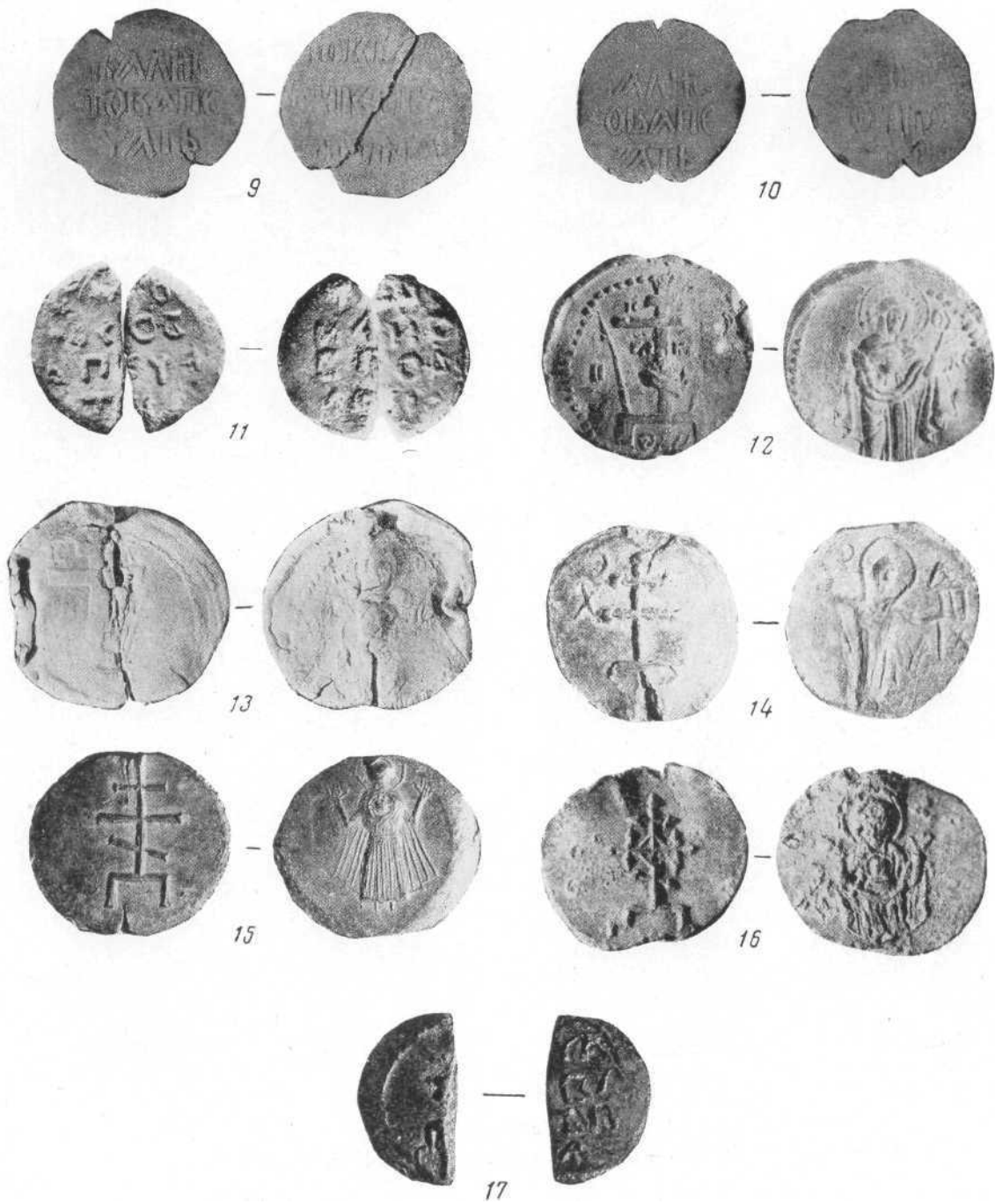
⁹ Новгородский музей, инв. № 7084 (1 экземпляр).

¹⁰ 2 экземпляра. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 15; XXXVIII, 9.

Печати.

1—6 — Великого Новгорода; 7 — тысяцкого новгородского; 8 — посадника Василия Федоровича.

Печати.
9-11 - тиунов новгородских; 12-17 — владычные.

1388 г.)¹, однако их значительно меньше, нежели анонимных. Последние отличаются не только количеством, но и значительным разнообразием матриц. Разновидности анонимных архиепископских печатей представляют длинную цепь, которая может быть объяснена эволюционно. Вся масса анонимных владычных печатей делится на две отличные группы, эволюционно связанные. Одна из этих групп содержит на одной стороне изображение богородицы «Знамение», на другой шести- или восьмиконечный крест на подножии, простом или сложном. Другая имеет те же изображения, однако восьмиконечный крест на этих печатях усложнен изображением орудий страстей и многочисленными титлами, которые объясняют элементы изображения креста: Л—М (лобное место), Г (губа), Т (трость) и т. д. Обе эти разновидности представлены в новгородских находках.

12. Пласт 9, квадрат 73. Круглая свинцовая печать диаметром 37—38 мм (табл. II).

Л. С. Изображение богородицы «Знамение»; по сторонам: ; вокруг — точечный ободок.

О. С. Восьмиконечный крест на подножии, по сторонам креста изображения страстей, надписи:

Печать обнаружена в слое 5-го яруса (1-я половина XV в.).

13. Пласт 8, квадрат 243. Круглая свинцовая печать диаметром 34 мм, оттиснутая теми же матрицами, что и предыдущая. Печать пробита наверху небольшим отверстием (табл. II).

Обнаружена она в слое 3-го яруса (конец XV в.).

Оба идентичных экземпляра, найденных при раскопках, могут быть датированы очень точно, поскольку известен третий экземпляр той же матрицы, который сохранился при датированной грамоте. Этот экземпляр привешен к данной грамоте Толвуйской земли Палеостровскому монастырю на Палий остров с малыми островами, 1415—1421 гг., в архиепископство Симеона². Присутствие однотипных печатей

(крест со страстями) на грамотах 1440—1447, 1448—1454, 1471—1482 и 1478—1480 гг.¹ датирует всю серию таких печатей XV в.

Вторая группа анонимных владычных печатей представлена 3 новыми экземплярами:

14. Круглая свинцовая печать диаметром 25—28 мм (табл. II).

Л. С. Изображение богородицы «Знамение», по сторонам — остатки титлов.

О. С. Шестиконечный крест на подножии, по сторонам — остатки зеркальных титлов.

Печать обнаружена в выбросе; стратиграфическое положение ее, таким образом, неизвестно.

15. Пласт 3, квадрат 706. Круглая свинцовая печать диаметром 27—30 мм (табл. II).

Л. С. Изображение богородицы «Знамение».

О. С. Восьмиконечный крест на подножии. Печать обнаружена в слоях 7-го яруса (середина XIV в.).

16. Круглая свинцовая печать диаметром 27—32 мм (табл. II).

Л. С. Изображение богородицы «Знамение».

О. С. Восьмиконечный крест сложной формы на подножии.

Печать приобретена покупкой, место ее находки неизвестно.

Несмотря на обилие печатей этой группы в собраниях, лишь одна печать подобного типа была обнаружена при датированной грамоте, именно при грамоте Новгорода Риге с требованием выдачи разбойников, 1303—1307 гг., составленной в архиепископство Давида². Печать этой грамоты еще носит следы огрубения, столь характерного для памятников сфрагистики XIII в., крест на ней изображен в самом простом варианте. Наиболее близка к ней из вновь найденных печать № 14. Что касается печати № 15, более изящно и тонко сделанной, ближайшие аналогии ей находятся в подписных печатях архиепископов Моисея и Алексея, т. е. в памятниках середины XIV в. Наконец, печать № 16 по сложности изображенного на

¹ 3 экземпляра. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XI, 12, 13, XXXVIII, 11.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 147, грамота № 90; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XII, 10. Экземпляр той же матрицы на табл. XXXVI, 10.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, грамоты № 70, 95, 99 и 318.

² Там же, стр. 64, 65, грамота № 36; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XII, 2.

ней креста, особенностям художественного стиля изображения богородицы, по размеру заготовки и матриц представляет собой переход к разобраным выше владычным печатям XV в.

Следует отметить, что среди анонимных печатей архиепископов преобладают печати именно тех типов, которые мы только что датировали серединой — 2-й половиной XIV в. Это позволяет прийти к интересным выводам о характере анонимных владычных печатей в разные периоды их употребления. Соглашаясь в общих чертах с положением Н. П. Лихачева о том, что анонимная владычная печать не была личной печатью новгородских архиепископов, мы в то же время не имеем оснований распространять это положение на весь длительный период употребления анонимных печатей. Отсутствие личных печатей архиепископов на всем протяжении конца XIV в. и всего XV в. говорит о том, что в этот период существовала только анонимная печать, которая использовалась как самим архиепископом, так и специальными доверенными лицами. В связи с этим следует отметить следующий небезинтересный факт. Известна одна печать последнего выборного новгородского архиепископа Феофила, сохранившаяся при грамоте Клима и Ивана Михайловых детей Соловецкому монастырю, 1459—1469 гг.¹ Эта печать ничем не отличается от обычных анонимных печатей XV в., однако принадлежность ее указанному архиепископу показана на ней титлами $\overline{\Theta\Upsilon} \text{---} \overline{\Theta\Lambda}$ по сторонам креста. Таким образом, эта печать может быть названа личной. Деграция личной печати выражена в этом памятнике настолько убедительно и своеобразно, что можно с уверенностью говорить об отсутствии особого типа личной владычной печати на всем протяжении XV в.

Значительный интерес представляет еще один, повидимому, древнейший тип анонимной архиепископской печати, впервые обнаруженный при раскопках 1953 г.

17. Пласт 5, квадрат 667. Половинный обломок круглой свинцовой печати диаметром 25 мм (табл. II).

Л. С. Изображение восьмиконечного креста на подножии.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 297, грамота № 300; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLIV, 2.

О. С. Надпись в 4 строки:

..чд|..ка|..лч|..а

Печать обнаружена в слоях 9-го яруса (начало XIV в.).

Надпись печати восстанавливается легко: ПЕЧАТЬ ВЛАДЫЧН $\overline{\Lambda}$. Значительное ее своеобразие, не находящее аналогии в известных памятниках владычной сфрагистики и не укладывающееся в цепь их эволюции, может, повидимому, свидетельствовать о принадлежности ее к середине XIII в., так как памятники всего последующего периода известны более или менее хорошо, а их тип развивается достаточно последовательно.

VI. Печати владычных наместников

18. Пласт 12, квадрат 139. Круглая свинцовая печать диаметром 30 мм (табл. III).

Л. С. Надпись в 3 строки:

савт|напе|чат

О. С. Надпись в 4 строки:

в $\overline{\Lambda}$ чн|анам|кстн|ика

Печать обнаружена в слое 7-го яруса (2-я половина XIV в.).

Савтина (Саввина, Савватиева) печать, владычного наместника, обнаружена впервые. Для того чтобы определить ее время, следует выяснить, какое место она занимает среди других однородных памятников.

Хорошо известны печати владычных наместников XV в. В большом числе они сохранились при двинских грамотах гражданского судопроизводства. В большинстве своем они несут изображение креста и обозначение имени наместника без указания его должности. Известно также несколько экземпляров печатей владычных наместников, где должность указана. Наконец, изредка встречаются наместничьи печати без изображения креста и даже со светскими эмблемами¹. Вновь найденная печать не находит себе аналогий в массе печатей XV в. и выглядит более архаичной, что подтверждается и стратиграфически.

С другой стороны, известен ряд печатей владычных наместников и более раннего

¹ Подробнее о печатях владычных наместников см В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских. СА, XIX, 1954.

времени — XIII и XIV вв. Отличительными особенностями этих печатей являются указание территории наместничества (печати новоторжских и ладожских наместников новгородского архиепископа) и отсутствие слова «владычный» в титуле наместника. Связь наместников с архиепископами на этих печатях выражена изображением на оборотных сторонах печатей святых, тезоименитых новгородским архиепископам, благодаря чему все наместничьи печати XIII—XIV вв. хорошо датируются¹. Эта группа печатей владычных наместников также не дает аналогий вновь найденной печати. Последняя особенно близка печатям светских должностных лиц (посадников, тысяцких, тиунов) последней трети XV в. Наиболее правильной, по видимому, является ее датировка именно этим временем.

Печати владычных наместников хорошо иллюстрируют развитие института наместничества. Во 2-й половине XIII в. и 1-й половине XIV в. существовали, очевидно, только два наместника в важнейших центрах Новгородского государства — Торжке и Ладоге. К XV в. наместников было уже много, и высылались они в большее количество центров. Исчезновение в титуле наместника указания на его территориальную принадлежность, демонстрируемое печатями двинских грамот, может свидетельствовать об изменении характера деятельности наместников. Возможно, начиная со 2-й половины XIV в., они не были постоянно связаны с какими-либо определенными центрами, а высылались в них из Новгорода от случая к случаю на короткий срок. В данной связи очень заманчиво связывать владельца новой печати владычного наместника Савву с известным Саввой, послом архиепископа Моисея, который в 1353 г. ездил в Царьград с жалобой на митрополита Феогноста². Однако для такого отождествления нет достаточных оснований.

19. Пласт 12, квадрат 274. Круглая свинцовая печать диаметром 23—27 мм (табл. III).

Л. С. Изображение восьмиконечного креста на подножии. Концы средней и нижней перекладин креста украшены точками.

¹ В. Л. Янин. Печати наместников новоторжских; его же. Печати ладожских наместников. КСИИМК, 52, 1953.

² ПСРЛ, т. III, стр. 132, 181, 228, т. IV, стр. 62.

О. С. Остатки неразборчивых строчных надписей.

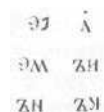
Печать сильно помята и имеет глубокую трещину по линии канала шнура. Обнаружена она в слое 8-го яруса (1-я половина XIV в.).

Плохая сохранность печати не позволяет прочесть остатки строчных надписей, однако тип печати связан с владычной сфрагистикой. Мы помещаем ее в разряд печатей владычных наместников только условно, поскольку ее тип, наиболее присущий именно этой группе печатей, известен также по уникальной анонимной печати самого архиепископа, описанной выше под № 17.

VIII. Печати без указания должности их владельцев

20. Пласт 9, квадрат 229. Круглая свинцовая печать диаметром 32 мм (табл. III).

Л. С. Изображение св. Симеона Столпника на столбе в виде низкой трибуны с подставкой; по сторонам зеркальная надпись:

О. С. Надпись в 5 строк:

семе|нова·пе|чатъ·а·да|кы|дови|ча +

Печать пробита в верхней части небольшого отверстием. Обнаружена она в слое 4-го яруса (2-я половина XV в.).

Публикуемая печать ранее не была известна. Большинство печатей XV в., не имеющих указаний на должность их владельцев, принадлежит, судя по печатям двинских грамот, владычным наместникам, утверждавшим купчие, закладные, данные, духовные и т. п. новгородского населения того времени. Однако для подавляющего большинства таких печатей характерно изображение креста на лицевой стороне. Впрочем, исключения имеются. При купчей Мелентия Ефимовича Чеваки (середина XV в.) привешена печать Патракея Дмитриевича, очень близкая и палеографически, и стилистически вновь найденной¹. На печати Патракея изображен не тезоименитый святой, а птица. Точное определение рассматривае-

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 220, грамота № 182; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIX, 3.

мои нами печати возможно только при условии отыскания Семена Давидовича в письменных источниках.

21. Пласт 5, квадрат 605. Круглая свинцовая печать диаметром 26—28 мм (табл. III).

Л. С. Надпись в 4 строки:

ро|дио.к|клет|атд

О. С. Надпись в 3 строки:

юрд|евг|д

Печать обнаружена в слое 4-го яруса (2-я половина XV в.).

Печать Родиона Юрьевича обнаружена впервые. Определение ее затруднено тем, что письменные источники новгородской истории с деятелем, носящим это имя, незнакомы. Что касается времени самой печати, манера ее изготовления, палеография надписей, сам тип не соответствуют XV в.

Вновь найденная печать находит всесторонние аналогии в хорошо известной серии печатей новгородских политических*деятелей 70-х годов XIV в. В этой серии имеется печать Семена Андреевича при грамоте Новгорода послам Юрию и Якиму, 1372 г., совершенно однотипная с вновь найденной печатью. Она подвешена к грамоте среди печатей посадников, тысяцких и таких же анонимных в отношении должности владельца печатей, как и публикуемая здесь¹. Семен Андреевич является, несомненно, известным новгородским боярином Семеном Андреевичем, заложившим в 1360 г. вместе со своей матерью Анастасией церковь Феодора Стратилата на Ручье². Но о занятии им каких-либо административных должностей ничего не известно. Это также роднит его печать с печатью Родиона Юрьевича. Некоторые указания могут быть даны начальными и конечными формулами грамоты 1372 г.: «От посадника Михаила, от тысяцкого Матфея, от бояр, и от житых людей, и от черных людей, и от всего Новагорода»³ и «А на сем. . . повелеша печати приложить из всех пяти кончев к сей грамоте»⁴. Кончанские пе-

чати при грамоте отсутствуют, что вполне закономерно, так как тип специальной кончанской печати в это время, повидимому, еще не был создан. Обе серии последних, известные в настоящее время, относятся к середине XV в.¹ В XIV в. их заменяли печати бояр — представителей концов. К их числу, нужно думать, принадлежали и Семен Андреевич, и Родион Юрьевич.

22. Пласт 4, квадрат 993. Круглая свинцовая печать диаметром 26—29 мм (табл. III).

Л. С. Надпись в 3 строки:

печа|т|а|ки|ри|д

О. С. Надпись в 3 строки:

дми|три|ев. . .

Печать обнаружена в слоях 5 и 6-го ярусов (начало XV в.).

Принадлежность этой печати, обнаруженной впервые, устанавливается легко. Кирилл Дмитриевич упоминается в летописях под 1397 г., когда он в качестве новгородского посла едет вместе с архиепископом Иоанном к великому князю Василию Дмитриевичу². Под 1404 г. он назван тысяцким, вместе с посадником Александром Фомичем он целует крест «за весь Новгород» смоленскому князю Юрию³. Тысяцким он назван и в 1409 г. в договоре новгородцев с Ригой, Юрьевом и Колыванью⁴. В 1414 г. он умирает посадником⁵. Должности Кирилла Дмитриевича, таким образом, известны. В разряд печатей, анонимных в отношении должности владельцев, мы относим вновь найденную печать, однако не по формальным признакам, не потому, что не знаем, является ли она печатью тысяцкого или посадника, а потому, что она относится, повидимому, к более раннему периоду деятельности Кирилла Дмитриевича. Отсутствие на

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 32, грамота № 17; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XIV, 10.

² ПСРЛ, т. III, стр. 87, 132, 228; т. IV, стр. 63 (под 6868 г.).

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 33.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 150 — Жалованная грамота Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю, 1448—1454 гг.; стр. 151, 152 — Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю, 1459—1469 гг.; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVIII, 4—8, XV, 7—9; А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. Исторические записки, вып. 16, 1945. стр. 7, 8.

² ПСРЛ, т. III, стр. 98; т. IV, стр. 102; т. V, стр. 250, т. VIII, стр. 70.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 145.

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 87, грамота № 49.

⁵ ПСРЛ, т. III, стр. 105, т. IV, стр. 114.

ней указания должности Кирилла позволяет говорить, что это печать новгородского боярина, занимавшего один из более мелких административных постов. Стилистически эта печать наиболее близка известной серии печатей 70-х годов XIV в. Мы можем только предполагать, что она относится ко времени посольской деятельности Кирилла Дмитриевича. Скорее всего, она относится к более раннему этапу его карьеры.

23. Пласт 8, квадрат 1006. Овальная свинцовая печать диаметром 26—31 мм (табл. III).

Л. С. Надпись в 3 строки:

Дани|ловъ|бис|чатъ|а

О. С. Надпись в 3 строки:

матъ|а|рѣк|ичъ|а

Печать обнаружена в слоях 4 и 5-го ярусов (1-я половина XV в.). Имя Даниил Матвеевич в летописях и других документах не встречается. Впервые обнаружена и печать с таким именем. По стилистическим и палеографическим признакам она относится к XIV в.; с наибольшей вероятностью ее можно датировать серединой XIV в.

24. Пласт 21, квадрат 766. Круглая свинцовая печать диаметром 28—30 мм (табл. III).

Л. С. Изображение святого, стоящего во весь рост, с благословляющей правой рукой и непонятным предметом в левой (сфера?); наверху — надпись, различимы лишь отдельные буквы, кажется, — А, Д, Р (Андрей? Александр?).

О. С. Надпись в три строки:

опи|ифачъ|авъ|а

Правая часть штампа, повидимому, не попала на кружок печати.

Печать обнаружена в слоях 13 и 14-го ярусов (1-я половина XIII в.).

Стратиграфические условия находки таковы, что привлекают к ней особенный интерес. Печатей, которые по своему типу являются не княжескими и не владычными, от этого периода до самого последнего времени не было известно. Выше опубликованы печати владычного наместника Каллиста, обнаруженные в слое середины XIII в.; это древнейшие образцы новых разрядов сфрагистики, порожденных специфическими условиями новгородского государственного строя. Публикуемая печать древнее печатей Каллиста, но, к сожалению, определить ее принадлежность не удастся. Надпись оборотной стороны этой печати, содержащая сведения об ее владельце, не уместилась полностью на кружке заготовки, но и та ее часть, которая отчетливо читается на печати, может говорить только о сильнейшем искажении легенды. Последовательный подбор всех букв алфавита на место недостающих несколько не способствует прочтению надписи. Однако можно с уверенностью говорить, что лицевая сторона печати не соответствует ее оборотной стороне, или, иными словами, имя святого лицевой стороны не входит в легенду оборотной стороны. Поэтому во вновь найденном памятнике можно предполагать печать какого-либо наместника, княжеского тиуна и т. п., оставляя дальнейшее уточнение до новой, более ясной находки.

Печать датируется только стратиграфически, но эта датировка совпадает с истинной, так как нет никаких признаков, дающих основание углублять ее дату в XII в.

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ X—XV ВЕКОВ

Княжеские печати, обнаруженные при раскопках, в хронологическом отношении четко разделяются на 4 группы: печати московских великих князей XIV—XV вв., печати новгородских князей XII в., печати-пломбы рубежа XI и XII вв. и печати русских князей X—XI вв. Это деление не ограничивается простыми хронологическими отличиями, оно представляется нам более глубоким и принципиальным, поскольку проявления его заметны и в значительном стилистическом своеобразии каждой из отме-

ченных групп, и в различии типов печатей и в характере политического положения владельцев печатей в указанные периоды.

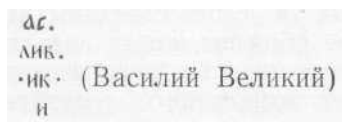
Из 4 групп княжеских печатей только одна синхронна разобранным выше памятникам новгородской административной сфрагистики — именно печати московских великих князей. Для сохранения последовательности изложения материала с нее целесообразнее всего начать описание княжеских печатей, добытых Новгородской экспедицией.

I. Печати московских великих князей XIV—XV веков

Этот разряд княжеских печатей представлен тремя печатями великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.).

25. Пласт 8, квадрат 332. Круглая свинцовая печать диаметром 27 мм (табл. IV).

Л. С. Поясное изображение св. Василия Великого Кесарийского в святительском облачении, справа — остатки зеркальной надписи:

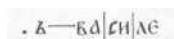
О. С. Надпись в 5 строк:

Печать слегка фрагментирована. Обнаружена она в слое 4-го яруса (2-я половина XV в.).

До последнего времени было известно 7 металлических печатей Василия Дмитриевича¹. Из них одна, серебряная, сохранившаяся при духовной грамоте Василия, 1406 г., имеет значительное своеобразие. Все остальные — свинцовые — печати относятся к тому же типу, что и вновь найденная, однако детальной аналогии последней не существует. Публикуемая печать отличается от ранее известных экземпляров иным распределением надписей оборотной стороны по строкам и мелкими деталями изображения лицевой стороны.

26. Пласт 10, квадрат 323. Круглая свинцовая печать диаметром 30—35 мм (табл. IV).

Л. С. Поясное изображение св. Василия Великого Кесарийского в святительском облачении, по сторонам:

О. С. Надпись в 5 строк:

дс. либ. нк. (Василий Великий) н

Печать обнаружена в слое 5-го яруса (1-я половина XV в.). Она принадлежит

¹ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. Труды Московского нумизматического общества, т. III. М., 1903, табл. I, 5; Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXVI, 10, XXXV, 6, 7, LII, 5; Новгородский музей, инв. № 3512, 4081.

к тому же типу, что и предыдущая, но данный вариант также встречен впервые.

27. Половинный обломок круглой свинцовой печати диаметром 32 мм (табл. IV).

Л. С. Поясное изображение св. Василия Великого Кесарийского в святительском облачении; справа — остатки зеркальной надписи:

О. С. Очень искаженная надпись в 5 строк:

дс. либ. нк. (Василий Великий) н

Печать приобретена покупкой, место ее находки неизвестно. Другой экземпляром той же матрицы, — целый, в отличие от вновь найденного, — опубликован Н. П. Лихачевым¹.

Благодаря новым находкам число дошедших до нас вариантов печати Василия Дмитриевича увеличилось с 5 до 7.

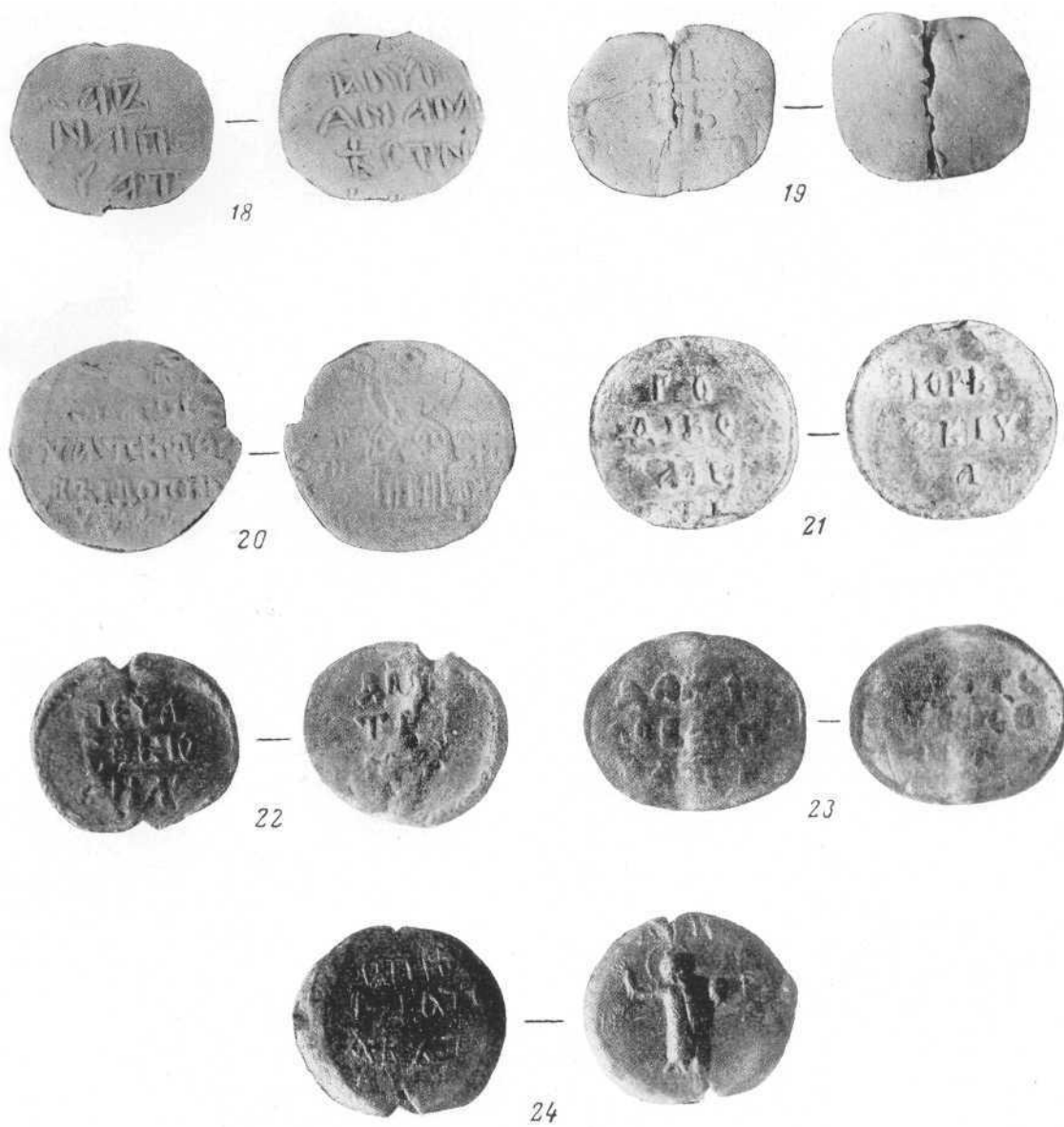
II. Печати новгородских князей XII в.

Новгородские княжеские печати XII в. обнаруженные в процессе раскопок, принадлежат к 3 типам, которыми вообще исчерпывается классификация княжеских печатей этого времени. Из 6 печатей XII в., найденных при раскопках на Неревском конце, три несут на своих сторонах изображения святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу, две — на одной стороне несут изображение святого, тезоименитого владельцу печати, а на другой — изображение княжеского знака владельца печати; одна печать несет изображение святого, тезоименитого князю, на одной стороне и строчную надпись: «Господи, помози рабу своему. . .» — на другой. Существование отмеченных типов в княжеской сфрагистике XII в. не связано с какими-либо хронологическими отличиями в их употреблении. Все 3 типа сосуществуют. Повидному, выбор той или иной печати для утверждения документа определялся характером самого документа.

28. Пласт 21, квадрат 336. Круглая свинцовая печать диаметром 18 мм (табл. IV).

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXXV, 6.

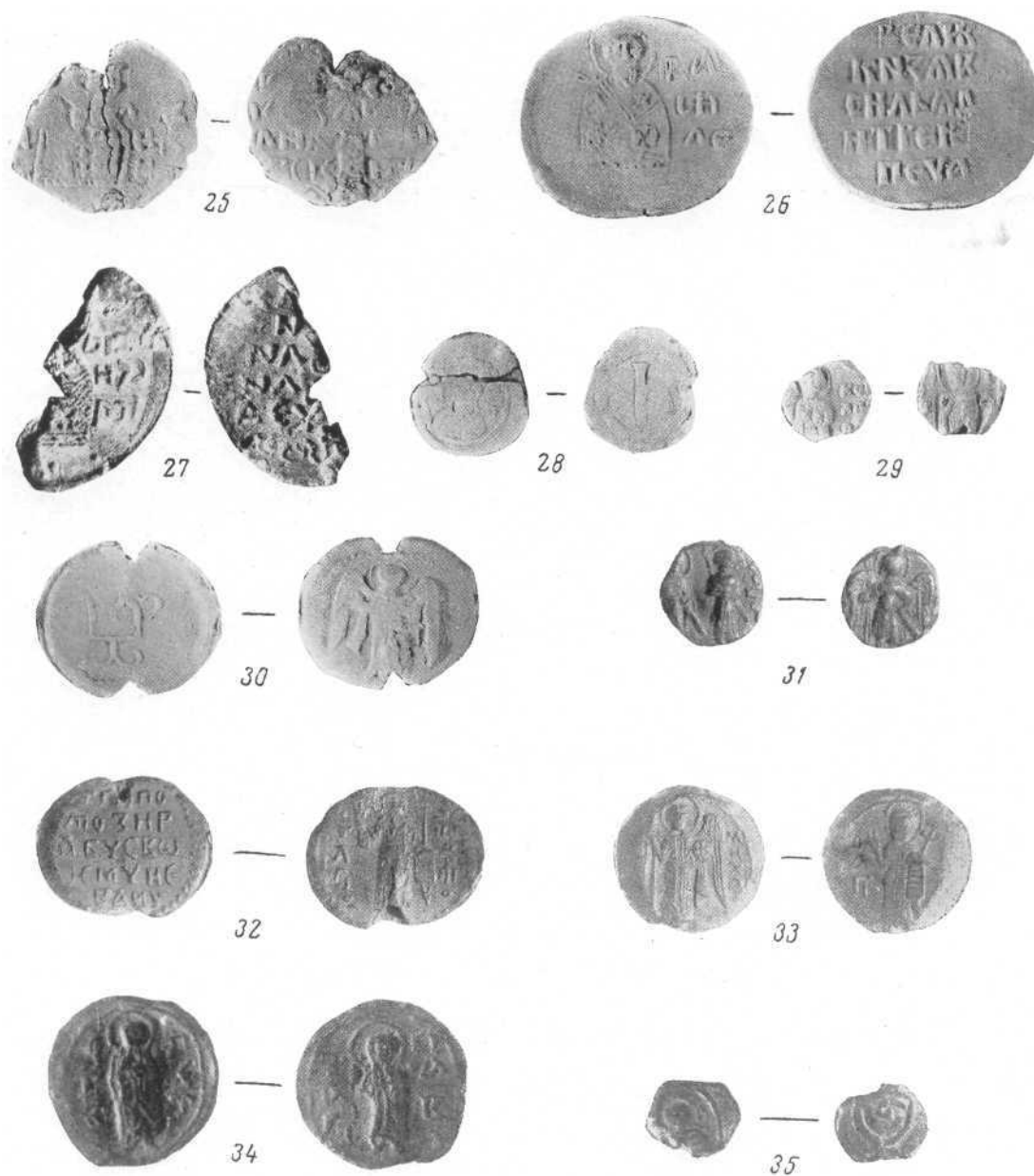
Таблица III

Печати.

18-19- владычных наместников; 20-24 - анонимные в отношении должности их владельцев.

Таблица IV

Печати.

35—27 — великого князя московского Василия Дмитриевича; 28—29 — князя Ярополка Ростиславича; 30 — князя Ростислава Мстиславича; 31 — князя Давида Всеволодовича; 32—33 — князя Мстислава Храброго (?); 34 — с изображением св. Петра и Павла; 35 — князя Мстислава Юрьевича.

Л. С. Погрудное изображение св. Василия Великого Кесарийского, справа от изображения — буква Т, вокруг — точечный ободок.

О. С. Княжеский знак в виде вертикальной черты с плавным отрогом вправо; вокруг — точечный ободок.

Печать обнаружена в слое 16-го яруса (конец XII в.).

Печати одного типа и даже одних матриц со вновь найденной хорошо известны. Восемь таких печатей были воспроизведены в «Сфрагистическом альбоме» Н. П. Лихачевым¹. Установлению принадлежности печати способствует изучение изображенного на ней княжеского знака. Этот знак является простейшим производным от знака, изображенного на печати, несущей изображение св. Николая Мирликийского, известной по трем найденным в Новгороде экземплярам². Последняя принадлежит старшему сыну Юрия Долгорукого Ростиславу, который княжил в Новгороде в 1138—1139 и в 1141 гг.³ Рассматриваемая нами печать, таким образом, должна принадлежать одному из сыновей Ростислава. Старший из двоих сыновей Ростислава — Мстислав, однако, не может быть владельцем печати, так как его христианским именем было не Василий, а Иоанн⁴. Повидимому, мы имеем все основания отнести публикуемую печать младшему сыну Ростислава — Ярополку, который княжил в Новгороде в 1178 г., в Торжке — в 1177 и в 1180—1181 гг.⁵ Христианским именем Ярополка Ростиславича, таким образом, было Василий Николаевич.

29. Пласт 19, квадрат 121. Круглая золотая печать диаметром 12 мм (рис. 1; табл. IV).

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 24, VIII, 21—25, XLVII, 2, 17.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Л., б. г., стр. 202; его же. Сфрагистический альбом, табл. XL, 4.

³ В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956, стр. 9, 10.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ, т. III, стр. 17, 18; т. IV, стр. 15, 16; т. V, стр. 167, 168; т. VII, стр. 95, 96.

Л. С. Изображение святого в рост, по сторонам: ... — КО|Λ|Δ|Ο.
(Николай).

О. С. Изображение святого в рост, по сторонам: @. . — CH|Λ...
(Василий).

Печать обнаружена в слоях 12—13-го ярусов (2-я половина XIII в.).

Находка публикуемой золотой печати является вполне уникальной не только по

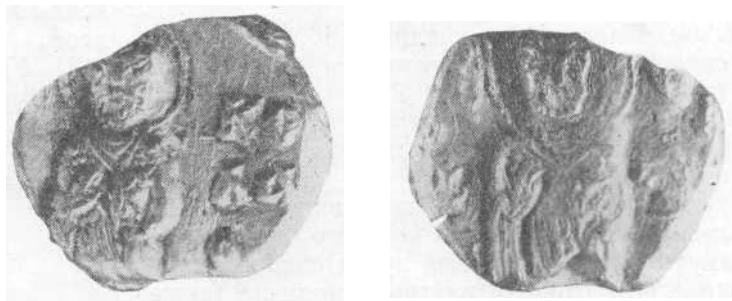

Рис. 1. Золотая печать князя Ярополка Ростиславича (увеличена в 3,5 раза).

ее изображениям, но и по материалу, и по технике изготовления. В отличие от всех известных ранее русских хрисовулов вновь найденная печать изготовлена единой техникой с обычными свинцовыми печатями. Она массивна, ее заготовка имела канал для продевания шнура, и закрепление печати на шнуре осуществлялось сдавливанием, сплюснением этого канала. Все же остальные русские хрисовулы изготовлены из парных тонких пластинок, — в большинстве не золотых, а серебряных, позолоченных, — которые зажимали шнур, сцепляясь своими краями. Различие между новой золотой печатью и известными ранее технически приблизительно такое же, как между современными товарными пломбами из свинца и жести.

Время и принадлежность печати устанавливаются легко. Ближайшей стилистической аналогией ей является упомянутая выше печать Ростислава Юрьевича, а сочетание имен Василий и Николай позволяет относить ее к тому же Ярополку Ростиславичу, которому принадлежит печать, описанная выше, под № 28.

Находка уникальной золотой печати, столь своеобразной сравнительно с другими

русскими хрисовулами, вносит серьезные изменения в те представления, которые уже сложились в литературе об этапах развития русских золотых печатей. Новая печать нарушает стройность построений Н. П. Лихачева о постоянстве технического и художественного типа хрисовула на всем протяжении XII и XIII вв., начиная с 30-х годов XII в. (печать грамоты Мстислава Владимировича, оттиснутая в обычной технике хрисовулов XIII в.), и ставит вопрос о том, насколько правильным является принятая в настоящее время датировка печати Мстиславовой грамоты¹.

30. Пласт 16, квадрат 463. Круглая свинцовая печать диаметром 23—25 мм (табл. IV).

Л. С. Изображение архангела Михаила; по сторонам — остатки мелких букв надписи.

О. С. — Княжеский знак в виде двузубца, левый и правый зубцы которого плавно изогнуты наружу. Правый зубец снабжен раздвоенным отростком внутрь, основание также раздвоено.

Печать обнаружена в слоях 14—15-го ярусов (рубеж XII и XIII вв.).

Не только тип этой печати, но и экземпляры тех же матриц хорошо известны². А. В. Орешников и Б. А. Рыбаков³ относили печать с подобным знаком ко времени Олега (Михаила) Святославича Черниговского (упоминается с 1077 г., умер в 1115 г.). Однако такая атрибуция не может не вызывать сомнений.

Тип публикуемой печати таков, что его нельзя датировать ни XI в., ни началом XII в. Печати Владимира Мономаха, относящиеся к этому времени, обнаруживают явные черты перехода от старого, так называемого греко-русского типа к традицион-

ному типу XII в.¹ Здесь же характер печати в такой же степени, как и характер княжеского знака, вполне соответствует особенностям сфрагистических и геральдических памятников середины—2-й половины XII в.² Более приемлемой поэтому представляется датировка этой печати временем Ростислава-Михаила Мстиславича-Федоровича, который княжил в Новгороде в 1154 г.³ Знаки на известных печатях Михаила, Гавриила и Федора⁴ чрезвычайно близки, что соответствует близости именно Ростислава-Михаила Мстиславича, его брата Всеволода-Гавриила и их отца Мстислава-Федора.

31. Круглая свинцовая печать диаметром 14—16 мм (табл. IV).

Л. С. Изображение архангела.

О. С. Изображение святых воинов Бориса и Глеба в рост; по сторонам:

о
— Бо
и.
с

Матрицы печати были больше заготовки, поэтому на ней оттиснулась лишь средняя часть изображений.

Печать обнаружена в выбросе на пласта 22 или 23, квадратов 1—80, в слоях 16 и 17-го ярусов (конец XII в.).

Эта печать, хотя и обнаружена впервые, но особых затруднений для ее датировки не представляет. Изображение архангела указывает на Гавриила или Михаила. У Гавриила Федоровича (Всеволода Мстиславича) детей с именами Борис, Глеб, Давид или Роман⁵ не было; у его брата Михаила-Ростислава были сыновья Роман и Давид, княжившие в Новгороде, первый —

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 108, 109, рис. 56.

² В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.

³ ПСРЛ, т. III, стр. 11; т. IV, стр. 8; т. V, стр. 160.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 291, рис. 175; его же. Сфрагистический альбом, табл. VII, 9, 12.

⁵ Сыновья Владимира Святославича Борис и Глеб, впоследствии канонизированные, носили христианские имена Роман и Давид, вследствие чего всем позднейшим Романам и Давидам, как правило, давались вторые имена Борис и Глеб.

¹ Этому вопросу автором настоящей статьи посвящена работа «Печать Мстиславовой грамоты», КСИИМК, 65. (Ред.).

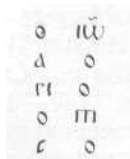
² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 10, 11, XLIX, 5; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, рис. 175, а, б; Новгородский музей, инв. № 3557, 4072.

³ А. В. Орешников. Классификация древних русских монет по родовым знакам. Изв. Академии наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 3, стр. 107; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 232, 233.

в 1154 г., второй — в 1154 г. в Новгороде и в 1158—1161 гг. — в Торжке. Так как на нашей печати первым помещен Глеб, ее следует приписать скорее Давиду, традиционно носившему крестное имя Глеб. Впрочем, точное установление принадлежности печати одному из братьев не может изменить датировки памятника. Других возможностей датировки этой печати нет. Глеб и Давид, княжившие в Новгороде в XI в., не могут претендовать на нее, так как их отец Святослав Ярославич носил крестное имя Николай, к тому же тип печати, безусловно, — XII в. Неизвестно также ни одного князя Бориса (Романа) или Глеба (Давида), имевшего сына Михаила.

32. Пласт 22, квадрат 12. Круглая свинцовая печать диаметром 21—25 мм (табл. IV).

Л. С. Изображение св. Иоанна Предтечи в рост, по сторонам надписи:

О. С. Надпись в 5 строк:

ггипо|мозир|акдзкц|емдие|канд

Печать обнаружена в слоях 17-го яруса (2-я половина XII в.).

Подобная печать обнаружена впервые, хотя вообще печати с формулой «Господи, помози рабу твоему...» — не редкость в русской сфрагистике. Довольно часто в Новгороде встречаются и печати с именем и изображением св. Иоанна Предтечи, но других типов. Способствовать датировке печати, найденной в 1951 г., может изучение ее в связи с другими печатями того же типа.

Среди русских княжеских печатей XII в. тип с легендой «Господи, помози рабу своему...» по своему происхождению, несомненно, является древнейшим. Он развивается на основе наиболее характерных для XI в. княжеских печатей так называемого греко-русского типа, несущих на одной стороне изображение святого, тезоименитого князю, а на другой — формулу «Господи, помози рабу своему...» на греческом языке. Последние известны на всем протяжении XI в. и представлены печатями Ярослава

Мудрого¹, Мстислава Владимировича², Всеволода Ярославича³, Вячеслава Ярославича⁴, Олега Святославича⁵ и жены его Феофании⁶. Печати с греческой формулой за пределы XI в., повидимому, не выходят, так как единственная известная к настоящему времени достоверная печать Владимира Мономаха, сохраняя прежний тип и манеру изготовления, содержит надпись «Господи, помози и т. д.» уже на русском языке⁷. В дальнейшем этот тип развивается под прямым воздействием появившихся в начале XII в. и быстро завоевавших популярность печатей нового типа, несущих изображения святых, тезоименитых владельцу печати и его отцу. Воздействие нового типа сказывается в художественной манере выполнения печатей и в технических особенностях изготовления заготовки. Сейчас известно уже довольно много печатей этого вида. Определение их затруднено тем, что они дают только имя князя в отличие от обычного типа, который сообщает и отчество. Однако можно с уверенностью относить все эти печати к XII в. Легче всего определяются печати с именем Василия, принадлежащие Рюрику-Василию Ростиславичу, который в 1170—1171 гг. княжил в Новгороде, а затем долгое время был великим князем киевским. Большинство печатей Василия известно из южнорусских находок⁸. Отыскиваются и остальные князья — владельцы печатей. Владельцем печати с изображением Михаила⁹ был Ростислав Мстиславович, который княжил в Новгороде в 1154 г., печати

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 154—156.

² Там же, стр. 155, 156; Д. И. Блѣфельд. Висла печатка з Бмгородки. «Археолопя», т. III, Кит, 1950, стр. 102—110.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 146—154.

⁴ В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича. КСИИМК, 55, 1954, стр. 150—152.

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 141—143.

⁶ Там же, стр. 137—139.

⁷ Там же, стр. 109.

⁸ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г., стр. 379.

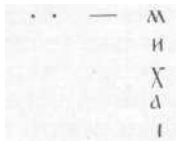
⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. К стр. 116, 117,

с изображением Бориса и Глеба¹ — Роман или Давид, князья, сидевшие в Новгороде в 1154 г., или же Владимир-Борис Святославич — новгородский князь 1180 г., печати с изображением Константина² — Константин Всеволодович, который княжил в Новгороде в 1205—1201 гг. Не определяются пока печати с изображением и именами Федора³, Петра⁴ и Якова⁵, первого — из-за большой распространенности этого имени, последних, наоборот, — из-за значительной редкости имен. Тем не менее все перечисленные печати настолько близки друг другу по стилю, манере изображений и палеографии, что не могут выходить за пределы общей датировки 2-й половиной XII в. — началом XIII в. Палеографически и по смыслу очень близки описываемой нами печати надписи известных новгородских сосудов Косты и Братилы, особенно надпись Косты, которую Б. А. Рыбаков датирует 2-й половиной XII в.⁶

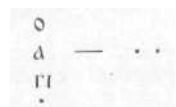
Некоторые соображения по поводу принадлежности новой печати будут высказаны ниже в связи с разбором следующей печати.

33. Пласт 22, квадрат 30. Круглая свинцовая печать диаметром 26 мм (табл. IV).

Л. С. Изображение архангела Михаила, по сторонам — надпись:

О. С. Изображение св. Иоанна Предтечи в рост, по сторонам — надпись:

Печать обнаружена в слое 17-го яруса (2-я половина XII в.).

В отличие от предыдущей печати эту печать находили неоднократно, и многие

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LV, /.

² Новгородский музей, инв. № 11882.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. X, 15, XL, 2; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 114—116; Новгородский музей, инв. № 12326.

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XLVIII, 3.

⁵ Там же, табл. XLIX, 13.

⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 298, 299.

экземпляры тех же матриц или того же типа воспроизводились¹. Обе последние печати объединяются не только изображением св. Иоанна Предтечи, но и тем, что существует однотипная № 33 печать с изображениями Иоанна и Михаила², выполненная в манере, очень близкой печати № 32, и, вероятно всего, в одной мастерской.

Изображение архангела Михаила — один из наиболее распространенных сюжетов домонгольской новгородской сфрагистики. Популярность этого изображения хорошо объясняется данными дошедших до нас христианских имен новгородских князей. В разное время в Новгороде княжили три Михаила — Святослав Изяславич (Дмитриевич), 1077—1087 гг., Ростислав Мстиславич (Федорович), 1154 г., Михаил Всеволодович, 1225, 1229 гг. и, по крайней мере, шесть Михайловичей — Святослав (Николай) Ольгович, 1135—1139 гг., и все 5 сыновей Ростислава Мстиславича: Роман (Борис), 1178 г., Рюрик (Василий), 1170—1171 гг., Давид (Глеб), 1154 г., Святослав, 1157—1167 гг., Мстислав, 1177—1180 гг. Применяя эти сведения к сочетанию имен Михаил—Иоанн, следует остановиться только на троих из этих князей: Михаиле Всеволодовиче, Святославе и Мстиславе Ростиславиче.

Для дальнейшего определения важно, что Иоанн Предтеча на печатях встречается часто в ряде других сочетаний, именно со святыми Пантелеймоном, Федором и Симеоном Столпником³. Этот факт очень важен, так как он говорит о том, что в истории Новгорода играло роль и потомство загадочного Иоанна или его братья, если Иоанн был отцом Михаила. В таком случае невозможно приписать рассматриваемые нами печати ни Михаилу Всеволодовичу, у которого был только один брат, даже в летописи оставивший едва заметный след, ни Святославу Ростиславичу, умершему бездетным. Напротив, Мстислав Ростиславич Храбрый полностью отвечает требованиям наших сведений. У него было три сына, как и он, занимавшие важное место в истории Новгорода: Мсти-

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. И, 1—9, XLI, 5; его же. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 38.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом,

³ Там же, например, табл. I, 2—6, XXIX, 9, III, 21, L, в, XLII, 16.

слав Удалой был новгородским князем, Владимир — псковским, Давид — торопецким. Мстиславу и следует предположительно приписать обе наши печати с изображением Иоанна.

Б. А. Рыбаков печати с изображением Иоанна и Михаила объясняет иначе. Он считает, что в этих печатях мы должны видеть памятники совместного правления Ростислава (Михаила) Мстиславича и его племянника Мстислава (Иоанна?) Изяславича¹. Не говоря уже о том, что неизвестно прецедента подобной печати, находившейся в совместном владении, следует с осторожностью отнестись к определению христианских имен Мстислава Изяславича. Исходным пунктом в этом определении Б. А. Рыбаков принимает свидетельство Ипатьевской летописи об известном эпизоде в битве на Руте: к Изяславу, лежавшему раненым, подошли его воины и не узнали его под шлемом. «Изяслав же рече: «князь есмь» — и один из них рече: «а так ны еси и надобе», и вынза мечь свой и нача и сечи по шелому; бе же на шеломе над челом написан святыи мученик Пянтелемон злат, и удари и мечем, и тако вшибеся шелом до лба; Изяслав же рече: «аз Изяслав есмь, князь ваш», — и сня с себе шелом, и позна и»². Б. А. Рыбаков считает, что на шлеме изображен святой покровитель Изяслава, и таким образом устанавливает христианское имя последнего — Пантелеймон. Однако характерно, что именно шлем ввел в заблуждение воинов Изяслава и едва не послужил причиной трагической гибели последнего. Нам кажется, что это обстоятельство свидетельствует о том, что на Изяславе в битве на Руте был чужой шлем. Переодевание в бою применялось в древней Руси, это известно нам из рассказа о Куликовской битве. Если же Изяслава звали не Пантелеймон, а как-либо иначе, то теряет значение и дальнейший ход рассуждений Б. А. Рыбакова.

34. Пласт 21, квадрат 759. Круглая свинцовая печать диаметром 25 мм (табл. IV).

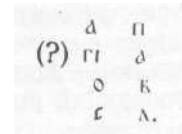
Л. С. Изображение святого, стоящего во весь рост; по сторонам:

¹ Б. О. Рыбаков. Печатки чершпвських князів. «Археологія», т. III, Ки'в, 1950, стр. 117.

² Ипатьевская летопись, под 1151 г.

О. С. Изображение святого, стоящего во весь рост; по сторонам:

Печать обнаружена в слое 14-го яруса (начало XIII в.).

Тип печати с изображением на одной стороне св. Петра, а на другой — св. Павла, никогда не публиковался, но в коллекциях Новгородского музея имеются две печати, идентичные вновь найденной. Паспортные сведения об одной из них утеряны¹, другая найдена в июне 1953 г. на Городище². Надписи на обеих печатях Новгородского музея читались с большим трудом и только предположительно.

Нам неизвестно ни одного русского князя, в имени и отчестве которого сочетались бы имена Петр и Павел, но можно уверенно относить этого загадочного князя к XII в. и к Новгороду. Напомним находку в Новгороде печати с изображением святых Павла и Иоанна Богослова³, печати с изображением св. Петра и надписью «Господи, помози рабу твоему Петру» (в Старой Ладоге)⁴. Все три печати с изображением Петра на одной стороне и Павла на другой также происходят из Новгорода.

35. Пласт 12, квадрат 687. Круглая свинцовая печать диаметром 11—18 мм (табл. IV).

Л. С. Погрудное изображение святого.

О. С. Княжеский знак в виде двузубца, правый зубец которого имеет два отрога внутрь, — верхний прямой и нижний изогнутый, — и отрог в нижней части, изгибающийся влево.

Печать обнаружена в слое 15-го яруса (рубеж XII и XIII вв.).

Знак на вновь найденной печати очень близок зеркальному варианту известного знака Андрея Боголюбского на камне бого-

¹ Новгородский музей, инв. № 3532.

² Там же, инв. № 12316.

³ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г., стр. 383, № 15.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. ПО.

любовского кивория¹. По своей конструкции он может принадлежать только одному из младших сыновей Юрия Долгорукого². Мы относим его предположительно к единственному из младших сыновей Юрия, княжившему в Новгороде, — Мстиславу, который занимал новгородский стол с 1154 по 1157 г.

III. Печати-пломбы рубежа XI и XII веков

Маленькие свинцовые пломбы с различными изображениями, хорошо известные по массовым дрогичинским находкам, не являются редкостью и в Новгороде. Значительное их количество из находок в Новгороде вошло в коллекцию Н. П. Лихачева, несколько экземпляров имеется в собрании Новгородского музея.

Однако, несмотря на распространенность этих небольших сфрагистических памятников, изучены они пока очень слабо. Сам характер этих памятников таков, что исследователь встречает в работе с ними гораздо больше трудностей, чем в работе с обычными печатями. Очень малый размер, сравнительная грубость исполнения, постоянное отсутствие на них надписей, наконец, плохая сохранность, отличающая большинство известных к настоящему времени экземпляров, — таковы основные препятствия, с которыми приходится постоянно сталкиваться.

Эти трудности привели к тому, что до сих пор не решен основной вопрос изучения древнерусских пломб — проблема их датировки. А от решения этого вопроса зависит проблема истолкования характера этих пломб и их назначения.

Большинство исследователей древнерусской сфрагистики считает маленькие печати дрогичинского облика товарными пломбами. Не оспаривая этого мнения полностью, мы должны сказать, что правильное решение вопроса может быть достигнуто только после тщательной разработки хронологии этих маленьких памятников. Если какие-то их группы заполнят хронологические пробелы русской актовой сфрагистики, то за этими группами трудно

будет признавать значение исключительно товарных пломб.

Раскопки в Новгороде впервые дали прочное хронологическое основание для некоторых печатей-пломб, которые в стратиграфическом отношении составляют весьма компактную группу. За время раскопок в 1951—1953 гг. найдено шесть таких маленьких печатей.

36—40. Пласт 24, квадрат 16 (2 печати); пласт 25, квадраты 22 и 60; пласт 26, квадрат 20. Все 5 находок описываются вместе из-за их однородности. Все печати относятся к одному типу, хотя принадлежат различным матрицам; они круглые, диаметром 13—16 мм (табл. V).

Л. С. Изображение процветшего шестиконечного креста; на 2 печатях по сторонам креста отмечены титлы IC—XC; на 2 печатях концы перекладин креста украшены точками.

О. С. Погрудное изображение бородатого святого.

Печати обнаружены в слое 19-го яруса (начало XII в.). Значительная стратиграфическая компактность всех 5 однородных находок позволяет принять дату их залегания как дату изготовления и бытования. В противном случае следовало бы ожидать большей распыленности этих находок по строительным ярусам XI в.

Н. П. Лихачев, датируя подобные печати на основании сравнительного изучения различных типов пломб, писал о них: «Русские свинцовые печати с изображением святого с одной стороны и крестом процветшим с другой вообще принадлежат к числу древнейших»¹.

Мнение это, очевидно, не совсем правильно.

Начало XII в. не является датой начала русской сфрагистики вислых печатей. Печати-пломбы появляются после не менее чем столетнего существования других русских печатей. Однако они, действительно, характеризуют если не древнейший, то один из очень древних периодов русской сфрагистики.

41. Пласт 24, квадрат 260. Круглая свинцовая печать диаметром 10—12 мм (табл. V).

¹ Н. Н. Воронин. Боголюбский киворий. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 65.

² В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 98.

Л. С. Погрудное изображение св. Константина (?) в короне.

О. С. Княжеский знак в виде двузубца с перечеркнутым отрогом внизу и с переключиной, соединяющей зубцы во внутренней части двузубца.

Затрудняясь дать точную атрибуцию вновь найденной пломбе, мы датируем ее по залеганию. Она найдена в слое 20-го яруса (начало XII в.).

Точно такие же пломбы изданы Н. П. Лихачевым неоднократно¹.

Стратиграфические данные перечисленных находок пломб чрезвычайно важны для выводов об общей периодизации древнерусских сфрагистических памятников. Эти пломбы не только образуют хронологически компактную группу, но и являются единственными памятниками сфрагистики, происходящими из слоев 23—19-го строительных ярусов (вся вторая половина XI в.—первая четверть XII в.).

Эта обособленность их стратиграфического положения является свидетельством того, что в указанный период бытовали исключительно маленькие печати отмеченных типов. Мы не можем поэтому считать их только торговыми пломбами. Отсутствие каких-либо других печатей одного с ними времени указывает на то, что в этот период маленькие печати служили, очевидно, и для утверждения актов. Только в дальнейшем пломба приобретает характер таможенного знака, если судить по обилию находок памятников этого рода в таких пограничных центрах или центрах международной торговли древней Руси, как Дрогичин, Новгород, Старая Рязань.

IV. Русские княжеские печати X—XI веков

42. Интереснейшая из печатей древнейшего периода русской сфрагистики, найденных в Новгороде, обнаружена, к сожалению, не при систематических раскопках, а после их окончания, во время перерыва на зиму. Она была вымыта дождями из заполнения сруба 19-го строительного яруса (1-я четверть XII в.) и поднята уже по окончании археологических работ.

Эта печать, в силу ее исключительного научного значения, послужила предметом спе-

циального издания², поэтому в настоящем обзоре вновь найденных памятников сфрагистики мы ограничимся кратким ее описанием и определением.

В отличие от всех русских и византийских вислых печатей, в том числе и наиболее древних, отгиснутых на специально приготовленных круглых металлических болванках, вновь найденная печать по своей форме вполне уникальна. Ее матрицы отгиснуты на свинцовом бруске толщиной до 11 мм, неаккуратно обрубленном. Ширина бруска — 38 мм, длина — 24—30 мм. Форма лицевой и оборотной поверхностей печати, из-за небрежности обрубки бруска, трапециевидна. Оттискивание матриц произведено с большим нажимом, поэтому кружки печати значительно углублены, сравнительно с поверхностью бруска. Толщина печати в ее средней части достигает только 8 мм.

На обрубленных краях бруска хорошо видны остатки сквозной щели. Форма ее сечения, необычная для всех известных к настоящему времени свинцовых печатей, говорит об отличающемся от обычного в древней Руси способе прикрепления публикуемой печати к грамоте. Печать была подвешена к грамоте не на шнурке, а на кожаном ремешке. Остатки ремешка различимы в щели канала.

Необычная форма печати вполне сочетается с необычным характером штемпелей обеих ее сторон (табл. V).

Л. С. Изображение княжеского знака в «парадном варианте»; вокруг — надпись: *ИЗАС. . ОЗО;* все изображение заключено в точечный ободок.

О. С. Остатки круговой надписи; вокруг — точечный ободок.

Основой датировки новой печати послужил изображенный на ней княжеский знак, который находит свое место в эволюционном ряду знаков ближайших потомков Владимира Святославича.

Чтение надписи лицевой стороны позволяет точно определить эту печать как принадлежавшую старшему сыну Владимира Святославича — Изяславу, который жил в последней трети X в. (умер в 1001 г.) и княжил в Полоцке.

¹ См., например, Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VIII (ряд изображений).

² В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века, стр. 39—46.

Ближайшие аналогии вновь найденной печати обнаруживаются в характере и изображениях древнейших русских монет Владимира Святославича и Святополка Окаянного. Поэтому рассматриваемая печать имеет исключительное значение не только для изучения русской сфрагистики, но и для изучения русской нумизматики древнейшего периода. Общий характер типа печати, близкого типу русских монет X в., но не получившего развития в сфрагистике XI в., демонстрирует характер русских печатей древнейшего периода, до сих пор совершенно не представленного находками. Сходство отдельных элементов древнейших русских монет с отдельными элементами древнейших печатей уже отмечалось в русской сфрагистической литературе¹. Вновь найденная печать подтверждает эти наблюдения и еще больше увеличивает сходство монет и печатей. Можно с большей уверенностью говорить о заимствовании типа древнейших русских монет с древнейших русских печатей. А этот последний вывод превращает серебряники и златники Владимира, Святополка и Ярослава в один из серьезных вспомогательных источников изучения древнейшей русской сфрагистики.

Эта интереснейшая печать была обнаружена в слое I-й четверти XII в. Стратиграфическая ее датировка, таким образом, значительно отличается от установленной нами даты ее изготовления. Следует отметить, что вопрос о принадлежности древнейших русских серебряников с именем и знаком Владимира, которые явились для нас опорой датировки печати Изяслава, до сих пор оставался спорным. Мнение А. В. Орешникова о том, что серебряники Владимира принадлежали Владимиру Мономаху, разделяется многими археологами и историками. Стратиграфические условия находки нашей печати, казалось бы, должны подтверждать это мнение. Однако при раскопках 1954 г. была сделана одна интереснейшая находка, которая, по нашему мнению, окончательно решает спор о принадлежности серебряников и подтверждает принятую в настоящей публикации датировку печати Изяслава.

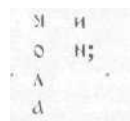
В квадрате 790 на уровне пласта 30 в непо потревоженном слое 25-го строительного

ИИ И. Толстой. Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике. Труды II АС, М., 1892.

яруса, который относится к самому началу XI в., была обнаружена биллоновая трапециевидная привеска с изображением княжеского знака в парадном варианте, во всех деталях совпадающего со знаками серебряников Владимира (табл. V, А). Это пятая находка трапециевидной подвески с изображением княжеского знака. Одна подвеска была найдена в Киеве¹; другая — в Белгороде², третья, отлитая в той же форме, что и белгородская, — в Киеве³, четвертая — в НОЕ-городе на Городище⁴, пятая, костяная (все предыдущие — медные) — на Смоленщине⁵. Только вновь найденная подвеска несет знак, представляющий детальную аналогию знакам серебряников. Это первая находка княжеского знака «в парадном варианте», сделанная в хорошо датированном слое, а дата этого слоя совпадает со временем правления Владимира Святославича.

43. Пласт 25, квадрат 422. Круглая свинцовая печать диаметром 30 мм. Матрицы штампов меньше заготовки печати, их диаметр — 21—22 мм (табл. V).

Л. С. Поясное изображение св. Николая Мирликийского в святительских ризах, в левой руке святого — евангелие, правая — у груди; по сторонам негативная надпись:

вокруг — точечный ободок.

О. С. Человеческая фигура в рост; в правой руке — шестиконечный крест, украшенный на концах точками, крест упирается в подножие; левая рука протянута для благословения; на голове княжеская шапка, нимб отсутствует. Вокруг изображения — точечный ободок.

Печать обнаружена в слоях 23—24-го ярусов (1-я половина XI в.).

¹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIII, /.

² Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., стр. 239, рис. 33, 34.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. LIV, 4.

⁴ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., стр. 239, рис. 37.

⁵ Там же, стр. 239, рис. 38.

Экземпляр, изготовленный описанными матрицами, обнаружен впервые. Однако очень близкая аналогия ему известна в литературе давно, и благодаря этой аналогии новая печать определяется сравнительно легко.

Указанная аналогия происходит из Киева и была подробно изучена Н. П. Лихачевым. Киевская печать значительно превосходит вновь найденную по размерам (ее диаметр равен 37—40 мм) и по тщательности изготовления. Если на новгородской печати обе стороны даны в негативном варианте, киевская находка изготовлена вполне правильно. Фигура князя на ней не статична, а лицо и одежда св. Николая переданы с большой тщательностью и сохранением мелких подробностей, чего нет на новгородском экземпляре. Вообще оба экземпляра отличаются в основном тем, что новгородский исполнен рукой ремесленника, в то время как в киевском чувствуется рука художника. Если же говорить о типе печатей, то, несомненно, обе они одновременны и принадлежат одному князю.

Имя князя устанавливается по одной подробности киевского экземпляра, отсутствующей на новой печати из Новгорода. Слева от изображения князя там хорошо читаются буквы СБА, перекрытые титлом. Эти буквы свидетельствуют о принадлежности печати князю, носившему имя Святополк или Святослав. Привлекая все известные сочетания этих языческих имен с христианским именем Николай, Н. П. Лихачев останавливается на двух Святославах-Николаях: Святославе Ярославиче, родоначальнике черниговских князей (1026—1076 гг.), и Святославе Ольговиче, князе черниговском (упоминается в 1111 г., ум. в 1164 г.). Н. П. Лихачев колебался в окончательном отнесении печати к одному из этих князей, но все же предпочтение отдавал Святославу Ольговичу. Руководствовался он при этом следующим теоретическим основанием.

Размер печати с изображением Николая настолько велик, что не мог не вызвать среди других князей соревнования и остаться незамеченным. Между тем пресловутая пе-

чать Мстиславовой грамоты мала и не обнаруживает никаких следов влияния печатей типа киевского моливдовула. «Невольно возникает мысль, — писал Н. П. Лихачев, — что печать Николая — случайное проявление княжеской гордыни, завершение притязаний на сфрагистическую пышность, когда ей некому было подражать»¹. То, что печать Николая прошла незамеченной и не оставила следов в дальнейшем развитии русской сфрагистики, Н. П. Лихачев объясняет существовавшей с середины XII в. фактической оторванностью южной Руси, родины печати Николая, от северной Руси, истинного поля развития русской сфрагистики.

Ошибочность этого определения объясняется неправильным определением печати Мстиславовой грамоты, о чем уже говорилось выше, и тем, что Н. П. Лихачев при изучении печати Николая прошел мимо тех существенных элементов ее изображений, которые восходят к древнейшему периоду русской сфрагистики. Именно изображение светского князя с крестом не находит никаких аналогий в памятниках русской сфрагистики, как XII в., так и XI в., уходя корнями в более раннее время. Ближайшие и наиболее точные аналогии ему отыскиваются в изображениях на киевских серебряниках Владимира Святославича.

Для бесспорного определения печатей Николая с изображением светского князя важна стратиграфическая дата новгородской находки. Она относит печать к I-й половине XI в., что хорошо соответствует сохранению на ней отмеченных древнейших элементов. Благодаря стратиграфической датировке мы можем с уверенностью относить оба экземпляра этих печатей ко времени Святослава Ярославича (1026—1076 гг.).

44. Пласт 25, квадрат 433. Круглая свинцовая печать диаметром 22—24 мм (табл. V).

Печать сильно помята, полностью сохранилась лишь средняя (по вертикали) часть шириной 11 мм. Обнаружена печать в слоях 23 и 24-го ярусов (1-я половина XI в.).

Л. С. Погрудное изображение безбородого святого, повидимому, воина. Надпись: по сторонам изображения сбиты.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 118—122, рис. 63; его же. Сфрагистический альбом, табл. XXX, 3.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 120.

О. С. Четырехстрочная греческая надпись:

κεΡθ|αωΔ...|ριμω...|ιης.

По типу печать принадлежит к числу наиболее характерных для XI в. так называемых «греко-русских» печатей. К настоящему времени известны печати того же типа Ярослава Владимировича¹, Мстислава Владимировича², Вячеслава Ярославича³, Всеволода Ярославича⁴ и ряд других, более отличных вариантов. Значительная испорченность надписи вновь найденного экземпляра не позволяет читать ее с уверенностью, тем более, что эта печать вполне уникальна. Однако мы решаемся восстанавливать надпись в следующем виде:

κ(Υρι)ε·κ(ση)θ(ει)·το·αω·Δ[ογλο]·ρομ(αν)ω[βορ]-
ιης... —

«Господи, помози рабу своему Роману-Борису»

и относить печать к сыну Владимира Святославича Борису, носившему в крещении имя Роман (упоминается в 980 г., убит в 1015 г.). Изображение этого святого, повидимому, и является сюжетом лицевой стороны вновь найденной печати.

Если наше чтение правильно, то новая печать представляет значительный интерес для истории русской сфрагистики, являясь первой по древности печатью после обнаруженной при новгородских раскопках и описанной выше печати Изяслава Владимировича.

45. Пласт 27, квадрат 821. Круглая свинцовая печать диаметром 23—25 мм (табл. V).

Л. С. Изображение полностью сбито.

О. С. Надпись в четыре строки:

...θ...|...αω...|...ρομ...|...βο...

Печать дважды пробита в верхней части. Обнаружена она в слое 20-го яруса (начало XII в.).

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 154—156.

² Там же, стр. 156—158; Д. И. Блѣфельд. Ук. соч., стр. 102—110.

³ В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича, стр. 150—152.

⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 146—154

Остатки надписи оборотной стороны позволяют установить, что эта печать аналогична предыдущей, но отличается от нее по матрицам.

* * *

Последнюю из найденных в Новгороде печать мы рассматриваем особняком в силу значительной трудности отнесения ее в тот или иной разряд княжеских печатей.

46. Пласт 22, квадрат 15. Круглая свинцовая печать диаметром 27 мм (табл. V).

Л. С. Изображение св. Лазаря в рост с евангелием и свитком в левой руке; по сторонам — надписи:

ο λα
Δ Ζ
ΓΙ ο
ο ρλ;
S

вокруг — точечный ободок.

О. С. Изображение св. Василия в рост с евангелием и свитком в левой руке; по сторонам — надписи:

ο κδ
Δ ε
ΓΙ Η
ο λ
S ωι;

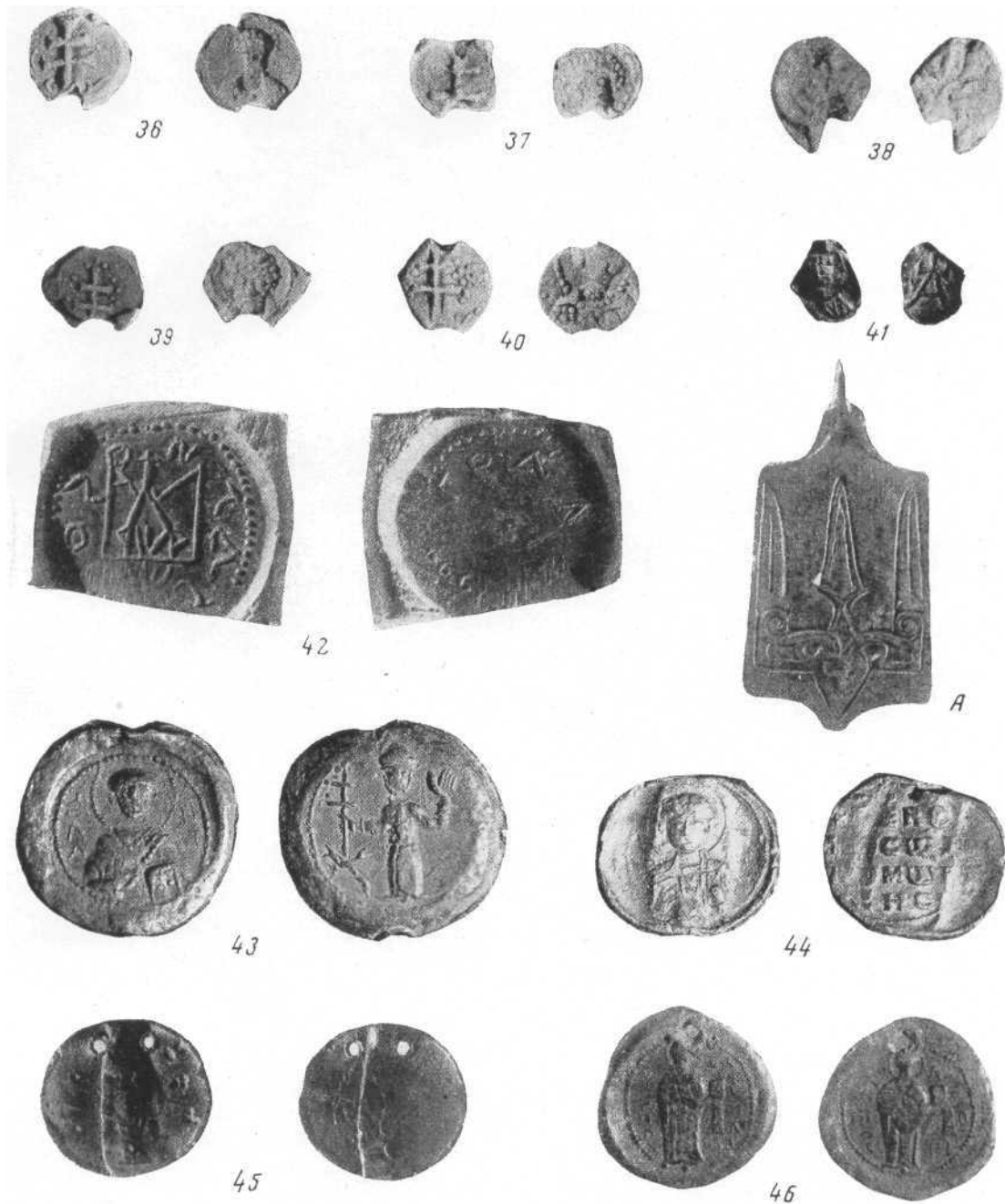
вокруг — точечный ободок.

Печать пробита в верхней части небольшим отверстием. Найдена она в слое 17-го яруса (2-я половина XII в.).

Публикуя эту печать впервые¹, мы ошибочно определили ее временем новгородского князя Ярослава Владимировича, действовавшего в последней четверти XII в. Уточнение стратиграфии новгородского культурного слоя при дальнейших раскопках позволило пересмотреть дату печати Лазаря и Василия. По всей вероятности, ее можно относить к началу XII в. К стратиграфическому указанию залегания этой печати следует прибавить некоторый период вторичного ее использования, при котором она была пробита для ношения на шее. П. И. Засурцев обратил внимание на то, что печать с изображением Лазаря и Василия

¹ В Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г., стр. 379, 380, № 7.

Таблица V

Печати.

36—41 — печати-пломбы рубежа XI—XII вв.; 42— печать князя Изяслава Владимировича; 43 — печать князя Святослава Ярославича; 44—45 — печати князя Бориса Владимировича; 46 — печать с изображением Василия и Лазаря; А — подвеска с изображением знака Владимира Святославича.

обнаружена в ярусе, ближайшем к ярусам с грамотами № 9 («От Гостяты к Васильви») и № 86 («Лазорь»), и на территории одной усадьбы с последними. Можно думать, что вторичное использование печати связано с одним из этих лиц, употребившим ее в качестве образка с изображением святых — патронов, своего и отцовского.

Что касается типовых особенностей публикуемой печати, то она обнаруживает явные черты перехода от печатей XI в. к печатям, характерным для XII в. Если по характеру изображений (святые на обеих сторонах) она принадлежит к XII в., то по манере исполнения, художественному стилю, особенностям заготовки (округлые, припухлые края) она тяготеет к печатям XI в.

Опираясь на то, что на печати изображен св. Василий, мы решаемся предварительно относить эту печать к одному из сыновей Владимира-Василия Мономаха, христианские имена которых в большинстве неизвестны.

Подводя итоги предварительного изучения новых сфрагистических материалов Новгородской экспедиции, следует прежде всего отметить, что публикуемые находки древнерусских печатей составляют значительный вклад в русскую сфрагистику. Весьма показательно, что из 46 вновь обнаруженных печатей 31 впервые вводится в научный фонд, а из этих последних многие являются исключительными по своему значению уникалами.

Массовость сфрагистических находок при планомерных раскопках, — а археологам впервые пришлось столкнуться с этим явлением, — ввела в сфрагистику новый и заслуживающий всяческого внимания прием датировки печатей по данным стратиграфии. Как видно из настоящей статьи, этот прием позволил проверить некоторые хронологические определения важных памятников сфрагистики и предварительно датировать отдельные печати, найденные впервые.

Однако значение новых находок выходит далеко за пределы внутренних интересов сфрагистики.

Прежде всего печати являются прекрасными памятниками, датирующими слой.

Даже в том случае, если датировка печати произведена по ее залеганию, в дальнейшем такая печать превращается в датирующий памятник. При массовости находок печатей в Новгороде они уже превратились в один из основных элементов датирования строительных ярусов. Отдельные печати, разумеется, могут бытовать в течение продолжительного периода после их изготовления, однако комплексы единовременных печатей дают довольно точную дату. В связи с этим заслуживает внимания приведенное в табл. 2 распределение публикуемых печатей по ярусам.

Значительный интерес должны представлять наблюдения над общими закономерностями развития древнерусской сфрагистики, тем более что эти наблюдения могут быть сделаны на публикуемом материале.

Разбивая весь материал на группы, по которым он излагается в настоящей статье, легко заметить, что значение этих групп не исчерпывается только хронологическими отличиями входящих в них печатей или отличиями только по их назначению. Гораздо важнее типическое своеобразие каждой из этих групп. Очень легко убедиться в том, что это своеобразие вызывается принципиальными причинами.

Действительно, печати XI в. отличаются от княжеских печатей XII в. не только своеобразием их типов, но в первую очередь тем, что они являются атрибутами княжеской власти иного характера, нежели власть владельцев печатей XII в.

Сравнивая топографию находок печатей раннего времени с топографией находок печатей XII в., мы можем утверждать, что княжеская и великокняжеская печати на протяжении XI в. представляют собой явление, распространенное в древней Руси повсеместно. Это характерно до такой степени, что даже в новых новгородских находках, восходящих к этому периоду, мы обнаруживаем печати князей Полоцка (Изяслав), Чернигова (Святослав), Ростова (Борис). Подражание византийским образцам, которое проявляется в популярности печатей так называемого «греко-русского» типа, и распространенность обычая пользоваться вислой печатью свидетельствуют, повидимому, о том, что печать в это время рассматривается как один из обязательных атрибутов княжеской власти.

Таблица 2

№ яруса	№ печати по описанию	Дата печати	Дата яруса	№ яруса	№ печати по описанию	Дата печати	Дата яруса
3	13	1415—1421 гг.	XV в.	14—15	30	Середина XII в.	XIII в.
4	5 20 21 25	1422—1437 гг. Середина XV в. 2-я половина XIV в. 1389—1425 гг.		15	35	1154—1157 гг.	
4—5	6 23	Начало XV в. Середина XIV в.		16	28	1177—1181 гг.	
5	1 4 7 12 26	1418—1421 гг. 1439—1456 гг. 2-я четверть XV в. 1415—1421 гг. 1389—1425 гг.		16—17	31	Середина XII в.	
5—6	22	Рубеж XIV и XV вв.		17	32 33 46	2-я половина XII в. То же Начало XII в.	
7	8 15 18	1371—1392 гг. Середина XIV в. Последняя треть XIV в.		18	—	—	XII в.
8	19	XIV в.		19	36 37 38 39 40 42	Начало XII в. То же » » » » » » Конец X в.	
9	17	Середина XIII в.		XIV в.	20	41 45	Рубеж XI—XII вв. Рубеж X—XI вв.
10	—	—			21	—	—
11	—	—		XIII в.	22	—	—
12	10	Середина XIII в.	23		—	—	XI в.
12—13	29	1178—1181 гг.	23—24		43 44	1026—1076 гг. Рубеж X—XI вв.	
13	9	Середина XIII в.	25	—	—		
14	24 34	1-я половина XIII в. XII в.	26	—	—		
			27	—	—	X в.	
			До ярусов	—	—		

С упадком значения князя, вполне проявившимся к концу XI в., княжеская печать стремительно деградирует, превращаясь в крохотную пломбу, которую вряд ли можно рассматривать иначе, чем пережиток старого обычая пользоваться печатью как атрибутом власти. Дальнейший путь вырождения княжеской печати превращает ее в товарную пломбу. Отметим, что этот процесс одинаково характерен для всей территории древней Руси, так как товарные пломбы обнаружены в большом количестве пунктов, в том числе во всех пунктах, известных находками обычных печатей XI в.

Повидимому, на этом и прекратилась бы история древнерусских вислых печатей, если бы вслед за упадком рубежа XI и XII вв. не наступил своеобразнейший расцвет сфрагистики, связанный исключительно с Новгородом и, по сути дела, не выходящий за пределы последнего на протяжении всего XII в. Большой интерес представляет дата начала этого расцвета. Сама по себе эта дата настолько важна, что требует специального тщательного исследования всех печатей первой половины XII в. Однако предварительно установить ее можно на основе того материала, который к настоящему времени более или менее изучен. Массовое появление печатей нового типа (святые на обеих сторонах), ставшего традиционным типом княжеских печатей XII—XIII вв., начинается со времени княжения Всеволода-Гавриила Мстиславича, княжившего в Новгороде в 1117—1136 гг.

Этот период интересен тем, что именно в княжение Всеволода начинается активная борьба новгородцев с князьями за городские права, которая очень быстро приводит к ограничению княжеской власти и ставит князя

в сложные отношения с вечем и другими органами городского управления. Печать из атрибута высшей государственной власти превращается в принадлежность одного из должностных лиц Новгородской республики. Нужно думать, что новым, измененным положением князя и вызван неожиданный расцвет княжеской сфрагистики в Новгороде. Князь обязан был иметь печать для того, чтобы его распоряжения могли контролироваться органами республиканского управления. Просматривая огромный сфрагистический материал XII в., мы почти не находим в нем печатей, которые с достоверностью можно было бы отнести к князьям, никогда не княжившим в Новгороде.

С уничтожением значения князя в Новгороде в конце XIII в. княжеская печать снова деградирует, но на ее место приходят многочисленные печати самых разнообразных должностных лиц новгородской администрации.

Происходящий в этот период процесс возвышения великих княжеств в течение некоторого времени сохраняет печать тверских великих князей, игравших в XIII в. заметную роль в истории Великого Новгорода и автоматически перенесших княжескую печать за его пределы, в Тверь, и приводит к появлению печати московских великих князей. Эта последняя, однако, является печатью принципиально нового типа. Появившиеся на ней подробные строчные надписи впервые официально провозглашают идею объединения Руси под главенством Москвы. Образованием московской печати завершается эволюция вислой печати как атрибута личной княжеской власти и начинается эволюция государственной печати Московской Руси.

ДО.Л. Шапова

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Настоящая работа ставит своей целью классификацию и датирование бус из новгородских раскопок 1951—1954 гг.

Количество стеклянных бус, добытых в результате раскопок на Неревском конце в Новгороде (их около полутора тысяч), четкое деление культурного слоя на ярусы, позволяющее научно подойти к датированию бус, делает эти задачи конкретными и своевременными.

В имеющейся небольшой литературе, посвященной специально бусам¹, датирование бус производится по датам вещей и слоев, в которых бусы встречаются. В Новгороде слои членятся на ярусы, находки точно привязываются к ярусам, что позволяет разделить материал хронологически точнее, чем это сделано на других памятниках.

Даже беглого взгляда достаточно для того, чтобы отметить многообразие вариантов форм и размеров стеклянных бус, многообразие сортов и цветов стекла. Есть бусы синие, зеленые, желтые различных оттенков, редко — белые, красные, голубые. Стекло бус прозрачное, полупрозрачное, непрозрачное (см. табл. I и II в конце статьи).

Разнообразие форм бус почти бесконечно, так как, кроме основных типов, существует ряд переходных; помимо того, имеется целый ряд экземпляров, форма которых настолько нечеткая, что не поддается никакому определению.

¹ Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладogi. СА, XIV, 1950; А. С. Боброва. Бусы из Афрасиаба. КСИИМК, XXX, 1949; И. В. Пташников. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952.

В основу классификации бус положен принцип, предложенный А. В. Арциховским², — по поперечному и продольному сечению. Поперечное сечение определяет отдел (круглые, ребристые, многоугольные и т. д.), продольное — тип (шарообразные, зонные, цилиндрические, призматические и т. д.). В отдельные типы пришлось выделить бусы, поверхность которых украшена рельефным или гладким узором.

За классификацией последовало распределение каждого типа по ярусам, что дает возможность отмечать особенности в форме бусин, возникающие с течением времени по мере развития типа. После этого мы обратились к статистическому изучению материала. Оказалось, что ярусы по-разному насыщены им. Колебания количества бус, найденных в одном ярусе, огромны — от 3 до 164 экземпляров. Увеличение количества бус сверху вниз очевидно (от 3 до 164 экземпляров). Рост числа бус идет не плавно, а через падения и подъемы (на уровнях 10—15-го ярусов бус значительно меньше, чем в соседних), но тенденция роста числа бус выражена достаточно ярко.

Датирование начнем с выделения из общего числа бус нескольких типов, даты которых определены: «лимонки» IX—X вв.², золоченые бочонковидные XI в.³, сердоликовые бипирамидальные⁴.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

² А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 58.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 145.

⁴ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. ТСА РАНИОН, М., 1928.

«Лимонки» в Новгороде распространены с 28 до 25-го яруса, бочонковидные золоченные — в 26—21-м ярусах, сердоликовые бипирамидальные — в 21—16-м ярусах. Таковы наши первые хронологические ориентиры. Наша задача теперь состоит в том, чтобы проследить развитие каждого типа и выделить, если можно, хронологические

признаки его развития. А. А. Спицын отмечал, что «бусы весьма определенно изменяются по времени, согласно требованию моды и, без сомнения, сделаются прекрасным пособием при определении хронологии погребений, а отсюда и предметов древности, но пока они сами с трудом подчиняются хронологическому определению»¹.

ОТДЕЛ I. КРУГЛЫЕ БУСЫ

Тип 1. Шарообразные бусы (41экземпляр)

Размеры бус различны: от 5 до 15 мм в диаметре. Цвет бус синий, желтый, зеленый, черный, белый, оранжевый, красный.

Внутри типа можно выделить варианты. В основу этого деления положены особенности формы, цвет, размеры.

Вариант 1 (10 экземпляров). Бусы имеют геометрически правильную форму, состоят часто из двух полушарий, линия соединения полушарий заполирована. Две бусины, вероятно, фарфоровые; они непрозрачны, покрыты глазурью. Цвет бус розовый, оранжевый, голубой, зеленый, красный. Стекло зеленое и красное, непрозрачное, имеет примесь, дающую белые разводы неопределенного рисунка по поверхности. Диаметр бус — 5—7 мм. Эти бусы известны из слоев, лежащих выше 1-го яруса и датируются, таким образом, XVII—XIX вв.

Вариант 2 (24 экземпляра). Форма бус шарообразная, лишь с некоторыми небольшими отклонениями от шара. Размеры бус этого варианта колеблются от 8 до 15 мм в диаметре. Цвет бус синий, желтый, зеленый, голубой, коричневый.

Бусы этого варианта известны в слоях 9—21-го ярусов; они непрерывно существуют в период 14—21-го ярусов. Наибольшее число бус (18 из 24) приходится на 17—21-й ярусы (см. ниже табл. 1).

Аналогиями этому варианту могут служить бусы из курганов вятичей¹, петербургских курганов², курганов Тверской и Ярославской губерний³; одна бусина из-

вестна из Старой Рязани² и Старосотенского могильника Тамбовской области³. Аналогии описываемых нами бус датируются следующим образом.

Комплекс из Петербургского кургана у дер. Лемовжа, Ямбургского уезда, датируется трехпроволочным браслетом XII в.⁴ Однако из инвентаря кургана у дер. Лемовжа известна только одна вещь XII в. — трехпроволочный браслет⁵, остальные же вещи — многобусинные и ромбоштитковые височные кольца, ложновитые браслеты с расплюснутыми концами, сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные бусы — нужно датировать XII в. и моложе. Культурный слой Старой Рязани датируется домонгольским временем, т. е. XI в. — 30-ми годами XIII в. У вятичей эти бусы датируются XII—XIII вв.⁶

Таким образом, вариант крупных шарообразных бус из древнерусских курганов и из Старой Рязани датируется XII—XIII вв., но может, вероятно, встречаться в конце XI в. и начале XIV в.

Статистика шарообразных бус варианта 2 по ярусам следующая (табл. 1).

По новгородской стратиграфии 14—21-й ярусы датируются концом XI в.—началом XIII в.

Из табл. 1 следует, что крупные шарообразные бусы характерны для Новгорода

¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, стр. 21.

² Коллекция ГИМ, № 58603, раскопки Городцова.

³ Коллекция ГИМ, № 79850, раскопки Алиховой.

⁴ Дата трехпроволочных браслетов установлена по новгородской стратиграфии. См. М. В. Седова. Ювелирные изделия Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2.

⁵ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ....

⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 140.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 30.

² Коллекция ГИМ, № 35322; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, 1903.

³ Коллекция ГИМ, № 45133, раскопки Гендуны; № 80135, раскопки Ушакова.

в конце XI—XII вв.; в XIII в. они редки, хотя и существуют до конца века.

Условно к типу шарообразных бус отнесены 7 экземпляров бус, близких по форме

высота — 9 мм. Цвет бус густосиний (90 экземпляров) и яркосиний (23 экземпляра); стекло бус прозрачное, полупрозрачное и непрозрачное.

Таблица 1

Ярус	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й
Количество	0	1	1	0	1	0	1	1	1	3	4	5	1	5	0

к шару, но не имеющих четкой формы и размеров. Стекло всех бус прозрачное, яп-

Синие зонные бусы различаются между собой по форме: большая часть бус (90 из

Таблица 2

Ярус	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й
Синий.									1		2	2	4
Желтый.				1	1	1	2	1	1	—	3	7	6
Зеленый.					1							1	4
Фиолетовый.		1											
Голубой.													
Красный.													
Белый.													

ких цветов. Бытовали они недолго: в течение времени существования 5 и 6-го ярусов. Они составляют особую группу, которая не связана ни с бусами XII в., ни с бусами XVII в. в силу большого хронологического разрыва между ними. Эта группа не может быть признана характерной, ни, — тем более, — датирующей для XV в., так как выделить данную разновидность шарообразных бус можно только методом исключения; самостоятельных признаков она не имеет.

Тип 2. Зонные бусы (273 экземпляра)

Диаметр бус — 5—18 мм, высота — от 2—4 до 9 мм. Цвет бус синий, желтый, зеленый, голубой, красный (8 экземпляров), белый (3 экземпляра).

С учетом цвета бусы распределяются по ярусам следующим образом (табл. 2).

Этот тип бытует почти непрерывно, исключение составляют 1,3 и 10-й ярусы.

Синие зонные бусы (113 экземпляров). Диаметр бус — 6—8 мм, высота — 2—4 мм; у одной бусины диаметр 18 мм,

113) имеет форму, приближающуюся к цилиндрической, но высота их обычно меньше диаметра, внешние стенки слегка выпуклы; это позволяет называть их зонными, а не цилиндрическими (первый вариант). Цвет всех этих бус густосиний, стекло часто непрозрачное.

23 экземпляра бус имеют классическую зонную форму (второй вариант). Цвет бус яркосиний, стекло прозрачное.

Синие зонные бусы широко распространены на территории древней Руси: они известны из Петербургской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Черниговской, Вятской, Московской, Калужской и Витебской губерний.

Первому варианту синих зонных бус соответствуют бусы из Приладожья¹, из курганов у с. Прудянка², Смоленской губернии, из курганов у дер. Посад, Тверской губернии³, из погребения № 85 Муранского мо-

¹ Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья, МАР, № 18, СПб., 1895, табл. XIV, 22.

² Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Горбачева.
³ Хранится в ГИМ, № 39/166.

гильника¹, из Гнездовских курганов², из погребений, открытых под Десятинной церковью в Киеве³, из Старой Ладogi⁴.

Второму варианту синих зонных бус соответствуют яркосиние прозрачные бусы из курганов и погребений Петергофского, Ямбургского, Царскосельского уездов Петербургской губернии⁵, Витебской⁶, Могилевской⁷, Рязанской⁸, Тверской⁹, Ярославской¹⁰, Московской губерний¹¹.

Аналогии первому варианту бус известны из памятников X—XI вв., например, курганов Гнездова и Приладожья и т. д. (см. выше).

2 экземпляра таких бус (в 18-м ярусе). Статистика заставляет считать этот тип бус характерным для X—XI вв. Четкая верхняя граница во времени существования этих бус позволяет признать их устанавливающими дату X—XI вв. для древнерусских памятников.

Бусы, аналогичные второму варианту синих зонных бус, ни разу не обнаружены в памятниках X—XI вв. У вятичей они встречаются в XII в., в других памятниках (см. выше) — в комплексах XII в. и более поздних. Таким образом, яркосиние зонные бусы могут служить признаком XII в. и мо-

Таблица 2 (продолжение)

14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже	Итого
2	6	4	2	2			4	1	3	7	6	17	13	16	21	113
7	9	6	2	8	2	4	—	—	—	2	1	—	—	—	1	65
4	1	4	3	3	4	1	4	1	3	1	6	8	0	4	3	61
2	2	1	7	1	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19
—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4
—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	1	1	2	—	1	1	8
—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3

По ярусам они распределяются следующим образом (табл. 3).

Основная масса (78 экземпляров) приходится на 21—28-й ярусы, датируемые X—XI вв.; из слоев XII в. известны только

ложе. По ярусам эти бусы распределяются так (табл. 4).

Ниже 17-го яруса ни одной бусины этого типа нет.

Статистика убедительно свидетельствует о том, что признаком XII в. и позже эти бусы служить могут; небольшое же число бус не дает возможности говорить о характерности данного типа для XII—XIII вв. По новгородской стратиграфии эти бусы нужно датировать XII в.—серединой XIII в. В 3, 4 и 9-м ярусах найдено по одной синей зонной бусине, близкой к зонным бусам, но их так немного (3 экземпляра), находки их разобщены, и они настолько потеряли свою форму, что объединять их в один типологический ряд с бусами 12—14-го ярусов не следует.

Желтые зонные бусы (65 экземпляров). Диаметр бус — 5—16 мм, высота — 3—9 мм. Цвет бус от яркожелтого до желто-зеленого. Стекло прозрачное. Среди желтых бус, к сожалению, нельзя определить какие-либо закономерности в изменении цвета и формы, как это можно было сделать для синих зонных бус. Зонные желтые

¹ Коллекция ГИМ, № 35180, раскопки Поливанова.

² Коллекция ГИМ, № 44577, раскопки Сергеева; В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., МАР, № 28, 1902; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках Сергеева. ИАК, № 15, 1905.

³ Л. А. Голубева. Киевский некрополь, МИА, № 11, 1949, стр. 111.

⁴ Ф. Д. Гуревич. Ук. соч.

⁵ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского; А. А. Спицын. Курганы Петербургской губ. . . табл. XIII, 9.

⁶ Коллекция ГИМ, № 43923, раскопки Шепелевича; Л. Ю. Шепелевич-Лазаревич. Извлечения из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, № 6, 1904, табл. II, 66.

⁷ Коллекция ГИМ, № 22843, раскопки Сизова.

⁸ Коллекция ГИМ, № 78606, раскопки Нефедова.

⁹ Коллекция ГИМ, оп. № 577, раскопки Гендуне, оп. № 991, раскопки Ушакова.

¹⁰ Коллекция ГИМ, № 15915—16081, раскопки Ушакова.

¹¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 30.

Таблица 3

Ярус	До 18-го	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество	0	2	0	0	4	1	3	7	6	17	13	16	21

Таблица 4

Ярус	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й
Количество	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	2	4	2	6	4	2

бусы были широко распространены в древней Руси. Аналогичные находки известны из курганов и погребений Петербургской¹, Калужской², Смоленской³, Черниговской⁴, Витебской⁵, Ярославской⁶, Тверской⁷ и Рязанской⁸ губерний.

В этих комплексах бусы с вещами старше XII в. не встречены ни разу (из 123 известных нам случаев). По вятическим древностям этот тип датируется XIII—XIV вв.⁹ Следовательно, тип зонных яркожелтых бус прозрачного стекла можно датировать XII—XIV вв.

По ярусам бусы распределяются таким образом, что основная их масса — 54 из 65 — сосредоточена в 11—20-м ярусах (см. табл. 2); находки бус непрерывны.

Именно на период существования 11—20-го ярусов приходится все разнообразие вариантов форм и цвета зонных желтых бус. По новгородской стратиграфии это XII—XIII вв.

Ниже 20-го яруса найдены 4 бусины этого типа. Находки единичны, отстоят друг от друга на большом расстоянии во времени; их разделяют два, а иногда три яруса. По-

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Иванковского; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. . . . табл. XIII, 17.

² Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 г. М., 1903, табл. VIII, 18, 23; коллекция ГИМ, № 25778, раскопки Булычева.

³ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Спицына и Эйбоженко.

⁴ Коллекция ГИМ, № 32884, раскопки Еременко.

⁵ Коллекция ГИМ, № 15915—16081, раскопки Ушакова.

⁶ в Указателе ГИМ, 1893, стр. 161, № 1182, 1183, раскопки Кусинского.

⁷ Коллекция ГИМ, № 45133, раскопки Гендуне.

⁸ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Нефедова. "А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 140.

этому такие бусы следует считать случайно или при перекопах попавшими в более древние слои. Семь бусин, найденных выше 10-го яруса, распределяются по 1—2 экземплярам в 6 ярусах; существование их непрерывно. По новгородской стратиграфии это XIV в. — начало XV в.

Итак, зонные желтые бусы прозрачного стекла существуют непрерывно в течение XII—XIV вв. Наиболее характерны они для XII—XIII вв.

Зеленые зонные бусы (61 экземпляр). Диаметр бус — 3—7 мм, высота — 2—5 мм. Цвет бус — от светлого до яркого зеленого. Стекло бус прозрачное, полупрозрачное, непрозрачное. Учитывая оттенки цвета и прозрачность стекла, среди зонных зеленых бус можно выделить 3 варианта:

1. Светлозеленые бусы полупрозрачного стекла (13 экземпляров). Найдены в 26—28-м ярусах; выше бусы, изготовленные из стекла такого сорта, не встречаются.

2. Все темнозеленые непрозрачные бусы (19 экземпляров) сосредоточены в 21—27-м ярусах. Ни ниже, ни выше подобных бус нет.

3. Бусы яркого зеленого прозрачного стекла (29 экземпляров). Находки сосредоточены выше 21-го яруса, исключение составляет 1 экземпляр такой бусины в 28-м ярусе.

Зеленые зонные бусы в курганах встречаются реже зонных желтых. Первому варианту зеленых зонных соответствуют бусы из Гнездова¹, Приладожья², одна бусина

¹ Коллекция ГИМ, № 44577, раскопки Сергеева. А. А. Спицын. Гнездовские курганы..., стр. 43, курган № 63.

* Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. XIV, 1/.

известна из кургана близ дер. Прудянка, Смоленской области¹, из комплекса с лимонными бусами. Гнездовские и Приладожские курганы датируются X в. Ни разу этот вариант типа не встречен без вещей X в. Это нас убеждает, что в древней Руси этот тип бус был известен только в X в., а затем исчез. Четкая верхняя хронологическая граница позволяет считать вариант светлозеленых полупрозрачных бус признаком X в.

Второй вариант бус не имеет себе аналогий среди древнерусских курганных инвентарей.

Третьему варианту зонных зеленых бус — яркозеленых, светлозеленых, желто-зеленых прозрачного стекла — соответствуют бусы из курганов Петербургской², Смоленской³, Черниговской⁴ и Калужской губерний⁵. Бусы этого варианта встречены в комплексах XII—XIII вв. Вещи старше XII в. с этими бусами не встречены ни разу, поэтому зонные зеленые прозрачные бусы можно датировать XII в. и моложе.

Различные оттенки синего, зеленого и желтого цветов не исчерпывают всего разнообразия цветов стекла, из которого изготовлены зонные бусы. Есть бусы, изготовленные из фиолетового стекла (19 экземпляров). Находки их сосредоточены на уровне 14—20-го ярусов (см. табл. 2). Бусы этого стекла очень редки, тем не менее хронологически их существование ограничено XII в.—1-й половиной XIII в. (по новгородской стратиграфии).

Существование таких бус в курганах Петербургской губернии приходится на то же время⁶. Они встречаются в одних комплексах с прозрачными желтыми зонными, яркосиними зонными бусами, даты которых мы установили (см. выше), т. е. в городе и в деревне фиолетовые зонные бусы существуют примерно одновременно.

Зонные бусы красного стекла (7 экземпляров) найдены в 21—28-м ярусах, что по

новгородской стратиграфии соответствует X—XI вв. Аналогичные бусы имеются в Гнездовских курганах¹.

Интересно отметить, следующий факт. После того как были подобраны даты для зонных бус, мы занялись двойными и тройными бусами. Наши попытки разделить хронологически этот тип, руководствуясь хронологическими признаками, выделенными для зонных бус, увенчались успехом; оказалось, что признаки времени, установленные для зонных бус, справедливы также для двойных и тройных зонных бус:

1) густосиние двойные и тройные бусы сосредоточились в 23—28-м ярусах (23-й ярус — 2, 26-й ярус — 2, 27-й ярус — 3, ниже 28-го яруса — 1);

2) светлозеленые полупрозрачные — в 27-м ярусе и ниже (27-й ярус — 1, ниже — 1);

3) яркосиние и яркозеленые зонные бусы прозрачного стекла найдены выше 21-го яруса, как и соответствующие им одинарные зонные бусы.

Синие и зеленые прозрачные двойные бусы известны из 16—19-го ярусов.

Тип 3. Битрапециодные бусы (20 экземпляров)

Цвет стекла бус различный — синий, светлозеленый. Диаметр бус — 10—20 мм, высота — 6—14 мм. Различаются бусы не только размерами, но и пропорциями: высота бус или равна диаметру бусины, или вдвое меньше. Основой деления бус внутри типа могут служить пропорции — отношение высоты к диаметру.

Вариант 1. Бусы диаметром более 10 мм имеют пропорции 1 : 2. Находки их (7 экземпляров) сосредоточены в 20—28-м ярусах (22-й ярус — 1, 23-й ярус — 1, 24-й ярус — 1, 25-й ярус — 2, 27-й ярус — 1, 28-й ярус — 1). Выше 20-го яруса не встречено ни одной такой бусины.

Вариант 2. Бусины, имеющие пропорции 1:1, известны из 9—20-го ярусов (9-й ярус — 1, 13-й ярус — 1, 14-й ярус — 2, 17-й ярус — 3, 18-й ярус — 1, 19-й ярус — 2, 20-й ярус — 3). Со временем бусы постепенно теряют свою четкую форму и пропорции.

¹ Коллекция ГИМ, № 44792, раскопки Сизова - 2 экземпляра.

¹ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Горбачева.

² Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Иванова; А. А. Спицын. Гдовские курганы... табл. XXV, 45, 46.

³ Коллекция ГИМ, № 22906, раскопки Сизова.

⁴ Коллекция ГИМ, № 3637-3647, раскопки Еременко.

⁵ Н. И. Булычев. Ук. соч.; коллекция ГИМ, № 25778, раскопки Булычева и Бранденбурга.

⁶ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Иванова. Курганы А» 25 (дер. Лисино), № 1 (дер. Вопша), № 2 (дер. Калитино) и № 81 (дер. Смедово).

Аналогии битрапецидным бусам известны из курганов Петербургской¹, Тверской², Смоленской³, Рязанской⁴, Витебской⁵, Пермской⁶ и Московской⁷ губерний.

Разные варианты бус встречаются в разных комплексах (21 случай из 22, известных нам); только один раз оба варианта найдены в одном комплексе⁸.

Крупные битрапецидные бусы с пропорциями 1 : 2 имеют аналогии в Приладожских курганах⁹, в Мизинове¹⁰, в курганах по р. Западной Двине¹¹. Приладожские курганы датируются X в.¹²; два других комплекса датируются концом X в.—XI в. (основой для датировки служат золоченые бочонковидные бусы в сочетании с «лимонками»).

По новгородской стратиграфии находки первого варианта битрапецидных бус сосредоточены в 20—28-м ярусах, что по времени соответствует X—XI вв. Следовательно, битрапецидные бусы первого варианта нужно датировать X—XI вв., и их можно считать хронологическим признаком X—XI вв.

Второй вариант бус этого типа имеет аналогии в комплексах, включающих в себя вещи XII в. и моложе: тройной витой браслет, витые перстни, лировидные пряжки, прозрачные зонные бусы желтые и синие.

По новгородской стратиграфии 15—20-й ярусы, в которых встречены бусы второго варианта, датируются XII в.

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского" А. А. Спицын. Гдовские курганы... , табл. XXII, 40.

² Коллекция ГИМ, № 45133, раскопки Гендуны.

³ Коллекция ГИМ, № 41854, раскопки Сизова.

⁴ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Нефедова.

⁵ Коллекция ГИМ, № 43923, раскопки Шепелевича.

⁶ Коллекция ГИМ, № 35114, раскопки Синецина.

⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 31.

⁸ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ... , стр. 67, курган № 10 (дер. Ожогово), в комплексе с витым тройным браслетом.

⁹ Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга.

¹⁰ Коллекция ГИМ, № 41854, раскопки Сизова.

¹¹ Л. Ю. Шепелевич-Лазаревич. Ук. соч.; коллекция ГИМ, № 43923, раскопки Шепелевича.

¹² Н. Е. Бранденбург. Ук. соч.

Тип 4. Эллипсоидные бусы (26 экземпляров)

Цвет стекла бус желтый (разных оттенков), синий, зеленый, голубой, черный с металлическим отливом.

Размеры бус различные; длина большой оси эллипса — от 12 до 6 мм.

Аналогии этим бусам известны из курганов Петербургской \ Сибирской², Тверской³ и Смоленской⁴ губерний.

Бусы встречены с вещами XI—XIII вв. — трехпроволочными браслетами, прозрачными желтыми зонными бусами, витыми тройными браслетами, пластинчатыми браслетами. По курганным инвентарям эллипсоидные бусы нужно датировать концом XI в.—XII в. (концом XI в. — потому, что с вещами только XI в. бусы эти не встречены ни разу). Несколько раз они обнаружены с трехпроволочными браслетами, которые датируются XIII в. Браслеты и эллипсоидные бусы находятся в одних комплексах с яркосиними и яркозелеными зонными бусами, которые датируются XII—XIII вв. Следовательно, допустив возможность существования эллипсоидных бус в конце XI в., мы должны признать за главную дату их существования XII—XIII вв. А. А. Спицын датирует их XII в.⁵

В Новгороде эллипсоидные бусы распределяются по ярусам таким образом (табл. 5).

Основная масса (20 экземпляров из 26) эллипсоидных бус приходится на 13—20-й ярусы, причем 75% бус падает на 16—20-й ярусы. Одна находка сделана в 22-м ярусе. Пять бусин, найденных в 1—9-м ярусах, значительно отличаются от всей массы эллипсоидных бус размером, пропорциями (бусины узки и длинны) и сортом стекла. Стекло этих бус — разных, неповторяемых оттенков; каждая бусина уникальна. Находки этих бус разделены промежутками в 50—75 лет, что лишает возможности рассматривать их как характерные для XIV—XV вв.

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского; А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXII, 48, 83.

² Коллекция ГИМ, № 35178, раскопки Нефедова.

³ Коллекция ГИМ, № 991, раскопки Ушакова.

⁴ А. Н. Ляуданскк Археологичныя досьледы в Аршанскай акрузе. Працы Археол. Камііі Бел. АН, т. II, табл. III, 14.

⁵ А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 23.

Таблица 6

Ярус	2-й	3-й	4-й	5—8-й	9-й	10—12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й
Количество	3	0	1	0	1	0	1	2	2	4	3	4	2	2	0	1

Это же не позволяет включать указанные экземпляры в общий типологический ряд эллипсоидных бус. По новгородской стратиграфии 13—20-й ярусы в период существования эллипсоидных бус датируются XII в.—1-й половиной XIII в., причем характерны они для XII в., для XIII в. — редки.

Тип 5. Цилиндрические бусы (22 экземпляра)

Диаметр бус — 4—12 мм, высота — 7—22 мм. Цвет бус синий, зеленый, желтый, черный с металлическим отливом, мозаичный оранжевый с белыми включениями; стекло прозрачное, полупрозрачное и непрозрачное.

Аналогии новгородским бусам данного типа известны из Петербургских курганов¹.

По ярусам цилиндрические бусы распределяются следующим образом (табл. 6):

Синие цилиндрические бусы из 26 и 27-го ярусов имеют диаметр 5—7 мм, высоту 6—7 мм. Сорт их стекла одинаков с сортом стекла синих зонных бус X—XI вв. — густосиний по цвету, полупрозрачный. Отсутствие такого стекла в XII—XIII вв. позволяет признать, что цилиндрические густосиние бусы относятся к X—XI вв.

Тип 6. Бочонкообразные бусы, золочёные и серебрёные (45 экземпляров)

Диаметр бус — 3—12 мм, высота — 4—15 мм. Бочонкообразные золочёные и серебрёные бусы прекрасно датированы монетами XI в.¹; встречаются они и в XII в.² 8 литературе³ существует мнение, что малые бочонкообразные бусы яркой позолоты, диаметром 5 мм и менее, существовали в X в.

По ярусам бусы этого типа (с учетом размеров) распределяются следующим обра-

Таблица 6

Ярус	5-й	15-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество	1	1	1	1	0	0	1	2	1	0	1	6	4	0	

По новгородской стратиграфии цилиндрические бусы, существующие почти непрерывно с 15 до 28-го ярусов, могут быть датированы X—XII вв. Небольшое число находок, сделанных в каждом ярусе (1—2 экземпляра; исключение составляют 26 и 27-й ярусы), лишает нас возможности говорить о цилиндрических бусах как о характерных или, — тем более, — датирующих. Их следует отнести к числу нехарактерных типов, т. е. повторить вывод А. В. Арциховского².

Малые бочонкообразные бусы известны в 16 курганных комплексах. В 5 комплексах зом: 13-й ярус—1, 14-й—1, 15-й—1, 16-й—1, 18-й—3 (в том числе одна диаметром 5 мм), 19-й—1, 20-й—1, 21-й—5, 22-й—6 (в том числе одна диаметром 5 мм), 23-й—7 (в том числе две диаметром 5 мм), 24-й—8, 25-й—4, 26-й—3 (из них две диаметром 5 мм), 27-й—2 (из них одна диаметром 5 мм), ниже 28-го яруса — 1 бусина диаметром более 5 мм.

Малые бочонкообразные бусы известны в 16 курганных комплексах. В 5 комплексах

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ. . . табл. XIII, 10, стр. 16.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 33.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 145.

² Там же, стр. 139.

³ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте, стр. 57.

они встречены вместе с крупными бусами, в II — без них. Малые золоченые бочонкообразные бусы обнаружены в курганных комплексах, датируемых X в.¹, и в комплексах, которые могут быть датированы временем более поздним. Например, курган у дер. Ступенки², Калужской губернии, тройным витым браслетом датируется XII в.; курган у дер. Слобода³, Смоленской губернии, пряслицем розового шифера, пластинчатым браслетом и бипирамидальными сердоликовыми бусами может быть датирован XI—XIII вв., курган у дер. Топорково⁴ крупными бочонкообразными золочеными, сердоликовыми шарообразными и призматическими бусами может быть датирован XI в. Курганный материал определяет очень широко время существования малых бочонкообразных золоченых бус — X—XII вв.

По ярусам эти бусы распределяются таким образом (табл. 7):

Таблица 7

Ярус	18-й	22-й	23-й	26-й	27-й	Ниже 28-го
Количество	1	1	2	2		1

По новгородской стратиграфии 18-й ярус датируется серединой XII в. Даже если мы не станем принимать в расчет бусину 18-го яруса, признав ее случайной находкой, то и тогда время существования малых бочонкообразных золоченых бус будет определяться X—XI вв. Малые золоченые бочонкообразные бусы встречаются очень редко (в Новгороде они составляют седьмую часть всех находок, по курганным инвентарям — примерно столько же, 147 экземпляров из 750); период их существования продолжительный — около 200 лет. Учитывая это, можно утверждать, что разновидность малых бочонкообразных золоченых бус не яв-

ляется ранним хронологическим вариантом типа.

Крупные золоченые бочонкообразные бусы, диаметром более 5 мм (распределение по ярусам см. стр. 171), по новгородской стратиграфии нужно датировать серединой XIII в.—концом X в., причем время расцвета приходится на XI в.

Тип 7. Винтообразные бусы (29 экземпляров)

Диаметр бус — 5—8 мм, высота — 3—7 мм. Цвет бус синий (26 экземпляров), черный (1 экземпляр), зеленый (1 экземпляр), желтый (1 экземпляр). Аналогичные винтообразные бусы встречаются очень редко: на 3500 инвентарей Петербургских курганов приходится только 1 бусина этого типа¹. Большое количество винтообразных бус известно у вятичей², где они датируются XIII—XIV вв.³

Винтообразные бусы распределяются по ярусам следующим образом (табл. 8).

Стратиграфически 9—17-й ярусы датируются 2-й половиной XII в.—1-й половиной XIV в.

Непрерывное существование типа с 17-го яруса и полное отсутствие в более древних слоях убеждают в том, что именно к этому времени нужно относить возникновение данного типа бус. Отсюда следует, что за нижний предел существования этого типа нужно принять середину XII в., пока, к сожалению, не подтвержденный находками на других памятниках; верхняя граница существования типа проходит на уровне 8-го яруса, что соответствует середине XIV в. Эта дата подтверждается находками в курганах вятичей.

Тип 8. Бисер рубленый (133 экземпляра)

Цвет бисера желтый, значительно реже голубой и зеленый. Стекло непрозрачное. 127 экземпляров найдены на уровнях 23—28-го ярусов, выше 23-го яруса — 6 экземпляров, из них 1 в 10 ярусе.

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 140.

³ Там же.

¹ Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга, № 42430, раскопки Линниченко (Глинск, № 30, Полтавской губернии), № 25778, раскопки Булычева (Коханы, комплекс с цветными лимонovidными бусами), № 32884, раскопки Еременко (Влазовичи VII, Черниговской области, комплекс с «лимонками», желтым рубленным бисером).

² Коллекция ГИМ, оп. № 189, раскопки Булычева.

³ Коллекция ГИМ, № 22941, раскопки Сизова.

⁴ Коллекция ГИМ, № 45134, раскопки Сизова.

Таблица 8

Ярус	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	14-й	15-й	16-й	17-й
Количество	2	3	1	6	3	2	3	5	2	2

Таблица 9

Ярус .	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество			1	0	4	7	15	44	23	8	26

Желтый рубленый бисер известен из Старой Ладogi, где он датируется VIII—X вв., но этого же типа желтый бисер, по сведениям, приведенным в указанной статье Ф. Д. Гуревич, может быть датирован I—II вв. н. э. Это осложняет решение вопроса о дате желтого бисера. Один желтый рубленый бисер датирующим быть не может, присутствие же его среди находок в средневековых славянских памятниках заставляет искать дату в пределах VIII—X вв. В этом смысле желтый рубленый бисер может быть условно признан датирующим.

Кроме Старой Ладogi, рубленый бисер указанных цветов встречается в Приладожских курганах¹, которые датируются X в., и в курганах Витебской² губернии в комплексах с лимонными и бочонкообразными золочеными бусами; один раз рубленый бисер обнаружен с витым тройным браслетом³.

Таким образом, время существования желтого, голубого и зеленого рубленого бисера определяется по курганным древностям в 200—250 лет; бисер существует с X в. по начало XII в.

По ярусам рубленый бисер распределяется следующим образом (табл. 9; до 19-го яруса рубленого бисера нет вовсе).

По новгородской стратиграфии время существования 19—28-го ярусов датируется X в.—самым началом XII в., причем в конце XI в.—начале XII в. рубленый бисер — большая редкость; основная масса приходится на X в. — I-ю половину XI в.

¹ Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга.

² Коллекция ГИМ, № 41926, раскопки Шепелевича (дер. Осиповка, № 57).

³ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского (курган № 11, дер. Калитино).

Тип 9. Лимонные бусы (156 экземпляров)

Лимонные бусы получили свое название за двоякое сходство с лимоном — сходство по цвету и по выступающим на концах сосковидным бугоркам. Бусины бывают двойные и тройные. Диаметр бус — 4—9 мм, длина — 4—8 мм. Есть бусы, вытянутые по вертикали, и есть, наоборот, сплюснутые. Сорт стекла и характерные выступы у отверстий заставляют считать все варианты бус одним типом.

Лимонные бусы известны из Петербургских курганов¹, из курганов Витебской², Могилевской³, Смоленской⁴, Черниговской⁵, Полтавской⁶, Минской⁷ и Ярославской⁸ губерний. Лимонные бусы встречаются в Гнездове⁹, Приладожских курганах¹⁰, слоях Старой Ладogi¹¹, в могильниках Лядинском¹², Томниковском, где они датируются X в.—началом XI в. Лишь однажды лимонная бусина найдена в комплексе

¹ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского.

² Коллекция ГИМ, № 41926, раскопки Шепелевича.

³ Коллекция ГИМ, оп. № 408, раскопки Турбина.

⁴ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Сизова.

⁵ Коллекция ГИМ, № 32884, раскопки Еременко.

⁶ Коллекция ГИМ, № 42430, раскопки Линниченко.

⁷ Коллекция ГИМ, № 25129, раскопки Авенариуса.

⁸ Коллекция ГИМ, № 80136, раскопки Ивановского.

⁹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы. ... стр. 55, рис. 1.

¹⁰ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч.

¹¹ Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 179.

¹² В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10, 1893, табл. XII, 10, 11, 14, 16.

Таблица 10

Ярус	4-й	о—8-й	9-й	10-й	11—13-й	14-й	15-й	16—19-й	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество	2	0	1	1	0	1	2	0	3	0	>	5	8	16	21	41	17	37

Таблица 11

Ярус	20-й	21-й	22-й	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
количество цветных бус	0	0	0	3	0	2	5	4	4	4
количество золочёных и серебряных бус	1	0	1	4	1	4	3	4	1	9

XIII в. вместе с витым тройным браслетом (курган № 71, дер. Грызово, Царскосельского уезда, Петербургской губернии).

По ярусам лимонные бусы распределяются следующим образом (табл. 10; до 4-го яруса нет ни одной бусины).

Основная масса (116 экземпляров из 156) приходится на 26—28-й ярусы и ниже, которые по новгородской стратиграфии датируются X в. На XI в. падает 30 экземпляров, на XII в. — 5.

Находки лимонных бус в верхних ярусах (4, 9, 10 и 11-м) нужно объяснять перекопками из верхних ярусов в нижние.

Таким образом, по новгородским материалам дата существования лимонных бус — X в. — выясняется очень четко. Начало XI в., первые два десятилетия его, — период доживания этих форм, а затем они полностью и бесследно исчезают. Находки в слоях XII в. нужно объяснить, вероятно, также случайным сохранением бус в быту. Лимонные бусы, таким образом, можно считать хронологическим признаком X—XI вв.

Из новгородских слоев известны бусы, по форме совершенно тождественные «лимонкам», но изготовленные из цветного (22 экземпляра) или золочёного и серебряного (28 экземпляров) стекла. Подобные бусы встречаются в тех же памятниках, что и лимонные бусы, — в Гнездове¹, Приладожье², Подболотье³,

¹ Коллекция ГИМ, № 44792, 44577; А. А. Спицын. Гнездовские курганы..., стр. 55, рис. 3.

² Коллекция ГИМ, оп. № 137.

³ Коллекция ГИМ, оп. № 811; В. А. Городцов.

Лядине⁴. Обнаружены они и в других курганных группах — в Витебской², Минской³, Могилевской⁴, Полтавской⁵, Смоленской⁶, Тверской⁷ и Черниговской⁸ губерниях, вместе с вещами X—XI вв., золочеными бочонкообразными, сердоликовыми шарообразными бусами и «лимонками». Таким образом, по курганным древностям цветные, золочёные и серебряные лимоновидные бусы можно датировать X—XI вв.

По ярусам эти бусы распределяются в таком порядке (табл. 11; до 20-го яруса нет ни одного экземпляра).

Золочёные и серебряные лимоновидные бусы распространены непрерывно с 20 до 28-го яруса, что по новгородской стратиграфии соответствует X—XI вв. Цветные лимоновидные бусы существуют с 23 до 28-го яруса, что по новгородской стратиграфии соответствует X в. — I-й половине XI в.

Дата цветных лимоновидных бус почти совпадает с датой классических «лимонок»: они существуют в X в. — I-й половине XI в.

Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. «Древности», т. XXIV.

¹ В. Н. Ястребов. Ук. соч.

² Коллекция ГИМ, № 43923, раскопки Шепелевича.

³ Коллекция ГИМ, № 25129, раскопки Авенариуса.

⁴ Коллекция ГИМ, № 22940, раскопки Сизова.

⁵ Коллекция ГИМ, № 42430, раскопки Линниченко.

⁶ Коллекция ГИМ, № 78607, раскопки Кусинского и Сизова.

⁷ Коллекция ГИМ, № 45133, раскопки Гендуне.

⁸ Коллекция ГИМ, № 32884, раскопки Еременко.

Правда, в 1-й половине XI в. «лимонки» существуют уже в виде пережитка, о цветных же лимонovidных бусах XI в. на основании имеющихся материалов этого сказать нельзя.

Полосатые бусы (34 экземпляра) имеют форму, совершенно тождественную форме лимонных бус, — у них те же сосковидные бугорки у отверстий, но отличаются они цветом фона (он иногда серый), по которому нанесены полосы коричневые, красные, черные. Размеры полосатых бус повторяют размеры «лимонок».

Полосатые бусы известны в памятниках X—начала XI в. — в Гнездове¹, Лядине², в курганах Южного Приладожья³.

По ярусам в Новгороде полосатые бусы

распределяются следующим образом (табл. 12; до 24-го яруса они отсутствуют совершенно):

Таблица 12

Ярус	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество	2	2	6	11	2	11

Стратиграфически 24—28-й ярусы датируются X в.—1-й четвертью XI в. Датировка бус данного типа, установленная стратиграфически и по аналогиям, известным из различных памятников, совпадает абсолютно.

ОТДЕЛ II. РЕБРИСТЫЕ БУСЫ

Тип 1. Цилиндрические бусы

(12 экземпляров)

Бусы этого отдела в поперечном разрезе имеют розетку. У бус первого типа в продольном разрезе — прямоугольник со ско-

ний. Бусы этого типа встречены с вещами разного времени: витыми браслетами 2X2, широкосрединным завязанноконечным перстнем, с бусами бипирамидальными сердоликовыми, шарообразными стеклянными (диаметром более 10 мм), битрапециодными (пропорции 1:2), зонными яркосиними и

Таблица 13

Ярус	6-й	12-й	15-й	19-й	20-й	21-й	22-й	23-й
Количество	1	1	2	2	1	3	1	1

шенными углами и слегка округлыми боковыми сторонами. Диаметр бус — 8—12 мм, высота — 8—15 мм. Цвет бус синий, зеленый, фиолетовый. Обращает на себя внимание еще одна особенность внешнего вида бусины: ребра нечетко обозначены, на поверхности часто неравны.

Аналогии таким бусам известны из курганов Петербургской⁴ и Черниговской⁵ губер-

¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы..., стр. 55, рис. 5, 8.

² В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. XII, 4, 5, 11.

³ Коллекция ГИМ, № 32778, раскопки Бранденбурга.

⁴ А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXII, 62, 67, 81; коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Ивановского.

⁵ Коллекция ГИМ, № 3637—3647.

яркожелтыми. По вещевому материалу курганов эти бусы датируются XI—XIV вв.

Новгородские бусы по ярусам распределяются следующим образом (табл. 13; до 6-го яруса нет ни одного экземпляра бус):

Рубчатые цилиндрические бусы существуют непрерывно в период с 23-го по 19-й ярус, затем с перерывом в 2—3 яруса — до 12-го яруса. Находку из 6-го яруса нельзя принимать во внимание, так как она отделена от основной массы найденных бус этого типа 6 ярусами, что по времени соответствует полутора столетиям.

Стратиграфически время существования 15—23-го ярусов датируется XI—XIII вв.

Данный тип редок, нехарактерен и датированным служить не может.

Тип 2. Эллипсоидные бусы (9 экземпляров)

Эти бусы в поперечном разрезе имеют розетку, в продольном — овал и выступы у отверстий, иногда срезанные, но предполагаемые наверное. Диаметр бус — 8—10 мм, длина — 10—12 мм. Ребра крупные, рельефные, хорошо выражены. Цвет бус желтый,

Находки бус данного типа непрерывны с 28 до 23-го яруса; стратиграфически эти ярусы датируются X—XI вв.

Описанные выше типы не исчерпывают всего разнообразия стеклянных бус, добытых в Новгороде. Известны бусы рыбовидные, белоромбические, кольцеобразные, рубчатые цилиндрические, ребра которых разделены поперечными бороздками, каплевид-

Таблица 14

Ярус	23-й	24-й	25-й	26-й	27-й	28-й	Ниже 28-го
Количество	1	0	1	2	1	1	3

синий, серо-голубой; стекло иногда лишено окраски, но непрозрачно.

Аналогичные бусы известны из Гнездова¹ и Приладожья², где находки датируются X в. Известны подобные бусы из Гдовских и Петербургских курганов³, в которых А. А. Спицын датирует эти бусы половиной XI в.

По ярусам в Новгороде эллипсоидные рубчатые бусы распределяются так (табл. 14), до 23-го яруса их нет вовсе.

ные и т. д., которые, к сожалению, не могут быть использованы в настоящей работе потому, что они представлены 1—3 экземплярами, на которых очень трудно проверить правильность предлагаемой датировки. Об этих бусах можно лишь сказать, что их стратиграфическая датировка принципиально не отличается от датировок, предложенных в литературе.

БУСЫ С РЕЛЬЕФНЫМ И ГЛАДКИМ УЗОРОМ

Среди новгородских бус имеются бусы, сделанные из непрозрачного или полупрозрачного стекла, поверхность которых покрыта каким-либо узором — петлями, спиралью, глазками. Украшение сделано из белого или цветного стекла. В основу типологии бус с инкрустацией положен характер орнамента. Различие форм бус с одинаковым орнаментом отмечается при делении основного типа на подтипы.

Тип 1. Бусы с рельефной спирально-волнистой инкрустацией (18 экземпляров)

Форма бус этого типа или шарообразная, или зонная, многочисленны же переходные

формы между ними позволяют не учитывать этих различий. Диаметр бус — от 8 до 11 мм. Бусы изготовлены из черного непрозрачного стекла. Инкрустация — белая, голубая, зеленая — накладывается по волнистой спирали, которая начинается у одного отверстия и кончается у другого.

Бусы этого типа распределяются по ярусам следующим образом (табл. 15).

Наиболее характерны эти бусы, как следует из статистических данных, для 8—11-го ярусов; по 2 экземпляра они встречены выше и ниже этих ярусов.

По новгородской стратиграфии 8—11-и ярусы датируются половиной XIII—XIV в.

¹ Коллекция ГИМ, № 44792, 44577, раскопки Сизова и Сергеева; В. Д. Сизов. Ук. соч., табл. IV.

² Коллекция ГИМ, оп. № 137, раскопки Бранденбурга; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. XIV, 29.

³ Коллекция ГИМ, № 35322, раскопки Иванова.

¹ А. А. Спицын. Гдовские курганы...; е го же. Курганы С.-Петербургской губ....; А. В. Арциховский. Курганы вятичей; Б. А. Рыбаков. Радимичи. Труды Археологической комиссии Бел. АН, Минск, 1932, стр. 94, 95; Л. Ю. Шепелевич-Лазаревич. Ук. соч.

Стеклянные бусы

О т д е л I. Круглые бусы: 1 -- шарообразная (тип 1, вариант 1); 2--шарообразная (тип 1, вариант 2); 3, 4, 8-- зонные синие и зеленая (тип. 2, сариант 1); 5, 6, 9-- зонные синие и зеленая (тип. 2, вариант 2); 7, 11, 12, 13-- зонные желтая, красная, двойная синяя и тройная зеленая (тип 2); 10-- зонная зеленая (тип 2, вариант 3); 14-- битрапецидная (тип 3, вариант 1); 15-- битрапецидная (тип. 3, вариант 2); 16, 17-- эллипсоидные (тип 4); 18-- Цилиндрическая (тип 5); 19, 20, 21-- боченкообразные золоченые малая и большие (тип 6); 22, 23-- винтообразные синяя и зеленая (тип 7); 24, 26--лимонные (тип 9)

Стеклянные бусы

Отдел I. Круглые бусы: 1 — лимонная (тип 9); 2, 3, 4 — лимонovidные синие, золоченые и серебряная (тип 9); 5 — полосатая (тип 9). Отдел II. Ребристые бусы: 6, 7 — цилиндрические (тип 1); 8, 9, 10 — эллипсоидные (тип 2); // — рыбовидная; 12 — белоромбическая; 13, 14 — с рельефной спирально-волнистой инкрустацией; 15, 16 — гладкие со спирально-волнистой инкрустацией; 17, 18 — со сплошной одноцветной или полихромной инкрустацией; 19—24 — глазчатые гладкие; 25 — глазчатая рельефная.

Таблица 15

Ярус	Выше 1-го	3-й	8-й	9-й	10-й	11-й	12-й	13-й	17-й
количество	1	1	2	10	0	2	0	1	1

Аналогичные бусы известны из коллекций Первухина¹; из золотоордынского слоя Великих Болгар²; из могильников Кавказа³; такие бусы были распространены в Биляре, в Золотой Орде в XIV в., в нижегородских могильниках⁴; известна находка бус этого типа с золотоордынской монетой хана Узбека (или Джанибека) у дер. Вороной, Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии⁵. Перечисленные выше аналогии подтверждают стратиграфическую датировку рассматриваемых бус 2-й половиной XIII—XIV вв.

Тип 2. Бусы гладкие со спирально-волнистой инкрустацией (13 экземпляров)

Форма бусин цилиндрическая, бочковидная, шарообразная. Размеры: длина — 10—13 мм, диаметр — 5—7 мм; диаметр шарообразных бус — 10—14 мм. Цвет бус черный

эти бусы встречены с браслетами витыми тройными и витыми 2X2. Датировать такие бусы нужно XII—XIV вв.

Рассматриваемые бусы распределяются по ярусам так (табл. 16; до 16-го яруса их нет совершенно).

Стратиграфически 16—2,2-й ярусы датируются концом XI—XII вв. Время существования бус с гладкой спирально-волнистой инкрустацией, таким образом, определяется концом XI—XII вв., т. е. в Новгороде бусы этого типа исчезают намного раньше, чем в деревенских курганах.

Тип 3. Бусы гладкие со сплошной одноцветной или полихромной инкрустацией (7 экземпляров)

Форма бус эллипсоидная. Длина их — 10—12 мм, диаметр — 6—7 мм. В основе орнамента лежит волнистая линия, но значительно усложненная дополнительными ли-

Таблица 16

Ярус	16-й	17-й	18-й	19-й	20-й	21-й	22-й
Количество	2	0	2	2	4	2	1

или темнокоричневый, одна бусина — зеленая, прозрачного стекла.

Аналогичные бусы известны из курганов Петербургских, Гдовских⁶, из курганов Белоруссии⁷, известны они также у вятичей⁸;

¹ Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, М., 1899.

² Любезно сообщено А. П. Смирновым.

³ Материалы по археологии Кавказа, т. VIII, М., 1900, табл. ХСІ, рис. 1, № 7.

⁴ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ., стр. 42.

⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, Альбом фотографий, хранящийся на Кафедре археологии МГУ, № 2860.

⁶ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ., табл. XIV, 20, 25, 26.

⁷ А. Н. Ляуданскі. Ук. соч., табл. III, 14.

⁸ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 32.

ниями, что создает впечатление сплошной орнаментации поверхности бусины. Бусы этого типа распределяются по ярусам следующим образом: 12-й ярус—1, 15-й—1, 18-й—1, 19-й—2, 20-й ярус—1; они непрерывно существуют в период 18—20-го ярусов, случайно попадаясь выше. Стратиграфически эти бусы датируются XII—началом XIII в.

Тип 4. Глазчатые гладкие бусы (12 экземпляров)

Диаметр бус — 5—10 мм. Цвет бус желтый (6 экземпляров), красный (3 экземпляра), черный (2 экземпляра), голубой (1 экземпляр). Глазки, обрамленные ресничками, вправлены в выемку в корпусе бусины и гладко заполированы. Орнамент

выполнен стеклом в 2—4 краски (коричневая, зеленая, белая, красная, черная, голубая). Находки бус этого типа сосредоточены в 20—28-м ярусах. Стратиграфически бусы этого типа датируются, X—XI вв. Аналогии им известны из верхних слоев Старой Ладogi¹ (1-я половина X в.), в могильниках Чем-шай² и Лядинском³. Новгородские бусы этого типа существуют несколько дольше, чем аналогичные бусы из могильников, а именно X в. и весь XI в.

Тип 5. Глазчатые рельефные бусы (10 экземпляров)

Бусы этого типа очень крупные — диаметр их достигает иногда 15 мм; остальная масса бус имеет диаметр 8—10 мм. Цвет бус черный. Инкрустация многоцветная. На корпусе бусины — 3 глазка, из которых каждый взят в петельку. Глазок и петелька рельефны, на чем и основано их выделение в особый тип. Глазки — в 2—3 цвета: красно-белые, красно-сине-белые. Петельки белые или голубые.

Аналогичные бусы известны из Гнездова⁴ и Киева⁵, где они обнаружены в погребениях под фундаментом Десятинной церкви.

Все находки бус этого типа в Новгороде сосредоточены в 25—28-м ярусах, что стратиграфически соответствует X в.—началу XI в.

Мы указывали, что ярусы по-разному насыщены бусами: в нижних ярусах насчитывались сотни экземпляров бус, а в верхних ярусах бусы — редкая находка.

Наибольшее количество стеклянных бус приходится на X в. В этом же веке отмечается и наибольшее разнообразие типов этих бус. Для X в. характерны лимоновидные бусы во всех вариантах, рубленый желтый бисер (сорт стекла которого одинаков или очень близок с сортом стекла «лимо-

нок»), глазчатые бусы полупрозрачные, светлозеленые бусы, полосатые, ребристые, эллипсоидные⁶.

На XI—XII вв. приходится приблизительно по одинаковому количеству бус; оно вдвое меньше числа бус в X в.

Для XI в. характерны золоченые и серебрённые бочонковидные бусы, непрозрачные, темнозеленые бусы, битрапециодные крупные бусы (пропорции 1:2), синие зонные полупрозрачного стекла; последние одинаково были распространены и в XI и в X вв., выше же они не встречаются.

Для X—XI вв. характерно отсутствие бус из прозрачного стекла — желтого и других цветов. Прозрачное стекло для бус стало применяться не раньше XII в.

В XII в. были распространены крупные эллипсоидные и шарообразные бусы прозрачного стекла разных цветов. Существование этого типа бус начинается в конце XI в. и прекращается в начале XIII в. Характерны гладкие бусы со спирально-волнистой, сплошной инкрустацией.

Зонные бусы — зеленые и желтые — из прозрачного стекла одинаково бытовали и в XII и в XIII вв., но в последнем нам неизвестно ни одного характерного типа стеклянных бус.

Со 2-й половины XIII в. распространение стеклянных бус очень быстро падает и никогда больше не достигает уровня XI—XII вв., не говоря уже о X в. — веке расцвета бытования стеклянных бус.

В конце XIII в. появляются два новых типа бус — винтовые и с рельефной спирально-волнистой инкрустацией. Оба типа характерны для XIV в.

В XV—XVI вв. стеклянные бусы теряют определенную форму, становятся очень невыразительными и с трудом поддаются классификации, не говоря уже о датировании их⁷. Количество же бус в целом достаточно велико (10—12 экземпляров) на ярус, но

¹ Ф. Д. Гуревич. Ук. соч.

² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 203.

³ В. Н. Ястребов. Ук. соч., табл. XII.

⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы. ..., стр. 55, рис. 17.

⁵ ОАК за 1912 г. Раскопки в Киеве, погребение 4, рис. 213.

⁶ Разнообразие и обилие бус в X в. может быть подтверждено ссылкой на путевые записки Ибн-Фадлана (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 78, 79).

⁷ Производство стеклянных бус, как и всех бус вообще, очень сократилось, доказательством чему служит тот факт, что в «Лавочных книгах» зарегистрирован 1 ожерелочник (А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. Новгородский исторический сборник, № 6, Новгород, 1939).

число их растет за счет введения в употребление бус из других материалов (кости, камня).

X, в. в распространении стеклянных бус занимает особое место. XI—XII вв. — время равномерной распространенности стеклянных бус; количество типов их тоже примерно одинаково.

XIII век — период сокращения производства и распространения стеклянных бус, что нужно, вероятно, связывать с татаро-монгольским нашествием.

Интересно было бы поставить вопрос о месте производства и распространенности бус различных типов на территории древней Руси. Мы видим, что членение новгородского культурного слоя на ярусы дает бесконечные возможности уточнения хронологии датированных ранее вещей и установления дат для вещей, лишенных их. Поэтому возникает и другая задача: составить полный свод древнерусских бус и связать их датировку с безусловно точной датировкой по новгородской стратиграфии.

С. А. Янина

НЕРЕВСКИЙ КЛАД КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ X ВЕКА

Отсутствие письменных памятников, которые могли бы с достаточной полнотой характеризовать развитие денежного обращения на Восточноевропейской равнине в IX—X вв., давно уже превратило монеты в первоисточник изучения экономической жизни восточного славянства этого периода. Топографическое изучение многих сотен кладов и отдельных находок куфических монет, обращавшихся на территории древней Руси в IX—начале XI в., уже является той основой, на которой строятся знания о путях международной торговли, степени развития внутреннего товарно-денежного обращения в отдельных русских областях, о значении тех или иных городов в тот период истории, который слабо освещен письменными памятниками, и т. д. Однако приходится сожалеть о том, что сведения об отдельных кладах, которыми историческая наука располагает к настоящему времени, далеко не так полны, как этого требует правильный научный подход к изучаемому источнику.

Случайность, которая всегда сопутствует находке монетного клада; такое обычное и постоянное явление, когда клад поступает в музей не непосредственно из земли, а сначала расходуется по рукам; как правило, длительное путешествие клада от места находки в музейные собрания — все эти и многие другие обстоятельства не дают обычно уверенности исследователю, имеет ли он дело с целым кладом, или только с его частью.

До тех пор, пока настоятельная необходимость сохранения и изучения кладов во всей

их полноте не была осознана нумизматами, кладов продолжали расплываться и в музейных собраниях. Односторонний подход к монетам как к памятникам главным образом политической истории, господствовавший в нумизматике XIX—начала XX в., приводил к тому, что монеты кладов служили для пополнения систематических коллекций, так называемые дублиеты сплавлялись, та же судьба постигала и многочисленные обломки монет, так характерные для русского денежного обращения X в. Основным нумизматическим источником принято было считать монету, систематическую коллекцию монет, но не монетный клад. В результате этой практики масса куфических монет из источника по истории денежного обращения древней Руси постоянно превращалась исключительно в источник для изучения нумизматики стран халифата. Именно поэтому исследователь, изучающий русское денежное обращение, может опереться лишь на небольшое количество кладов, собранных в последние 30—40 лет.

Искусственная неполнота материала свойственна и этим кладам, так как практически невозможно устранить в находке клада момент случайности. Тем большее значение должен иметь редчайший факт открытия клада в условиях археологических раскопок, которые гарантируют не только наиболее точные указания на обстоятельства находки, но и полную сохранность всех монет клада, вплоть до мельчайших обрезков.

14 августа 1953 г. при раскопках Новгородской археологической экспедиции на Неревском конце Великого Новгорода впер-

вые в условиях систематических раскопок был обнаружен большой клад куфических монет X в.

Клад найден в квадрате 312, на глубине 599 см от условной нулевой точки (пласт 30). По залеганию он относится к 27-му ярусу, стратиграфическая дата которого падает на 2-ю половину X в. Монеты находились в берестяном туесе, сохранившемся лишь частично и лежавшем вверх дном. Важным обстоятельством является то, что клад не был зарыт: никаких следов перекопа, связанного с его сокрытием, нет. Туес с монетами лежал внутри сруба на слое материкового песка, покрывавшего пол помещения. Сверху он также не был специально засыпан землей, так как перекрывающий его культурный слой однороден на значительной площади. Можно предполагать, что монеты первоначально находились на чердаке здания, в слое или на слое потолочной присыпки и рухнули вниз во время пожара вместе с остатками перекрытий. Возможно и другое объяснение: монеты были спрятаны в подпечном срубе.

Полнота сведений об обстоятельствах находки сокровища впервые в науке позволяет дать кладу точный, «почтовый» адрес. Сокровище принадлежало человеку, владевшему во 2-й половине X в. усадьбой на углу Великой и Холопьевой улиц Неревского конца древнего Новгорода.

В состав клада входят 60 целых и 811 обрезков серебряных дирхемов (общим весом 577,43 г); миниатюрная серебряная лунница (весом 0,42 г); набор разновесов — 6 железных бочковидных гирек, обтянутых медным листом, с обозначениями кратности веса на плоскостях; две вспомогательные свинцовые гирьки или грузика случайной формы и две хрустальные бусины — сфероидальная многогранная и призматическая.

Из общего количества монет и их обрезков (871) удалось определить с той или

¹ Клад куфических монет X в., обнаруженный при раскопках Саркела, не является монетным кладом в полном смысле этого слова. Это кожаный пояс, украшенный большим количеством нашитых на него серебряных дирхемов. Небольшой клад (5 целых монет и 18 обломков), найденный при раскопках Старой Ладogi в 1938 г., включает крайне незначительное количество датированных монет и вообще не идет в сравнение с публикуемым. М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952; Е. А. Пахомов. Монетные кладy Азербайджана. Вып. IV. Баку, 1949, стр. 93, № 1302.

иной степенью точности 327 экземпляров¹. Судя по определенным экземплярам в клада представлены монеты 7 восточных династий:

Арабские наместники Табаристана	1
Аббасиды	16
Саманиды ²	284
Бувейхиды	7
Зияриды	3
Хорезмшахи	1
Хамданиды	2
Подражания саманидам	13

Самой ранней монетой является трижды пробитый обломок полудрахмы наместника Табаристана Омара (или Сайда; 772—788 гг.), наиболее поздней — дирхем саманида Мансура ибн-Нуха, чеканенный в 361 г. х. (971/972 гг.).

По своему хронологическому и географическому составу клад очень компактен. Все читаемые экземпляры, за исключением 10 монет, размещаются в пределах 50 лет — с 311 по 361 г. х. (923—972 гг.). Наиболее полно представлены монеты, отчеканенные в период с 330 г. х. (941/942 гг.) по 359 г. х. (969/970 гг.). Это позволяет говорить о публикуемом клада, как о клада быстрого накопления, отражающем наиболее точно состав русского денежного обращения Новгородской земли в 60—70-х годах X в., что вполне согласуется с теми обстоятельствами, при которых он попал в землю.

Наличие в клада гирек также подтверждает случайность его попадания в землю: в сознательно сокрытый клад орудия взвешивания класть ни к чему.

Что касается географического состава клада, все его монеты, за исключением одного халебского дирхема (Сирия), принадлежат к чекану восточных провинций халифата (Ирак, Иран, Средняя Азия).

Находка клада куфических монет в пределах Новгородской земли — явление нередкое.

В системе Волхова, Ловати и Меты одних только кладов X—начала XI вв.

¹ Предварительные сведения о клада были опубликованы А. В. Арциховским. А. В. Арциховский. Раскопки 1953 года в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. ПО, 111. При дальнейшей обработке клада в опубликованные сведения о нем внесен ряд уточнений.

² Подавляющая масса обрезков также, без сомнения, принадлежит чекану Саманидов.

зафиксировано И¹. На территории Новгорода и его ближайших окрестностей вновь найденный клад является шестым кладом куфических монет. Хронологические показатели этих кладов дают возможность утверждать, что район истока Волхова с самого начала обращения на Руси восточного дирхема был значительным средоточием товарного обращения. Древнейший новгородский клад, найденный в дер. Вылеги, Новгородского уезда, относится к самому началу IX в.² Второй по древности клад, обнаруженный в 1920 г. близ Кириллова монастыря, по младшей монете датируется 864 г.³ Три остальных ранее найденных клада относятся к более позднему времени. Небольшой клад из 10 целых монет и 30 обломков, обнаруженный в Новгороде в 1903 г., датируется по младшей монете 953 г.⁴, другой клад из 24 целых монет и 38 обломков, найденный в Новой Мельнице, в 6 верстах от Новгорода в 1924 г., относится к 974 г.⁵ Позднейший из новгородских куфических кладов, обнаруженный в 1906 г. в Собачьих Горбах, б. Новгородского уезда, содержит уже западноевропейские монеты и, по мнению Н. П. Бауера, относится к середине XI в.⁶

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при всем обилии новгородских кладов вновь найденный клад является вторым, происходящим с территории собственно Новгорода. Дата ранее найденного в собственно Новгороде клада (клад 1903 г.) очень близка дате Неревского клада, а обе эти даты относятся, ко времени самых ранних культурных напластований, вскрытых в Новгороде археологическими раскопками. Конечно, только последовательные археоло-

гические исследования во всех районах современного города помогут установить точное время возникновения Великого Новгорода как поселения городского типа на той территории, которую он занимает в настоящее время. Однако сейчас показания археологии и монетной топографии сходятся на единой дате — середине X в.

Типичность состава Неревского клада для русского денежного обращения 2-й половины X в. хорошо вскрывается его сравнением с составом других русских кладов указанного времени. Преобладание в кладах обломков монет над целыми монетами вообще характерно для русского денежного обращения этого периода, начиная с конца 30-х годов X в. Большой интерес представляют аналогии с другими кладами по хронологическому и географическому составу монет. В этом отношении наиболее близки к описываемому нами — клад, обнаруженный в 1802 или в 1803 г. в б. Псковской губернии, в полуверсте от г. Великие Луки, на берегу Ловати⁷, и клад, найденный в августе 1924 г. в дер. Новая Мельница, Новгородского района. К сожалению, от Великолукского клада сохранилась лишь весьма незначительная часть монет, которые были определены и описаны Х. М. Френом². Осталась неизвестной такая важная подробность, как вопрос о наличии или отсутствии в кладах обломков монет. Тем не менее и сохранившаяся часть клада дает интересный материал для сравнения с вновь найденным кладом. Клад из Новой Мельницы (63 экземпляра, в том числе 41 обломок, общий вес — 120 г) был разобран Р. Р. Фасмером³.

¹ П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 22, 23, № 11; А. К. Марков. Ук. соч., стр. 35, № 203.

² Fraehn. Novae symbolae ad rem numariam muhammedanorum. Petropoli, 1819. Великолукский клад принадлежит к числу крупнейших русских кладов. Он был обнаружен в двух котлах, из которых больший в процессе извлечения из земли находчиками скатился в реку, и значительная часть его монет высыпалась. Однако и сохранившаяся в руках находчиков часть весила от 6 до 7 пудов. Все эти монеты были проданы на ярмарке случайному покупателю и лишь мизерная часть клада попала в руки собирателя Флуга. В настоящее время мы можем судить о составе клада лишь по 53 монетам, заинтересовавшим Френа в собрании Флуга.

³ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок. СГАИМК, II, 1929, стр. 292, № 43. Новгородский музей, инв. № 245.

¹ Кроме публикуемого клада, см. А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, стр. 28, № 156; стр. 35, № 203; СГАИМК, I, 1926, стр. 290, № 21, 22, 23; стр. 291, № 29, 37; СГАИМК, II, 1929, стр. 292, № 43; ИРАИМК, IV, 1925, стр. 133—139 и неизданный Подборовский клад Старорусского района, хранящийся в Государственном Эрмитаже.

² А. К. Марков. Ук. соч., стр. 28, № 152.

³ Р. Р. Фасмер. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 242—276.

⁴ А. А. Быков. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. ИРАИМК, IV, 1925, стр. 133—139.

⁵ СГАИМК, I, 1926, стр. 291, № 30; СГАИМК, II, 1929, стр. 292, № 43.

⁶ СГАИМК, I, 1926, стр. 291, № 29.

Таблица 1

Династии	Клады		
	Велико- лукский	из Новой Мельницы	Нере- вский
Наместники Табаристана . . .	—	—	1
Аббасиды	2	6	16
Саманиды	41	47	284
Эмиры Эндерабе	—	1	—
Подражания Саманидам	—	1	13
Бувейхиды	4	—	7
Зияриды	4	3	3
Хамданиды	1	1	2
Хорезмшахи	1	—	1
Количество датирован- ных монет	53	59	327

По династическому составу, хронологическим и географическим показателям все эти клады обнаруживают очень большое сходство (табл. 1 и 2).

Основываясь на этих показателях, можно утверждать, что в 70-х годах X в. в денежном обращении северных русских территорий главную роль играли монеты, отпеча-

твенный, сохранивший паспорт, экземпляр редчайшей монеты хорезмшаха Ахмеда ибн-Мухаммеда, чеканенный в 348 г. х. Находка в Неревском кладе такой же монеты дает нам третий экземпляр серебряной хорезмшахской монеты X в. (еще один экземпляр, беспаспортный, хранится в Государственном Эрмитаже).

Рассмотрение всей этой группы хронологически близких кладов позволяет подтвердить один из важнейших выводов Р. Р. Фасмера, сделанный им в результате исследования всей массы восточных кладов, которые были найдены на территории Руси. Вывод этот заключается в том, что русскому денежному обращению свойственно постоянное обновление монетного материала этого обращения. Такая особенность сделала возможной — после блестящей разработки классификации русских куфических кладов, предпринятой Р. Р. Фасмером 20 лет назад¹, — более или менее точную датировку русских кладов исключительно по их династическому составу.

Согласно классификации Р. Р. Фасмера, время обращения куфической монеты в древней Руси делится на 4 хронологических периода: с 800 по 825 г. в русском обращении преобладают аббасидские дирхемы,

Таблица 2

Хронологические показатели	Клады		
	Великолукский	из Новой Мельницы	Неревский
Ранняя монета	312 г. х. (924/925 гг.)	170—193 гг. Х. (786—809 гг.)	772—788 гг.
Позднейшая монета	366 г. х. (976/977 гг.)	363 г. х. (973/974 гг.)	361 г. х. (971/972 гг.)
В пределах 50 лет (с 311 по 363 г. х.) чеканено	53 монеты (100%)	51 монета (87,9%)	317 монет (94,1%)
Наиболее полно представлен чекан	С 330 по 363 г. х.	С 331 по 361 г. х.	С 330 по 359 г. х.

ненные во 2 и 3-й четвертях X в. Очень близки эти клады и по географическому составу монет. Во всех трех кладах только по одной монете отчеканено не в восточных провинциях халифата (Нисибин—Нисибин-Халеб).

Необходимо также отметить, что именно из Великолукского клада происходит един-

¹ Р. Р. Фасмер. Клад куфических монет. . . , стр. 242—276; его же. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX вв. Л., 1931; его же. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия АН СССР, Отд. общ. наук, 1933, № 6—7, стр. 473—484; R. Vasmer. Ein neuer Munzfund des elften Jahrhunderts in estnischem Privatbesitz. Sitzungsberichten des Estnisch. Ges. 1934. Tartu, 1936, стр. 155—223.

в основном африканской чеканки; с 825 по 905 г. их сменяют аббасидские монеты, чеканенные в азиатских центрах халифата, и в некоторой степени монеты Тахиридов; с 905 по 960 г. продолжается период исключительного преобладания саманидских монет; в последний период, с 960 по 1014 г., наряду с саманидскими монетами значительную и возрастающую роль начинают играть дирхемы Бувейхидов и Зиридов. В свете этой особенности русского денежного обращения интересные результаты дает сравнение типичного состава русских кладов с типичным составом куфических кладов Западной Европы, в первую очередь — Скандинавии.

Даже первое знакомство со скандинавскими и германскими кладами обнаруживает, что они обладают серьезными особенностями, отличающими их от русских кладов. К числу важнейших особенностей следует отнести переживание значительной массы монет IX в. в кладах всего X в., столь не свойственное русским кладам. Значительный процент аббасидских монет в поздних кладах, частое присутствие в них монет Тахиридов говорят об особых закономерностях обращения дирхема в Западной Европе.

Отсутствие в западных кладах X в. той исключительности монет X в., которая постоянно наблюдается в кладах древней Руси, может, повидимому, свидетельствовать лишь о том, что с начала X в. поток восточной монеты, направлявшийся в Западную Европу через Русь и имевший в IX в. в значительной степени транзитный характер, не имеет уже той интенсивности, которую он имел до этого. Именно с начала X в. усиливается приток в древнюю Русь восточной монеты и как раз с этого времени отлив ее за западные пределы Руси ослабевает. Повидимому, мы имеем все основания говорить о том, что с начала X в. ввоз в древнюю Русь восточного серебра диктуется в первую очередь потребностями внутреннего товарного обращения древней Руси, а не нуждами транзитной торговли.

Отлив монеты на Запад продолжается и на протяжении всего X в. Некоторые материалы монетной топографии помогают выяснить, какую роль в этом отливе играл Новгород. Здесь мы сталкиваемся со второй существенной особенностью западноевропей-

ских куфических кладов. В отличие от русских кладов X в., очень редко содержащих в своем составе византийские монеты, в кладах Скандинавии эти монеты встречаются постоянно. Даже подсчет количества кладов Скандинавии и Германии с включением византийских монет, произведенный по значительно устаревшей топографической сводке А. К- Маркова, позволяет установить 73 пункта находки таких монет: 45 — на Готланде, 13 — в Швеции, 3 — в Пруссии, 5 — в Познани, 3 — в Бранденбурге, 2 — в Померании, 1 — в Мекленбурге, 1 — в Гольштейне. В то же время подсчет количества таких кладов на территории древней Руси по всей нумизматической литературе устанавливает лишь около 30 пунктов. Таким образом, следует признать, что на общем фоне уменьшения отлива серебра на Запад с территории древней Руси X в. существовали какие-то пути, на которых этот отлив еще играл весьма существенную роль.

Установлению этих путей сношения древней Руси с Западом, повидимому, может способствовать изучение топографии находок византийских монет на русских территориях. Самыми южными пунктами обнаружения таких монет являются находки киевской и черниговской групп¹; далее к северу византийские монеты неоднократно были найдены в районе среднего и верхнего течения Днепра и его притоков². С верхнего Днепра какая-то часть византийских монет проникала в бассейн Оки³ и на верхнюю

¹ В кладе из с. Денисы, Переяславского уезда (Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. ИГАИМК, V, 1927, стр. 306, 307); на территории самого Киева (В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 32, 36); в кургане Черная Могила под Черниговом (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 28 и сл.).

² В кладе из Поречья, б. Оршанского округа (Н. П. Бауер. Ук. соч., стр. 307—309), в Стародзедзинском кладе, на берегу Остера, притока Сожа (R. V. asmer. Ein in^o Dorfe Staryi Dedin in Weiss-russland gemachter Fund Kufischer Munzen. Stockholm, 1929), в Гнездовских курганах (КСИИМК, XI, 1945, стр. 28—30; КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 101 и др.), в с. Саках, Смоленской области (N. Bauer. Die russischen Funde abendlandischer Munzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Z. f. N., Berlin, 1929, 39; 1931, 40, № 61), в Дорогобужском уезде (там же, № 64), в кладе из дер. Н. Двор, б. Минского уезда (А. К. Марков. Ук. соч., стр. 23, № 134).

³ Близ Болшева, Московской области (СГАИМК, II, 1929, стр. 294, № 7), в Коростовском кладе близ Рязани (N. Bauer. Ук. соч., № 130).

Волгу', т. е. двигалась навстречу основному потоку восточных дирхемов, поступавших на Русь через Болгар. Однако не этот путь был основной торговой магистралью, по которой происходило движение византийского милиарисия. Основным путем, судя по данным монетной топографии, был путь с верхнего Днепра на Великую и далее в Прибалтику. Здесь византийские монеты обнаружены в наибольшем количестве пунктов². Что касается Новгородской земли, то в ее пределах находки византийских монет зафиксированы 4 раза, в 3 случаях — в комплексах XI в.³ Рассмотрение топографии византийских монет X в. в русских находках приводит к следующему выводу: очевидно, новгородский отрезок так называемого «пути из варяг в греки» (Ловать, Волхов) в X в. не играл особой роли. В международных сношениях Руси с Западом предпочтительнее пользовались другим вариантом этого пути — с верховьев Днепра на Великую и далее к побережью Балтийского моря, на территории современной Эстонии.

Роль этого пути в сношениях отдельных областей древней Руси с Западом хорошо вскрывается анализом русских кладов куфических монет, содержащих западноевропейский денарий. Когда в последней четверти X в. впервые начинается проникновение денария в русское денежное обращение, дена-

рий попадает первоначально не в Новгородскую землю, а на территории, по которым в более раннее время происходило движение византийской монеты. Он появляется в Стародединском кладе на Остере (клад датируется 979 г.)¹, в кладе из дер. Рудки под Черниговом (младшая монета 990 г.)², в кладе из дер. Новый Двор близ Минска (младшая монета 980 г.)³, в кладе из дер. Коростово близ Рязани (младшая монета 985 г.)⁴, в кладе из дер. Савково близ Мурома (младшая монета 996 г.)⁵. На территорию Новгородской земли денарий проникает только в XI в.

Движение серебра из Руси на Запад и с Запада в Русь, таким образом, в X в. происходит по путям, проходящим вне Новгородской земли. Поскольку это явление сочетается со значительным развитием денежного обращения в самом Новгороде, у нас есть основания предполагать, что именно Новгородская земля в первую очередь поглощала восточную монету для удовлетворения нужд внутреннего товарно-денежного обращения. Через верхнее Поволжье и Смоленщину, экономически менее развитые области, эта монета проходила на Запад с меньшими препятствиями. Более развитое, сравнительно с названными областями, производство Новгорода было основой того, что потребности новгородского населения в X в. удовлетворялись исключительно товарами местного производства. В противном случае трудно было бы объяснить резкий перелом в международных связях Новгорода, происшедший уже в начале XI в., когда начинается массовый ввоз в Новгородскую землю западноевропейского денария в обмен на продукты новгородского производства.

Вновь найденный клад не только пополняет материалы по истории обращения восточной монеты в древней Руси. Составленный из монет целого ряда государств, возникших на развалинах Аббасидского халифата, он содержит в себе и интересные сведения по истории этих государств, еще далекой от полной ясности.

¹ В с. Горках, б. Ржевского уезда (N. Bauer. Ук. соч., № 88), в с. Посаде, б. Корчевского уезда (А. К. Марков. Ук. соч. > стр. 47, 48, № 273), в с. Федово, б. Вышневолоцкого уезда (N. Bauer. Ук. соч., № 84).

² На верхнем Днепре и на Великой: в кладе из с. Васьково, б. Великолукского уезда (СГАИМК, I, 1926, стр. 290, № 22), в кладе из с. Еридово, Островского района, Псковской области (не издан, в коллекции Государственного Эрмитажа), в кладе из дер. Молоди, б. Псковского уезда (Н. П. Бауер. Ук. соч., стр. 306), в дер. Поддубье, б. Порховского уезда (N. Bauer. Ук. соч., № 51). В Прибалтике: в б. Юрьевском уезде (А. К. Марков. Ук. соч., стр. 21, № 120), в Леале, в Эстонии (СГАИМК, I, 1926, стр. 292, № 5), в кладе с острова Карлос близ Таллина (СГАИМК, II, 1929, стр. 295, № 28), в кладе из имения Пейт, б. Везенбергского уезда (ОАК за 1905 г., стр. 119) и в кладе из имения Велла, б. Перновского уезда (ОАК за 1903 г., стр. 134; ИАК, № 17, СПб., 1905, стр. 136, 137).

³ В Староладожском кладе 1920 г. (СГАИМК, I, 1926, стр. 292, № 4), в с. Рыгачево (N. Bauer. Ук. соч., № 8), в кладе из Собачьих Горбов (СГАИМК, I, 1926, стр. 291, № 29) и при раскопках Новгородской экспедиции в 1954 г. (медные монеты. См. статью Б. А. Колчина в настоящем томе).

¹ R. Vasmer. Ein im Dorfe Staryi Dedin. ..

² N. Bauer. Ук. соч., № 75, примечание.

³ А. К. Марков. Ук. соч., стр. 23, № 134.

⁴ А. И. Черепнин. Коростовский клад 1891 г. Изд. Ряз. УАК, т. VII, Рязань, 1892.

⁵ N. Bauer. Ук. соч., № 123.

Наибольший интерес представляют в кладе монеты 330—350-х годов хиджры, поскольку этот период представлен в кладе с исключительной полнотой. В истории стран Ирана и Трансоксианы (Средней Азии) эти годы наполнены сложной политической борьбой, очень отрывочно отразившейся в дошедших до нас письменных источниках.

К 340 г. х. (951/952 гг.) на территории восточной части халифата существовало четыре крупных государственных образования: на востоке, в Трансоксиане и Северо-восточном Иране — государство Саманидов; в Южном и Западном Иране — государство Бувейхидов; в Мосуле и Сирии — государство Хамданидов; в Джурджане и Табаристане — государство Зияридов.

В результате непрерывной борьбы, к 360 г. х. Хамданиды и Зияриды были фактически вытеснены с политической арены Саманидами и Бувейхидами¹. К тому же времени от Саманидского государства отделяется Хорезм, где, повидимому, с 348 г. х. начинается чеканка монеты, принципиально отличной от других куфических монет X в., — без упоминания имени аббасидского халифа². В то же время постоянная взаимовстречаемость в русских кладах монет четырех крупнейших государств Востока может свидетельствовать о том, что общность экономической жизни всех этих областей еще сохранялась в значительной степени.

Материалы клада в известной степени дополняют наши сведения о чекане отдельных городов и областей; неизданные монеты встречены в кладе неоднократно.

В описании монет использованы следующие условные знаки: Д — диаметр монеты в миллиметрах (указан в тех случаях, когда его можно установить с точностью); В — вес монеты или ее обломка в граммах; цел. (целая) и обр. (обрезок) — указание целостности монеты; стрелки указывают положение штемпеля оборотной стороны монеты по отношению к лицевой, рассматриваемой в правильном положении. В описании монет обычно дается только ссылка на издание аналогичных экземпляров, и лишь в некоторых случаях — подробное содержание легенд.

¹ См. ниже, в описании клада, монеты № 309—311, на которых имя зиярида Бистуна сочетается с именем бувейхида Рукн ад-дауля; № 151, 161, 165, где на монетах зияридского города Амуля помещено имя саманида Мансура ибн-Нуха.

² См. в описании клада, № 312.

Приняты следующие сокращенные названия изданий:

ГИМ — Отдел нумизматики Государственного исторического музея.

Зав. кл. — Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад куфических монет VIII—IX в. ИГАИМК, т. VII, вып. 2, 1931.

М. — А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896.

Т. — В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Записки Археологического общества, т. VI, 1855.

Тиз. — В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873.

СВМ — St. Lane Poole. Catalogue of oriental coins in the British Museum, v. III, London, 1877.

Ch. F. N. Symb. — Ch. Fraehn. Novae symbolae ed rem numariam muhammedanorum. Petropoli, 1819.

Rec. — Ch. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826.

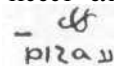
Schroder — I. H. Schroder. Catalogue numorum cuficorum in Numophylacio Academico Upsaliensi. Upsaliae, 1827.

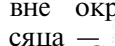
Tornb. — Tornberg. Numi cufici Regii Numophylacii Holmiensis... Upsaliae, 1848.

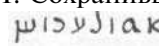
Монеты арабских наместников Табаристана

1. Имя наместника обрешено, Тапуристан, год обрешан.

Л. С. Бюст царя вправо, в окружности, внутри которой.— полуокружность, окаймляющая нижнюю часть поля. Две трети монеты утрачены; сохранившаяся левая часть несет следующие—легенды— чя гплонпй тпяя

—

вне окружности, ниже звезды и полумесяца —

О. С. Обычного типа, заимствованного с монет Хосроя II. Сохранившаяся правая часть несет легенду и изображение звезды и полумесяца вне трех окружностей.

Зав. кл., стр. 2, 3, № 3, 5, 6. Д. 21; В. 0,61; обр., трижды пробита; / (табл. II).

Полудрахмы подобного типа встречаются как среди монет Омара (772—788 гг.), так и среди монет Сайда (777—779 гг.). К сожалению, имя наместника на описываемой монете утрачено, поэтому приходится датировать ее суммарно 772—788 гг.

Аббасиды

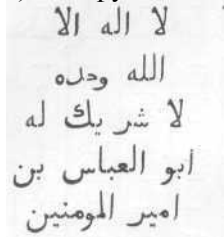
Ал-Мутамид (256—279 г. х. = 870—892 гг.)

2. Место и год чекана обрезаны. В. 1,02; обр.

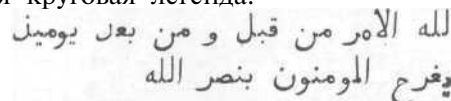
Ал-Муктадир (295—320 г. х. = 908—932 гг.)

3. С именем наследника абу-Аббаса, ар-Рафика, 313 г. х. (925/926 гг.).

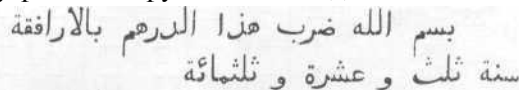
Л. С. В поле, в окружности:

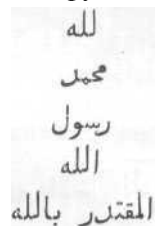
Внешняя круговая легенда:

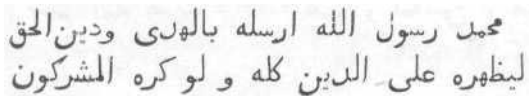
Внутренняя круговая легенда:

О. С. В поле, в окружности:

Круговая легенда:

Монета не издана. Д. 25; В. 2,48; цел.:/ (табл. II).

Имя наследника абу-Аббаса помещается на всех монетах ал-Муктадира, начиная с рождения абу-Аббаса в 297 г. х. (909/910 гг.). В 322 г. х. абу-Аббас был провозглашен халифом -под именем ар-Ради '.

Дирхемы ал-Муктадира, чеканенные в ар-Рафике, небольшом иракском городе

¹ В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата. СПб., 1873, стр. 238, примечание к № 2214.

в провинции Джазире¹, до сих пор были известны лишь трех годов: 296 г. х. (908/909 гг.)², 299 г. х. (911/912 гг.)³ и 302 г. х. (914/915 гг.)⁴

4. Место чекана обрезано, 318 г. х. (930 г.). В. 1,10; обр.

Ар-Ради (322—329 г. х. = 934—940 гг.)

5. Арраджан⁵, 323 г. х. (934/935 гг.). Тиз., № 2399. Д. 27; В. 3,19; цел.; *- (табл. Н).

6. Место и год чекана обрезаны. В. 0,53; обр.

Ал-Муттаки (329—333 г. х. = 940—944 гг.)

7. Место и год чекана обрезаны В. 1,57; обр.

8—17 Обрезки дирхемов аббасидского чекана X в. В.: 0,58; 0,48; 0,40; 0,36; 0,32; 0,30; 0,28; 0,23; 0,19; 0,17.

Саманиды

Основная масса дирхемов Неревского клада принадлежит чекану Саманидов. В кладе имеются монеты всех эмиров, правивших между 286 и 362 г. х. (899—973 гг.)⁶.

Исмаил ибн-Ахмед (279—295 г. х. = 892—907 гг.) — 4.

Ахмед ибн-Исмаил (295—301 г. х. = 907—914 гг.) — 3.

Исмаил или Ахмед—1.

Наср ибн-Ахмед (301—331 г. х. = 914—943 гг.) — 48.

Нух ибн-Наср (331—343 г. х. = 942—954 гг.)—33.

Абдалмелик ибн-Нух (343—350 г. х. = 954—961 гг.) — 31.

Нух или Абдалмелик — 3.

Мансур I ибн-Нух (350—366 г. х. = 961—976 гг.)' — 78.

Абдалмелик или Мансур — 2.

¹ G. Le Strange. The lands of the eastern caliphate. Cambridge, 1905, стр. 101, 102.

² В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., № 2212.

³ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 51, № 934.

⁴ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., № 2899.

⁵ G. Le Strange. Ук. соч., стр. 268, 269.

⁶ За исключением монет Исхака ибн-Ахмеда, правившего в 301 г. х. в течение очень непродолжительного времени.

Таблица 3

Годы чеканки (г. х.)	Амударья	Астра- бад (?)	Баян	Бухара	Нисабур	Самарканд	Хотгелъ	Аш-Шаш	Годы чеканки (г. х.)	Амударья	Астра- бад (?)	Баян	Бухара	Нисабур	Самарканд	Хотгелъ	Аш-Шаш
283	—	—	—	—	—	—	—	1	339	—	—	—	—	—	1	—	—
286	—	—	—	—	—	1	—	1	340	—	—	—	—	1	—	—	—
295	—	—	—	—	—	—	—	1	341	—	—	—	—	1	—	—	3
296	—	—	—	—	—	1	—	—	343	—	—	—	2	—	—	—	2
311	—	—	—	—	—	—	—	2	332—343	—	—	—	—	—	2	—	—
313	—	—	1	—	—	1	1	—	344	—	—	1	—	—	1	—	—
314	—	—	—	—	—	—	—	1	347	—	—	—	—	—	1	—	1
315	—	—	—	—	—	1	—	—	349	—	—	—	—	—	1	—	5
318	—	—	—	—	—	—	—	1	343—350	—	—	—	2	—	—	—	2
320	—	—	—	—	—	1	—	—	350	—	—	—	1	—	—	—	—
321	—	—	—	—	—	2	—	—	351	—	—	—	1	—	—	—	—
3 (1/2) 2	—	—	—	—	—	—	—	1	352	—	—	—	1	—	—	—	—
323	—	—	1	—	—	—	—	—	353	—	—	—	1	—	3	—	1
324	—	—	—	—	—	3	—	1	354	—	—	—	2	—	2	—	2
325	—	—	—	—	—	1	—	—	355	—	—	—	1	—	1	—	1
328	—	—	—	—	—	1	—	2	356	—	—	—	—	—	2	—	—
329	—	—	—	—	—	1	—	1	357	—	—	—	1	—	2	—	—
311—331	—	—	—	—	—	2	—	1	358	—	—	—	3	—	—	—	1
331	—	—	—	—	—	—	—	1	359	1	—	—	1	—	—	—	3
332	—	—	—	1	—	—	—	—	357—359	—	1	—	—	—	—	—	—
331—333	—	—	—	—	1	—	—	1	35x	1	—	—	—	—	1	—	—
335	—	—	—	—	—	—	—	—	360	1	—	—	—	—	—	—	1
336	—	—	—	1	—	—	—	—	361	—	—	—	1	—	—	—	—
337	—	—	—	—	—	1	—	—	350—361	—	—	—	—	—	2	—	2
338	—	—	—	1	—	2	—	—	Не позднее 361	—	—	14	5	1	21	—	10

Точно не определимые обрезки монет Саманидов — 81.

По городам и годам чеканки саманидские монеты клада распределяются следующим образом — см. табл. 3.

Исмаил ибн-Ахмед
(279—295 г. х. = 892—907 г. г.)

18. (Аш-Шаш) \ 283 г. х. (896/897 г. г.).
Л. С. в поле:

لا اله الا
الله وحده
==== لا
==

¹ Скобки здесь и дальше означают, что место либо год чекана не читаются, а восстанавливаются по типу монеты.

Внешняя круговая легенда:

الله الامر الخ

Внутренняя круговая легенда:

بسم الله صرب====لمث وثمانين ومائتين

О. С. В поле:

====
الله
المعتض بالله
اسماعيل

Круговая легенда:

محمد رسول الله الخ

Штемпель О. С. сдвинут
М., стр. 115, № 67. Д. 27; В. 1,49; обр.;
пробит; /.

19. Самарканд, 286 г. х. (899 г.).
Л. С. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Внешняя круговая легенда:

الله الامر الخ

Внутренняя круговая легенда:

...بسميرقند سنة ست و ثمانين و مائتين

О. С. В поле, в окружности:

الله
محمد
رسول الله
المعتضد بالله
اسماعيل بن احمد

Круговая легенда:

محمد رسول الله الخ

Т., стр. 95, 3-й вариант; Рес, стр. 42, № 18. Д. 27; В. 2,97; цел.: / (табл. II).

20. Аш-Шаш, 286 г. х. Т., стр. 95, 1-й вариант; Рес, стр. 42, № 18. Д. 28; В. 1,52; обр. (примерно 1/2 монеты); пробит; \ (табл. II).

21. Место чекана обрезано, 28(1/9) г. х. В. 0,72; обр.; \.

Ахмед ибн-Исмаил (295—301 гг. х. = 907—914 гг.)

22. Аш-Шаш, 295 г. х. (907/908 гг.). Т., стр. 118; Рес, стр. 56, № 77. Д. 28; В. 2,68; цел.; / (табл. II).

Шашские монеты Ахмеда ибн-Исмаила 295 г. х. бывают двух видов: с именем халифа ал-Муктафи и с именем халифа ал-Муктадира. Публикуемый дирхем несет имя ал-Муктафи.

23. Самарканд, (2)96 г. х. (908/909 гг.). Т., стр. 121; Рес, стр. 57, № 85. Д. 28; В. 1,25; обр. (примерно 1/2 дирхема): \ (табл. II).

Существуют два варианта самаркандских дирхемов 296 г. х., различающиеся по напи-

санию слова **مائتين**; на одном это слово написано полностью, на другом — сокращенно: **مائين**. К какому варианту относится публикуемый вариант, — сказать невозможно, так как на нем это слово отрезано.

24. Место и год чекана обрезаны; брактеат, надписи зеркальные. Д. 27; В. 0,40; обр. (примерно 2/3 дирхема). Не издан.

Исмаил ибн-Ахмед или Ахмед ибн-Исмаил

25. Место чекана обрезано; от обозначения года сохранились лишь десятки — (2) 9 х. В. 0,29; обр.

Наср ибн-Ахмед (301—331 гг. х. = 914—943 гг.)

26. Аш-Шаш, 311 г. х. (923/924 г.). На оборотной стороне символ заключен в двойную окружность; между окружностями через каждые 90° помещено по три кружка, а в промежутках — еще по одному кружку. Т., стр. 159, 1-й вариант. Д. 27; В. 2,63; цел.; пробит; f.

27. Аш-Шаш, 311 г. х. Т., стр. 159; Рес, стр. 86, № 213. Д. 28; В. 3,17; цел.: \ (табл. II).

Шашские дирхемы 311 г. различаются по написанию слова **أدى**; иногда это слово помещается в сокращенном виде: **أدل**. На нашем экземпляре это слово написано полностью. Кроме того, на нем помещена виньетка (табл. I, 32), отсутствующая на ранее изданных вариантах.

28. Балх, 313 г. х. (925/926 гг.). На лицевой стороне под символом выбит знак (табл. I, 1). М., стр. 132, № 492; Tornb, № 354; Т., стр. 162. Д. 26; В. 2,43; цел.; \.

29. Самарканд, 313 г. х. Рес, стр. 86, № 217. Д. 28; В. 1,21; обр.; /.

30. Хоттель, 313 г. х.

Л. С. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
جعفر بن احمد

Внешняя круговая легенда:

الله الامر الخ

Внутренняя круговая легенда:

...بالحتل سنة ثلث وعشرة وثلثمائة

О. С. В поле, в окружности:

الله
محمد
رسول الله
المقدر بالله
نصرين احمد

Круговая легенда:

محمد رسول الله الخ

Штемпель О. С. сдвинут.

М., стр. 132, № 495. Д. 27; В. 3,14; цел.; / (табл. II).

Имя «Джафар ибн-Ахмед», помещенное на публикуемой монете, до сих пор было известно лишь по единственному экземпляру хоттельского дирхема 312 г. х., описанному Х. М. Френом¹, который предположил, что Джафар ибн-Ахмед был тогдашним саманидским наместником Хоттельской области. Экземпляр Неревского клада, который ровно вдвое увеличивает наши скудные сведения о Джафаре, подтверждает, что помещение имени Джафара на ранее известном дирхеме не было случайным и эпизодическим.

Хотгель (или иначе Хутгаль, Хутгалайн), обозначенный как место чекана публикуемой монеты, является не городом, а провинцией. В каком городе этой провинции находился монетный двор, — неизвестно. Столицей Хоттеля, расположенного между реками Пянджем и Вахшем, в IV в. х. был город Хульбук. Однако крупнейшим городом провинции был Мунк. Единое целое в политическом отношении составляла область Вахш с главным городом Халаверд, о котором арабские историки сообщают, что он был меньше Мунка, но больше Хульбука². Несомненно, монеты чеканились в одном из этих городов. Принимая во внимание хозяйственное значение Мунка, можно

¹ Ch. Fraehn. Der orientalische Münzfund von Essemeggi in Ehstland. Bulletin de la classe Historico-philologique de l'Académie Imp. des Sciences de S.-Pb., t. V, стр. 119, № 16.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 70; G. Le Strange. Ук. соч., стр. 438.

предполагать, что монетный двор находился именно там.

Провинция Хоттель в IV в. х. была полунезависимой областью, управлявшейся эмирами местной династии, которые признавали себя наместниками Саманидов и посылали в казну Саманидов не харадж, а подарки. Ибн ал-Асир сообщает, что еще в XII в. н.э. хоттельские эмиры вели свой род от сасанидского царя Бахрам-Гура (Варахрана V, 420—438 гг. н. э.)² Повидимому, Джафар ибн-Ахмед, имя которого мы читаем на монетах, и был одним из эмиров этой династии.

Данные арабских авторов о политической истории области Хоттель крайне скудны, однако сведения о том, что эта область доставляла Саманидам много беспокойств своей непокорностью, в них встречаются. Поэтому упоминание ибн ал-Асиром имени некоего Джафара² в числе имен мятежников, выступавших против Насра ибн-Ахмеда в первые годы его правления, дает возможность предположительно отождествлять его с Джафаром ибн-Ахмедом, упоминаемым на монетах.

31. Аш-Шаш, 314 г. х. (926/927 гг.). Т., стр. 163. Д. 27; В. 2,53; обр.; /.

32. Самарканд, 315 г. х. (927/928 гг.). Т., стр. 165, 2-й вариант. Д. 30; В. 2,72; пробит; /.

33. Аш-Шаш, 318 г. х. (930 г.). Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 2). Т., стр. 167. Д. 28; В. 3,33; цел.; \ (табл. II).

В. Г. Тизенгаузен, описывая подобный экземпляр, ошибался, вслед за Торнбергом³, в определении знака над символом. Не вызывает сомнений, что это буква «ха», а не «знак в виде креста».

34—35. Место чекана сбито, 31х г. х. В.: 0,56; 1,23; на последнем экземпляре соотношение лицевой и оборотной сторон — /.

36. Самарканд, 320 г. х. (932 г.) Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 10). М., стр. 135, № 571 или 572. Д. 28; В. 2,53; левый край слегка обрзан; /.

¹ Ibn el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. Tornberg, XI. Upsala, 1851, стр. 155.

² Ibn el-Athiri. Ук. соч., VIII, стр. 59.

³ Tornberg. Numi cufici Regii Numophylacii Holmiensis... Upsaliae, 1848, № 375.

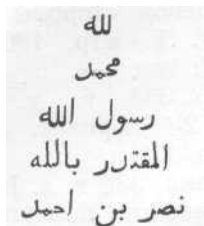
37. Самарканд, 321 г. х. (933 г.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 11). Т., стр. 174, 2-й вариант. Д. 31; В. 2,67; цел.; пробит;--,

38. (Самарканд), 321 г. х. Т., стр. 174, 3-й вариант. Д. 28; В. 3,08; край монеты обрезан; |.

39. «Брактеат»¹.

Л. С. Нет.

О. С. В поле, в двойной окружности:

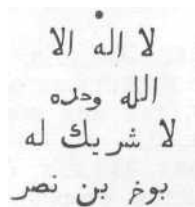

Д. 29; В. 2,49; цел.; пробит (табл. II).

40. Аш-Шаш, 3(72)2 г. х. В. 0,71; обр.

41. Балх, 323 г. х. (934/935 гг.).

Л. С. В поле: ,

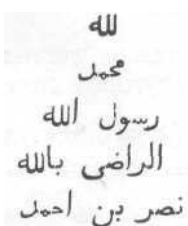

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

... يبلخ ثلث وعشرين وثلثمائة

О. С. В поле, в окружности:

Круговая легенда: обычная.

Schroder, стр. 17, № 111. Д. 30; В. 3,06; цел.; \ (табл. II).

¹ Термин «брактеат» употреблен здесь условно. На монете отчеканилась только одна сторона, оборот повторяет ее в зеркальном варианте. Подобные монеты изредка встречаются среди куфических дирхемов и порождены несовершенством чеканки: с нижнего штампера не убрали только что отчеканенную монету и положили на нее следующую.

Шредером описан подобный экземпляр с именем наследника Нуха, но точка над символом не отмечена.

42—44. Самарканд, 324 г. х. (935/936 гг.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 3). Т., стр. 172, 1-й вариант. Д. 29 (у всех 3 экземпляров); В. 3,43; 3,17; (оба цел.); 2,77 (край обр.); \.

45. Аш-Шаш, 324 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 8). Т., стр. 177, 2-й вариант (?). Д. 27; В. 3,32; цел.; /.

В. Г. Тизенгаузеном описан, повидимому, подобный экземпляр, однако знак над символом в его описании передан недостаточно точно (как кружок).

46. Самарканд, 325 г. х. (936/937 гг.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 4). Рес, стр. 569, № 229, /. В. 2,10; обр.; /.

47. Место чекана обрезано, 327 г. х. (938/939 г.). Д. 29; В. 1,96; обр.; /.

48. Самарканд, 328 г. х. (939/940 гг.). Под символом лицевой стороны помещены буквы (табл. I, 16). Т., стр. 182, 1-й вариант. Д. 28; В. 2,84; обр.; \.

49. Самарканд, 329 г. х. (940/941 г.). Под символом лицевой стороны помещены буквы (табл. I, 16).

На оборотной стороне помещено имя халифа ар-Ради. Т., стр. 183, 1-й вариант. Д. 27; В. 1,38; обр.; /.

50. Аш-Шаш, 329 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 2).

На оборотной стороне помещено имя халифа ар-Ради. Д. 29; В. 4,44; цел.; \ (табл. II). Подобный вариант в литературе не описан.

51. Аш-Шаш, 329 г. х. На оборотной стороне помещено имя халифа ар-Ради. Т., стр. 183 (?). Д. 25; В. 1,62; обр.;--.

Тождественность публикуемого экземпляра с экземпляром, изданным В. Г. Тизенгаузеном, установить нельзя, так как монета клада обрезана.

52. Место чекана обрезано, 32(1/9) г. х. Д. 26; В. 2,75; обр.; \.

53. Место чекана обрезано; 330 г. х. (941/942 гг.). В. 1,02; обр.; \.

54. Аш-Шаш, 331 г. х. (942/943 гг.). Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 13). Д. 28; В. 3,28; обр.;/. Вариант не издан; подобный экземпляр имеется в собрании ГИМ.

55—56. Самарканд, год чекана обрезан. В. 1,39; 0,77; обр.; / \

57. Аш-Шаш (?), год чекана обрезан. В. 1,19; обр.; / .

58—73. Место и год чекана обрезаны. В. 1,88; 1,55—1,42; 1,35; 1,27; 1,08; 1,02; 0,97; 0,63; 0,63; 0,34; 0,24; 0,20; 0,18; 0,10; 0,09.

Нух ибн-Наср (331—343 г. х. = 942—954 гг.)

74. Бухара, (332.) г. х. (943/944 г.).

Л. С. Над символом помещен знак (табл. I, 9).

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

...بيجارا [سنة اثنين وثلثين وثلثمائة]

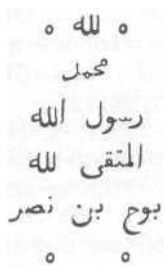
Т., стр. 186. Д. 29; В. 2,27; обр.; / (табл. II).

75. Аш-Шаш, 332 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 17). Т., стр. 186, 1-й вариант. Д. 27; В. 3,67; цел.; \.

76. Нисабур, год чекана обрезан.

Л. С. Обычная.

О. С.

Не издан. Д. 24; В. 2,48; обр.; /' (табл. II).

Имя халифа ал-Муттаки, помещенное на оборотной стороне публикуемой монеты, ограничивает возможное время чеканки этой монеты тремя годами — с 331 по 333 г. х.¹ Дирхемы этих годов, чеканенные в Нисабуре, довольно редки и имеются лишь в собрании Государственного Эрмитажа. Сравнение нашего экземпляра с экземплярами, описанными А. К. Марковым²,

¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Записки Археологического общества, т. VI, СПб., 1855, стр. 186 и ел.

² А. К. Марков. Инвентарный каталог... , стр. 143, № 745 и стр. 968, № 754а.

позволяет установить третий тип нисабурского дирхема этого времени.

77. Аш-Шаш, 335 г. х. (946/947 г.). Т., стр. 191—192, вариант не ясен. Д. 28; В. 1,66; обр.

78. Бухара, (33)6 г. х. (947/948 г.). Т., стр. 195, 5-й вариант; В. 0,93; обр.

79. Место чекана обрезано, 336 г. х. В. 0,87; обр.; -^.

80. Самарканд, 337 г. х. (948/949 г.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 16). Т., стр. 196, 1-й вариант. Д. 29; В. 3,41; цел.; -*,

81. Бухара, 338 г. х. (949/950 г.). Т., стр. 198, 2-й вариант. Д. 28; В. 3,76; цел.; / (табл. II).

82. Самарканд, 338 г. х. На лицевой стороне над символом помещена точка, под символом — знак (табл. I, 16). Т., стр. 197. Д. 31; В. 3,56; цел.; \ (табл. II).

Экземпляр Неревского клада отличается от описанного В. Г. Тизенгаузенем присутствием точки над символом лицевой стороны.

83. Самарканд, 338 г. х. В. 1,26; обр.; \. Тожество с изданными вариантами установить нельзя, так как верхняя часть монеты утрачена.

84. Самарканд, 339 г. х. (950/951 г.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 14). Т., стр. 199 (вариант не издан). Д. 31; В. 3,93; цел.; \.

85. Место чекана обрезано, 33х г. х. В. 0,74; обр.; \.

86. Нисабур, 340 г. х. (951/952 г.).

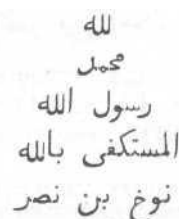
Л. С. В поле, в окружности: обычная легенда.

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

...بنيسابور سنة اربعين وثلثمائة

О. С. В поле, в двойной окружности:

Круговая легенда: обычная.

Т., стр. 201. Д. 26; В. 3,26; цел.; <-.

Экземпляр Неревского клада отличается от описанного В. Г. Тизенгаузенем отсут-

٢٩-1	٥-2	٦-3	٧-4
٨-5	٩-6	١٠-7	١١-8
١٢-9	١٣-10	١٤-11	١٥-12
١٦-13	١٧-14	١٨-15	١٩-16
٢٠-17	٢١-18	٢٢-19	٢٣-20
٢٤-21	٢٥-22	٢٦-23	٢٧-24
٢٨-25	٢٩-26	٣٠-27	٣١-28
٣٢-29	٣٣-30	٣٤-31	٣٥-32

Дополнительные значки, буквы и слова на саманидских монетах Неревского клада.

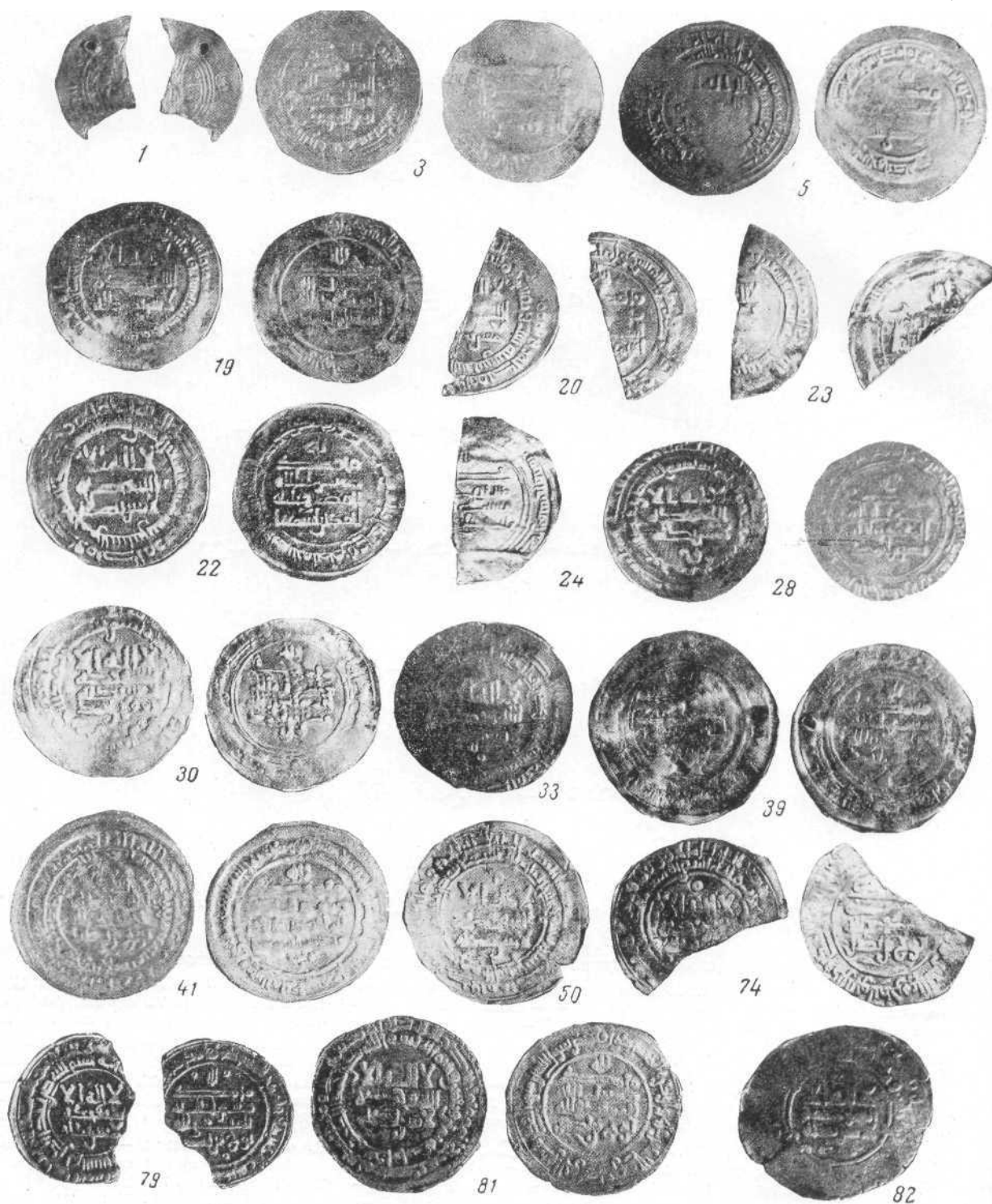
А. Значки и слова, обозначающие доброкачественность монеты¹: 1 — сокращение слова **وفا** — «верность, точность» (веса). Т., стр. 160, (№ 27); 2—6 — заменяет слово **حق** — «правильность» (веса). Т., стр. 102, (№ 32, 41—43, 45 49, 114—118, 149); 7—9 — сокращение слова **ثمام** — «полнота, полновесность» (веса). Т., стр. 169, (№ 44, 73, 169); либо **مد** — в том же значении; либо **هدب** — «чистый, без примеси»; 10 — вероятно, то же буква «мим» (см. 7—9), (№ 35); либо «о»; 11 — вероятно, первая буква слова **كامل** — «вес справедливый». Т., стр. 145, № 36; 12 — слово **عدل** — «правильность, полновесность» (монеты). Т., стр. 120, (№ 166, 167, 179, 185); 13—15 — первая буква слова **عدل** (см. 12), (№ 53, 83, 111, 124); 16 — обозначение доброкачественности монеты. Т., стр. 90, (№ 79, 81, 110, 113); 17 — первая буква слова **سلام** или **سلم** — «целость» (веса). Т., стр. 87, (№ 74); 18 — вероятно, обозначает **كفى** — «удовлетворительный» (вес). Т., стр. 203, (№ 86); 19 — сокращение слова **مصفا** — «очищенный». Т., стр. 193, (№ 87—88); 20 — слово **حب** — «драгоценный». Т., стр. 209, (№ 124); 21 — сокращение слова **سعيد** — «великолепный». Т., стр. 215, (№ 146—148); 22 — ?; 23, 24 — возможно искаженное начертание слова **عدل** (см. 12). Т., стр. 105, (№ 143, 145, 164, 178); 25 — слово **نور** или **ثور** — ? Ch. F. N. Symb., стр. 18, (№ 162).

Б. Имена и титулы (полные или сокращенные)²: 26, 27 — начало имени «Аблалмелик»? (№ 112, 185); 28 — имя «Фатегин»? (№ 109); 29, 30 — титул «бек», (№ 143, 145, 157, 174); 31 — титул «медик», (№ 92, 93).

В. Виньетки: 32 — (№ 26).

¹ См. J. G. Stickel. Handbuch zur morgenländischen Münzkunde. Leipzig, 1845. O. Codrington. A. Manual of Musliman Numismatics. London, 1904, стр. 9—10. Вопрос о значении дополнительных букв на куфических монетах окончательно не решен. Часть ученых считает возможным видеть в некоторых буквах инициалы разных чиновников, работавших на монетных дворах. См. Р. Р. Фасмер. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. Известия РАИМК IV. Ленинград. 1925, стр. 273—276.

² В таблице помещены имена, чтение которых затруднительно.

Монеты Неревского клада.

ствием знаков над символом лицевой стороны и под ним.

87. Нисабур, 341 г. х. (952/953 г.).

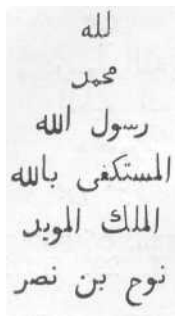
Л. С. Над символом помещены 3 точки; под символом — слово (табл. I, 18).

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

...بئيسابور سنة احدى و اربعين وثلاثمائة

О. С. В поле, в двух окружностях:

Круговая легенда: обычная.

Т., стр. 203. Д. 27; В. 2,98; цел.; / (табл. III).

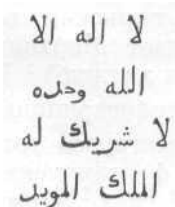
88—89. Аш-Шаш, 341 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 19). Т., стр. 202, 1-й вариант. В. 2,14; 1,47; обр.; / \.

90. Аш-Шаш, 341 г. х. В. 0,94; \.

Вариант установить нельзя, так как верхняя часть монеты утрачена.

91—92. Бухара, 343 г. х. (954/955 г.).

Л. С. В поле, в окружности:

Т., стр. 206. Д. 31 (оба экземпляра): В. 1,54; 1,29; обр.; ->-».

93—94. Аш-Шаш, 343 г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 31). Т., стр. 205. Д.: 31; 30; В.: 2,89 (цел.); 1,43 (обр.); / \.

95—96. Самарканд, год чекана обрезан. В.: 1,84; 1,02; обр.; / \.

97—106. Место и год чекана обрезаны. В.: 1,33; 1,27; 1,02; 0,95; 0,67; 0,58; 0,53; 0,43; 0,41; 0,23; обр.

13 Заказ 515

Нух ибн-Наср или Абдалмелик ибн-Нух

107—109. Место чекана обрезано, 34х г. х. В.: 0,47; 0,41; 0,23; обр.

Абдалмелик ибн-Нух (343—350 гг. х. = 954—961 гг.)

ПО. Балх, 344 г. х. (955/956 гг.).

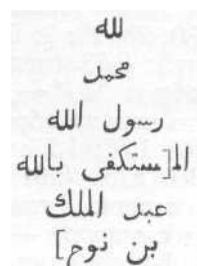
Л. С. Под символом помещено слово (табл. I, 28).

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

...بليو سنة اربع و اربعين وثلاثمائة

О. С. В поле:

Т., стр. 207, вариант не издан. В. 1,73; обр.; / (табл. III).

Имя **فنگкин** или **قنگкин** встречалось на балхских дирхемах 341 и 342 гг. х. и на бухарских фелсах 347 и 348 гг. х.¹ Созвучность этого имени с именами тюркских военачальников—Алптегина, Себуктегина, Каратегина и др. — позволяет предполагать в его носителе человека тюркского происхождения, занимавшего один из важных постов в государственном аппарате Саманидов. Дирхем 344 г. х. с именем Фатегина (?)² пополняет наши сведения о саманидском наместнике Балха и Бухары 340-х годов хиджры. У восточных авторов это имя в X в., повидимому, не упоминается.

ГП. Самарканд, (3)44 г. х. Под символом лицевой стороны помещены буквы (табл. I, 16). Т., стр. 207, Г или 2-й вариант. В. 0,90; обр.; /.

¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 203, 205, 210, 211.

Транскрипция этого имени дается условно. И В. Г. Тизенгаузен (см. указанные страницы), и А. К. Марков (Инвентарный каталог..., стр. 152, № 915, 916) вопрос о транскрипции этого имени оставляют открытым.

Точно вариант установить невозможно, так как верхняя часть монеты утрачена.

112. Самарканд, 347 г. х. (958/959 гг.). Под символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 15). Т., стр. 209, вариант не издан. Д. 31; В. 4,07; цел.; - (табл. III).

113. Аш-Шаш, 347 г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 26). Т., стр. 209. Д. 27; В. 2,56; обр.; \ (табл. III).

114. Самарканд, 349 г. х. (960/961 гг.). Под символом лицевой стороны помещены буквы (табл. I, 16). Т., стр. 211. В. 0,96; обр.; \.

115—119. Аш-Шаш, 349 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 5), под символом — знак (табл. I, 6). Т., стр. 211. Д.: 31; 30; 28; 29; ?; В.: 3,66 (цел.); 3,33 (цел., пробит.); 2,83 (цел.); 2,03 (цел., пробит.); 0,77 (обр.); $\sqrt{+/-}$.

120—124 Место чекана обрезано, 34(3/9) г. х. В.: 2,53; 1,57; 1,57; 1,27; 1,00; обр.

125. Бухара, 350 г. х. (961 г.). Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 20), под символом — знак (табл. I, 13). Т., стр. 213, 1-й вариант. В. 0,95; обр.; дважды пробит; \ (табл. III).

126—127. Бухара, год чекана обрезан. В. 1,24; 0,88; \ \.

128—129 Аш-Шаш, год чекана обрезан. В. 3,08 (край обрезан); 0,67 (обр.); \ /.

130—140 Место и год чекана обрезаны. В.: 1,52; 1,32; 0,99; 0,58; 0,49; 0,48; 0,46; 0,40; 0,40; 0,37; 0,37.

Абдалмелик ибн-Нух
или Мансур ибн-Нух

141. Место чекана обрезано, 35х г. х. В. 1,71; обр.

142. Место и год чекана обрезаны. На оборотной стороне сохранилось слово «ибн-Нух». В. 0,47; обр.

Мансур ибн-Нух (350—366 гг.
х. = 961—976 гг.)

143. Бухара, 351 г. х. (962 г.).
Л. С. В поле:

بغرا
لا اله الا
الله وحده

لا شريك له
الملك المظفر

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

بمجارا سنة احدى وحمسين وثلثمائة...

О. С. В поле, в окружности:

الله
محمد
رسول الله
المطيع لله
منصور
بن نوح

Круговая легенда: обычная.

Т., стр. 213. Д. 29. В. 2,68; цел.; \ (табл. III).

Экземпляр, описанный В. Г. Тизенгаузеном, отличается от публикуемого тем, что на нем под символом левой стороны стоит не точка, а слово «бек».

Большой интерес представляет имя **بغرا**, помещенное над символом лицевой стороны. Это имя встречается на монетах Бухары с самого начала правления Мансура I ибн-Нуха по 356 г. х. включительно¹. В чтении его до сих пор не существует единого мнения. Х. М. Френ, В. Г. Тизенгаузен и А. К. Марков читали это имя как **بغرا** (Богра)². При этом Френ отождествил Богру монет с тюркским военачальником, которого упоминает Мирхонд, называя его **بغرا الحاجب** (Богра хаджиб)³. В. В. Григорьев предлагал иную транскрипцию этого имени — **بغرا**⁴. В. Г. Тизенгаузен готов был видеть имя Богры и на фелсах, чеканенных в Ахсикете в 355 и 356 гг. х.⁵, хотя имя, помещенное на этих фелсах, самым существенным

¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 213—215; А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 155, 156, № 980, 981, 990, 1009—1011.

² В. В. Григорьев. Описание клада куфических монет X в., найденных в Рязанской губернии в 1839 г. СПб., 1841, стр. 32; А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 155 и сл.; В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 213—215.

³ Mirchond. Historia samanidorum, ed. F. Wilken. Goettinga, Dieterich, 1808, стр. 126.

⁴ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 32.

⁵ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 218 и сл.

образом отличается от имени, помещенного на дирхемах Бухары. На ахсикетских монетах упоминается не Богра, а Мансур ибн-Байкара, хаджиб منصور بن بايقر الحاجب. Последнее имя В. В. Бартольдом было найдено у ал-Макдиси, который называет Мансура ибн-Байкару первым хаджибом Мансура I¹.

После В. В. Бартольда уже не остается сомнений в том, что на бухарских и ахсикетских монетах помещены имена разных лиц. Обращает на себя внимание, что оба эти лица носили титул хаджиб (придворная должность).

144. Бухара, 352 г. х. (963 г.). Над символом лицевой стороны помещено имя Богра, под символом — الملك المظفر и слово «бек» (табл. I, 29). Т., стр. 214. Д. 29; В. Г,96; обр.; дважды пробит; /.

145. Место чекана обрезано, (3)52 г. х. В. 0,57; обр.

146. Бухара, 353 г. х. (964 г.). Над символом лицевой стороны помещено имя Богра, под символом слово — «бек» (табл. I, 29). Т., стр. 215, 2-й вариант. Д. 30; В. 2,64; края обрезаны; /.

147—149. Самарканд, 353 г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 21). Т., стр. 215, 1-й вариант. Д. 31; 28; ?; В. 4,55 (цел.); 1,50 (обр.); 0,92 (обр.). J/J/ (табл. III).

150. Аш-Шаш, 353 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 5), под символом — 3 точки. Не издан. Д. 32; В. 3,37; цел.; \.

151. Амуль, 354 г. х. (965 г.).

Л. С. В поле, в окружности:

Внешняя круговая легенда: обычная.

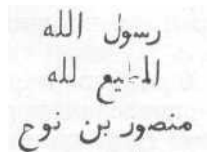
Внутренняя круговая легенда:

...بأمل سنة أربع و خمسين و ثلثمائة

О. С. В поле, в двойной окружности:

الله
محمد

¹ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 262.

. Круговая легенда: обычная.

М., стр. 155, № 983. Д. 28; В. 2,93; цел.; / (табл. III).

В X в. на Востоке известно два Амуля — один главный город Табаристана, другой — в Хорасане (на месте нынешнего Чарджоу).

В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский, занимавшиеся историей Средней Азии времени Саманидов, лишь мельком упоминали о существовании табаристанского Амуля. Что же касается Амуля хорасанского, то его выгодное положение на пути из Хорасана в Мавераннагр привлекает внимание указанных исследователей постоянно¹. От небольшого городка Амуля также начиналась узкая культурная полоса, соединявшая Хорасан и Мавераннагр с Хорезмом. Эти особенности положения Амуля хорасанского приводили к тому, что табаристанскому Амулю в истории Саманидов уделялось незаслуженно малое внимание.

К настоящему времени известен целый ряд саманидских монет, чеканенных в Амуле. Монеты эти образуют две хронологические серии: первая чеканена в 302 г. х. во времена правления Насра, вторая — в 353, 354, 356 и 357 гг. х. при Мансуре I². Чекан Амуля стилистически своеобразен и отличается изяществом.

Вопрос о том, в каком Амуле чеканились все эти монеты, не ставился специально. Историки этого вопроса вообще не касались. Нумизматы безоговорочно относили амульские монеты к чекану Амуля табаристанского.

Решению этого вопроса способствует в первую очередь анализ самих монет.

Чекан саманидской монеты в Амуле табаристанском в 302 г. х. не вызывает особых недоумений, так как в начале X в. часть Табаристана входила в состав Саманидского государства. Несколько сложнее обстоит дело с чеканом 50-х годов хиджры,

¹ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 78, 82—84, 120, 141, 142, 148, 153, 201, 220, 272, 274, 275, 278, 283, 292, 293, 313, 353 и 448; История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950, стр. 145, 159 и 227.

² По собранию Государственного Эрмитажа и

так как это время в источниках отражено очень скупо.

В середине X в. характер политической карты Ирана определялся соперничеством двух крупнейших государств Востока этого времени — Саманидского и Бувейхидского. Области Табаристан и Джурджан, находившиеся между этими государствами, в то время принадлежали Зияридам, которым для сохранения независимости приходилось постоянно лавировать между претендовавшими на их области Саманидами и Бувейхидами. В 50-х годах IV в. х. зиярид Вашмгир вынужден был признать верховную власть Бувейхидов и с этого времени выступал уже постоянно на их стороне¹. Последовательный ход событий этого времени по письменным источникам установить невозможно. Известно, что крупные и мелкие военные стычки происходили постоянно и в результате их города Табаристана то и дело переходили из рук в руки. Гардизи сообщает об успешной борьбе с Бувейхидами и Зияридами саманидского наместника Хорасана абул-Хасана Симджури². Цель этих войн хорошо видна из ответа Мансура ибн-Нуха абул-Хасану, просившему у него денег для выплаты войску: «Деньги для войска надо взять у Бистуна ибн-Вашмгира»³.

Однако военные стычки не могут объяснить систематического чекана саманидских монет в Амале в течение, по крайней мере, 5 лет. Если признавать этот Амаль за табаристанский, следует предположить, что он в течение сравнительно продолжительного времени оставался в руках Саманидов. Действительно, если рассматривать чекан Амала за более продолжительный период, то известные политические закономерности можно видеть очень отчетливо. В 351 г. х. амальская монета чеканится от имени Бувейхидов⁴, с 353 по 357 г. х. — только от имени Саманидов, с 357 по 369 г. х. — от имени Зияридов⁵, с 369 по 380 г. х. — от имени Бувейхидов⁶. Те же закономерности характерны для чекана мо-

нет соседнего с Амалем табаристанским города Джурджана, где в 341, 353 и 356 г. х. чеканится саманидская монета, с 358 по 368 г. х. — монета Зияридов, а с 369 по 384 г. х. — монета Бувейхидов¹. Все монеты, чеканенные в Амале от имени разных династий, обнаруживают несомненные черты стилистического сходства между собой и монетами, чеканенными в соседнем Джурджане.

152—153. Бухара, 354 г. х. Над символом лицевой стороны помещено «мя Богра. Рес., стр. 579, № 284а. Д.: 30; 29; В.: 2,74 (цел.); 2,73 (небольшой кусочек отломан); \ \ .

154. Самарканд, 354 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя فایق (Фаик). Т., стр. 216, 1-й вариант. Д. 30; В. 4,09; цел.; / .

Имя Амид ад-дауля Фаика — одного из самых выдающихся представителей тюркской гвардии Саманидов — тесно связано с историей последних десятилетий существования Саманидского государства, когда «области большей частью находились во власти мятежников, доходы правительства сократились, воины осмеливались притеснять население; господство перешло в руки тюрков, и решения везиров потеряли силу»².

Впервые имя Фаика появляется у восточных авторов в связи с событиями 961 г., когда Фаик помог своему воспитаннику Мансуру ибн-Нуху утвердиться на саманидском престоле. С этого времени имя Фаика встречается в источниках в описании каждого более или менее выдающегося события вплоть до самой его смерти в 999 г. В истории средневекового Востока немного найдется политических деятелей, удержавшихся у власти на протяжении 39 лет. Деятельность Фаика протекала в годы правления трех саманидских эмиров: Мансура ибн-Нуха (961—976 гг.), Нуха II ибн-Мансура (976—997 гг.), Мансура II ибн-Нуха (997—999 гг.) и в первые месяцы правления предпоследнего саманидского эмира Абдалмелика II ибн-Нуха (999 г.)³.

¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 147, 154, 156, 312—314, 319, 323 и 325.

² N e r c h a k h y. Description topographique et historique de Boukhara, publ. par Ch. Schefer. Paris, 1892, стр. 152.

³ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 262—268.

¹ В. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 42.

² В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 203.

³ Там же.

⁴ А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 323, № 9.

⁵ Там же, стр. 312—314, № 1, 6, 9, 12, 18, 20, 25, 34, 42, 43, 55 и 57.

⁶ Коллекция Государственного Эрмитажа.

За свою тридцатидевятилетнюю бурную политическую деятельность Фаик сменил нескольких союзников и противников, пережил многих из них и умер естественной смертью. Большинство содержащихся у восточных авторов сведений о Фаике касаются его военной деятельности. Однако существует и ряд известий, которые говорят о том, что Фаик был более крупным государственным деятелем, нежели военачальником. Ал-Макдиси в рукописи 375 г. х. сообщает о деятельности Амид ад-дауля по присоединению пригородов Нишапура к городу¹ и о постройке им в Тусе мечети, «лучше которой нет в Хорасане»².

Источники содержат также ряд сведений о том, что Фаик время от времени управлял отдельными наместничествами Саманидского государства. В 982 и 989 гг. он был наместником в Балхе, в 992 г. — в Балхе и Термезе, в 996 г., при содействии Караханидов, — в Самарканде.

С 355 по 378 г. х., в течение 24 лет, имя Фаика непрерывно помещается на монетах Аш-Шаша (чекан этого монетного двора был самым обильным). На монетах Самарканда имя Фаика помещается с 354 по 356 г. х., а также в 364 и 379 гг. х., на медных монетах Бухары — в 358 г. х., на медных монетах Ферганы — в 367 г. х.

Изучение монет позволяет установить, что титул «Амид ад-дауля» (глава государства, подпора государства) Фаик получил около 378 г. х. (988/989 гг.) (по шашским и самаркандским монетам этого года).

Письменные источники не содержат никаких указаний на то, что Фаик был облечен такими высшими придворными должностями, как везир или сипех-салар. Характерная для него военная деятельность позволяет догадываться, что он обладал самой высшей придворной должностью IV в. х. и был хаджибом ал-худжаб. Это предположение подтверждается и помещением его имени на монетах. На саманидских монетах довольно часто, кроме имен халифа и эмира-саманида, помещаются имена каких-то третьих лиц. Обычно эти имена лишены титулов. Однако иногда титулы встречаются. Во всех случаях, вплоть до се-

редины 370-х годов хиджры, отмечен лишь титул хаджиба. Выше, в связи с публикацией монет с именем Богры, лишенным титула, предположено, что это также имя хаджиба. Аналогичный вывод сделай и о помещенном на монетах Ахсикета имени Мансура ибн-Байкары. Повидимому, в 350—370-е годы только хаджибы помещали свои имена на монетах в дополнение к обычным именам халифа и эмира-саманида.

Ал-Макдиси называет Фаика эмиром¹. Такое титулование Фаика не противоречит предположению о том, что он был хаджибом. На тех же ахсикетских монетах звания эмир и хаджиб совмещаются в титуле Мансура ибн-Байкары.

155. Самарканд, 354 г. х. Над символом лицевой стороны — имя Фаик, под символом — 3 точки. Д. 29; В. 3,03; цел.; \ (табл. III).

У В. Г. Тизенгаузена подобный вариант с 3 точками не отмечен².

156—157. Аш-Шаш, 354 г. х. Над символом лицевой стороны помещены знаки (табл. I, 22). Т., стр. 217. Д.: 34; 30; В.: 4,03 (цел.); 2,82 (кусочек отломан; f \ (табл. III).

158. Бухара, 355 г. х. (965/966 гг.). Над символом лицевой стороны помещено имя Богра, под символом — слова (табл. I, 30). Т., стр. 218. В. 1,83; обр.; \.

159. Самарканд, 355 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя Фаик, под символом — слова بالله بيق («веряется аллаху»). М., стр. 155, № 989. Д. 30; В. 3,50; цел.; \.

160. Аш-Шаш, 355 г. х. Над символом лицевой стороны — знаки (табл. I, 22), под символом — 3 точки. М., стр. 155, № 992, вариант не издан. Д. 31; В. 3,25; цел.; \.

161. Амуль, 356 г. х. (966/967 гг.). Над символом лицевой стороны помещена шестиконечная звездочка. На оборотной стороне, слева от слова «лиллах», — знак (табл. I, 2). Т., стр. 219. Д. 27; В. 2,78; цел.; / (табл. III).

У В. Г. Тизенгаузена публикуемый вариант со звездочкой на лицевой стороне и одним указанным знаком не отмечен.

¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1940, стр. 199, примечание 1.

² Там же, стр. 204.

¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 199, примечание 1.

² В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах, стр. 216.

162. Самарканд, 356 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя Фаик. Т., стр. 218, 1-й вариант. Д. 32; В. 4,51; цел.; \.

163. Самарканд, 356 г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово نور¹ или نور² (табл. I, 25). Т., стр. 218, 4-й вариант. Д. 31; В. 3,25; цел.; f (табл. III).

164. Место чекана обрезано, 356 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя Фанк В 0,72; обр.; \.

165. Амуль, (3)57 г. х. (967/968 гг.). Штампы обеих сторон сдвинуты. М., стр. 157, № 1026, вариант не издан. Д. 27; В. 2,03 (обр.); /.

Экземпляр Неревского клада отличается от эрмитажного отсутствием слова (табл. I, 23) над символом лицевой стороны.

166. Бухара, 357 г. х. М., стр. 157, № 1023. Д. 28; В. 0,92; обр.; /.

167—168. Самарканд, 357 г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 12). Т., стр. 220. Д. 31; В. 2,56 (цел., пробит); 0,82 (обр.); \ \ .

169. Место чекана обрезано, (3)57 г. х. В. 0,50; обр.; \.

170. Бухара, 358 г. х. (968/969 гг.). Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 7). М., стр. 157, № 1032. Д. 31; В. 2,74; цел.; / (табл. III).

171. Бухара, 358 г. х. Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 22), под символом — 2 точки. М., добавление 3, № 1033а. Д. 29; В. 2,94; цел.; /.

172. Бухара, (358) г. х.? Над символом лицевой стороны — неясное слово, от которого читается только последняя буква (алиф); под символом помещено имя ал-Мухаззидж. Не издан. В. 1,45; обр. (III).

До сих пор имя الموزج (ал-Мухаззидж) встречалось лишь на бухарских фелсах 358 г. х. в сочетании с именем Фаика^{*}, с именем Абу-Бекр², со словами يلقى الله³ или с одними виньетками⁴. Чаше всего имя ал-Мухаззидж сочетается с именем Абу-Бекр. Поскольку на дирхемах других годов имя ал-Мухаззидж не встречено ни разу,

можно и публикуемую монету отнести к 358 г. х.

173. Аш-Шаш, 358 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя Фаик. Т., стр. 220. Д. 30; В. 3,06; цел.; \.

174. Место чекана обрезано 358 г. х. В. 0,94; обр.; -+.

175. Бухара, 359 г. х. (969/970 гг.). Над символом лицевой стороны помещен знак (табл. I, 22), под символом — слова (табл. I, 30). Т., стр. 223. Д. 29; В. 2,87 (цел., пробит.); /.

176—178. Аш-Шаш, 359 г. х. Над символом лицевой стороны помещено имя Фаик. Т., стр. 223. Д.: 31; 31; ?; В.: 3,84 (цел.); 2,68 (цел.); 1,23 (обр.); f \f.

179. Место чекана обрезано, 359 г. х.? Под символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 24). В. 1, 44; обр.; f.

Выше, под № 164, описан дирхем из Амуля 357 г. х., несущий слово, подобное помещенному на публикуемой монете (табл. I, 23). Однако последняя не может быть отнесена к амульскому чекану, отличающемуся изящным шрифтом и своеобразным стилем. Публикуемый дирхем по фактуре больше всего напоминает чекан Аш-Шаша или Самарканда.

180. Самарканд, 35х г. х. Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 12). В. 2,24; обр.; /.

181—184. Место чекана обрезано, 35х г. х. В. 1,14; 0,93; 0,76; 0,55 обр.; √ / .

185. Аш-Шаш, 360 г. х. (970/971 гг.). Над символом лицевой стороны помещено имя Фаик. М., стр. 158, № 1071. Д. 32; В. 2,88; цел.; /.

186. Бухара, 361 г. х. (971/972 гг.). Над символом лицевой стороны помещено слово (табл. I, 12), под символом — слово (табл. I, 27). Д. 30; В. 1,87; обр.; /.

187. (Астрабад)?, (356—357 гг. х.)?

Л. С. В поле, в окружности:

لا إله إلا
الله وحده
لا شريك له

О. С. В поле, в двойной окружности:

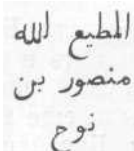
الله
محمد
رسول الله

¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог. ..., стр. 157, № 1041, 1042.

² Там же, стр. 158, № 1052—1057.

³ Там же, № 1054—1058.

⁴ Там же, стр. 157, № 1049; стр. 158, № 1050, 1051.

Круговые надписи стерты и частично обрезаны. Не издан. В. 2,17; обр.:/ (табл. III).

Сравнение публикуемой монеты с образцами чеканки различных саманидских городов позволило сделать предварительный вывод, что этот дирхем Неревского клада мог быть отчеканен лишь на одном из монетных дворов Табаристана или Джурджана в 50-х годах IV в. х., когда ряд городов этих областей чеканил монету от имени Саманидов (см. выше комментарии к № 151). При более детальном сравнении наибольшие черты сходства публикуемая монета обнаруживает с чеканом Амуля. В отличие от монет всех других саманидских городов, на которых имя Мансур ибн-Нух всегда помещается в двух строках, с разделением (Мансур/ибн-Нух), на монетах Амуля это имя изображается в трех вариантах: 1) Мансур/ибн-Нух (обычный вариант); 2) Мансур ибн-Нух (в одну строку); 3) Мансур ибн-/Нух (как на публикуемой монете). Последний вариант, аналогичный публикуемому, встречен на дирхеме 357 г. х.¹

Однако стилистические особенности монеты Неревского клада существенно отличаются от того, что мы видим на монетах амульского чекана. В поисках прямых аналогий пришлось обратиться к зияридскому чекану соседнего с Амулем города Астрабада². Один зияридский дирхем из коллекции ГИМ, чеканенный в Астрабаде в 361 г. х., по стилю работы и особенностям почерка оказался настолько близким публикуемой монете, что можно предполагать в том и другом случае работу одного резчика штемпелей. На основании этих сопоставлений, повидимому, можно допустить, что публикуемый дирхем был отчеканен в Астрабаде, до сих пор не упоминавшемся в числе монетных дворов Саманидов, во второй половине 350-х годов хиджры.

188—189. Самарканд, год чекана обрезан. В. 1,67; 0,89; обр.

¹ В коллекции ГИМ.

² G. Le Strange. Ук. соч., стр. 378, 379; В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 154, 157, 159 и 161.

190—191 Аш-Шаш, год чекана обрезан. В. 1,26; 0,58; обр.

192. Место и год чекана сбиты. Д. 32; В. 3,13; цел. \.

193. Место чекана обрезано, год сбит. В. 2,18; обр.

194—220 Место и год чекана обрезаны. В.: 2,03; 1,93; 1,81; 1,63; 1,42; 1,31; 1,28; 1,18; 1,17; 1,01; 1,01; 0,82; 0,77; 0,76; 0,75; 0,70; 0,62; 0,56; 0,48; 0,43; 0,43; 0,38; 0,35; 0,34; 0,31; 0,30; 0,14; обр.

Имя эмира не читается (не позднее Мансура I)

221. Балх, год обрезан. В. 0,83; обр.

222—235 Место и год чекана обрезаны. В.: 0,92; 0,87; 0,57; 0,50; 0,49; 0,48; 0,44; 0,35; 0,34; 0,32; 0,28; 0,25; 0,21; обр.

Сравнение этих обрезков с особенностями монет различных саманидских центров позволило отнести их к чекану Балха времени правления Нуха ибн-Насра и Мансура ибн-Нуха. Явное родство обрезков с балхским чеканом обнаруживается в особенностях шрифта надписей, широком монетном кружке, не занятом целиком монетным штампом, и других мелких формальных признаках.

236—240. Бухара, год обрезан. В. 0,88; 0,55; 0,51; 0,48; 0,42; обр.

241. Нисабур, год обрезан. В. 0,55; обр.

242—262. Самарканд, год обрезан. В.: 1,36; 0,83; 0,82; 0,52; 0,46; 0,45; 0,36; 0,36; 0,36; 0,32; 0,31; 0,29; 0,28; 0,27; 0,27; 0,26; 0,25; 0,21; 0,17; 0,16; 0,06; обр.

263—272. Аш-Шаш, год обрезан. В.: 1,85; 1,32; 0,97; 0,92; 0,57; 0,57; 0,52; 0,45; 0,39; 0,36; обр.

273—301. Место и год чекана обрезаны. В.: 1,46; 1,13; 1,01; 0,91; 0,78; 0,73; 0,71; 0,69; 0,66; 0,66; 0,64; 0,60; 0,49; 0,48; 0,46; 0,46; 0,46; 0,45; 0,43; 0,33; 0,32; 0,31; 0,29; 0,28; 0,26; 0,26; 0,25; 0,24; 0,14; обр.

Бувейхиды

До настоящего времени история государства Бувейхидов еще не получила полного освещения в научной литературе. Библиография Бувейхидов составлена небольшими статьями обзорного порядка, в которых обычно повторяется один и тот же набор фактических данных, лишенный глубоких

обобщений¹. До сих пор еще не уяснены достаточно полно и взаимоотношения отдельных ветвей рода Бувейхидов, владевших теми или иными провинциями государства. В силу этого и бувейхидские монеты классифицируются обычно крайне сложно. За основу классификации в изданиях принята система соотношений имен правящих Бувейхидов.

На некоторых монетах при этом насчитывается до трех имен, не считая имени халифа-аббасида.

Между тем Бувейхидское государство довольно четко делилось на 3 части: Фарс (со столицей в Ширазе), Керман (со столицей в Исфагане) и Хузистан, составлявший единое целое с южной частью Месопотамии (со столицей в Багдаде). Все эти почти самостоятельные государства объединялись номинальным признанием верховной власти старшего представителя рода, независимо от того, где он правил.

Бувейхидские монеты Неревского клада относятся к первому периоду существования Бувейхидского государства. В это время три сына абу-Шуджи Бувейха—Али, Хасан и Ахмед, — будучи военачальниками зиярида Мердавида, воспользовались ослаблением центральной власти в халифате и в результате военных действий против войск халифа, Саманидов, Зияридов и Хамданидов захватили почти всю территорию современного Ирана и Месопотамии и поделили ее между собой. Венцом их успехов был захват Медины ас-Селам (Багдада) Ахмедом. После потери столицы халиф ал-Мустакфи вынужден был признать Бувейхидов и присвоить братьям почетные имена: Али — Имад ад-дауля (опора государства), Хасану — Рукн ад-дауля (столп государства), Ахмеду — Муизз ад-дауля (возвеличитель государства)

Таким образом, в 945 г. аббасидский халифат, по сути дела, прекратил свое существование. Халиф утратил последнюю ви-

димость светской власти. Бувейхиды начали самостоятельно править в своих областях — государствах. Однако значение духовной власти халифа было еще настолько сильно, что даже шииты Бувейхиды не рискнули окончательно покончить с халифатом. Ахмед Муизз ад-дауля, фактически бесконтрольно управлявший областью Багдада и Хузистаном, формально носил только титул эмира ал-Умара. На монетах Бувейхидов продолжало чеканиться имя халифа, упоминавшееся и в пятничной хутбе во всех трех государствах, — иными словами, как бы сохранялась видимость верховной власти халифа, а, следовательно, и власти людей, управлявших непосредственно от его имени. Однако фактически власть багдадского бувейхида не была верховной; она переходила по старшинству: от Али к Хасану, сидевших в других областях, и т. д. Это противоречие, повидимому, отражает одну из причин непрочности Бувейхидского государства. Несомненное преимущество центральных областей в экономическом, политическом и культурном отношении настоятельно требовало, чтобы эти области остались центром единого государства. Однако это требование столкнулось с сильнейшими пережитками родового принципа у Бувейхидов, что и привело к фактической децентрализации государства.

В Неревском клада представлены монеты, чеканенные в областях, которыми правили Ахмед Муизз ад-дауля и Адуд ад-дауля (сын Рукн ад-дауля) — наиболее выдающиеся представители дома Бувейхидов. Эти монеты относятся к тому периоду, когда главой рода был Рукн ад-дауля (936—974 гг.).

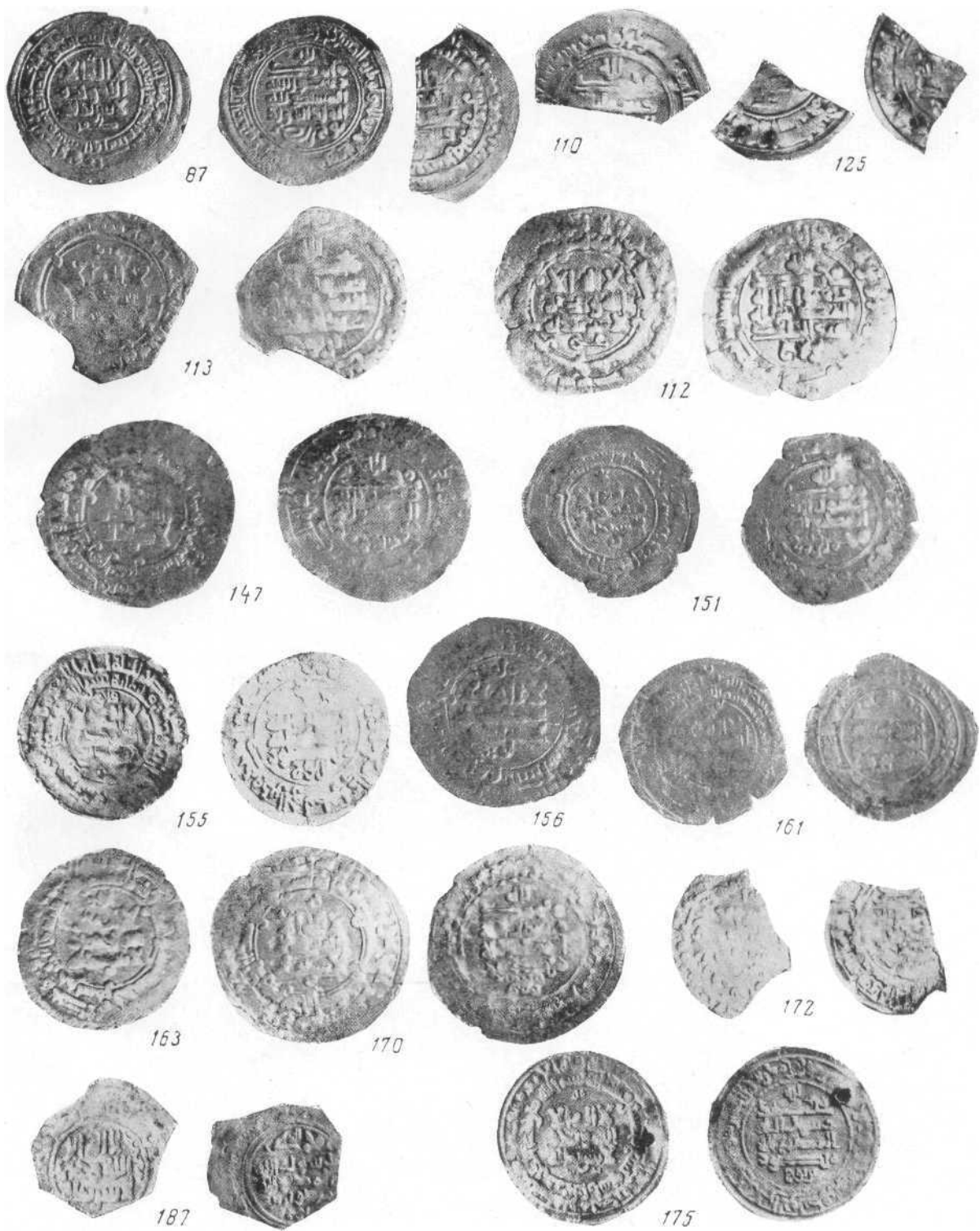
Муизз ад-дауля абул-Хусейн
Бувейх

302. Аскер Мукрем, год чекана обрзан (342 г. х. - 953/954)?

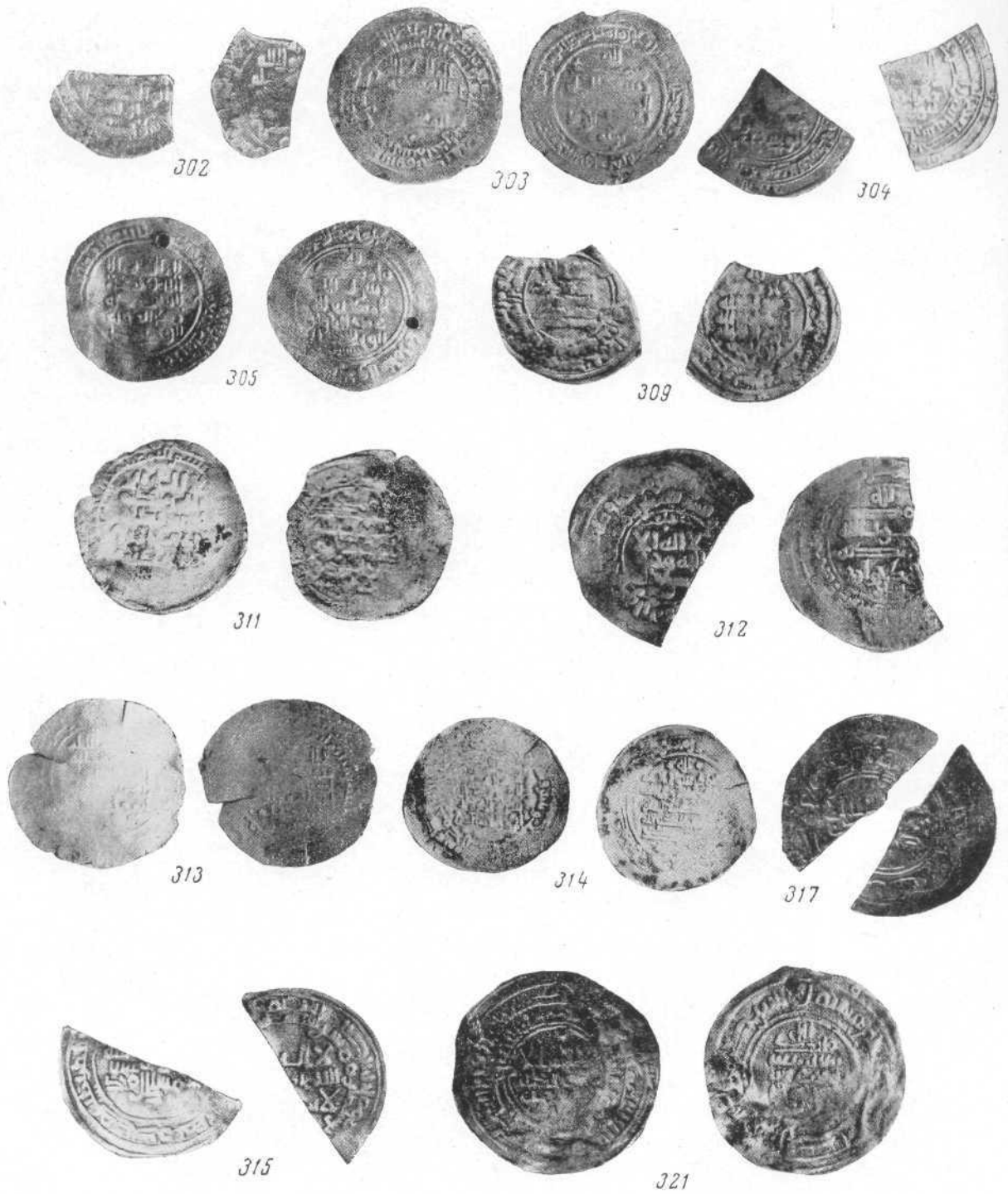
Л. С. В поле:

[لا اله الا الله]
[وحده لا شريك له]
معز الدولة
ابو الحسين
نويه

¹ См., например, П. С. Савельев. Бунды (статья в Энциклопедическом лексиконе Плюшара, т. VII, СПб., 1836, стр. 262—267); А. Мюллер. История Ислама. Пер. Н. А. Медникова, т. II. СПб., 1895, стр. 263—268; т. III, СПб., 1896, стр. 43—49, 75; Michon d. Geschichte der Sultane aus dem Geschlechte Bujch, ed. F. Wilken. Berlin, 1835; Enzyklopaedie des Islams. Leiden, 1912, стр. 841—843.

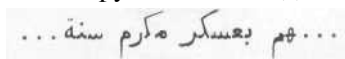

Монеты Неревского клада.

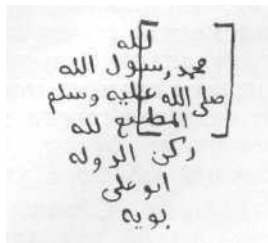

Монеты Неревского клада.

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

О. С. В поле:

Круговая легенда: обычная.
М., стр. 984, № 13а. В. 1,55; обр. (табл. IV).

Дирхемы, чеканенные в Аскер Мукреме¹, чрезвычайно редки. До сих пор были известны лишь 3 монеты этого города. Первая из них чеканена в 299 г. х. от имени халифа ал-Муктадира², вторая и третья — бувейхидские: одна, повидимому, аналогичная описываемой нами, чеканена от имени Муизз ад-дауля и Рукн ад-дауля в 342 г. х.³, другая — от имени Адуд ад-дауля и ал-Мерзубана ибн-Адуд ад-дауля в 367 г. х. (Аскер мин ал-Мукрем)⁴. Тип аскермукремского дирхема бувейхидского чекана, по сути дела, нельзя считать изданным, так как А. К-Марков в своем Инвентарном каталоге изъяснялся предельно кратко и лишь отмечал, что подобные дирхемы имеются в коллекции Эрмитажа. Поэтому есть необходимость остановиться на чекане Аскер Мукрема подробнее.

Аскер Мукрем находился в области ал-Ахваз (Хузистан) на расстоянии одного дня пути от Тустера, при впадении канала Масреккан в р. Карун. Как сообщают арабские авторы, канал Масреккан в X в. орошал земли, прекраснейшие в Хузистане. Если добавить к этому, что Аскер Мукрем находился на пересечении пяти важных дорог, то значение его в хозяйственной жизни

¹ G. Le Strange. Ук. соч., стр. 236, 237; В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 126.

² В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата, № 2332.

³ А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 984, № 14а.

⁴ Там же, стр. 321, № 80.

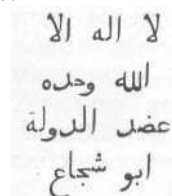
Хузистана выступает довольно отчетливо. Область Хузистан входила в состав владений Муизз ад-дауля с самого начала 30-х годов IV в. х., с того же времени начался и монетный чекан Бувейхидов в Хузистане.

Обломок дирхема Неревского клада не сохранил даты. Однако датировка его концом 30-х—40-ми годами не вызывает сомнений. Имя Рукн ад-дауля, помещенное на нем, не могло появиться на монете Муизз ад-дауля до 338 г. х., так как только с этого года Рукн ад-дауля возглавил род Бувейхидов после смерти своего старшего брата Имад ад-дауля. С другой стороны, дата чеканки нашей монеты не может быть моложе 347 г. х., так как с 348 г. х. на монетах Муизз ад-дауля помещается имя его сына Изз ад-дауля.

Наиболее близкую аналогию описываемой монете представляет аскермукремский дирхем 342 г. х. К этому году мы условно относим и публикуемый экземпляр.

Адуд ад-дауля абу-Шуджа

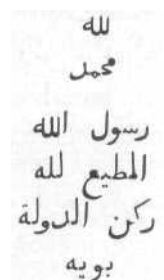
303. Дженнаба, 341 г. х. (952/953 гг.).
Л. С. В поле:

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

...بجنابا سنة احدى و اربعين و ثلثمائة

О. С. В поле:

Круговая легенда: обычная.
М., стр. 320, № 51. Д. 27; В. 3,00; цел. (табл. IV).

¹ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 126.

304. Арраджан (?), 342 г. х. (953/954 гг.).
Л. С. В поле, в окружности:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
ركن الدولة
ابو علي

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

[بار] جان سنة اثنين و اربعين و [ثلثمائة]...

- О. С. В поле, в двойной окружности:

الله
محمد
رسول الله
المطيع لله
عضد الدولة
ابو شجاع

Круговая легенда: обычная.

Не издана. В. 1,69; обр. (табл. IV).

Слово, обозначающее место чекана, сохранилось не полностью. Возможен и другой вариант чтения — «Сирджан», но он мало вероятен, так как чекан Сирджана очень редок и относится к 60-м годам.

305. Место чекана сбито, 344 г. х. (955/956 гг.).

Л. С. В поле, в окружности:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
ركن الدولة
ابو علي

Внешняя круговая легенда: обычная.

Внутренняя круговая легенда:

..... ر سنة اربع و اربعين و ثلثمائة

О. С. В поле, в двойной окружности:

الله
محمد
رسول الله
المطيع لله

عضد الدولة
ابو شجاع
حسين

Круговая легенда: обычная.

Д. 26; В. 1,97; цел.; пробит; / (табл. IV).

Публикуемая монета по своеобразию чекана не находит аналогий в чекане известных к настоящему времени монетных дворов Фарса. От названия города сохранились лишь три невнятные буквы, из которых только в последней можно с уверенностью читать как ра или за. Обращает на себя внимание очень легкий вес дирхема. При дальнейших поисках в разрешении вопроса о месте чекана этой монеты может, повидимому, помочь имя Хусейн, помещенное на ее оборотной стороне (самого Адуд ад-дауля звали не Хусейн, а Хусрау).

306—308. Место и год чекана обрезаны. В.: 0,74; 0,37; 0,28; обл.

Зияриды*

Монетный чекан Зияридов начинается с 357 г. х. (967/968 гг.), когда Вашмгир ибн-Бистун с помощью Бувейхидов прочно утвердился в Джурджане и Табаристане, изгнав из этих областей наместника Саманидов².

Среди представителей династии Зияридов монету чеканили только двое — Захир ад-дауля Бистун ибн-Вашмгир (356—366 г. х. = 967—976 гг.) и Кабус ибн-Вашмгир (366—403 г. х. = 976—1012 гг.). В Нервском кладе представлены лишь монеты Бистуна.

Захир ад-дауля Бистун
ибн-Вашмгир

309. Джурджан, 358 г. х. (968/969 гг.).
Л. С. В поле, в окружности:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

¹ Cf. Hu art. Les Ziyarides. Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, XLII, Paris, 1922; Enzyklopaedie des Islams, Bd. II, 1927, стр. 262—264; А. Мюллер. Ук. соч., стр. 261—277.

² О событиях этого периода в Табаристане и Джурджане см. выше, в комментариях к № 151.

بيستون بن
وشمگیر

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

...بجرجان سنة ثمان و خمسين و ثلثمائة

О. С. В поле, в окружности:

لله
محمد
رسول الله
المطيع لله
رکن الدولة
ابو علی بویه

Круговая легенда: обычная.

М., стр. 312, № 2—4. Д. 27; В. 2,71; обр.; \ (табл. IV).

310. Место чекана обрезано, 358 г. х. В. 0,61; обр.;/.

311. Место чекана сбито (357—359 гг. х. = 967—969 гг.).

Л. С. Как № 308, но легенда в поле не заключена в окружность.

О. С. Как № 308.

Д. 29; В. 3,21; цел.: \ (табл. IV).

Несмотря на то, что год чекана на монете не сохранился, есть все основания отнести этот дирхем к короткому промежутку времени между 357 и 359 гг. х. В данном случае определяющей является центральная легенда лицевой стороны, две последние строки которой читаются как «Бистун ибн-Вашмгир». Известно, что подобная легенда встречается на монетах Бистуна лишь с 357 по 359 г. х. С 360 г. х. им чеканятся монеты с именем Захир ад-дауля абу-Мансур Вашмгир¹, помещенном к тому же не на лицевой стороне, а на оборотной, в нижней части центральной легенды.

Место чекана установить не удалось даже путем сличения штемпелей с монетами коллекции ГИМ. В период между 357 и 359 гг. х. Бистун ибн-Вашмгир чеканил монету в трех городах — Амуле, Джурджане и Сарии. Все монеты этих центров одно-

¹ Из дирхемов, чеканенных в 360 г. х., известен лишь один с именем Бистун ибн-Вашмгир чекана Джурджана. Р. Р. Ф а с м е р. Куфические монеты Переяславского клада. ИАК, № 51, 1914, стр. 55, 56, № 41.

типны и отличаются изяществом изготовления. Экземпляр Неревского клада выполнен небрежно и разнится от них грубостью шрифта, особенно на лицевой стороне. Скорее всего, он был отчеканен на каком-то четвертом монетном дворе.

Афригиды— хорезмшахи 1-й династии

В истории стран халифата трудно найти более загадочное белое пятно, нежели вопрос о политических судьбах Хорезма после арабского завоевания в 712 г. и вплоть до конца X в. Захау, исследовавший историю Хорезма на основании данных ал-Бируни, располагал крайне скудными и отрывочными фактами об этом периоде¹. Другими исследователями лишь повторялись сведения, собранные Захау².

Сведения эти сводятся к следующему: Хорезмом с 305 г. н. э. правила династия Афригидов; в 711 г. хорезмшах Чаган, опасаясь своего брата Хурзада, ставшего во главе какого-то движения, обратился за помощью к Кутейбе — тогдашнему хорасанскому наместнику Омайядов; в 712 г. Кутейбэ вступил в Хорезм, и с этого времени до 996 г. Хорезм был разделен на две части — северную со столицей в Ургенче, где сидели арабские эмиры, « южную со столицей в Кяте, где у власти была оставлена прежняя династия хорезмшахов, бывшая в вассальных отношениях к халифату; при Саманидах Хорезм оставался полунезависимым владением, также признававшим суверенитет Саманидов.

Значение монет в расширении наших представлений о Хорезме X в. трудно переоценить, несмотря даже на то, что нумизматические памятники Хорезма этого периода крайне скудны. До 1953 г. были известны два серебряных дирхема хорезмшаха Ахмеда ибн-Мухаммеда, чеканенные им в 348 г. х.³, два или три фелса 366 г. х. с именем того же

¹ S a c h a u. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarism. Wien, 1873 (2 выпуска).

² С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевод В. В. Бартольда. СПб., 1899, стр. 296; Z a m b a u g. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre, 1927, стр. 208; Enzyklopaedie des Islarns, Bd. II, 1927, стр. 974—978.

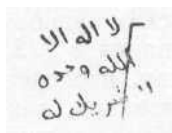
³ Ch. Fraehn. Novae symbolae..., стр. 26, 27; А. К-Марков. Инвентарный каталог..., 4-е дополнение, стр. 975.

Ахмеда ибн-Мухаммеда¹ и фелс Мухаммеда ибн-Ахмеда, чеканенный без обозначения года². Третий дирхем Ахмеда ибн-Мухаммеда был обнаружен в Неревском кладе.

Ахмед ибн-Мухаммед

312. Ховаризм, год обрезан (348 г. х. = 959/960 гг.).

Л. С. В поле:

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

بِسْمِ اللَّهِ ضَرَبَ هَذَا الدِّرْهَمَ بِحَوَارِزْمَ [سنة
ثمان و اربعين و ثلثمائة]

О. С. В поле:

Круговая легенда:

بِسْمِ اللَّهِ ضَرَبَ هَذَا الدِّرْهَمَ بِحَوَارِزْمَ
[سنة ثمان و اربعين و ثلثمائة]

Ch. F. N. Symb., стр. 26, 27, № 10, табл. II, № 10; M., стр. 975. Д. 30; В. 3,27; обр.; \ (табл. IV).

Год чекана на экземпляре Неревского клада обрезан, однако сличение этого дирхема с эрмитажным и прорисовкой дирхема из Великолукского клада установило тождество матриц всех трех монет. Следовательно, дирхем Неревского клада также чеканен в 348 г. х.

Таким образом, новых данных о чекане Хорезма публикуемый дирхем не сообщает;

¹ Ch. F. N. Symb., стр. 143, № 1; А. К. Марков. Инвентарный каталог..., стр. 295, № 1, 2. Происхождение этих фелсов неизвестно. Возможно, что описанный Френом экземпляр — один из эрмитажных.

² Ch. F. N. Symb., стр. 143, № 2. Судьба его неизвестна.

он лишь количественно увеличивает число хорезмских нумизматических памятников этого периода. Однако, несмотря на скудость этих памятников, данные, сообщаемые ими, заслуживают самого глубокого внимания.

Повторяя внешне тип обычного арабского дирхема, хорезмские монеты по содержанию легенд являются, принципиально новым и исключительно интересным типом. На этих дирхемах не помещено имени халифа, нет на них и имени саманидского эмира, необычным также является повторение данных о месте и годе чекана в круговой легенде оборотной стороны.

Хорезмские монеты 348 г. х. говорят о том, что в это время Хорезм по каким-то неизвестным нам причинам порвал со старой традицией монетного чекана, установившейся в мусульманских странах с VIII в., и фактически провозгласил свою независимость.

Хамданиды Мосула²

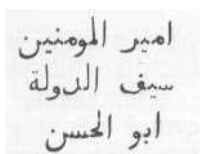
В географическом отношении несколько особняком от основного состава клада стоят две монеты Хамданидов Мосула. Однако наличие этих монет в кладе — явление вполне закономерное. Постоянное присутствие небольшого количества их в русских кладах 2-й половины X в. говорит о том, что все азиатские государства, возникшие к этому времени на развалинах халифата, сохраняли более или менее прочные экономические связи.

Насир ад-дауля абу-Мухаммед и Сеиф ад-дин Хае ан-Али

313. Место чекана сбито (331 г. х. = 942/943 гг.).

Л. С. В поле:

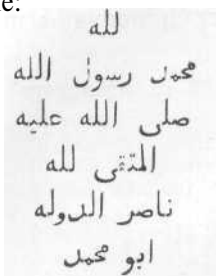
لا اله الا الله
وحده لا شريك له
ابو منصور بن

Внешняя круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

О. С. В поле:

Круговая легенда: обычная.
СВМ, т. III, стр. 4, № 5, 6; М., стр. 315, № 10—12, Д. 26; В. 2,41; цел.; \ (табл. IV).

Внутренняя круговая легенда публикуемого дирхема сильна потерта — ни место чекана, ни единицы года чекана не читаются. Однако время чекана особых сомнений не вызывает. Легенда оборотной стороны монеты содержит имя халифа ал-Муттаки, умершего в 333 г. х. Монетный же чекан Хамданидов Мосула начался с 330 г. х. Следовательно, наш дирхем мог быть чеканен лишь в 330—333 гг. х. Однако легенда оборотной стороны монет, чеканенных Хамданидами в 330 г. х., отличается от публикуемой, а хамданидских монет 333 г. х. неизвестно совершенно. Таким образом, возможное время чеканки этой монеты сокращается до двух лет — 331—332 гг. х.

Что касается предположений о месте чекана этой монеты, они еще более уточняют время ее чеканки.

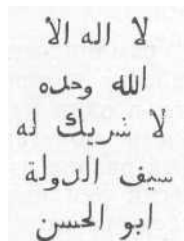
От обозначения места чекана сохранилась лишь первая буква, которая может быть прочтена либо как «каф», либо как «фа», либо как «мим». Городов, начинающихся на «каф», у Хамданидов не было. На «фа» начинается название города Филистин, из которого известен дирхем 331 г. х.¹ На «мим» начинается название двух городов — Мединат ас-Селам и ал-Маусиль. Последний вы-

¹ St. Lane Poole. Catalogue of oriental coins in the British Museum, v. III, London, 1877, стр. 5, № 6.

падает, так как на монете нет предшествующей частицы «ал». Мединат ас-Селам был в руках Хамданидов лишь два года — в 330 и 331 гг. х. Чекан 330 г. х., как уже отмечено, отличается от чекана публикуемой монеты. Следовательно, она могла быть отчеканена в Филистине или Мединат ас-Селаме только в 331 г. х.

314. Халеб, 336 г. х. (947/948 гг.).

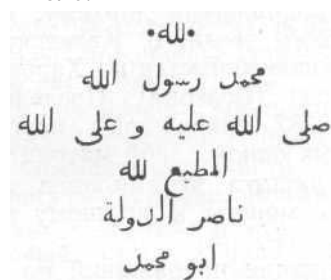
Л. С. В поле:

Круговая легенда: обычная.
Внутренняя круговая легенда:

О. С. В поле:

Круговая легенда: обычная.
СВМ, т. III, стр. 6, № 5. Д. 27; В. 3,23; цел.; / (табл. IV).

У Лэн-Пуля описана совершенно аналогичная монета, но на экземпляре Британского музея год утрачен.

Подражания саманидским дирхемам

315. Наиболее интересная из монет этой группы отнесена к ней условно. Относительно грамотная надпись на этой монете позволяет думать, что это либо неизвестный тип дирхема Волжских Болгар [часть внутренней круговой надписи можно читать как «Сувар, (3)60...»], либо это очень хорошее подражание дирхемам Исмаила ибн-Ахмеда: на оборотной стороне сохранилась часть центральной легенды, которую можно пред-

положительно читать как «Исмаил ибн-Ахмед».

Д. 30; В. 2,05; обр. (7₂); \ (табл. IV).

316—320. Подражания дирхемам Насра ибн-Ахмеда. Д. 28 (цел.); В.: 3,95; 1,42; (цел.); >/\; В.: 1,00; 0,92; 0,52; обр. (табл. IV).

321—327. Подражания дирхемам Саманидов. Д. 32 (цел., пробит.); \. В.: 1,81 (цел., пробит.; табл. IV); 1,30; 0,91; 0,71; 0,48; 0,44; 0,38; обр.

Подражания саманидским дирхемам в монетных каталогах и описаниях кладов часто помещаются в один раздел с подлинными саманидскими монетами. Здесь они выделены в особый раздел из тех соображений, что фактически они ничего общего не имеют с саманидскими монетами, хотя последние послужили для них прототипами. Подражания в своем подавляющем большинстве являются образцами чекана местных центров Восточной Европы. К настоящему времени в Восточной Европе зафиксированы уже три клада, состоящие исключительно из подражаний дирхему: в с. Кокрят, Спасского уезда, б. Казанской губернии¹, Безлюдовский клад на Харьковщине², клад в Huszt (Венгрия). Последний клад состоял из 37 подражаний монетам Исмаила, битых одной парой матриц³. Исключительная чистота этих кладов позволяет относить их монеты к местному производству.

Классификация подражаний по месту их изготовления станет возможной после кропотливой и интереснейшей работы по выяснению топографии находок различных видов подражаний. Роль в этой работе новых кладов, подобных Неревскому, не нуждается в особом разъяснении.

Подражаниями саманидским дирхемам завершается опись монет Неревского клада, определенных с той или иной степенью точности. Помимо этих определенных монет, в состав клада входят 544 обломка дирхемов (№ 328—871), о которых можно сказать лишь то, что подавляющая их масса — обломки саманидских монет (по аналогии

с определенными) и только незначительная их часть принадлежит к чекану других династий X в. Среди последних следует отметить один крохотный обрезок весом 0,06 г (№ 862), напоминающий чекан Расидов из Сааде (IV в. х.), и два обломка дирхемов-брактеатов (№ 870, 871)—очень тонкие лепестки серебра с грубым подобием арабских букв (общим весом 0,08 г). Ниже все эти обломки сгруппированы по весу:

328. В. 1,16;
329. В. 1,06;
330—331. В. 1,02 (2 экземпляра);
332. В. 1,00;
333. В. 0,97;
334. В. 0,94;
335. В. 0,87;
336. В. 0,86;
337. В. 0,82;
338. В. 0,81;
339. В. 0,79;
340. В. 0,77;
341. В. 0,76;
342. В. 0,75;
343. В. 0,74;
344. В. 0,73;
345—347. В. 0,72 (3 экземпляра);
348. В. 0,69;
349—350. В. 0,67 (2 экземпляра);
351. В. 0,66;
352—353. В. 0,65 (2 экземпляра);
354. В. 0,63;
355—357. В. 0,61 (3 экземпляра);
358. В. 0,60;
359. В. 0,59;
360. В. 0,57;
361. В. 0,56;
362. В. 0,55;
363—365. В. 0,53 (3 экземпляра);
366—368. В. 0,52 (3 экземпляра);
369. В. 0,50;
370. В. 0,49;
371—372. В. 0,48 (2 экземпляра);
373—376. В. 0,47 (4 экземпляра);
377—380. В. 0,46 (4 экземпляра);
381—384. В. 0,45 (4 экземпляра);
385—386. В. 0,44 (2 экземпляра);
387—392. В. 0,43 (6 экземпляров);
393—394. В. 0,42 (2 экземпляра);
395—397. В. 0,41 (3 экземпляра);
398—404. В. 0,40 (7 экземпляров);
405—414. В. 0,39 (10 экземпляров);
415—419. В. 0,38 (5 экземпляров);
420—426. В. 0,37 (7 экземпляров);
427—431. В. 0,36 (5 экземпляров);
432—439. В. 0,35 (8 экземпляров);
440—444. В. 0,34 (5 экземпляров);
445—458. В. 0,33 (14 экземпляров);
459—468. В. 0,32 (10 экземпляров);
469—475. В. 0,31 (7 экземпляров);
476—489. В. 0,30 (14 экземпляров);
490—497. В. 0,29 (8 экземпляров);
498—511. В. 0,28 (14 экземпляров);
512—516. В. 0,27 (5 экземпляров);
517—526. В. 0,26 (10 экземпляров);

¹ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет..., стр. 11, № 59.

² Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии..., стр. 480 и ел.

³ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, II, стр. 293, № 47.

527—536. В. 0,25 (10 экземпляров);
 537—552. В. 0,24 (16 экземпляров);
 553—571. В. 0,23 (19 экземпляров);
 572—586. В. 0,22 (15 экземпляров);
 587—599. В. 0,21 (13 экземпляров);
 600—619. В. 0,20 (20 экземпляров);
 620—628. В. 0,19 (9 экземпляров);
 629—648. В. 0,18 (20 экземпляров);
 649—668. В. 0,17 (20 экземпляров);
 669—691. В. 0,16 (23 экземпляра);
 692—721. В. 0,15 (30 экземпляров);
 722—736. В. 0,14 (15 экземпляров);
 737—762. В. 0,13 (26 экземпляров);
 763—788. В. 0,12 (26 экземпляров);
 789—805. В. 0,11 (17 экземпляров);
 806—824. В. 0,10 (19 экземпляров);
 825—834. В. 0,09 (10 экземпляров);
 835—844. В. 0,08 (10 экземпляров);
 845—854. В. 0,07 (10 экземпляров);
 855—862. В. 0,06 (8 экземпляров);
 863. В. 0,05;
 864—865. В. 0,04 (2 экземпляра);
 866—868. В. 0,03 (3 экземпляра);
 869. В. 0,02;
 870.)
 871 | Общий вес 0,08.

Значительное разнообразие веса обрезков монет не позволяет говорить о том, что в составе клада существовали какие-либо группы обрезков, подогнанных под те или иные весовые нормы. Обрезки Неревского клада являются типичными «довесками», характерными для русского денежного обращения второй половины X в., когда вес целого дирхема сделался таким неустойчивым, что целостность монеты перестала служить критерием определения реальной стоимости монет.

Наличием в кладах обломков такого пестрого веса и объясняется характер весовых гирек, входящих в состав Неревского клада. Гирьки были необходимой принадлежностью проверки денежных сумм при платежах.

К сожалению, большинство гирек в силу неблагоприятных почвенных условий сильно испорчено коррозией и значительно изменило свой вес. В состав клада входят следующие гирьки:

1. Бочковидная гирька весом 36,55 г. Гирька утратила частично бронзовую оболочку на плоскостях с обозначением кратностей, так что количество точек на ней неразлично, однако вес ее сохранился

почти без изменений. Высота — 21 мм, диаметр — 22 мм.

2. Бочковидная гирька весом 24,76 г. Количество точек на плоскостях неразлично, сбоку медная оболочка гирьки лопнула, однако вес гирьки почти не изменен коррозией. Высота—16,5 мм, диаметр — 21,5 мм.

3. Бочковидная гирька весом 16,78 г. На одной плоскости — 4 точки, на другой — количество точек неразлично. Оболочка местами разрушена. Железная сердцевина также испорчена коррозией. Гирька потеряла около V_s веса. Высота — 16,5 мм, диаметр — 21 мм.

4. Бочковидная гирька весом 8,90 г. На одной плоскости — 2 точки, на другой — тоже 2. Гирька сильно испорчена коррозией, оболочка покрыта трещинами, местами под ней имеются пустоты. Высота — 13 мм, диаметр — 18 мм.

5. Точно такая же, как и предыдущая, гирька весом 15,25 г. Гирька подверглась коррозии. Высота — 14 мм, диаметр — 16 мм.

6. Бочковидная гирька весом 3,26 г. Количество точек на плоскостях неразлично. Гирька сильно попорчена коррозией. Высота — 9 мм, диаметр — 11 мм.

7. Остатки бронзовой оболочки небольшой четырнадцатигранной гирьки. Сохранились две широкие плоскости; на одной из них изображены 3 точки, другая гладкая. Высота гирьки — 7,5 мм.

8. Свинцовый грузик в виде небольшого конуса (высота — 9 мм, диаметр основания — 13 мм), часть которого по вертикали отсечена. Вес — 3,51 г.

9. Свинцовый грузик в виде небольшого кружка (диаметр — 11 мм, толщина — 4 мм) весом 3,10 г.

10. Хрустальная цилиндрическая бусина весом 2,98 г.

11. Хрустальная сфероидальная многогранная бусина весом 2,04 г.

Находка набора гирек в монетном клада 2-й половины X в. является второй находкой такого характера. Набор бочковидных гирек ранее был обнаружен в неизданном Подборовском клада из-под Старой Руссы, хранящемся в Государственном Эрмитаже.

А. Ф. Медведев

ВОДООТВОДНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
В БЛАГОУСТРОЙСТВЕ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

Новгород Великий, один из выдающихся центров культуры древней Руси, был основан в X в. в болотистой местности, изобилующей грунтовыми водами. Обилие грунтовых вод создавало большие неудобства в жизни бурно развивавшегося города. Вода заливала не только подвалы, но и портила товары и запасы продовольствия в амбарах и складах. Новгородская почва, образовавшаяся уже в условиях живого города из древесного и органического перегноя, подобно губке впитывала грунтовые воды и долго сохраняла влагу. Насыщенная грунтовыми водами новгородская земля не в силах была быстро поглотить атмосферные осадки.

Все это заставило новгородцев искать эффективных способов борьбы с грунтовыми водами уже вскоре после основания города. И эти способы были найдены.

Многолетние археологические исследования в Новгороде показали, что во всех частях города — и на Софийской, и на Торговой стороне — уже с X в. новгородцы стали мостить свои улицы, проезды, дворы и пешеходные дорожки¹. Новгородская почва, обильно насыщенная грунтовыми водами с примесью минеральных солей², прекрасно сохранила до наших дней многочисленные остатки древних деревянных мостовых. Конструкция их в Новгороде с X до XVIII в. была неизменной. Основу мо-

стовой составляли три лаги (бревна 10—20 см в диаметре и до 12 м длиной), уложенные вдоль мостовой параллельно друг другу и на расстоянии около 1,5 м друг от друга. Поперек продольных лаг укладывались плахи — толстые расколотые продольно пополам бревна — плоской стороной вверх. Плахи хорошо подгонялись друг к другу. С нижней стороны на них делались полукруглые вырубki, соответствовавшие по форме и размерам круглым лагам. Эти вырубki обеспечивали прочное устойчивое положение плах во время езды по мостовой.

Для плах использовались преимущественно толстые сосновые и еловые бревна, диаметр которых нередко достигал 40—50 см.

Мостовые описанной конструкции были очень прочны и в условиях Новгорода весьма долговечны.

Они служили от 15 до 30 лет, а в среднем — 20 лет.

Подобные мостовые играли существенную роль в благоустройстве древнего Новгорода. Городские власти заботились об исправности уличных мостовых, о чем свидетельствуют не только прекрасно сохранившиеся многоярусные настилы мостовых многих древних улиц¹, но и дошедший до нас

¹ См. Новгородский исторический сборник, вып. 1—8; Отчеты Новгородской археологической экспедиции ИИМК за 1938—1954 гг. и Новгородского музея за 1946—1948 гг. Архив ИИМК.

² Б. К. Мантейфель. Естественные богатства Ильменского бассейна. Новгородский исторический сборник, вып. 3—4, Новгород, 1938.

¹ Перечислю лишь некоторые вскрытые раскопками и земляными работами многоярусные мостовые улицы: Великой — 28 ярусов, Холопией — 25, Козьмодемьянской — 6, Борковой — 6, Чудинцевской — 12, Прусской — 6 и пересекающей ее у базара не выясненной пока улицы — 6, Лубяницы — 6, проезда от Николодворищенского собора к Волхову — 5 ярусов и т. д. Лишь первые две улицы и проезд от Николы раскопаны в значительной части.

от XI в. устав князя Ярослава «О мостех» . В уставе предписывалось жителям отдельных улиц следить за сохранностью мостовых на строго определенных участках города и, в случае неисправности, чинить эти участки или настилать новый ярус на существующий.

Деревянные благоустроенные мостовые спасали новгородцев от грязи на улицах и дворах, но они не спасали амбары и другие хозяйственные постройки, где хранились запасы, от губительного действия грунтовых вод. Грунтовые воды под влиянием осмотического давления поднимались вверх и разрушали стены каменных церквей и других построек.

Техническая мысль новгородцев преодолела и это зло. Уже в XI—XII вв. в Новгороде возникает остроумная и оригинальная система дренажирования грунтовых вод с помощью деревянных составных водоотводных труб, сделанных из огромных бревен. Конструкция таких труб проста: брались две половинки бревен, в каждой из которых выдалбливался полукруглый жолоб, и затем эти половинки соединялись. При раскопках в Неревском конце и на Ярославовом дворе отдельные звенья таких труб в различных водоотводных магистралях XII—XV вв. достигали 20—22,5 м, а внешний диаметр — 60 см.

Мне уже приходилось писать о водоотводных сооружениях древнего Новгорода, открытых еще до Великой Отечественной войны и впервые опубликованных в 1938 г. В опубликованной мною в 1951 г. статье² дан обзор открытых к тому времени остатков водоотводных сооружений и на основе археологического материала и письменных источников подвергнуто критическому разбору ошибочное мнение А. А. Строкова и других исследователей, считавших эти сооружения водопроводными.

На основании всех ранее известных данных о так называемом новгородском водопроводе было выяснено истинное назначение постоянно встречающихся при археологических раскопках и земляных работах в Новгороде деревянных труб, крытых желобов и связанных с ними в единую систему

¹ Новгородская летопись по синодальному хартийному списку. СПб., 1888, стр. 487, 488.

² А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, 40, 1951, стр. 51—73.

колодцев. Все они без единого исключения являются составными частями различных водоотводных систем. Основное назначение подобных систем — отводить грунтовые воды из-под различных построек, чтобы предохранить эти постройки, а также все, в них находившееся, от порчи и разрушения. В отдельных случаях вода из колодцев этих водоотводно-дренажных систем могла использоваться для тушения пожаров и для других хозяйственных надобностей (но ни в коем случае не для питья и приготовления пищи); да и это, повидимому, случалось очень редко, так как абсолютное большинство колодцев в водоотводных системах было тщательно покрыто сверху бревнами и слоями бересты и засыпано землей.

Судя по всем данным, в том числе и материалам Неревского раскопа, новгородцы прилагали много усилий к тому, чтобы водоотводные системы из труб и соединительных колодцев были как можно тщательнее изолированы от проникновения в них грязи и мусора. Такая забота новгородцев вполне понятна и обоснована назначением этих сооружений отводить грунтовые воды из-под хозяйственных и общественных построек. Водоотводные системы были рассчитаны на долгие годы; они действовали иногда многие десятилетия и, возможно, даже столетия¹. Чтобы водоотводные сооружения исправно функционировали, они, естественно, не должны были засоряться. Вот почему трубы тщательно обертывали несколькими слоями бересты, а колодцы прикрывали сверху бревнами или плахами и опять слоями бересты, являвшейся исключительно надежным и долго сохранявшимся изолирующим материалом. Берестой закрывали даже швы между половинками составных труб, но не для того, чтобы предохранить, — как полагают исследователи, считающие эти сооружения водопроводными, — питьевую воду от загрязнения грунтовыми водами, а именно для изоляции самих труб от внешней грязи.

Подобные водоотводы применялись и для осушения помещений для скота²; в таких

¹ Под каменными зданиями церквей. См. Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860, стр. 391, 392, 627—633.

² Подобно тому, как это наблюдалось в 1947 г. при раскопках на Чудинцевской улице. См. А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 62—64, рис. 13.

случаях водоотводы представляли собой системы канализации. Принцип этих дренажных сооружений совершенно тот же, что

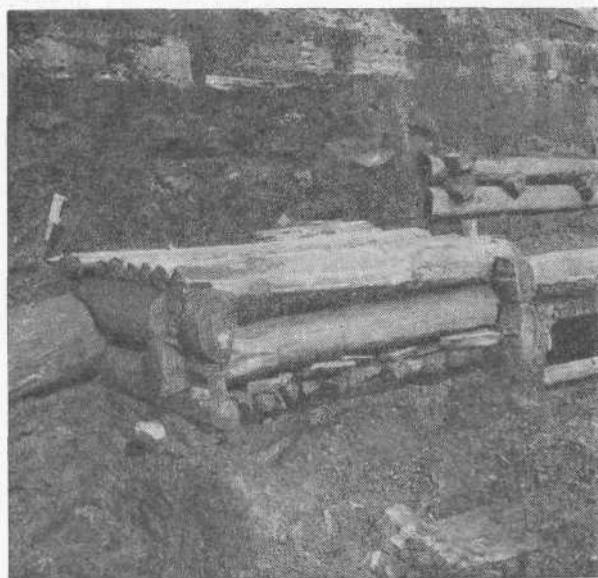
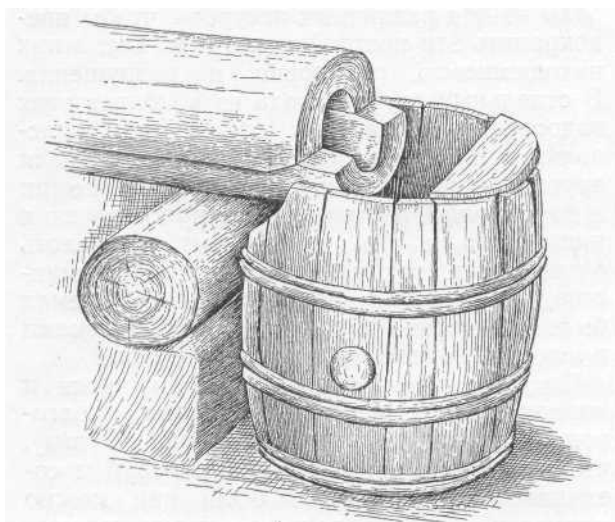

Рис. 1. Водосборная бочка без дна с водоотводной трубой (1) и соединительный колодец с трубами (2) в системе водоотводной магистрали XII в. на Ярославовом Дворище.

и система для отвода грунтовых вод из-под срубов.

Новые археологические материалы, открытые при грандиозных раскопках в Не-

ревском конце города, еще раз подтверждают правильность вывода о дренажном назначении систем из труб и колодцев. В этом конце древнего Новгорода были обнаружены исключительно водоотводные (дренажные) системы.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на вновь открытых водоотводных сооружениях в Неревском конце Новгорода и других частях города. Теперь же для более четкого уяснения назначения водоотводных и осушительных сооружений следует еще раз остановиться на устройстве и принципах действия отдельной водоотводной системы в целом и ее составных частей.

Любая водоотводная (дренажная) система древнего Новгорода начинается под различными деревянными или каменными сооружениями общественного или хозяйственного назначения и кончается у реки¹, куда отводятся грунтовые или сточные воды из-под построек. Водоотводная система состоит из следующих основных частей: 1) водосборов (бочек) под постройками (рис. 1, 1), 2) выводных или отводных труб, отходящих с уклоном от водосборов, и 3) основной водоотводной магистрали, к которой обычно подключались отводные трубы из-под нескольких сооружений.

Итак, типичная схема последовательных звеньев водоотводной системы в целом такова: водосбор — отводная труба — магистральная труба до реки.

Отводные трубы подключались к магистральной трубе двумя способами, которые хорошо прослежены при раскопках Новгородской экспедиции. Простейший способ подключения отводных труб к магистрали — это вруб. При таком способе в магистральной трубе, обычно более толстой, сбоку вырубалось прямоугольное окошечко, в которое и вставлялся другой конец выводной трубы. Стык всегда тщательно обертывали берестой, чтобы не допустить проникновения грязи в магистраль.

Другой способ подключения отводных труб к магистрали — через соединительные

¹ Грунтовые воды могли отводиться и в любой ручей, ров или овраг, расположенные ниже построек. Подобное явление наблюдалось в Москве, в Зарядье, где трубы имели уклон от построек на Великой улице не прямо к реке, а в ров (см. А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 70—72).

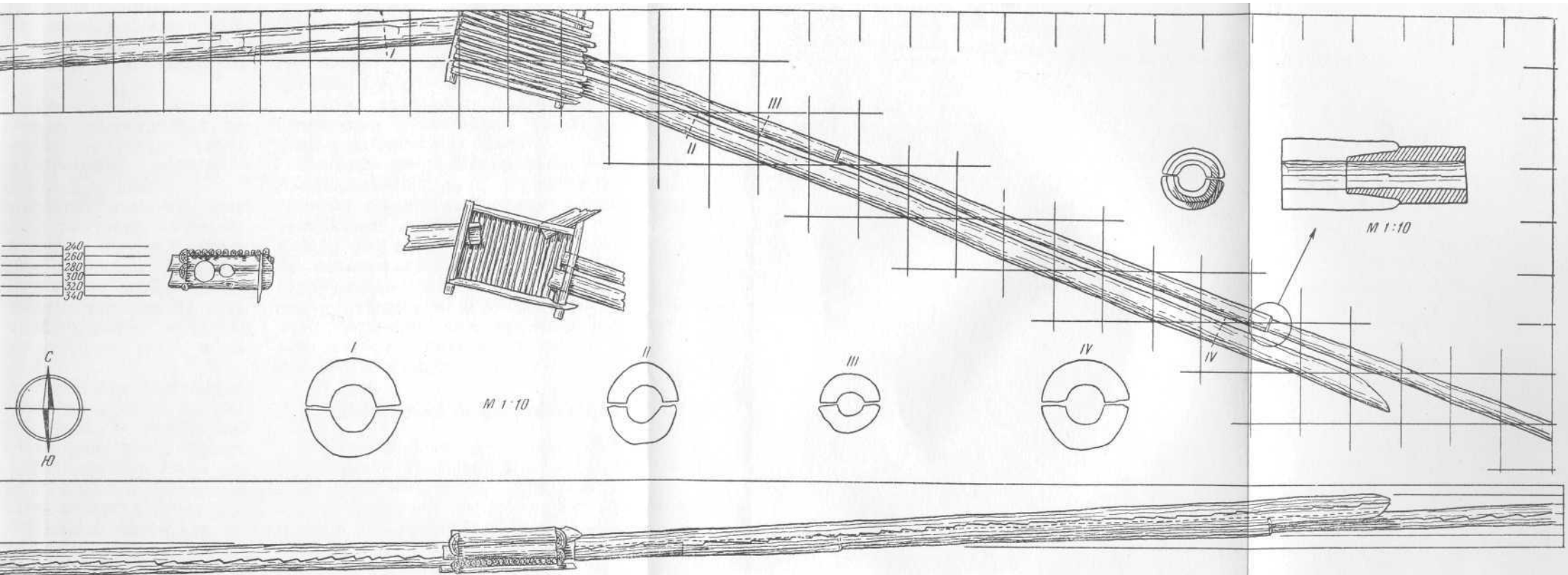
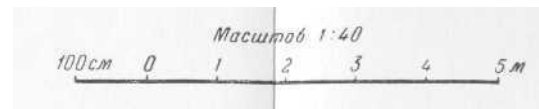

Рис. 2. Водоотводная система XII в. на Ярославовом дворище в Новгороде.

колодцы, которые состояли из нескольких венцов (как правило, — от 2 до 5) и никогда не были глубокими (рис. 1, 2 и 5, 2). Все они тщательно покрывались сверху бревнами, плахами или жердями и берестой или хвойными ветками. Верх соединительных колодцев находился несколько ниже поверхности земли. Соединительные колодцы всегда имели дно из бревен, досок или плах. Дно делалось в них с той же целью, что и покрытие, — предохранить от засорения водоотводную магистраль.

Таким образом, более сложная схема последовательных звеньев водоотводной системы такова: водосборная бочка — отводная труба — соединительный колодец — магистральный водоотвод до реки.

Водосборное устройство делалось ниже уровня нижнего венца постройки, из-под которой надо было отводить воду, а в каменных зданиях — ниже верхнего горизонта фундамента, где начинается кладка стены. Это вполне естественно, так как назначение водоотвода — предохранять постройки от разрушительного действия воды, а запасы — от порчи.

Под срубными постройками водосборное устройство всегда состояло из бочки без дна, вкопанной доверху в грунт. В специальный вырез ее сверху клали один конец круглой отводной трубы, проложенной в земле под нижним венцом сруба, всегда с уклоном от бочки. Другим концом отводная труба подключалась к магистральной линии или посредством описанного вруба, или с помощью соединительного колодца. Грунтовые воды по закону сообщающихся сосудов заполняли бездонную бочку снизу и, достигнув уровня трубы, благодаря ее уклону, устремлялись самотеком по отводной трубе в соединительный колодец и из него по магистральной трубе — в реку.

Через соединительный колодец к магистрали иногда подключались отводные трубы сразу от двух (и более) построек. Подобное явление было прослежено в водоотводной системе XII в. на Ярославовом Дворище, открытой Новгородской экспедицией в 1947—1948 гг. (рис. 2)².

¹ А. Ф. Медведев. Ук. соч., рис. 12а.

² А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 5, рис. 1. См. также А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 60, рис. 11.

Как теперь точно прослежено при раскопках в Неревском конце, магистральная труба прокладывалась под землей на глубине от 50 до 90 см, а траншеи для прокладки труб иногда достигали 1,40 м глубины; чаще всего глубина их не превышала 1 м.

Здесь трубы также укладывались с уклоном к реке и на несколько большей глубине, чем отводные трубы. Углубление и уклон обеспечивали беспрепятственный проток грунтовых вод из водосборных бочек под срубами в реку.

Таковы устройство и принцип действия самотечных водоотводов древнего Новгорода и их составных звеньев.

По тому же принципу были устроены и дренажные системы с желобчатыми водосборами вдоль фундаментов и дренажные сооружения в помещениях для скота, где иногда отводные трубы и простые желоба не подключались к магистральной трубе, а грунтовые и сточные воды поступали из них в глубокие поглотительные колодцы без дна. Последние, как правило, располагались на более низком участке и вода из них просто уходила в грунт¹.

Водоотводная система XII в.

В 1947—1948 гг. экспедицией ИИМК на Ярославовом Дворище Новгорода были открыты разновременные водоотводные системы. Наиболее интересная из них была связана с огромным срубом XI в. или самого начала XII в.; размер сруба по фасаду, выходящему к мостовой, был более 17 м. Повидимому, А. В. Арциховский совершенно прав, считая это сооружение частью дворцовой постройки князя Ярослава Мудрого или одного из князей, живших на Ярославовом Дворище² до их изгнания в 1136 г.

Под этим огромным сооружением находилась вкопанная в грунт водосборная бочка без дна, от которой отходила толстая отводная труба с уклоном от бочки (рис. 1—1). Водоотводная труба шла под нижним.

¹ Такие поглотительные колодцы были встречены в 1947 г. на Чудинцевской улице (А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 62, рис. 13) и в 1953 г. на Великой улице в системе водоотвода каменного здания конца XIV в.—начала XV в.

² В Новгородских летописях Ярославово Дворище носило еще название «Княж двор», свидетельствующее о том, что здесь жили новгородские князья и стояли княжеские постройки.

венцом западной стенки сруба в сторону Волхова. Возможно, что она подключалась через трубу, входившую в соединительный колодец с северо-востока, к грандиозной магистрали водоотвода, проложенного от церкви Николы вдоль названной постройки к Волхову.

(рис. 3). Вся система была проложена, по уточненным данным, в слое конца XI в. -- 1-й половины XII в.

Судя по направлению упомянутой водоотводной магистрали от церкви Николы к Волхову, по грандиозности ее и наличию сразу двух шедших параллельно от церкви

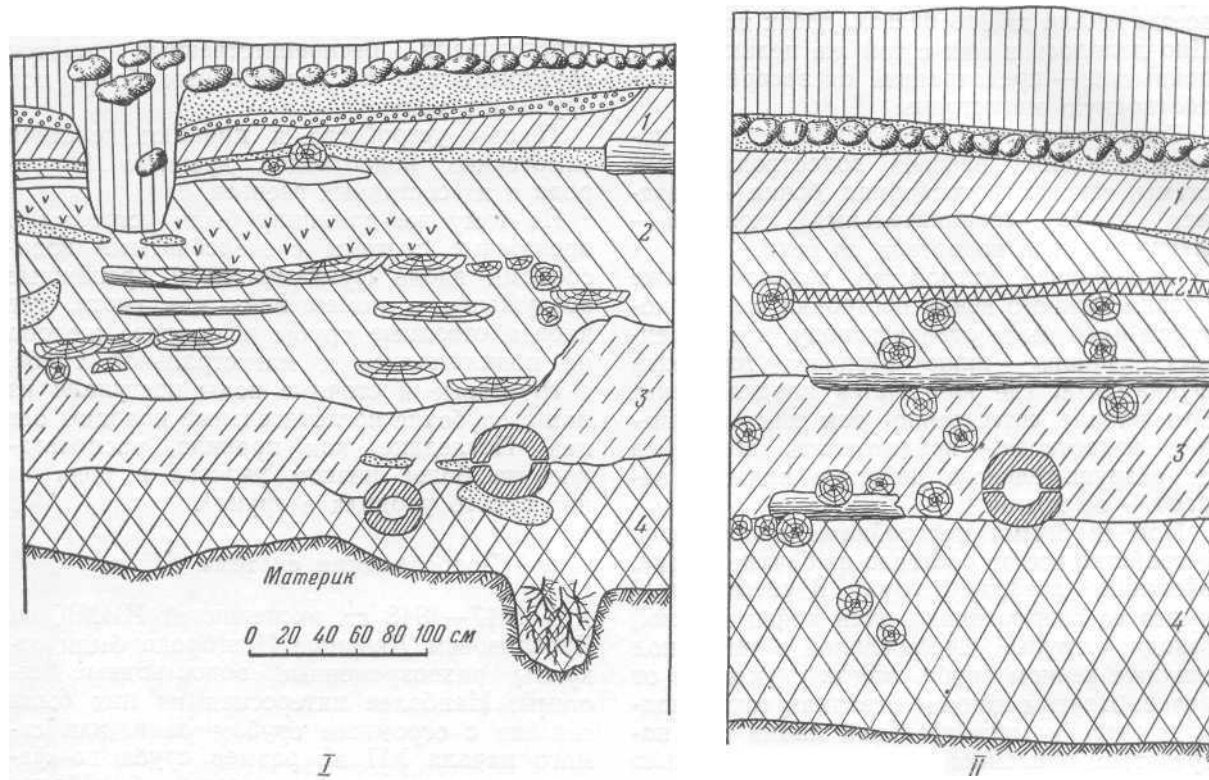

Рис. 3. Расположение магистральных труб водоотвода XII в. на Ярославовом Дворище в профиле восточной и западной стенок раскопа 1947—1948 гг.

/ — профиль восточной стенки; // — профиль западной стенки; 1—3 — культурные слои; 4 — древнейший культурный слой X—XI вв.

Магистральный водоотвод Ярославова Дворища был вскрыт раскопками на отрезке более 35 м. Конечно, это лишь часть его, и сравнительно небольшая (рис. 2).

Водоотводная магистраль залегала под самым нижним ярусом уже упоминавшейся мостовой какой-то улицы, которая вела от паперти Николодворищенского собора к Волхову или Великому мосту. Лаги мостовой лежали непосредственно на бревенчатом и берестяном покрытии соединительного колодца, а трубы — на глубине всего лишь 20—25 см от поверхности земли, на которой лежали лаги древнейшей мостовой

труб, закономерно предположить, что эта магистраль могла отводить воду или из-под самой церкви Николы (1113 г.), или же от княжеских построек, стоявших недалеко от входа в собор, как это часто было на Руси¹.

Магистраль Ярославова Дворища состояла из большого крытого соединительного колодца (из двух венцов широких горбылей) и четырех толстых цилиндрических труб, длина отдельных отрезков которых

¹ Например, в Москве, Твери, Киеве, Боголюбове. См. Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М., 1945, стр. 16, 64.

превышала 18 м, а диаметр равнялся 50 см. Колодец имел дно. Три трубы в него подводили воду, по четвертой, самой толстой, вода самотеком уходила в Волхов. Высота этого соединительного колодца равнялась всего лишь 84 см¹.

Водоотводные магистрали XIV—XV вв.

В 1952—1954 гг. при раскопках в Неревском конце на перекрестке двух древних улиц, Великой и Холопьевой, были открыты остатки еще нескольких водоотводных сооружений разного времени.

Древнейшей из них является водоотводная магистраль из круглых составных деревянных труб. Она шла с территории, расположенной к западу от раскопа VI, по направлению к мостовой Великой улицы, затем резко (под углом 110°) поворачивала на северо-восток и шла вдоль западного края мостовой Великой улицы, пересекала мостовую Холопьевой улицы и шла далее до середины раскопа X. Там она образовывала новое колено (под углом около 150°) и уходила на северо-восток, в сторону р. Волхова, пересекая наискосок мостовую Великой улицы (рис. 4, 1).

На всем протяжении до пересечения с Великой улицей в пределах раскопа X от водоотводной магистрали сохранились в первоначальном положении лишь нижние половинки деревянных труб (желоба). Верхние половинки были сняты при прокладке более поздней водоотводной магистральной трубы, которая шла в том же точно направлении и опиралась на этот желоб. Целиком труба сохранилась только на участке длиной около 8 м в месте пересечения ее с мостовой Великой улицы на раскопе X (рис. 5, 1). Здесь магистральная труба образовывала колено и поворачивала на восток, а более поздняя труба шла по прямой несколько дальше (на 4 м). Общая длина вскрытой раскопками древнейшей водоотводной магистрали — около 70 м. Магистраль состояла из нескольких звеньев деревянных составных труб круглого сечения. Диаметр труб сравнительно небольшой (внешний — 25—28 см, внутренний — 16—18 см). Трубы были сделаны из прямослой-

ных сосновых бревен. Толщина стенок таких труб — 4—5 см; соединительный шов — прямой; стык — втульчатый шип.

Время сооружения и разрушения этой водоотводной магистрали устанавливается довольно точно по соотношению ее с хорошо датированными ярусами мостовых Великой и Холопьевой улиц, которые имели общие уровни на месте образованного ими перекрестка. Сооружение этой магистральной трубы водоотвода относится ко времени существования 7-го яруса мостовой Великой улицы, настил которой, как и нижележащие настилы 8—10-го ярусов, был перерублен при прокладке трубы. Магистраль залегала на глубине 2,35—3,60 м от современной поверхности земли. Она имела на вскрытом участке значительный уклон с юго-запада на северо-восток (в сторону р. Волхова) — около 1,35 м, соответствующий общему понижению рельефа данной местности и мостовой Великой улицы. При прокладке трубы этой магистрали была вырыта узкая траншея, шириной около 70 см, перерезавшая настилы мостовой Холопьевой улицы с 7-го по 12-й ярус включительно и настилы мостовой Великой улицы с 7-го по 10-й ярус включительно. На мостовой Великой улицы в пределах раскопа X хорошо прослеживаются направление и ширина траншеи для этой трубы. Здесь мостовая была перерублена наискось узкой траншеей, идущей с юго-запада на северо-восток — восток из квадрата 767 в квадрат 718. Дном траншеи служил хорошо сохранившийся настил 11-го яруса мостовой, на котором и лежала в непо потревоженном виде круглая труба диаметром 25—28 см и длиной 8 м (рис. 4, / и 5, 1).

Глубина траншеи для этой трубы и уровень ее залегания от дневной поверхности 7-го яруса мостовой определяются довольно точно. Траншея копалась для нее не везде на одинаковую глубину: на площади раскопа VI глубина траншеи была около 1,20 м, на раскопе II — около 1 м, а на раскопе X, на мостовой, — только 75 см. Но это несколько не препятствовало быстрому потоку воды по трубе в Волхов благодаря значительному уклону местности в этом направлении.

В момент постройки труба находилась на глубине от поверхности земли 50 (раскоп X) — 90 см (раскоп VI).

¹ Подробные данные о нем см.: А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 5; А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 58—60.

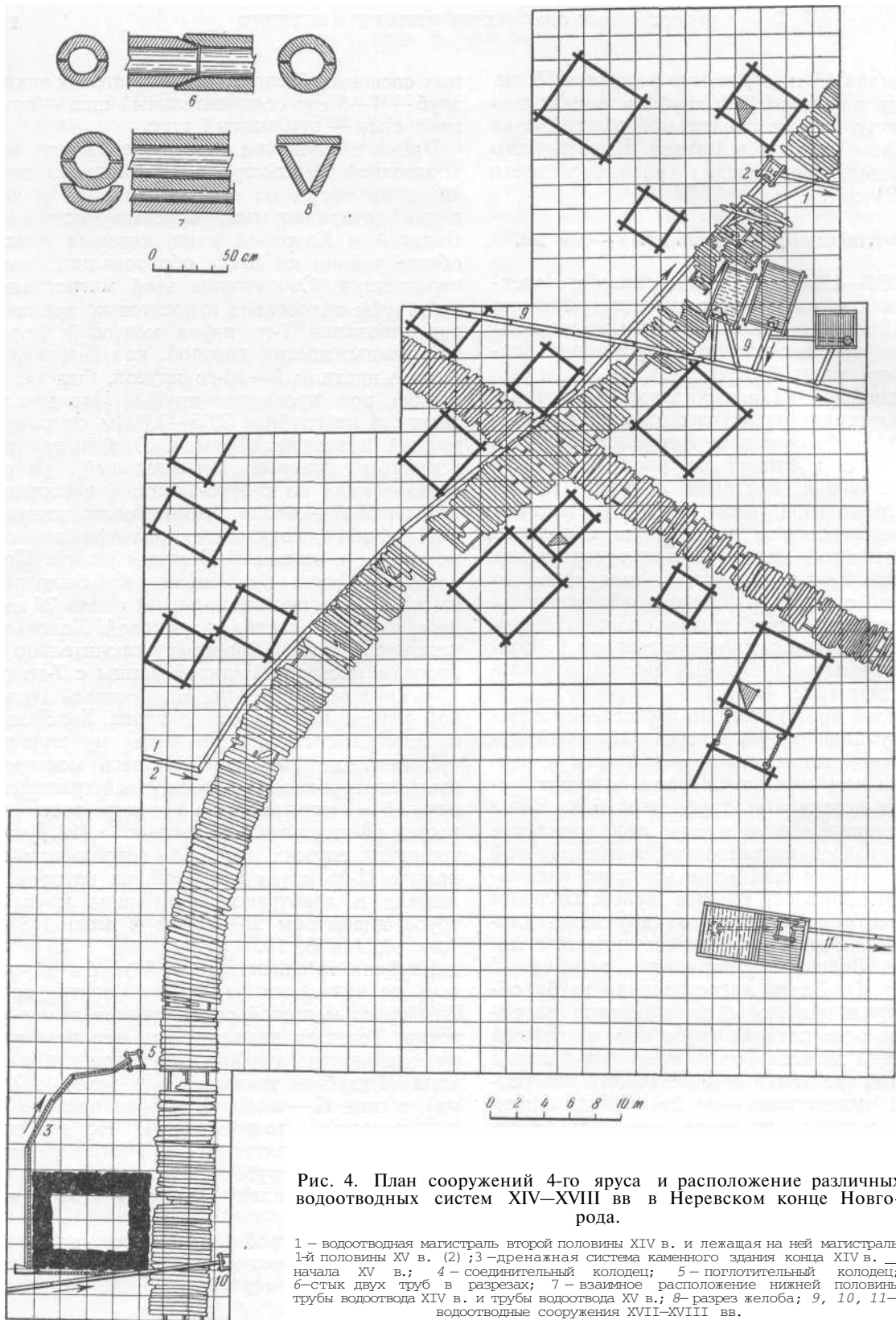

Рис. 4. План сооружений 4-го яруса и расположение различных водоотводных систем XIV–XVIII вв в Неревском конце Новгорода.

1 – водоотводная магистраль второй половины XIV в. и лежащая на ней магистраль 1-й половины XV в. (2); 3 – дренажная система каменного здания конца XIV в. – начала XV в.; 4 – соединительный колодец; 5 – поглощительный колодец; 6 – стык двух труб в разрезе; 7 – взаимное расположение нижней половины трубы водоотвода XIV в. и трубы водоотвода XV в.; 8 – разрез желоба; 9, 10, 11 – водоотводные сооружения XVII–XVIII вв.

1

2

Рис. 5. Водоотводные сооружения Неревского конца Новгорода.

1 — труба водоотвода XIV в. (на переднем плане) и соединительный колодец с трубами водоотвода XV в.
2 — колено магистральной трубы XV в. около мостовой Великой улицы.

На всем 70-метровом протяжении этого магистрального водоотвода не было следов сплошной обмотки его берестой, которая предохраняла бы трубу от засорения грязью, неизбежно проникавшей сквозь щели соединительных швов вместе с грунтовыми во-

дами. Остатки берестяной обмотки прослеживались лишь на стыках отдельных звеньев трубы. Не исключено, что сравнительно быстрый выход из строя этой магистрали древнего новгородского водоотвода мог быть связан именно с этим обстоятельством.

Сверху трубу перекрывал настил 6-го яруса мостовой Великой улицы, который сооружался после прокладки водоотводной трубы и засыпки траншеи землей.

Рис. 5а. Водоотводные сооружения Неревского конца Новгорода.

Внутренний вид соединительного колодца (вид с севера).

Сооружение 7-го яруса мостовой Великой улицы (как и Холопъей) относится ко 2-й половине XIV в., а сооружение следующего по времени вышележащего 6-го яруса — к концу XIV в. Следовательно, и магистральная водоотводная труба относится ко 2-й половине XIV в., а в более узких пределах, вероятнее всего, — к 80-м годам этого века¹.

Интересно, что, несмотря на значительную длину водоотводной трубы и наличие на этой площади нескольких построек XIV в., к этой магистрали не подключалось ни одной отводной трубы. Вместе с тем прокладка такой длинной трубы была связана с большими земляными и другими работами и крупными затратами. Поэтому следует предположить, что данная водоотводная система предназначалась для отвода

грунтовых вод из-под какой-то значительной постройки общественного характера или дома богатого владельца, или же из-под целого комплекса построек хозяйственного назначения, расположенных к западу от раскопа VI (рис. 4, 1).

Разрушение этой магистрали было связано с прокладкой новой водоотводной магистрали, относящейся ко времени существования 5-го яруса мостовой Великой улицы, т. е. примерно к 30-м или 40-м годам XV в. Эта последняя магистраль полностью заменила первую, вероятно, к этому времени засорившуюся и пришедшую в негодность, что и было причиной сооружения нового водоотода.

Более поздняя водоотводная магистральная труба, открытая экспедицией, лежала непосредственно на остатках первой, на глубине 2,14—3,43 м от современной поверхности. Нижняя сторона трубы была преднамеренно уложена в желоб специально оставленной нижней половины только что описанной трубы (рис. 4, 7); она имела точно такое же направление, но значительно больший диаметр (34—50 см). Сохранность ее очень хорошая.

Несомненно, что при прокладке новой водоотводной магистрали новгородцы знали о существовании старой трубы и хорошо помнили ее направление. Кроме того, по всей вероятности, новая магистраль была предназначена для той же цели; она является простым возобновлением пришедшей в негодность старой магистрали.

Эта водоотводная магистраль, как и первая, выходила из западной стенки раскопа VI (квадраты 468 и 469) и шла в восточном направлении до мостовой Великой улицы, где делала резкий поворот (под углом 110°) на северо-восток, и далее — вдоль западной стороны мостовой Великой улицы (рис. 5, 2 и рис. 6). Этот изгиб находится в 37 м к югу от перекрестка Великой улицы с Холопъей. Новая магистральная труба также пересекает мостовую Холопъей улицы и далее на северо-восток, в пределах раскопа X (квадрат 741), входит в соединительный колодец (рис. 5, 1). Длина новой трубы до соединительного колодца — 67,6 м. Из колодца вода уходила по другой трубе, имевшей направление с запада на восток, т. е. к Волхову. Длина этой трубы в пределах раскопа — 5 м.

¹ См. стратиграфию мостовых в статье Б. А. Колчина, помещенной в настоящем томе.

Таким образом, общее протяжение этой новой водоотводной магистрали без соединительного колодца равно 72,6 м. Внешний диаметр трубы колеблется в различных ее звеньях от 34 до 50 см, а внутренний — от 25 до 32 см. Вся магистраль была составлена из 7 звеньев — отдельных деревянных труб, выдолбленных из половинок толстых сосновых бревен и затем соединенных вместе. Соединительный шов всюду прямой. Два из 7 звеньев трубы вскрыты лишь частично — они уходят за пределы площади раскопок — и истинная длина их осталась неизвестной. Длина отдельных звеньев магистральной трубы с юго-запада на северо-восток следующая: первое звено, выходящее из западной стенки раскопа VI, имеет длину 5,1 м, второе — 5,8 м, третье — 15,7 м, четвертое — 9 м, пятое — 9,5 м, шестое — 22,5 м. Это самое длинное звено магистрали и вообще самая длинная труба из известных до сих пор по раскопкам в Новгороде. Один (более тонкий) конец ее входил в соединительный колодец. Диаметр ее комлевого конца — 45 см, а входившего в колодец — 34 см (внешний). Внутренний диаметр соответственно равен 30 и 26 см. Последнее, седьмое звено магистрали (длиной 5 м) составляла выводная труба, уходившая от колодца в восточную стенку раскопа X, в сторону Волхова. Она лишь частично входит в раскоп.

На всем протяжении эта магистральная труба имеет 6 стыков отдельных звеньев, из которых пять — прямые и один образует колено под углом 110°. Коленчатый стык сделан довольно просто: концы труб были обрублены уступами вкось, соответственно углу, под которым трубы соединялись, и конец одной трубы плотно примыкал к концу другой. Для прочности скрепления этого ответственного стыка к нему сбоку приложили небольшую дощечку и затем стык очень плотно и тщательно обмотали тремя слоями больших листов бересты (60 X 80 см). Второе звено трубы, начинавшееся от коленчатого стыка, было раздавлено сверху пополам (рис. 5, 2), а все остальные — лишь слегка приплюснуты под тяжестью земли.

Прямые стыки имели форму втульчатого шипа. Тонкий конец одной трубы сверху слегка затесывался на конус и вставлялся в соответственно растесанный канал в ком-

левой части другой трубы (рис. 4, 6). Кое-где шип имел форму коленчатого уступа а не конического затеса. Эти стыки, как и вообще вся труба, были очень тщательно обернуты (в 2—3 слоя) берестой, прекрасно предохранявшей водоотводную магистраль от проникновения в нее грязи через щели на стыках (рис. 6).

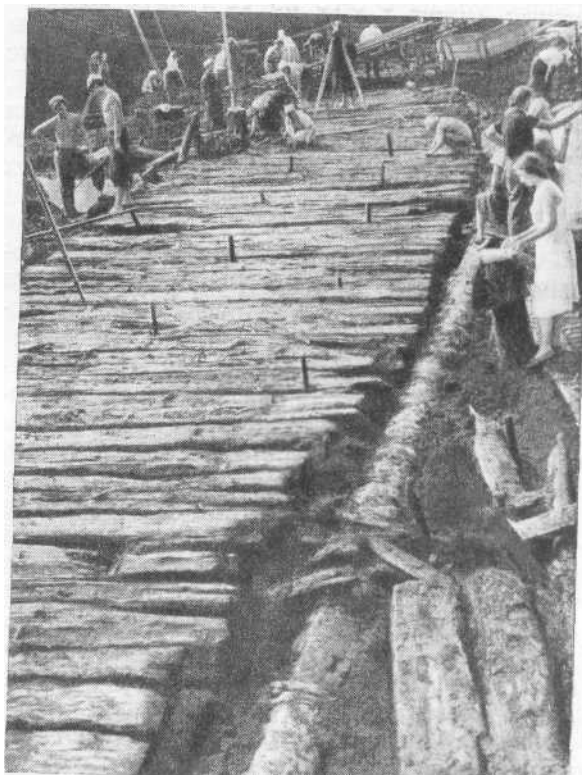

Рис. 6. Магистральная труба 1-й половины XV в проложенная вдоль западной стороны мостовой Великой улицы. Вид с перекрестка Великой и Холопьевой улиц.

Следует отметить, что трубы всегда укладывались комлевым (толстым) концом к истоку. Эта закономерность теперь прослежена на всех известных водоотводных трубах древнего Новгорода. При соединении кронный конец вышележащей трубы всегда вставлялся в комлевый конец трубы нижележащей. Такое положение труб вполне естественно.

Ширина траншеи для водоотводной магистрали была 70 см, а глубина — от 1,05 (раскоп X) до 1,40 м (раскоп VI). Траншею

копали до уровня старой магистрали, вместо которой и сооружалась эта новая магистраль.

Новая водоотводная магистраль прокладывалась тогда, когда уже существовала мостовая 5-го яруса, относящаяся к 1-й половине XV в., а в этих пределах, вероятно всего, — к 30—40-м годам. Траншея для этой трубы перерезала настилы мостовой Холопьевой улицы с 5-го по 12-й ярус включительно и настилы мостовой Великой улицы (в пределах раскопа X) — с 5-го по 10-й ярус включительно. На площади раскопа X, в месте поворота водоотводной трубы, был сооружен соединительный колодец, в который между первым и вторым венцами снизу входил с юго-запада конец трубы, имевшей уклон к колодцу.

В восточной стенке колодца между первым и вторым венцами снизу помещался конец другой трубы, имевшей уклон от колодца к Волхову (рис. 5а). К ее концу внутри соединительного колодца была прибиты двумя деревянными гвоздями прямоугольная дощечка толщиной около 2 см с 4 небольшими отверстиями, расположенными крестообразно. Повидимому, она предназначалась для того, чтобы грязная вода не сразу устремлялась в канал выводной трубы, а сначала отстаивалась.

Колодец служил тоже своего рода отстойником, на дно которого постепенно оседала грязь, поступавшая вместе с грунтовыми водами. Интересно, что конец выводной трубы в колодце находился на 23 см выше, чем конец подводящей трубы. Нижний уровень внутреннего канала выводной трубы находился на высоте верхнего уровня канала другой, подводящей трубы. Такое положение протоку воды не препятствовало, но способствовало засорению последнего звена подводящей трубы.

Соединительный колодец был опущен на настил 11-го яруса мостовой Великой улицы, служивший дном колодца. Сруб колодца составлен из 4 венцов, связанных в обло из толстых бревен (диаметром 30 см). В плане он имеет вид вытянутого с юго-запада на северо-восток прямоугольника размером 1,8 X 1,5 м. Высота (глубина) сруба колодца — 1,25 м. В двух бревнах верхнего венца есть вырубки, в которых, возможно, лежали еще 2 верхних бревна, уничтоженных поздними постройками — (XVIII в.). Эти постройки сооружа-

лись после перепланировки Новгорода в XVIII в., когда уже не считались с древней планировкой; при их сооружении в нескольких местах были разрушены настилы верхних 4 ярусов древних мостовых.

Повидимому, вскоре после прокладки водоотвода и засыпки траншеи был сооружен настил 4-го яруса мостовых Холопьевой и Великой улиц. При этом мостовая Холопьевой улицы перекрыла траншею водоотводной магистрали.

Глубина залегания трубы от древней поверхности XV в. колеблется от 70 см до 1,05 м. Наибольшая глубина (1,05 м) была на раскопе VI, затем она постепенно уменьшалась (до 70 см) по мере приближения к соединительному колодцу на раскопе X. Несмотря на такое, казалось бы, странное углубление, все же уклон водоотводной магистрали к Волхову на вскрытом раскопками участке в 72,6 м составлял 1,16 м, а до колодца — 1,29 м. Уклон как бы смягчал еще более резкое понижение с юго-запада на северо-восток всей этой местности и мостовой Великой улицы, имевшей на этом отрезке уклон около 2 м.

Внутри водоотводные трубы были заполнены лишь наполовину рыхлой грязью бурого и серого оттенков. В колодце никаких находок не было, — только грязь и земля, свалившаяся сверху при сооружении поздних построек.

В 4 м к югу от колодца (квадрат 767) более древняя труба, на нижней половине которой лежала более поздняя, под углом около 150° поворачивала на северо-восток — восток и уходила за пределы раскопа по настилу 11-го яруса мостовой. Более древняя труба лежала в этом месте непосредственно под выводной (из колодца) трубой (квадраты 717 и 718). На этом участке (8 м) более древняя труба сохранилась в первоначальном виде.

Несомненно, что соединительный колодец сверху был сплошь покрыт тонкими бревнами и берестой или хорошо подогнанными друг к другу плахами от перерубленных мостовых. Поскольку колодец находился прямо на мостовой Великой улицы, которая тогда была важной проезжей улицей Неревского конца, он не мог не иметь покрытия. Да и самый характер соединительного неглубокого колодца с бревенчатым или досчатый дном требовал надежного покрытия,

предохранявшего водоотводную систему от засорения.

В заключение следует добавить, что описанная водоотводная магистральная труба пролежала в земле более 500 лет и, несмотря на это, прекрасно сохранилась, за исключением одного звена длиной 5,8 м, верхняя половина которого была раздавлена под берестяной обмоткой. За 500 лет труба наполнилась грязью лишь на половину диаметра внутреннего канала, и по ней во время раскопок постоянно струилась вода. В среднем за сутки из этой трубы вытекало от 30 до 40 ведер воды.

Дренажная система каменного здания

Среди других водоотводных дренажных сооружений, обнаруженных в Неревском раскопе, представляет интерес система водоотвода от фундамента каменного здания конца XIV в.—начала XV в.

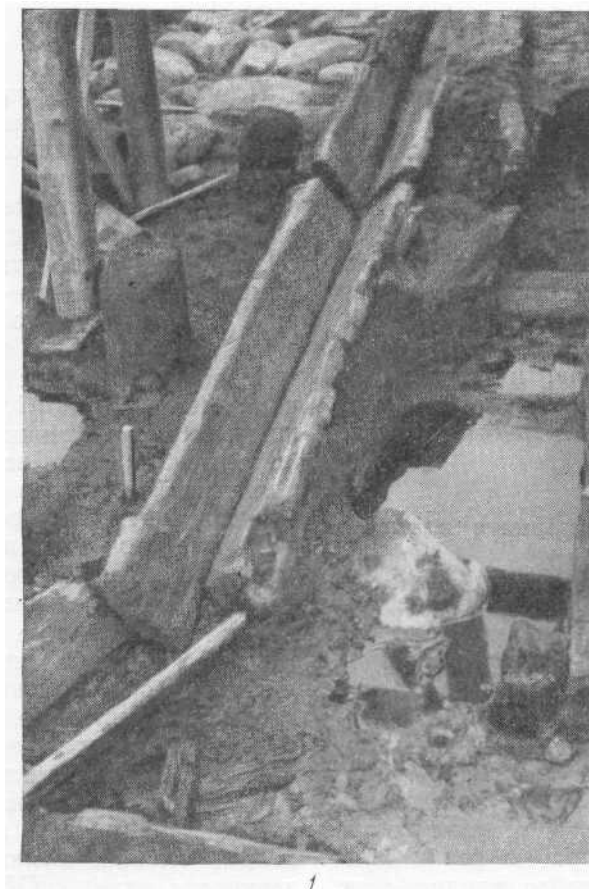
От самого здания, расположенного в пределах раскопа IX с западной стороны мостовой Великой улицы, между Козьмодемьянской и Холопьевой улицами, остались лишь фундамент из огромных валунов и слой известкового раствора на грани фундамента и не сохранившейся кладки стен. Каменное здание имело прямоугольную в плане форму; размер его — 9 X 8 м, толщина стен — до 1,5 м. Здание стояло вплотную к мостовой Великой улицы, идущей на данном участке строго с юга на север.

Система водоотвода состоит из деревянных желобов треугольного сечения, уложенных вдоль южной и западной стен фундамента и водопоглотительного колодца, расположенного тоже около мостовой, но в 8 м к северу от фундамента в пределах раскопа VIII (рис. 4, 3, 5, 8). Следует отметить, что желоб вдоль южной стены фундамента несколько отличается от желоба с западной стороны по степени сохранности, толщине досок и глубине залегания; кроме того, он не имеет соединения с западным желобом в месте их соприкосновения у юго-западного угла фундамента, и вода из него не могла самотеком уходить в поглотительный колодец. Больше того, уклон южного желоба — не от мостовой к западу, как можно было бы ожидать, глядя на план, а от юго-западного угла здания к мостовой, т. е. с запада на восток.

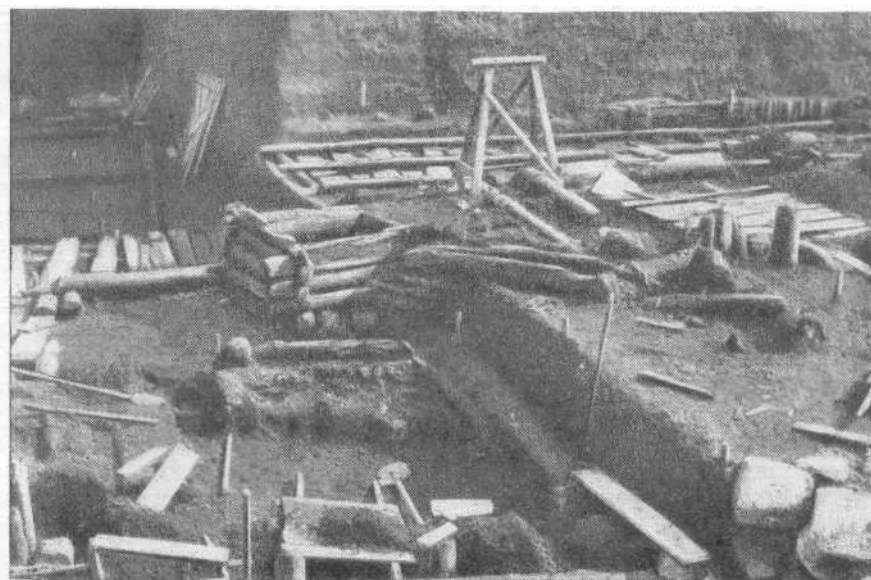
По всей вероятности, желоб вдоль южной стены был уложен несколько позднее, чем желоб вдоль западной стены. Об этом говорит тот факт, что у юго-западного угла здания при прокладке южного желоба был перерезан конец западного желоба. Желоб с юга проложен вплотную к каменному фундаменту. Длина его — около 10,5 м, ширина сверху — около 25 см. Начинается этот желоб в 1,5 м от юго-западного угла здания расширенным в виде раструба концом длиной около 1,5 м при наибольшей ширине 80 см. Стенки расширения, 'Служившего, несомненно, водосбором, были вертикальны; дно его выложено досками. Сверху, этот расширенный конец желоба тоже имел покрытие из досок, но они не сохранились. Высота этого приемника — около 20 см. Расположение водосборного приемника в этом месте вполне оправдано характером рельефа местности. Здесь находится наиболее высокая точка данной местности, и, естественно, что грунтовые воды и атмосферные осадки, попадавшие в грунт в вышележащей местности, просачивались к фундаменту именно с этой стороны.

Дно приемника и всего желоба находилось на глубине около 40 см от дневной поверхности начала XV в. Около юго-западного угла здания приемник сужался до 25 см и переходил непосредственно в желоб, состоявшийся из двух досок шириной 20—25 см и толщиной 4 см. Сверху желоб, несомненно, был покрыт такой же доской, которая здесь не сохранилась, но без которой он был бы немедленно засыпан землей и перестал бы функционировать как водоотвод. Уклон с запада на восток этот желоб имел всего лишь в 5 см, что вполне достаточно для стока воды в сторону мостовой. Здесь вода стекала по желобу в грунт под настилом мостовой и далее уходила самотеком к северу благодаря наличию довольно значительного уклона мостовой в данном месте и пустот между бревенчатыми лагами и плахами настилов.

Вдоль западной стены фундамента здания, примерно на той же глубине (около 50 см от тогдашней поверхности), был прослежен аналогичный деревянный желоб, но, по всей вероятности, несколько более древний, относящийся ко времени существования 6-го яруса мостовой Великой улицы (конец XIV в.—начало XV в.). Сохранность

1

2

Рис. 7. Детали водоотводной системы каменного здания конца XIV в.— начала XV в.

1 — деревянный желоб, проложенный вдоль западной стенки фундамента до поглотительного колодца (вид с севера); 2 — остатки водоотводного желоба и поглотительных колодцев (вид с запада).

его хуже, чем первого, но размер значительно. Конструкция этого желоба более рациональна и совершенна, чем южного. Он треугольный, уложен вершиной вниз (рис. 7, /), сделан из толстых тесаных досок шириной 38—40 см и толщиной 5—6 см. Две доски ставились в грунте под углом, близким к прямому, и сверху покрывались подобными же досками, остатки которых сохранились в квадратах 588, 671, 692, 693. и 704. Сделанный таким образом желоб присыпался сверху небольшим слоем земли. Длина этого водоотвода от юго-западного угла фундамента, где он берет начало, до поглотительного колодца, расположенного в 8 м к северу от каменного фундамента, — всего 20,7 м. Желоб имел 5 колен и 4 стыка на своем протяжении до поглотительного колодца и довольно значительный уклон к последнему (около 50 см).

Большой уклон водоотводного желоба, несомненно, способствовал быстрому потоку воды от фундамента в колодец. Вдоль западной стены каменного здания крытый желоб идет строго с юга на север; затем постепенно отклоняется на северо-восток по направлению к поглотительному колодцу. Длина первого колена желоба, считая с юга на север, равна 7 м, второго — 2,6 м, третьего — 4 м, четвертого — 3,3 м и пятого — около 3,8 м.

От поглотительного колодца, замыкавшего водоотводную систему, связанную с каменным зданием, сохранились 2 нижних венца в хорошем состоянии, вязанных в обло с остатком. Колодец этот не имел дна, обычного для соединительных колодцев. Вода, поступавшая в него из-под фундамента, уходила постепенно в окружающий грунт. В плане поглотительный колодец имел вид слегка вытянутого прямоугольника, внутренний размер которого равен 1,24 м X 96 см; глубина его была не менее 1,50 м. Нижний венец колодца находился ниже уровня желоба на 1,03 м. Иными словами, этот колодец первоначально имел 7—8 венцов из основных круглых бревен толщиной 16—18 см, но через некоторое время верхние венцы его были разобраны, и на 2 нижних венца опущен другой, подобный же колодец, относящийся к более позднему времени — XV в. (рис. 7, 2).

Крытый водоотводный желоб подходил к колодцу с юго-запада и на уровне четвер-

того-пятого венцов снизу входил в колодец. Верхний венец поглотительного колодца первоначально, несомненно, выходил на дневную поверхность своего времени. Находок внутри колодца не было. Заполнение — серая грязь. Более поздний колодец имел иную конструкцию. Он почти квадратный в плане (1,20 X 1,16 м внутри). От него сохранилось 7 венцов, из которых два верхние превратились в труху. Общая глубина этого колодца — около 1,05 м, но первоначально он был несколько выше. В отличие от первого колодца, он срублен из еловых горбылей (бревен, расколотых пополам), поставленных на ребро плоскими сторонами внутрь. Способ вязки — в крюк — в новгородской строительной технике встречается сравнительно редко. Длина горбылей этого сруба — от 1,64 до 1,85 м, ширина нижних, хорошо сохранившихся, венцов — 17—22 см при толщине 10—15 см.

Все детали водоотводной системы (доски желобов, сруб колодца) были обработаны довольно искусно только топором и, возможно, теслом. По всей вероятности, каменное здание с описанной водоотводной системой просуществовало недолго.

* * *

Кроме описанных дренажных сооружений, в Неревском раскопе были открыты остатки других водоотводных систем, относящихся к более позднему времени (XVI—XVIII вв.), но, несомненно, представляющих большой интерес для выяснения конструкции и назначения их для характеристики культуры и благоустройства древнерусского города.

Комплекс водоотводных сооружений начала XVIII в.

В 1952—1954 гг. была открыта интересная по своей конструкции водоотводная система конца XVII в. или начала XVIII в., включающая в себя целый комплекс различных сооружений. Этот комплекс состоит из магистральной деревянной составной трубы круглого сечения, подключающихся к ней 4 выводных труб подобной же конструкции и связанных с ними водосборных бочек, находившихся под различными хозяйственными постройками (рис. 8).

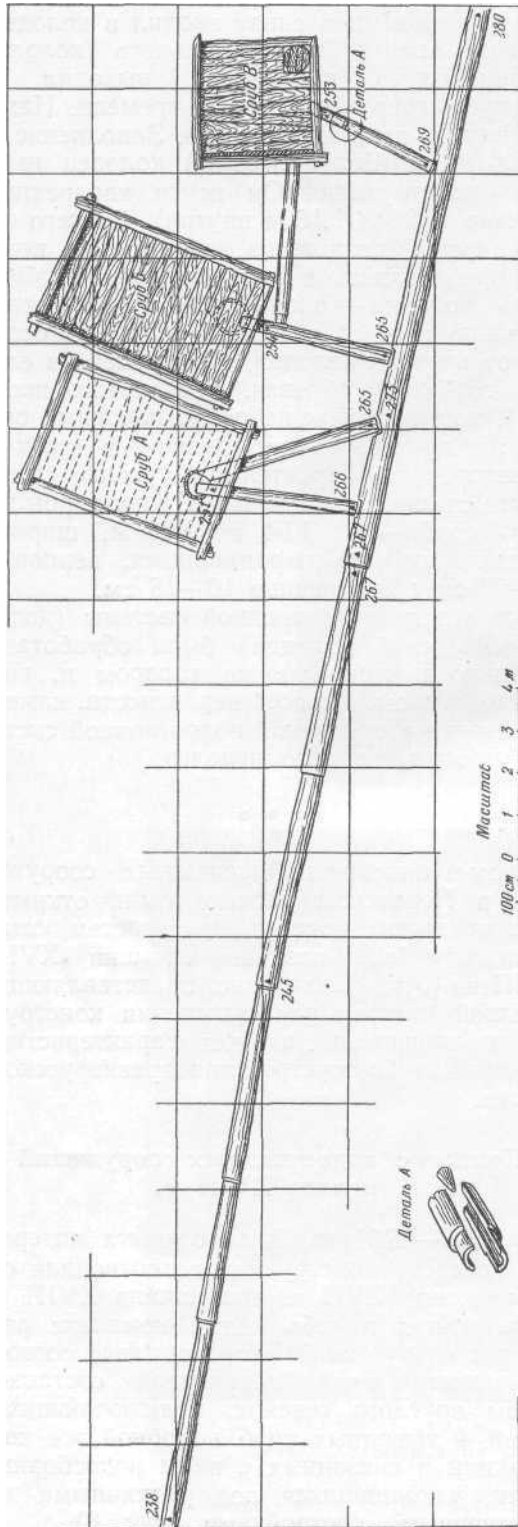

Рис. 8. Водоотводная система XVIII в. в Неревском конце Новгорода.

Эта сложная водоотводная система принципиально ничем не отличается от известных уже древних новгородских водоотводов. Она свидетельствует о том, что техника гидротехнических водоотводных сооружений, выработанная в Новгороде Великом еще на первых порах его существования, оказалась настолько совершенной и рациональной, что просуществовала почти без изменений в течение восьми столетий (с XI по XVIII в.). Вся эта система расположена в 6 м к северу от перекрестка Великой и Холопьевой улиц.

Магистральная круглая деревянная труба имеет направление и уклон с северо-запада на юго-восток; она входит из северо-западного угла раскопа II, пересекает всю площадь раскопов II и I вдоль северной их границы и уходит в сторону р. Волхова в восточную стенку раскопа I. Глубина залегания этой трубы от современной дневной поверхности составляет от 2,38 м (в северо-западном углу раскопа II) до 2,8 м (у восточной границы раскопа I).

Общая длина той части магистральной трубы, которая вскрыта раскопками, равна 36,7 м. На этом протяжении труба имеет 5 стыков, соединяющих 6 отдельных звеньев, длина которых — от 4 до 13 м. Диаметр магистральной водоотводной трубы в разных звеньях различен и колеблется от 35 до 60 см. Внутренний канал, тоже круглый в сечении, имеет диаметр 15—35 см. Толщина стенок в отдельных звеньях—5—12 см. Трубы, так же как и в более древних водоотводах, состоят из двух половинок. Соединительный шов между этими половинками, в зависимости от структуры волокон древесины, был или прямой, или зигзагообразный.

Повидимому, можно считать закономерным явлением, что более поздние водоотводные трубы в Новгороде, в отличие от древних, очень редко обертывались берестой целиком. Обертывались лишь швы на стыках отдельных звеньев (отрезков) трубы и швы в местах присоединения к магистрали отводных труб, соединявших водосборы под постройками с магистральной трубой. В данной системе отдельные выводные трубы подключались к магистрали посредством простой прямоугольной вырубке в магистральной трубе сбоку, в которую вставлялся нижний конец выводной трубы (рис. 9, /, 2).

Соединение отдельных звеньев магистральной трубы производилось с помощью втульчатого шипа. Конструкция его простая и в то же время вполне надежная, обеспечивающая прочное соединение труб. Заключается она в следующем. В комлевой части одной трубы внутренний канал на 15—20 см от конца трубы резким уступом расширяется, а более тонкий конец другой трубы таким же резким уступом соответственно стесывается снаружи. Затем последний вставляется в первый, чем и достигается соединение труб. Внутренний канал их обычно на всем протяжении имеет одинаковый диаметр, поэтому в местах стыков, препятствующих нормальному потоку воды, уступов нет.

Для прокладки магистральной трубы была вырыта узкая глубокая траншея (шириной 80 см, глубиной около 1,5 м), перерезавшая поперек 8 ярусов настилов мостовой Великой улицы и несколько разновременных срубов (до середины XIV в. включительно). Труба была толщиной до 60 см и поэтому находилась на глубине около 1 м от современной ей поверхности земли. На всем протяжении трубы, за исключением стыков, не было берестяной обертки.

Магистральная труба имела довольно значительный уклон в сторону Волхова, достигавший 40 см на протяжении 36,7 м. Такой уклон обеспечивал быстрый проток грунтовых и сточных вод из-под сооружений в реку.

Вдоль северной границы раскопа I, на расстоянии 4 м от магистральной трубы водотока, были расположены три прямоугольные в плане постройки небольших размеров (10, 12 и 17 кв. м), от которых сохранились остатки 3—4 нижних венцов и полов из толстых тесаных досок (до 7 см толщиной). Все эти три постройки были одновременны или почти одновременны и относились к слою, непосредственно перекрывавшему верхний ярус мостовой Великой улицы. Все они при сооружении были опущены в грунт на глубину более 1 м, причем один из этих срубов врезался в мостовую Великой улицы с восточной стороны.

У всех построек под полом были обнаружены вкопанные доверху в грунт деревянные бездонные водосборные бочки, на которых лежали концы выводных деревянных труб, проложенных под нижними венцами

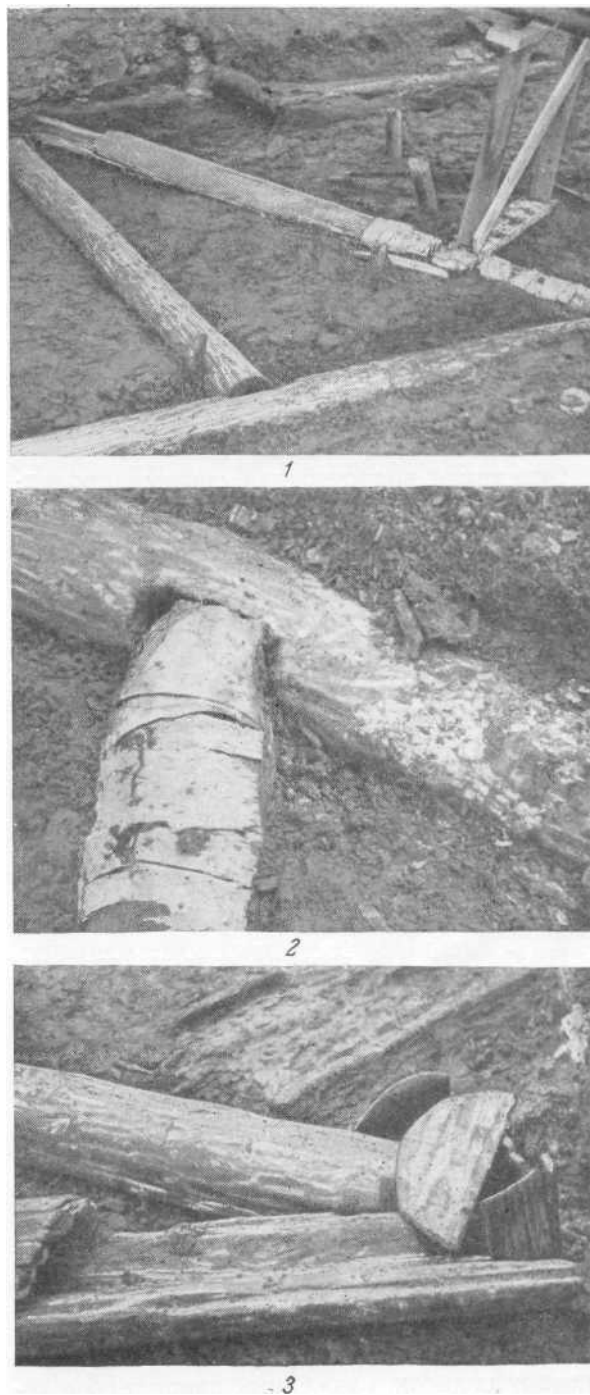

Рис. 9. Детали водоотводной системы XVIII в.

1 — отводные трубы от водосборной бочки под срубом А до магистральной трубы (в профиле видны торцы бревен восточной стены этого сруба); 2 — способ подключения отводной трубы к магистральной; 3 — водосборное устройство под срубом А.

срубов. Другими концами выводные трубы врезались в магистральную трубу. У водосборных бочек с одного бока делался полукруглый вырез, в который вставлялся конец выводной трубы.

Выводные трубы прокладывались под нижним венцом построек (рис. 9). Все без исключения выводные трубы имели уклон от водосборных бочек под полом построек к магистральной водоотводной трубе, равный 13—27 см, на протяжении 4—5 м.

Рассмотренные постройки, несомненно, имели какое-то хозяйственное назначение. Вероятнее всего, они служили погребам или своего рода холодильниками.

Описанная водоотводная система продолжает технические приемы, выработанные несколько веков назад древними новгородцами. Отличается эта система от древнейших водоотводных систем, открытых на Ярославовом Дворище в 1938—1948 гг., только тем, что выводные трубы подключались к магистральному водоотводу путем врубки, а не через посредство более громоздкого, но зато и более рационального, невысокого соединительного колодца, иногда служившего одновременно и отстойником. Сооружение водоотводов без соединительных колодцев, несомненно, обходилось дешевле и производилось быстрее, но очистка их в случае засорения была сложнее.

Необычная для древних водоотводов глубина залегания магистральной трубы (1,5 м) связана с ее назначением — обслуживать погреб или ледники.

В 1954 г. на площади раскопа XIV вскрыта аналогичная хозяйственная постройка с водосборным устройством под полом и с отводной деревянной трубой¹. Пол этой постройки находился на глубине 90 см—1,20 м, что позволяет считать ее погребом или ледником. Сооружение имеет форму вытянутого с запада на восток прямоугольника (7,5X3,5 м), разделенного на две примерно равные части — западную и восточную. В западной части настил пола сделан из досок, уложенных параллельно западной стене; в восточной части пол идет в перпендикулярном направлении и настлан

из тонких бревен, лишь небольшой его участок в северо-западном углу сделан из досок.

В северо-восточном углу восточного помещения имеется под полом водосборный колодец-отстойник, от которого под нижним венцом сруба в сторону Волхова проложена круглая составная водоотводная труба обычной конструкции. Труба уходит в восточную стенку раскопа. Диаметр ее — 40 см. В западном помещении под полом находилась вкопанная в грунт водосборная бочка без дна, из которой вода по желобу (половинка трубы) самотеком уходила в указанный выше колодец, а из последнего по трубе — в Волхов.

В 1953 г. вдоль южной границы раскопа IX была вскрыта часть еще одной водоотводной системы XVII—XVIII вв., составленной из разъемных деревянных круглых труб диаметром до 40 см и соединительного колодца, расположенного в квадрате 628 в восточной стенке раскопа. Сооружение этого водоотвода относится ко времени, непосредственно следовавшему за временем постройки 1-го яруса мостовой Великой улицы. При прокладке этого водоотвода была вырыта траншея шириной около 80 см и глубиной до 90 см. Верхний венец соединительного колодца обнаружен на глубине 70 см от современной поверхности.

При прокладке трубы были перерублены деревянные настилы трех верхних ярусов мостовой и сама труба была углублена до настила мостовой 4-го яруса. Глубина залегания трубы от современной ей поверхности земли — около 60 см; у входа в колодец конец трубы был на глубине 58 см. Длина трубы в пределах раскопа IX равна 16,6 м. Кроме того, труба прослежена в шурфе, заложенном в 10 м к западу от раскопа. Таким образом, выявленная ее длина равна приблизительно 27 м.

Труба идет с запада на восток через весь раскоп с небольшим отклонением к северу. Восточный конец ее входит в соединительный колодец, наполовину оставшийся за пределами раскопа. В пределах раскопа у трубы был уклон с запада на восток на 10 см, благодаря чему вода шла по ней самотеком к Волхову. Труба составлена из 3 звеньев и имела 2 стыка (в квадратах 659 и 699). Длина каждого из звеньев — около 6,5 м. Диаметр деревянных труб, состав-

¹ См. Отчет Новгородской экспедиции за 1954 г. Архив ИИМК.

ляющих эту водоотводную магистраль, в комлевой части достигает 39—40 см, в другом конце — 27—28 см. Диаметр внутреннего канала — 18 см. Толщина стенок труб — 5—10 см. Трубы — составные из двух желобчатых половинок, соединительный шов — прямой. На стыке более тонкий конец одной трубы затесывался на конус (до 20 см) и вставлялся в комлевый конец другой трубы, имевший соответствующее воронкообразное расширение внутреннего канала.

Соединительный колодец, в который входил восточный конец трубы на уровне второго снизу венца, имел 4 или 5 венцов, рубленных в лапу из бревен толщиной 15—18 см. Размер колодца — 1,60 X 1,50 м. Высота его не превышала 1,15 м. В раскоп входила лишь западная стенка колодца, поэтому подробнее выяснить его устройство не удалось.

Особенности строительной техники древнего Новгорода прослеживаются и на более поздних дренажных сооружениях, открытых экспедицией в Неревском конце города во время раскопок 1952—1954 гг.

Необходимость предохранения хозяйственных и иных построек от пагубного воздействия обильных в Новгороде грунтовых вод была причиной возникновения водоотводных сооружений уже в раннюю пору истории Новгорода (XI в.). Эти сооружения были различной формы и конструкции, но делались неизменно из дерева. Водоотводные сооружения, как установлено в результате многолетних раскопок и археологических наблюдений за земляными работами в различных частях города, применялись очень широко и на Торговой, и на Софийской сторонах с XI до XIX в. включительно. Выработавшиеся в древности типы и технические приемы водоотводных сооружений применялись с успехом и в XVIII в. и даже в XIX в. Ввиду того, что эти поздние дренажные сооружения, связанные в единый комплекс с различными хозяйственными постройками, несомненно, отражают характер и особенности сооружений более древних, — они

также представляют значительный интерес и заслуживают внимания.

* * *

Новым свидетельством широкого применения в древнем Новгороде сооружений для отвода грунтовых вод из-под различных построек являются многочисленные остатки круглых деревянных труб, крытые желоба, колодцы и водосборные бочки, постоянно встречающиеся при земляных работах.

Нашими наблюдениями в 1954 г. зафиксированы деревянные трубы и многоярусные мостовые древних улиц при реконструкции шоссе Москва—Ленинград в траншеях вдоль и поперек Ленинградской и Садовой улиц. Так, в траншее у поворота с Садовой улицы на Ленинградскую обнаружена круглая деревянная труба из двух половинок диаметром 28 см (внутренний диаметр — 18 см). Она находилась на глубине 2,5 м, примерно в слое XIV в. Направление трубы (с юго-запада на северо-восток) почти совпадало с направлением современной Ленинградской улицы и было почти перпендикулярно мостовой какой-то улицы, обнаруженной в 40 м к северу в двух траншеях. Прослеженный отрезок (около 50 м) этой мостовой имел направление с северо-запада-запада на юго-восток-восток. Траншеями перерезаны 6 ярусов мостовых настилов этой улицы, ширина которой была около 4 м.

Круглые деревянные трубы водоотводов обнаружены также на глубине около 1,20—1,30 м в траншее вдоль улицы Желябова. Диаметр их — 30—40 см; направление — с северо-запада на юго-восток (в сторону кремлевского рва). Там же были зафиксированы 2 улицы, настилы которых (5—6 ярусов) были перерублены траншеей. Одна из этих улиц упоминается в летописях с древнейшего времени — это Прусская улица; она имеет направление почти точно с запада на восток, примерно, от середины улицы Желябова на кремлевскую башню Кокуй, немного южнее водонапорной башни на месте базара. Ширина Прусской улицы — более 4 м. Прусскую пересекает какая-то другая улица, проходившая в 20 м от современной Крестыанской улицы. Она идет почти точно с севера на юг; траншея перерубила 4—5 ярусов этой мостовой, имевшей ширину около 4 м. Перекресток этих улиц отстоит примерно на 60 м к западу от водо-

¹ Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1953 г., т. II, стр. 359—362.

напорной шестигранной башни и на 15—20 м от современной улицы Желябова.

Водоотводные трубы были прослежены между этими улицами в указанной выше траншее осенью 1952 г.¹ Подобная же труба встречена в траншее около древней Чудинцевской улицы, зафиксированной в двух траншеях вдоль Крестьянской улицы, в 35 м от угла современной улицы Льва Толстого. Чудинцевская улица, упоминаемая в уставе Ярослава «О мостех» и в летописях с XI в., пересекала современную улицу Льва Толстого наискось, под углом около 30° проходила около юго-западного угла здания б. дворянского собрания и пересекала современную Крестьянскую улицу. Ширина Чудинцевской улицы — 4,3 м. От нее сохранилось 12 ярусов мостовых, начиная снизу, от материка. Культурный слой в этом месте достигал 3,2 м. Сверху он был, несомненно, срезан во время выравнивания площади около б. дворянского собрания. По словам рабочих, копавших траншею, в 3 м к западу от Крестьянской улицы перпендикулярно к Чудинцевской шла другая улица, название которой пока не установлено.

Сотрудником экспедиции С. Н. Орловым в 1954 г. были зафиксированы водоотводные цилиндрические трубы в траншее по улице Александра Невского, недалеко от церкви Бориса и Глеба, а также во дворе детского сада по Славной улице, на углу улицы Большевигов, около больницы. Здесь, в траншеях и круглом котловане для фонтана и бассейна детского сада, обнаружено 6 ярусов древней улицы Лубяницы и 3 деревянные трубы от разновременных водоотводных систем XVI—XVIII вв. Трубы залегали на глубине 2—2,15 м от современной поверхности. Диаметр их — от 28 до 34 см; внутренний диаметр — от 18 до 26 см. Прослежены два стыка труб в виде втульчатого шипа. Древнейшая из труб, относящаяся, возможно, к XVI—XVII вв., перерезала 5 ярусов мостовых и в свою очередь была перерезана при прокладке более поздней грубы, относящейся, по видимому, к XVIII в.

Из приведенных материалов видно, что остатки древних водоотводных (дренажных) сооружений на территории Новгорода Великого встречаются постоянно и повсеместно — и при археологических исследова-

¹ П. И. Засурцевым, В. В. Седовым и автором настоящей статьи.

ниях, и еще чаще при многочисленных земляных работах. Водоотводные сооружения, конечно, не были водопроводами питьевой воды от мощных подземных источников.

Как показали многолетние раскопки и наблюдения, дренажные водоотводы сооружались во всех концах древнего Новгорода, где мощных ключей, связанных с водоотводами, не наблюдалось. Более того, еще ни разу не был обнаружен хотя бы один мощный подземный источник, который был бы связан с какой-либо подобной водоотводной системой. Конечно, это случайность, и не исключено, что мы их найдем. Но, несомненно, не случайными являются все открытые, теперь уже многочисленные, водосборные устройства с «отводными трубами или крытыми желобами под различными постройками.

Устройство этих водосборных приспособлений с отводными трубами не оставляет ни малейшего сомнения в том, что они предназначались для отвода грунтовых вод или в некоторых случаях и сточных вод в ледниках и иных хозяйственных постройках.

Уже по приведенному материалу видно, что водоотводные сооружения чрезвычайно широко применялись и на Торговой стороне, и на Софийской; они прослежены в Кремле, на древних улицах Софийской стороны — Прусской, Чудинцевской, Великой, Холупьей, РОзважей, а также на современных улицах Горького и Ленинградской той же стороны; они зафиксированы на Ярославовом Дворище, на древней улице Лубянице, на улице Александра Невского, на Московской улице, около церкви Дмитрия Солунского — на Торговой стороне. Если к этому добавить скудные сведения письменных источников о существовании дренажных водоотводных сооружений в церкви Никиты Мученика и во дворе Немецкой торговой конторы в XV—XVII вв.¹, то становится совершенно очевидным, что эти сооружения играли огромную роль в благоустройстве Новгорода Великого на протяжении почти всей его славной истории.

Водоотводные сооружения подобной конструкции в последние годы обнаружены и

¹ Герман Гильдебранд. Отчет о розысканиях, произведенных в рижских и ревельских архивах по части русской истории. Зап. имп. Академии Наук, т. 29, кн. 1, СПб., 1877, Приложение № 3, стр. 39 и ел., документы № 107, 111, 140 и 146; Макарий. Ук. соч., стр. 391, 392 и 627—633.

в других древнерусских городах со сходным режимом грунтовых вод. В 1949 г. такие сооружения открыты в Москве, в слое XV—XVI вв.¹; по сообщению А. Ф. Дубынина, они здесь продолжают встречаться в слоях XV—XVII вв. В 1954 г. водоотводные трубы, подобные новгородским, открыты Г. П. Гроздиловым при археологических раскопках в Пскове², а Д. А. Авдусиным в Смоленске. В Пскове они датируются XIV—XV вв., в Смоленске — XVIII—XIX вв.

Водоотводные сооружения из деревянных труб возникли, по всей вероятности, именно

¹ А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 70—72, рис. 14; М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», М., 1953, стр. 343—346.

² Сообщение Г. П. Гроздилова на пленуме ИИМК.

в Новгороде, судя по археологическим данным, — уже на заре его истории, в XI в.¹ Грандиозность этих сооружений, иногда тянувшихся на сотни метров (о чем можно судить по магистралям Неревского конца и церкви Никиты Мученика), поистине изумительна. В их устройстве, рациональности и техническом совершенстве отражается высокое искусство древнерусских инженеров и мастеров-исполнителей.

Раскопки показали, что Новгород в X—XV вв. был вполне благоустроенным городом с прекрасными мостовыми, замечательными водоотводами, с богатой культурой, высоко-развитым ремесленным производством.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 152—176.

Г. П. Смирнова

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

(По материалам раскопок 1951—1954 гг.)

Культурный слой Новгорода Великого, как и других древнерусских городов, изобилует керамикой. Почти за четверть века археологических работ собран огромный керамический материал. Только с 1932 по 1939 г. было найдено более 115 тыс. обломков глиняной посуды. Особенно увеличилось собрание керамики за последние годы, когда археологические работы в Новгороде приняли широкий размах.

Впервые краткая характеристика керамического материала Новгорода дана А. В. Арциховским при описании раскопок на Славне и Ярославовом Дворище¹.

В основу настоящей работы положен материал раскопок в Неревском конце в 1951—1954 гг. Здесь классифицирована только глиняная посуда и в основном — кухонная. При изучении керамики приходилось работать главным образом с огромным количеством обломков посуды (всего просмотрено более 20 тыс. фрагментов). Из всей массы материала были обнаружены целыми или склеены только 42 сосуда. Для статистического подсчета привлекался материал раскопа II, керамика которого изучена сплошь, начиная с предматерикового слоя X в. до рубежа XVI и XVII вв. Всего учтено с раскопа II 9872 фрагмента. Материал других раскопов привлекался в качестве аналогий; это более 10 тыс. обломков сосудов.

За основу классификации взято изменение формы сосуда или венчика, причем не

¹А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 122, 123; его же. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 137, 171.

случайное изменение, а характерное для десятков или сотен сосудов, бытовавших в одно и то же время. Кроме этого, принимались во внимание состав глиняного теста, обжиг, орнамент. Но состав теста — второстепенный признак классификации, так как он обусловлен сырьем. На протяжении нескольких столетий, до конца XIII в., тесто имеет примесь дресвы или крупнозернистого песка. Это объясняется тем, что материалом для изготовления глиняной посуды в основном служила жирная материковая серая глина. Не случайно поэтому, что почти вся ранняя новгородская керамика имеет серый или буроватый цвет. Лишь не более 10—15% в нижних слоях занимают желтоватые или яркорозовые черепки. Темный цвет керамики обусловлен также недостаточным обжигом.

В результате изучения, анализа и составления таблиц сделана предварительная классификация керамического материала с древнейших слоев X в. до XVI в. Всего выделено 8 основных типов, которые подразделены на отдельные виды (рис. 1).

Тип I. Керамика типа I представлена горшками среднего размера (диаметр — 16—20 см) с прямым или чуть оттянутым наружу венчиком, который сразу переходит в низкое плечико.

Вид А. К нему относятся толстостенные (до 8—9 мм) горшки темносерого или коричневатого цвета с прямым, округлым сверху венчиком и округлым, несколько раздутым туловом. Орнаментированы они неправильной, нанесенной от руки, волной или линией.

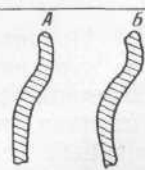
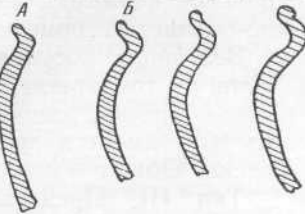
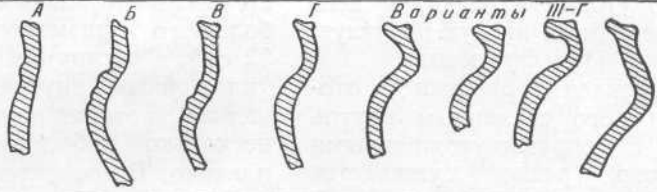
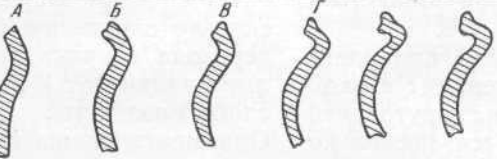
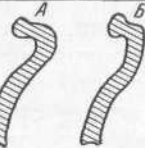
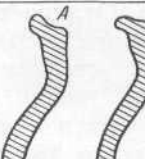
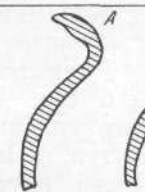

Типы	В и д ы
I	
II	
III	
IV	
V	
VI	
VII	
VIII	

Рис. 1. Типы и виды керамики.

Вид Б. Отличается от вида А несколько оттянутым наружу венчиком и более сглаженными ребристыми плечиками. Этот вид имеет линейный и волнистый орнамент. Линии орнамента широкие, неправильные.

Горшки I типа полулепные. Примесь — крупнозернистая дресва. Обжиг слабый. Встречаются они в нижнем слое на уровне 28-го яруса в небольшом количестве. Всего на территории раскопа II обнаружено 124 фрагмента.

Тип II. Керамика типа II представлена горшками с отогнутым наружу и косо срезанным, несколько утолщенным краем венчика, который переходит в низкую округлую шейку. Всего учтено 1193 фрагмента.

Вид А. Представлен горшками с отогнутым наружу и косо срезанным внутри краем венчика, с округло-утолщенными плечиками. Тулово резко суживается к днищу. Орнамент линейно-волнистый. Обломков этого вида собрано 118.

Вид Б. Отличается от вида А приподнятым вверх венчиком, появлением низкой округлой шейки и уступом на внутренней стороне ее. Плечики становятся несколько тоньше и более округлыми. Орнамент линейно-волнистый. Волна несколько наклонная, нанесена трехзубой гребенкой. Линейный орнамент нанесен, так же как и у вида А, полой палочкой. Всего собрано 248 фрагментов.

Вид В. Появляется в более поздних слоях. У сосудов вида В хорошо профилированные стенки; нижняя часть их имеет вид усеченного конуса. Венчик отогнут наружу и вытянут вверх, образуя на верхнем срезе небольшой выступ. Стенки горшков обмазаны слоем отмученной желтоватой глины. Орнамент линейно-волнистый, нанесен трехзубой гребенкой. Найдено 389 фрагментов.

Вид Г. Представлен горшками несколько большего размера, чем предыдущие. Диаметр их—17—19 см. Горшки хорошо профилированы. Нижняя часть тулова имеет форму усеченного конуса. Плечики высокие, округлые. Шейка низкая. Венчик резко отогнут наружу; конец его вытянут и прикреплен к внутренней стороне, отчего образуется округлый выступ. Сосуды этого вида близки по форме к керамике курганного типа. Орнамент линейно-волнистый. 328 фрагментов.

Вид Д. Представлен горшками так называемого курганного типа. У этих горшков конусовидная форма тулова, высокие округлые плечики, низкая шейка и округлый утолщенный венчик. Этот вид новгородской керамики имеет правильный линейно-волнистый орнамент. ПО фрагментов.

Все виды сосудов типа II сделаны на ручном гончарном круге. Тесто — с примесью дресвы, лишь изредка (5—6 черепков из 100) имеется примесь крупнозернистого песка. Обжиг чаще всего двуслойный.

Тип III. Представлен темными толсто-стенными горшками малого, среднего и большого размеров (диаметр — 8—17—32 см), с оттянутым наружу срезанным или уплощенным внутри венчиком, с высокой шейкой, которая переходит в округлое или несколько ребристое (у поздних видов) плечико. Всего учтено 4206 фрагментов.

Вид А. У сосудов вида А прямой, несколько округленный сверху венчик. В месте перехода венчика в стенки имеются округлые валики (от 1 до 3). Шейки нет. Стенки слабо изогнуты. Днище — с закраинами. Орнаментированы горшки вида А треугольным штампом по валикам и по верхнему срезу венчика. Стенки почти сплошь покрыты широкой прямой линией, опоясывающей тулово по спирали. Только в 3—4 см от днища орнамент исчезает. Учтено 63 обломка сосудов этого вида.

Вид Б. Отличается от вида А венчиком, край которого косо срезан внутри, и более округлыми стенками. В месте перехода венчика в плечо также имеется валик. Орнамент тот же, что и у сосудов вида А. Собрано всего 163 обломка.

Вид В. Керамика вида В представлена горшками меньшего размера и более тонкостенными. Диаметр их—17—19 см, толщина — 5—6 мм. Венчик прямой, верхний срез его уплощен, отчего внутри образуется выступ. Попрежнему сохраняется валик. Плечо высокое округлое. Стенки резко суживаются к днищу. Керамика этого вида богато орнаментирована. По верхнему срезу венчик орнаментирован «насечкой», по венчику до выступа — линейный или волнистый орнамент, нанесенный четырехзубой гребенкой. На валике — снова «насечка» или штамп, ниже его по плечу — линейно-волнистый орнамент. 1280 фрагментов. Вся керамика первых 3 видов

типа III имеет тесто с примесью дресвы. Обжиг слабый. Черепки рыхлые, в изломе трехслойные. Горшки сделаны на ручном гончарном круге.

Вид Г. Появляется позже первых 3 видов. Сосуды этого вида профилированы лучше, чем предыдущие. Венчик немного отогнут наружу. Край его вытянут вверх. На верхнем срезе проходит ложбинка. При нанесении ее внутренний край венчика немного выдвинулся внутрь и образовал выступ. Выделяется высокая округлая шейка, которая плавно переходит в высокое округлое плечо. Тулово имеет форму усеченного конуса. У дна стенки утолщены. Днище закраин не имеет. Орнамент линейно-волнистый, нанесен заостренной палочкой или гребенкой. Очень часто орнамент на тулове нанесен поясами по 3—4 параллельных линии. 2700 фрагментов.

Вид Г керамики типа III дает в более поздних слоях очень разнообразные варианты. В основном изменяется венчик: он увеличивается, становится более пухлым и принимает различные, порой вычурные формы.

Однако общими для всех этих форм остаются приплюснутый к внутренней стороне край венчика, довольно высокая, несколько округлая шейка, выпуклые округлые плечи. Орнамент поздних вариантов вида Г скромнее. По плечу нанесены 2—3 линии или волны.

Состав теста поздних вариантов меняется. Появляется примесь песка и мелкозернистой дресвы. Обжиг трехслойный, так как все горшки этих вариантов имеют довольно толстые стенки (5—6 мм).

Тип IV. Представлен сосудами желто-серого или темного цвета небольшого и среднего размера (диаметр — 13—22 см), с отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой и округлыми плечиками. Все сосуды сделаны на ручном гончарном круге. Тесто — с примесью мелкозернистой дресвы или песка. Обжиг довольно хороший, однако в изломе все сосуды имеют черную прослойку. Всего учтено 2350 фрагментов.

Вид А. Этот вид, наиболее ранний, представлен сосудами с почти прямым, чуть отогнутым наружу и косо срезанным краем венчика. Шейка еще слабо выражена. Тулово плохо профилировано. Плечики низкие. Орнамент линейный, неровный. Четыре

линии идут по плечу; нижняя часть тулова сплошь покрыта широкими линиями. Всего собрано 150 фрагментов.

Вид Б. Сравнительно мало распространен. К нему относятся сосуды с отогнутым наружу венчиком, у которого верхний и нижний края вытянуты, образуя раздвоенный конец в виде «ласточкина хвоста». Низкая шейка плавно переходит в округлое низкое плечико. Орнамент линейный. Широкие борозды орнамента нанесены заостренной или полый палочкой; они часто покрывают всю поверхность плечиков. 25 фрагментов.

Вид В. Очень распространен в слое 25—21-го ярусов. Сосуды хорошо профилированы. Венчик отогнут наружу и загнут внутрь, образуя на верхнем срезе небольшой уступ. Шейка низкая, имеет внутри резкий изгиб. Плечико высокое. У тулова форма усеченного конуса. Орнамент линейно-волнистый. Широкие линии покрывают почти всю поверхность сосуда, только по плечу идет волна из 2—3 линий. Учтено 1125 фрагментов сосудов этого вида.

Вид Г. Отличается резкой профилировкой округлого тулова. Шейка низкая. Венчик отогнут наружу, низ его округлен, а верхний край вытянут, образуя треугольный выступ, ниже которого по внутренней стороне венчика идет ложбинка. Горшки этого вида, очевидно, имели крышки; для них-то и сделана ложбинка на внутреннем срезе венчика. Орнамент линейно-волнистый. Узкие борозды расположены через 0,7—1 см друг от друга. По плечу идет волнистый орнамент, состоящий из нескольких линий. Волнистый орнамент нанесен четырехзубой гребенкой. 1050 фрагментов.

Глиняное тесто керамики вида Г отличается от предыдущих видов по примесям. Обыкновенно оно имеет примесь песка, в 5 случаях встречена примесь шамота, что не характерно для новгородской керамики. Обжиг лучше, в изломе черепок однослойный, лишь изредка (не более 10—15 черепков на 100)—двуслойный. Сосуды сделаны на ручном гончарном круге.

Тип V. К этому типу относятся сосуды с отогнутым наружу утолщенным венчиком. По форме они близки к сосудам типа II, но отличаются величиной и примесями. Тесто — с примесью дресвы или крупнозернистого песка. Орнамент линейный или

вообще отсутствует. Всего собрано 860 фрагментов.

Вид А. Характеризуется резко отогнутым наружу венчиком, причем иногда он выступает за линию плечика. Край венчика имеет форму утолщенного валика. Довольно высокая шейка плавно переходит в пологое, низкое плечо. Орнамента почти нет. 500 фрагментов.

Вид Б. Отличается вытянутым и загнутым краем венчика, который образует на внутреннем срезе округлый выступ. Орнамент линейный. По плечу нанесены 3—4 утолщенных борозды. 360 фрагментов.

Тип VI. К типу VI принадлежат большие сосуды — корчаги и крупные горшки с отогнутым наружу краем венчика, высокой шейкой и округлым туловом. Всего собрано 68 фрагментов.

Вид А. Крупные корчаги диаметром до 45—50 см. Толщина стенок — 7—8 мм. Все они имеют отогнутый наружу и несколько приподнятый вверх край венчика. На внутренней стороне — небольшой выступ. Шейка высокая, наклонная. В месте перехода шейки в плечо идут 2 или 3 уплощенных валика. Тесто хорошо промешанное, с примесью мелкозернистой дресвы; в изломе черепки двуслойные. Орнамент линейный.

Вид Б. Сосуды вида Б имеют сравнительно узкое горло. Диаметр — не более 17 мм, тогда как высота достигает 45—47 см. Венчик вытянут горизонтально или чуть приподнят. На верхнем срезе идет ложбинка, на внутреннем — округлый выступ. Шейка высокая, в середине утолщенная, круто переходит в округлое, высокое плечо. Керамика вида Б сделана из ярко-красной глины. Тесто имеет примесь мелкозернистой дресвы со слюдой. Обжиг однослойный. На стенках не обнаружено следов нагара, поэтому можно предположить, что это сосуды для хранения запасов. Орнамента нет.

Тип VII. Представлен керамикой, появляющейся с 8—9-го ярусов. Этот тип керамики характеризуется хорошо профилированными горшками большого размера, венчик которых отогнут наружу и несколько загнут вниз; иногда он имеет посередине утолщение. У сосудов типа VII шейка высокая, округлая, плечо высокое и также округлое. Дресва примешивается в тесто приблизительно у 1/3 сосудов, у остальных —

примесь песка. Тесто хорошо промешано. Черепки плотные, в изломе однослойные. Всего собрано 520 фрагментов.

Виды А и Б. Характеризуются отогнутым наружу венчиком, высокой, несколько округлой шейкой, которая переходит в пологие, довольно низкие плечи. Вид А отличается отогнутым и утолщенным венчиком; вид Б имеет менее отогнутый венчик, край которого немного заострен.

Тип VIII. С 5-го яруса появляется еще один вид поздней керамики. По своей форме она очень сходна с так называемой красной грубой керамикой Москвы. На раскопе II собрано 600 фрагментов.

Это небольшого размера (диаметр — 9—12 см, высота — 11—12 см) горшки красной глины с отогнутым наружу округлым венчиком. Низкая, наклонная шейка переходит в плечико через уступ. Тесто — с примесью песка. Горшки сделаны на ручном гончарном круге. У другого вида этого типа край венчика имеет форму округлого валика и немного отогнут наружу. Шейка скошенная, переходит в плечо через уступ. Плечико высокое, тулово округлое.

Таким образом, можно сделать вывод, что основным типом керамики в Новгороде являются горшки различной величины и разнообразные по форме. Однако продукция новгородских гончаров не ограничивалась изготовлением посуды этого вида. Во всех слоях встречаются обломки кувшинов, составляющие 1—3% всей собранной керамики.

Кувшины можно разделить на 4 вида.

1-й вид — это кувшинчики небольшого размера. Высота их не превышает 14—15 см. Диаметр горла — 9—10 см. Кувшины сделаны из светлой серой глины с примесью крупнозернистой дресвы и снаружи обыкновенно покрыты желтым или чуть розоватым ангобом. Все они имеют округлое, несколько раздутое тулово и прямую шейку высотой 3—4 см. Край горла утолщен и имеет вид уплощенного валика, который с одной стороны вытянут наружу, образуя небольшой носик. К верхней части горлышка и плечу прикреплен круглая в сечении ручка. Сделаны эти кувшины на ручном гончарном круге. На днище видны следы подсыпки крупного песка. По плечу нанесен небрежный волнистый орнамент в 1—2 линии. Кувшинчики 1-го вида являются наи-

более древними. Встречаются они в пластах, относящихся к 24—21-му ярусам.

2-й вид представлен кувшинами красной глины, большего размера, чем первые. Диаметр горла—10—12 см, высота — 5—7 см. Край горлышка утолщен, вытянут наружу, на внутренней стороне имеются небольшие закраинки. Носик вытянут несколько больше, чем у кувшинов предыдущего вида. Горлышко прямое; в месте перехода его в плечики — 2 уплощенных валика, по которым идет орнамент в виде прямоугольных ямок, расположенных по косой линии. Нанесен он четырехзубой гребенкой. Плечики высокие, округлые; тулово имеет форму усеченного конуса. К горлу и плечу прикреплен ручка, эллипсоидная в сечении.

Тесто имеет примесь крупнозернистого песка; в изломе черепок трехслойный. Снаружи кувшины покрыты тонким слоем отмученной глины. Кувшины 2-го вида встречаются в пластах 19—17-го ярусов.

3-й вид кувшинов представлен большими сосудами белой глины. Высота их—не менее 25—28 см. Диаметр горлышка — 7—8 см, высота — 5—6 см. Плечико высокое, округлое, имеет уплощенный валик. Тулово резко суживается к днищу. Подобного вида кувшины встречены в слое, относящемся к 12—10-му ярусам.

4-й вид кувшинов характерен для более позднего времени. Они начинают встречаться с 5-го яруса. Это довольно большие сосуды (высота — 34—37 см) из красной и белой глины. Тесто — с примесью крупного песка. Обжиг хороший, в изломе черепок однослойный или двухслойный. Все они имеют прямое горло, верхний край которого утолщен и снаружи имеет вид валика с ложбинкой посередине. Носик узкий, вытянутой треугольной формы. Горло плавно переходит в гладкое плечо. Тулово округлое, немного раздутое.

Наряду с описанными формами керамики в культурном слое Новгорода встречается разнообразный ассортимент глиняной посуды. Это разнообразие появляется с 23—22-го ярусов.

Маленькие горшочки с отогнутым наружу пухлым венчиком, низкой шейкой и округлым туловом сделаны из желто-серой глины с примесью мелкозернистой дресвы. По плечу нанесен волнистый орнамент, состоящий из 1 волны. Высота их —

не больше 9 см, диаметр — 4—6 см. Стенки, довольно толстые (6—7 мм). Назначение горшочков не вполне выяснено. Нагара на их стенках, как правило, нет; скорее всего это сосуды для небольшого количества молока, сметаны или масла.

Всего найдено 4 целых горшочка и 12 обломков с полным профилем; отдельных мелких обломков — более 100. Все они встречаются в 22—20-м ярусах. В этом же слое обнаружены чашечки высотой 3—4 см. У них прямые, несколько округлые к верхнему краю и днищу, стенки с тремя ручками-ушками.

С 21—20-го яруса появляются небольшие блюдечки. Диаметр их — 7—10 см. Стенки их округлые, немного приподнятые. На донце — узкий рубец (закрайна).

Необходимо отметить еще одну форму новгородской посуды — миски. Все миски можно разделить на 2 типа. 1-й тип представлен сосудами с ребристыми или чуть округлыми стенками изящной формы, диаметром 10—15 см, высотой 12—16 см. У этих мисок невысокий поддон. Верхний край их срезан наружу. К мискам, очевидно, относятся и крышки, которые также имеют срез и хорошо подходят к срезанному краю миски. Эти крышки сделаны, так же как и миски, из красной или желто-серой глины с примесью мелкой дресвы.

Ко 2-му типу относятся миски без поддона. У них чуть выгнутые стенки, верх которых загнут внутрь и образует плоский валик. Эти сосуды также сделаны из красной глины, однако в тесте имеется примесь песка. Обжиг у них лучше, в изломе нет темной полосы.

1-й тип мисок на поддоне начинает попадаться с 15-го яруса и не встречается выше 10-го; 2-й тип появляется в 11-м ярусе и доходит до 5-го. Кроме этого, для новгородского культурного слоя характерно наличие привозной посуды — амфор из красной глины. Обломки амфор составляют приблизительно 3% всей керамики с 24-го по 14-й ярус. Чаще всего встречаются обломки плечиков с линейно-каннелюрным орнаментом и обломки ручек, на которых имеются пометки — прочерченные линии или округлые ямки, расположенные ромбом.

На этом мы заканчиваем характеристику основных типов новгородской керамики, выделенных в процессе работы, которая

имеет значение лишь предварительной систематизации. Главной задачей является выделение последовательных, изменяющихся во времени ведущих форм новгородской керамики. При выделении хронологических групп

На рис. 2 приведена хронологическая таблица керамики.

X век (рис. 3). Лепная керамика в Новгороде почти не встречается. Так, в 1953 и в 1954 гг. было найдено всего 5 обломков

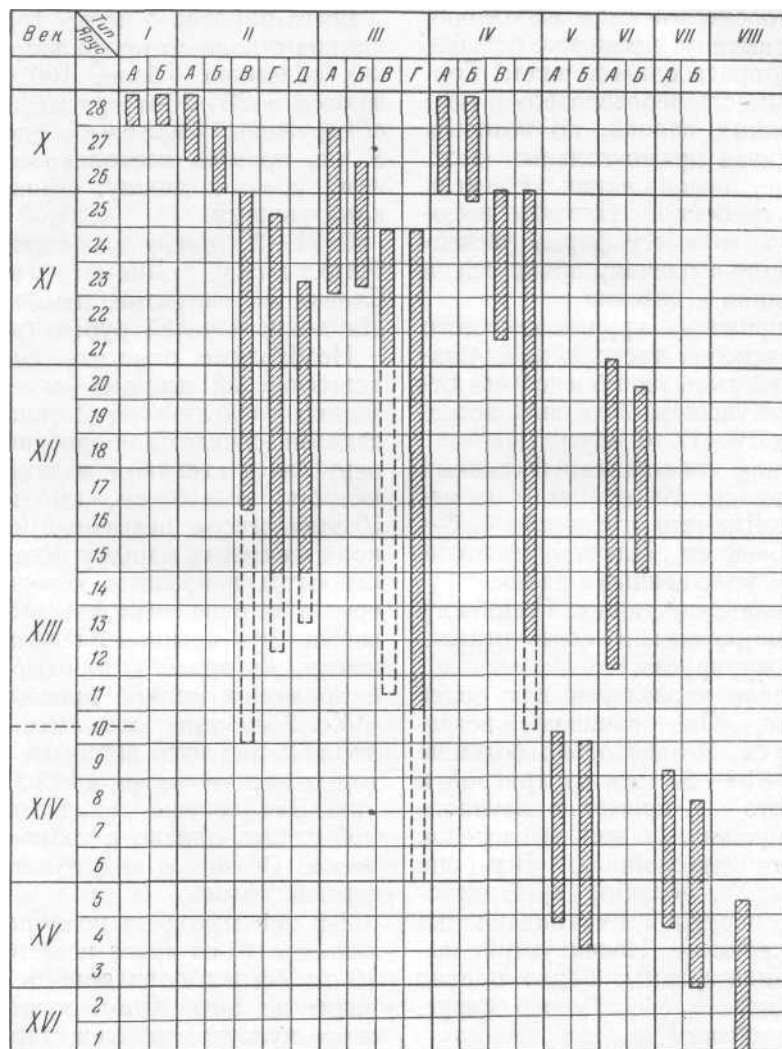

Рис. 2. Хронологическая таблица керамики.

керамики приходилось в основном проследить появление и исчезновение тех или иных форм керамики по ярусам, начиная с нижних — 28—27-го—до 2-го. Кроме того, датировка отдельных типов глиняной посуды Новгорода проверялась аналогичным керамическим материалом из других древнерусских городов.

лепных сосудов с едва заметным отгибом шейки и угловато выступающими плечиками. Эта керамика имеет аналогию в горизонте Ег Старой Ладogi¹. Я. В. Станкевич относит подобного вида сосуды к на-

¹ Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. СА, XV, стр. 221 (табл. II, вариант 4).

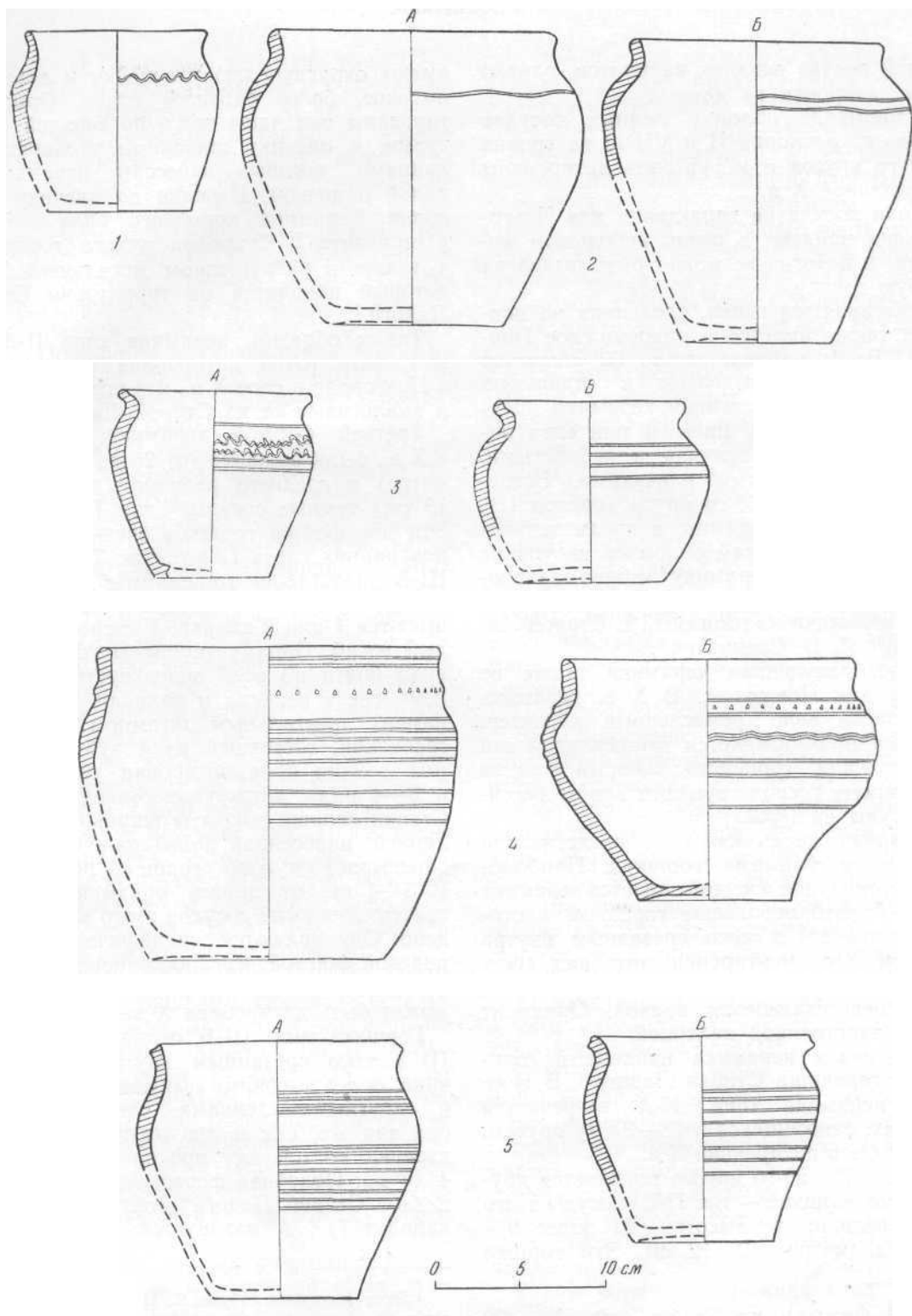

Рис. 3. Сводная таблица керамики X в.

1 — лепной сосуд; 2 — типы I-A и I-B; 3 — типы II-A и II-B; 4 — типы III-A и III-B; 5 — типы IV-A и IV-B.

стольной посуде поздних вариантов, однако точная датировка не дана.

В Новгороде обломки лепных сосудов найдены на раскопах II и VII ниже уровня 28—27-го ярусов и могут быть датированы 1-й половиной X в.

Лепная посуда не характерна для Новгорода; она найдена в очень небольшом количестве и поэтому не может быть выделена в особую группу.

Полулепная керамика, сделанная на подставке, также имеется в нижнем слое Новгорода. Всего найдено около 60 обломков сосудов, но они выделены в отдельную группу типа I. Полулепная керамика представлена сосудами с прямым или едва намеченным изгибом венчика и ребристыми, немного утолщенными плечиками. Встречается она в слое 28-го яруса (раскоп II), а также ниже его уровня, в предматериковом слое. По находкам обломков на уровне 28-го яруса эту керамику можно датировать 1-й половиной X в. Эту же дату аналогичной керамики из горизонта E Старой Ладogi дает Я. В. Станкевич¹.

Однако полулепная керамика также не типична для Новгорода. В X в. керамика носит здесь явно ремесленный характер. В это время оформляется тот основной тип «горнцов» или «горнецов», который стал на долгое время господствующим видом кухонной посуды на Руси.

Гончарная керамика X в. представлена несколькими формами горшков. Наиболее ранней гончарной посудой является керамика типа П-А. Это небольшие горшочки с отогнутым наружу и косо срезанным внутрь венчиком. Орнаментирован этот вид сосудов широкими линиями и неправильной, иногда пересекающейся волной. Орнамент нанесен заостренной палочкой.

Аналогичная керамика найдена в горизонте E городища Старая Ладога². В Новгороде керамика типа П-А встречается в пластах, относящихся к 28—27-му ярусам, и может быть датирована X в.

В слоях 27—26-го ярусов появляется другая форма горшков — тип П-Б. Сосуды этого вида невелики; их высота — не более 9—11 см, диаметр—10—12 см. Эти горшки

имеют округлую низкую шейку и довольно высокое, более округлое плечо. Орнаментированы они чаще всего по верхней части стенок и плечу широкими утолщенными линиями, которые нанесены, повидимому, полрой палочкой. Изредка по плечу идет волна. Керамика подобного вида найдена в горизонте D Староладожского городища, а также в разрушенном могильнике X в., который находится на территории Старой Ладogi¹.

Таким образом, керамика типа П-Б может быть точно датирована по находкам в Новгороде в слое X в., что подтверждается и аналогиями ее из Старой Ладogi.

Третьей формой керамики, бытовавшей в X в., были большие (от 25 до 33 см в диаметре) и среднего размера (диаметр 16—19 см) темные сосуды — тип Ш-А и Ш-Б. Эти две формы горшков очень характерны для ранних слоев Новгорода. Тип керамики Ш-А представлен горшками с прямым венчиком; в месте перехода его в шейку имеются 1 или 2 валика. У стенок очень малый изгиб. Орнаментированы горшки этого вида почти по всей поверхности. По верхнему срезу венчика и валикам нанесен орнамент треугольным штампом или косо гребенкой, состоящей из 4 зубчиков. Прямой венчик орнаментирован узкой волной в 3—4 ряда, также нанесенной гребенкой. Стенки сплошь покрыты широкой рифленой линией, нанесенной полрой палочкой. Линия опоясывает тулово горшка по спирали. В 3—4 см от дна орнамент заканчивается. Аналогий сосудов этого вида не найдено. Они являются специфической новгородской формой. Распространена эта форма в слоях, относящихся к 27—25-му ярусам и может быть датирована X в.—началом XI в.

Горшки типа Ш-Б отличаются от типа Ш-А косо срезанным внутрь краем венчика, более высокими выпуклыми плечиками и округлыми стенками. Орнаментированы они так же, как и предыдущий вид; лишь изредка по плечу проходит волна в 3—4 линии. Подобная форма горшков найдена в слое Старой Ладogi (горизонт D, тип I, вариант 7)² и датируется 2-й половиной

¹ Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 221, 222 (табл. IV, вариант 4).

² Там же, стр. 221 (табл. III, вариант 5).

¹ Этот материал собран С. Н. Орловым, который любезно разрешил использовать его в данной работе.

² Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 220, 221.

X—XI вв. В Новгороде керамика типа Ш-Б встречается в слое, относящемся к 26—23-му ярусам, т. е. датируется X—XI вв.

На самом материке, а также на уровне 28—26-го ярусов встречается еще одна форма горшков—тип IV-A. Это небольшие (диаметр — не более 16 см) сосуды, у которых венчик довольно резко отогнут наружу и округлен; низкая шейка переходит в округлое, низкое плечо. Стенки у днища округлены, на самом дне хорошо видна закраина от ручного гончарного круга. Подобного вида керамика довольно широко распространена в древнерусских городах. Имеется она в Смоленске¹, Владимире² и других городах.

Для керамики этого типа характерен линейно-волнистый орнамент, нанесенный заостренной палочкой. Линии обычно неровные, расположены в 0,5—0,7 см друг от друга. Волна чаще всего нанесена одной неправильной линией. Начиная с 26-го яруса в слое X в. встречается также керамика типа IV-B. Это хорошо профилированные сосуды среднего размера.

На этом краткий обзор керамики X в. можно закончить. Однако необходимо отметить, что в нижнем горизонте культурного слоя Новгорода, т. е. на уровне 28—26-го ярусов и ниже их, в слое X в. количество керамики невелико; по сравнению с XI в. оно меньше в 2,5—3 раза. По форме керамика также не многообразна. Наибольший процент керамики составляют сосуды типа IV-A—приблизительно 50%, т. е. половину всей керамики этого времени. Около 20% составляет керамика типа IV-B, на остальные формы приходится не более 30%.

Вся керамика X в. представлена кухонной посудой — горшками. Почти на всех заметен слой нагара, однако обнаружено несколько десятков обломков и 2 целых горшка без следов нагара. Эти горшки имеют форму типа Ш-Б, с высокой шейкой; использовались они, очевидно, для хранения или закваски небольшого количества молочных продуктов. Размеры керамики X в. различны. Сосуды типа Ш-A и Ш-B довольно большие; иногда высота их дости-

гает 30—35 см, а диаметр — 23—25 см. Наименьший размер имеют горшки типа I-B с отогнутым венчиком; высота их не превышает 9—11 см, диаметр — 6—8 см.

Почти вся керамика X в., за небольшим исключением, имеет темный, буроватый или сероватый цвет, что объясняется не только сырьем — глиной серо-оливого цвета, но и обжигом, так как изменение цвета зависит от температуры в горне и состава газов. При невысокой температуре в гончарном горне глина цвета почти не меняет. Исключение составляет посуда в количестве не более 2—3% всей керамики, имеющая желтоватый или красный цвет. Фрагменты горшков яркокрасного цвета изменили цвет при вторичном обжиге: их почти всегда находили внутри или около сгоревших построек. О слабом обжиге говорит и структура черепков. Обыкновенно они рыхлые, легко крошатся и слоятся.

Тесто керамики X в. содержит в основном примесь дресвы с большим количеством слюды, чешуйки которой хорошо видны в изломе; только не более 5% всей керамики имеет примесь песка, но крупнозернистого.

Новгородская керамика X в. представлена кухонной посудой — горшками 5 форм. Она сделана на ручном гончарном круге, исключение составляют лишь несколько обломков лепной посуды. Вся посуда обожжена в гончарном горне, но при невысокой температуре. Изготовление керамики на круге и обжиг ее в горне позволяют сделать вывод, что, очевидно, уже в это время в Новгороде производство керамики было ремесленным, т. е. продукция изготовлялась на рынок.

XI век (рис. 4). На рубеже X и XI вв. в 26-м ярусе появляется новая форма кухонной посуды — типа IV-G.

С 25-го по 21-й ярус эта форма становится господствующим видом посуды. Фрагменты горшков малого и среднего размеров с оттянутым наружу венчиком и выступом наверху составляют более половины всей керамики этого времени. С 21-го яруса число ее уменьшается до 12—15% в 18—15-м ярусах, а с 13-го по 10-й — она встречается лишь в единичных случаях.

Таким образом, керамика типа IV-G является преобладающей формой с начала XI в. до середины XIII в., когда количество

¹ Раскопки Д. А. Авдусина в 1951—1952 гг. Коллекции в Смоленском краеведческом музее. Материалы любезно предоставлены Д. А. Авдусиным.

² Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, стр. 235.

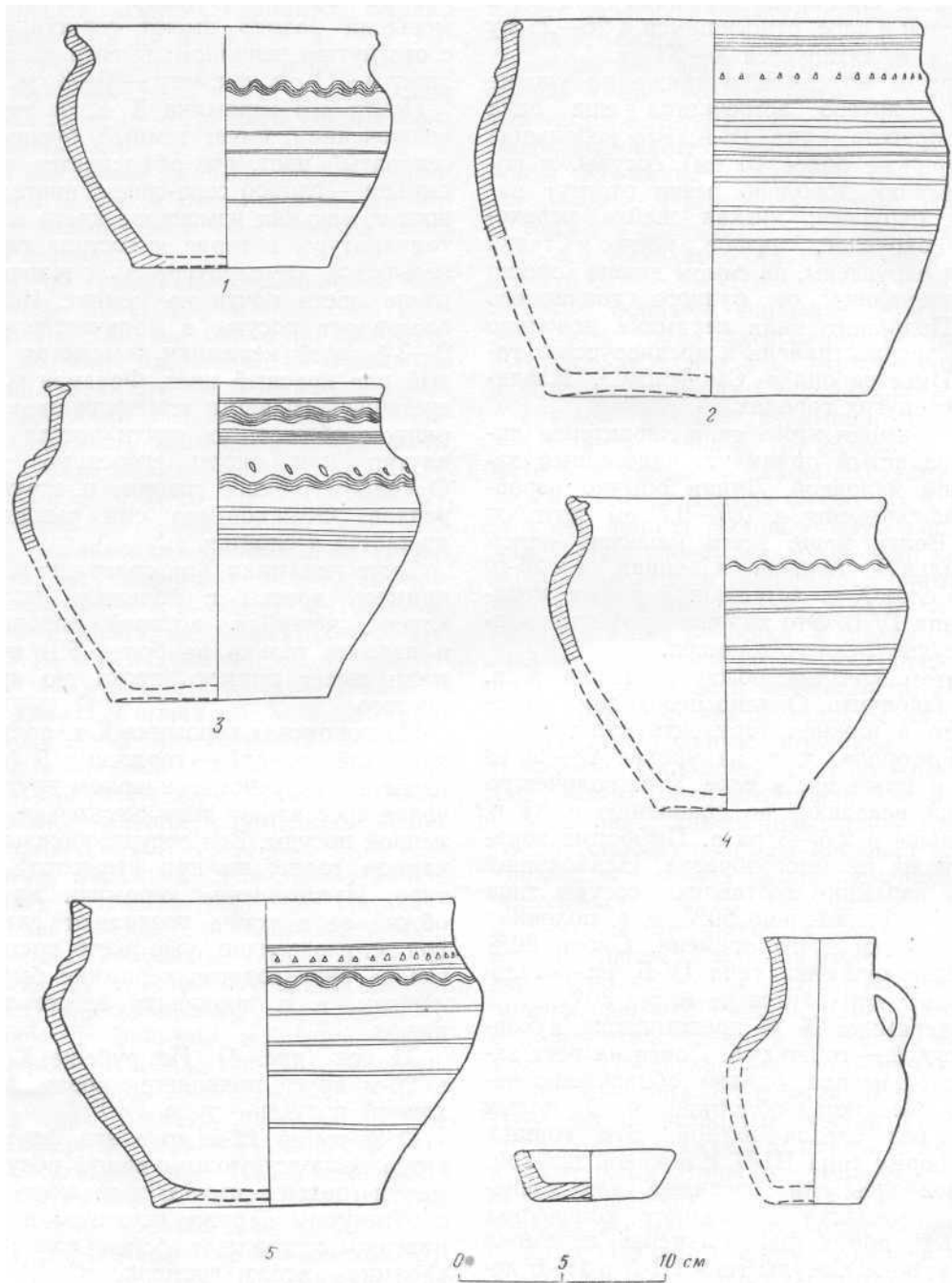

Рис. 4. Сводная таблица керамики XI в.
 1-- тип IV-B; 2-- тип III-A; 3 -- тип IV-B; 4 -- тип III-Г; 5 -- тип III-Б.

ее уменьшается, и в конце XIII в. она почти совсем исчезает.

Сосуды типа IV-Г имеют четкую, хорошо профилированную форму. Тесто — с примесью мелкозернистой дресвы или песка. Обжиг горновой, довольно хороший. Черепок тонкий (3—5 мм), плотный, но в изломе заметна тонкая темная прослойка необожженной глины. Встречается такая керамика в Смоленске и в Ярославле в слое XI—XIII вв.¹

В 1-й половине XI в. продолжает бытовать керамика типа III-А и III-Б. Обломки довольно больших горшков с прямой шейкой встречаются в 25—24-м ярусах в меньшем количестве, чем сосуды типа IV-Г, — они составляют не более 10%. Выше 24-го яруса, т. е. в 1-й половине XI в., эти две формы горшков встречаются в единичных случаях, а выше 22-го яруса, т. е. позже конца XI в., их нет совсем.

Керамика типа III-А и III-Б довольно грубая. Тесто — с примесью дресвы, часто крупнозернистой, с большим количеством слюды. Обожжена она гораздо хуже, чем керамика типа IV-Г. Черепки рыхлые, в изломе — толстая прослойка необожженной глины.

В слое 24-го яруса, т. е. в 1-й половине XI в., появляются еще 2 разновидности горшков типа III—В и Г.

Сосуды типа III-В составляют не более 5% всей керамики и встречаются до 21-го яруса, т. е. до конца XI в. В том же ярусе появляется новый вариант этого типа — шейка получает большой изгиб и несколько уменьшается. Сосуды этого вида встречаются до 11-го яруса, приобретая все новые и новые, иногда вычурные по своей форме варианты. Эта керамика довольно хорошо обожжена, в тесте — примесь дресвы, но около 10% этих сосудов уже имеют примесь песка.

Керамика типа III-Г наиболее многочисленна в пластах, относящихся к 21—19-му ярусам. Эти ярусы датируются концом XI в.—1-й половиной XII в. Подобного вида керамика встречается не только в Новгороде; она найдена в горизонте Д городища Старая Ладога² (точной даты нет), а также в слое XI—XII вв. в Смоленске,

¹ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 184.

² Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 221.

где она наиболее многочисленна. На рубеже XI и XII вв. (ярусы 21—20-й) керамика типа III-Г имеет несколько вариантов, о которых будет сказано ниже.

Кроме горшков перечисленных форм, в слое XI в. найдены обломки кувшинов небольшого размера с довольно широким горлом, выделенные в вид I. Встречаются они в небольшом количестве (4—6 черепков на 100) с 22-го яруса, т. е. со 2-й половины XI в. Обломки подобных кувшинов есть и в пластах, относящихся к 20—18-му ярусам. В слое этих же ярусов встречаются небольшие сосуды с венчиком в виде валика, низкой шейкой и несколько раздутым туловом. Эти сосуды имеют довольно толстую, круглую в сечении ручку-ушко. Обломков таких сосудов найдено всего 18, поэтому они не выделены в особую группу.

С 20-го яруса и выше идут обломки мелких блюдец с округло-наклонными стенками. На днище резко выступает закраина. Все они имеют желто-серый или красноватый цвет.

Характеризуя керамику XI в., нельзя не сказать о привозной посуде. Начиная с 24-го яруса, в культурном слое Новгорода встречаются коричневато-красные или яркочерные обломки привозных амфор южного типа. Они резко отличаются от новгородской керамики по составу и цвету теста.

Кроме того, в слое XI в. найдены обломки привозной поливной керамики так называемого киевского типа. Но ее очень мало (не более 1 черепка на 1000), причем обломки очень небольшие. Очевидно, эта керамика в Новгороде, несмотря на его связь с Киевом, была здесь мало распространена.

Таким образом, керамика XI в. более многочисленна и разнообразна по форме, чем керамика X в. Кроме горшков, появляются кувшины и блюда.

XII век (рис. 5). В XII в. продолжает бытовать керамика типов IV-Г и III-Г, которые в этом веке встречаются в различных вариантах.

В нижнем горизонте XII в., так же как в XI в., большая часть керамического материала представлена сосудами типа IV-Г как в первоначальном виде, так и в вариантах. Эти новые формы довольно разнообразны: верхний край венчика еще больше увеличивается, вытягивается вверх или загибается внутрь в виде зуба. Шейка увели-

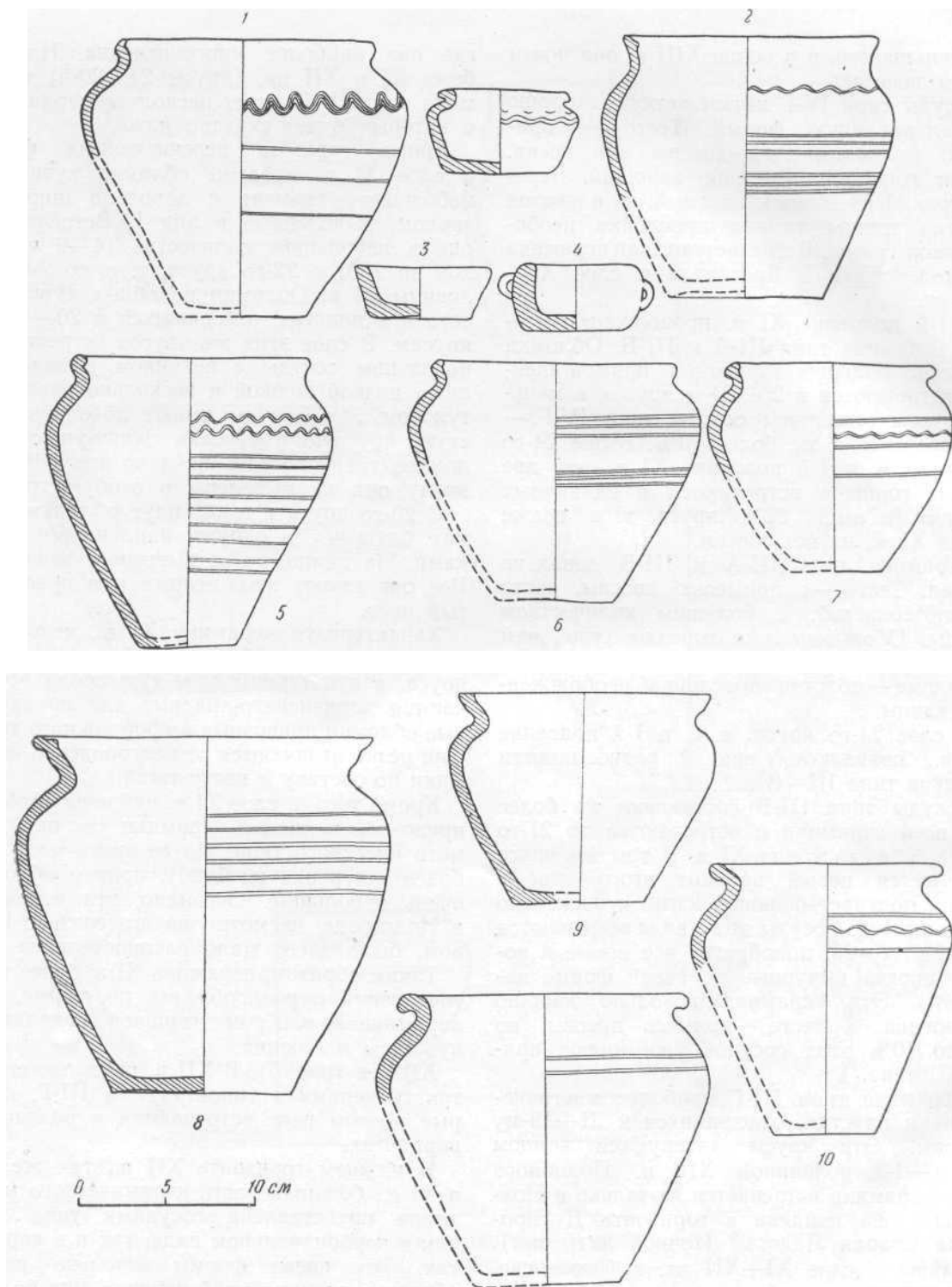

Рис. 5. Сводная таблица керамики XII в.

/ — тип IV-Г; 2 — тип Ш-Г; 3 — блюдечко; 4 — мисочка; 5—7 — варианты типа П-Г; 8—10 — варианты типа ПП-Г.

чивается, становится более округлой и плавно переходит в высокое, хорошо профилированное плечо. Встречаются сосуды подобного вида с 20-го по 18-й ярус, но больше ее в 20-м, где она составляет 20%. Керамика этих форм была найдена в Киеве в слое начала XII в.

Кроме того, в 20-м ярусе появляется еще один вид керамики. Это средней величины горшки с утолщенным венчиком, округлой шейкой, которая переходит в выпуклое, высокое плечо. Начиная встречаться в 20-м ярусе, эта форма горшков доходит до 14—13-го ярусов. Таким образом, она может быть датирована XII—XIII вв. Находки подобной керамики в Новгороде подтверждают дату ее бытования в Киеве¹ и Смоленске, где она является преобладающей формой этого времени. Встречаются подобные сосуды и в Старой Ладог², а также в Ярославле³, Владимире⁴ и других древнерусских городах, т. е. очень типичны для городской керамики этого времени. Но если в перечисленных городах такая керамика представляет собой господствующую форму, то в Новгороде она составляет не более 10% всей керамики XII в. и не более 6—8% керамики XIII в.

Как говорилось выше, в XII в. были широко распространены сосуды типа Ш-Г и их различные варианты, у которых венчик принимает вычурную форму, — шейка несколько уменьшается, становится более округлой и плавно переходит в плечо. Горшки этих форм встречаются в 20-м ярусе в довольно незначительном количестве (10—15%), но затем их становится больше, и в 17—16-м ярусе они преобладают, составляя около 70% всей керамики.

Этот вид горшков, так же как и предыдущий, является общим для русских городов XII—XIII вв. Керамика типа Ш-Г и ее варианты встречаются в большом количестве в Смоленске, Ярославле⁵, Киеве⁶ и

других городах, где дата для этой керамики — также XII—XIII вв.

В 20-м ярусе появляются горшки довольно большого размера (диаметр — 22—28 см) с отогнутым наружу и чуть загнутым вниз венчиком. Но обнаружено ее немного (не более 2—3% всей керамики), и доходит она до 15—14-го ярусов, т. е. до середины XIII в. Подобного вида керамика найдена в Смоленске в слоях XII—XIV вв. и во Владимире⁷ в слоях XII—XIII вв.

В слое XII в. обнаружены небольшие горшочки — диаметром не более 8 см, с пухлым венчиком, которые предназначались для хранения масла или сметаны.

Кроме перечисленных форм горшков, в XII в. бытовала и другая посуда. Так, еще в XI в. появились небольшие (диаметром 8—10 см) сосуды-блюдца; в XII в. они встречаются уже в значительном количестве — приблизительно 1 обломок блюда на 100—150 черепков.

В слое 2-й половины XII в. (с 17-го яруса) обнаружены маленькие чашечки с 2 или 3 ушками. Сделаны они из сероватой глины и покрыты тонким слоем отмученной глины. Диаметр их не превышает 6—7 см, глубина — 4,5—5 см. Подобного рода мисочек не встречено в других городах; очевидно, они характерны только для Новгорода.

Продолжают бытовать небольшие кувшины, описанные в разделе, посвященном керамике XI в., а также кувшинчики с широким горлом и отогнутым венчиком, без шейки, с маленькой ручкой, тоже обнаруженные в слое XI в. Они характерны для культурного слоя многих древнерусских городов: они были найдены в Киеве, Чернигове, Смоленске. Необходимо отметить также находки в слое XII в. глиняных светильников так называемого новгородского типа. Это небольшие блюдечки из серой глины на поддоне с перегородкой в 1—1,5 см, которая идет внутри блюда приблизительно в 0,7—1 см от края.

Попрежнему в 20—16-м ярусах встречается привозная керамика. В это время в Новгород ввозилось, очевидно, довольно большое количество амфор; их обломки являются нередкой находкой в слое XII в.

¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 39.

² Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 221.

³ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, стр. 184.

⁴ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 235, рис. 30, б.

⁵ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле, стр. 186, рис. 10, А.

⁶ М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 39.

⁷ Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 235, рис. 30, б.

Это амфоры так называемого киевского типа. Встречается в это время и привозная поливная керамика с темной желто-зеленой и зеленой поливой, но попрежнему лишь в маленьких обломках.

Заканчивая характеристику керамики XII в., необходимо отметить, что по сравнению с керамикой XI в. она изготовлена тщательнее. Тесто промешано лучше, хотя примесь дресвы все-таки преобладает, но примесь песка появляется в большем количестве, чем в XI в. Обжиг тоже улучшается, однако темная полоса в изломе остается. Появляются также новые формы посуды — небольшие мисочки и светильники.

XIII век (рис. 6). В начале XIII в. продолжают бытовать еще керамика типа IV-Г и ее варианты, но она составляет очень малый процент от всей керамики. Наибольшее количество приходится на тип Ш-Г и его варианты. Сохраняется еще исходная форма Ш-Г с высокой наклонной шейкой, но в вариантах этой формы шейка постепенно уменьшается; в месте ее перехода в плечо появляется уступ, характерный вообще для более поздней керамики венчик принимает сложные, вычурные формы.

В слое XIII в. обнаружены новые формы горшков, которые являются, очевидно, производными от типа III-B с прямым, скошенным внутрь венчиком, край которого несколько загнут внутрь. В XIII в. шейка сосудов, производных от первоначального типа Ш-B, укорачивается и становится более округлой, край венчика еще более загнут внутрь и сверху по нему идет ложбинка. Эта керамика начинает встречаться с 16—15-го ярусов, т. е. появляется на рубеже XII—XIII вв.

В это время бытуют формы горшков типа IV-B с загнутым венчиком в виде зуба. Эта керамика широко распространена в слоях XII—XIII вв. во всех русских городах.

Сохраняются горшки с отогнутым наружу и загнутым вниз венчиком.

Необходимо отметить еще одну форму горшков, которая появляется с 14-го яруса и идет до 10-го яруса, правда, в очень незначительном количестве, не превышая 1% всей керамики. Это среднего размера сосуды с округлым туловом и прямой, довольно высокой шейкой; край венчика

округло загнут внутрь. Обыкновенно они имеют примесь песка, обожжены довольно хорошо и имеют желтоватый или красноватый цвет.

Керамика XIII в. не ограничивается разнообразными по профилю горшками. В это время продолжают бытовать и блюдечки, и небольшие чашечки с ручками-ушками, но появляются и новые формы настольной посуды — миски и плошки.

Миски или, как они называются в письменных источниках, «мисы»¹ в Новгороде встречены в трех видах. 1-й вид — небольшие, изящной формы мисочки с округлыми стенками, края которых чуть загнуты внутрь и округлены. Эти миски красноватого цвета, примесь — крупнозернистый песок. Обожжены они в горне и часто в изломе не имеют темной прослойки. Поддон невысокий.

Мисочки 2-го вида — несколько больших размеров, диаметр их — 11—14 см. Они имеют отогнутые наружу стенки, резко суживающиеся к днищу, отчего приобретают ребристую форму. Край их по очертаниям напоминает венчик горшков типа Ш-Г. Округло-уплощенное днище поставлено на довольно высокий поддон. Эти миски — темного цвета, с примесью дресвы или крупнозернистого песка и обожжены хуже, чем миски 1-го вида.

У мисок 3-го вида вычурная форма. Тулово резко изогнуто, имеет ребро в месте перехода в высокую округлую шейку, которая тоже резко отогнута наружу и выходит за линию стенки. Край миски округлен. Дно плоско-округлое, поддон высокий. Миски 3-го вида — желтоватого или красноватого цвета; тесто — с примесью мелкозернистого песка.

Из перечисленных видов мисок наиболее древние — 1-го вида. Они начинают встречаться с 14-го яруса и доходят до 10-го, т. е. бытуют с 1-й половины до конца XIII в.

Миски 2-го вида встречаются с 13 до 8-го яруса. Таким образом, они могут быть датированы XIII—XIV вв. Миски 3-го вида обнаружены в слоях с 12 до 6-го яруса; их следует датировать 2-й половиной XIII в. — XIV в.

¹ Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. Под редакцией акад. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1937, стр. 191.

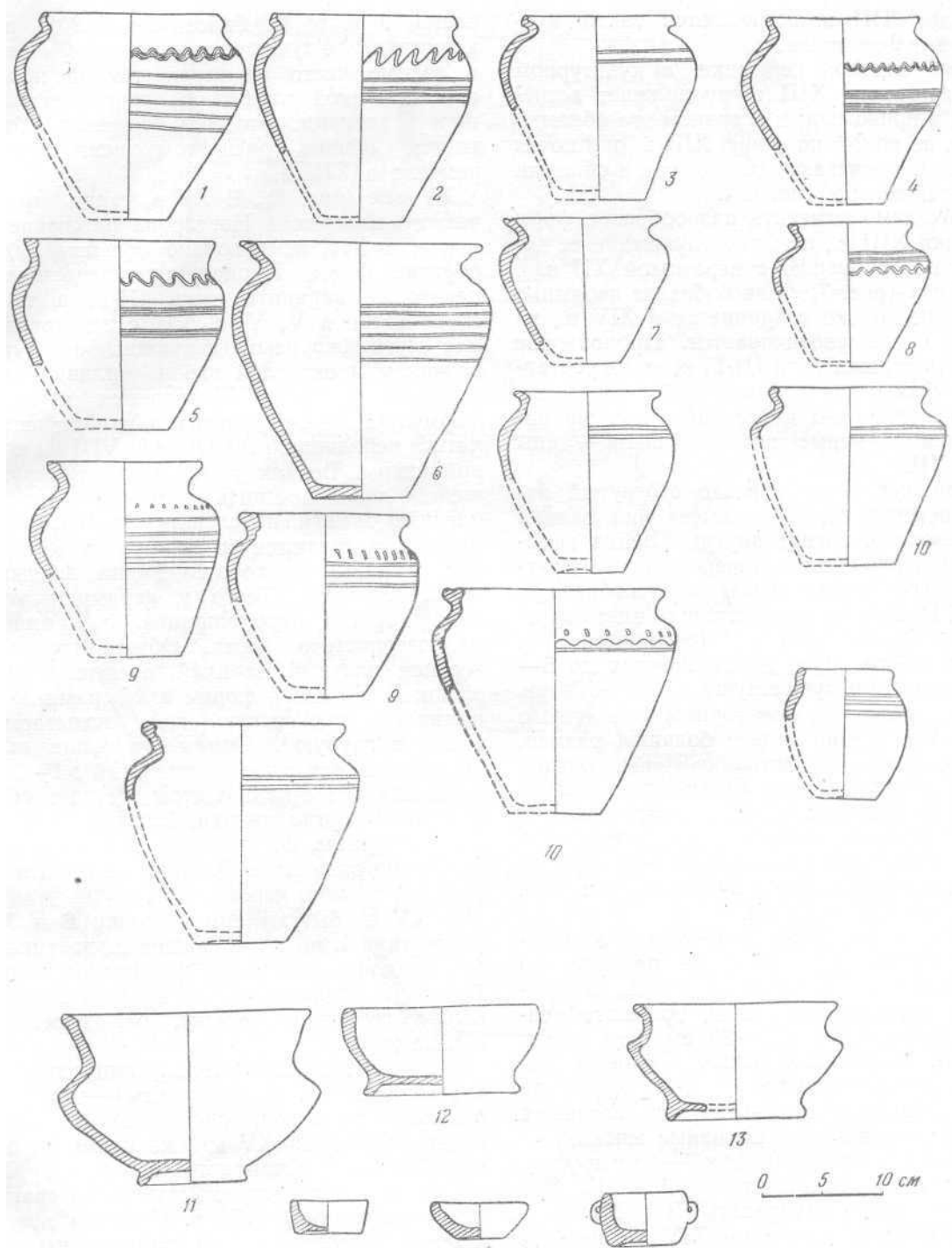

Рис. 6. Сводная таблица керамики XIII в.

1 — тип IV-Г; 2,3 — варианты типа IV-Г; 4 — тип П-В; 5 — тип III-Г; 6, 7 — варианты типа III-Г; 8 — варианты типа П-В
 9 — варианты типа III-В; 10 — тип П-Д; 11 — миски вида II; 12, 13 — миски вида III.

В слое XIII в. встречаются также кувшины I и 2-го видов.

Кроме местной керамики, в культурном слое Новгорода XIII в. продолжает встречаться и привозная; в основном это обломки амфор, но во 2-й половине XIII в. они почти совершенно исчезают, так же как и обломки поливной зеленой посуды.

Необходимо отметить разнообразие форм керамики XIII в., а также улучшение ее качества по сравнению с керамикой XII в.

XIV век (рис. 7). Многообразие керамики XIII в. не только сохраняется в XIV в., но и еще более увеличивается. Продолжают бытовать горшки типа Ш-Г, которые составляют более половины всей керамики, а также типа П-В и его варианты. Но появляются и новые виды горшков — типы V, VI, VII.

У горшков типа V резко отогнутый наружу венчик; край его имеет вид валика или несколько загнут внутрь. Шейка высокая, наклонная, плавно переходит в округлое плечо; тулово имеет конусообразную форму. Иногда по верху плечика идет округлый налепной валик. Появляются эти горшки с 9-го яруса и встречаются до 5—4-го ярусов, т. е. существуют в XIV—XV вв.

В это время бытуют горшки еще одного типа — VII-A. Они имеют большой размер, примесь песка, хорошо обожжены. Темной полосы в изломе нет. Кроме того, встречаются сосуды типа VII-B, у которых венчик отогнут и заострен. Впервые горшки этой формы найдены в 7-м ярусе, но встречаются в большем количестве в 6—5-м ярусах, т. е. на рубеже XIV и XV вв.

В XIV в. продолжают бытовать и перечисленные выше мисочки на поддоне, но появляются новые — без поддона, сделанные из яркочерной глины, большого размера; диаметр их — 23—25 см. Это миски типа II, описанные выше. Обломки таких мисок встречаются с 8-го яруса до 3—4-го, иногда — до 2-го яруса, когда на смену им появляются поливные миски.

В пластах, относящихся к 7—4-му ярусам, встречаются кувшины типов I и П. Эти кувшины можно датировать XIV—XV вв.

Характеризуя керамику XIV в., необходимо еще раз подчеркнуть ее разнообразие. Помимо этого, резко улучшается ее качество. Так, примесь дресвы в тесте значительно уменьшается; эта примесь встре-

чается в тесте не более чем у 20% всей керамики. Улучшается обжиг. Черепок в изломе часто не имеет темной полосы необожженной глины; он становится плотным и звонким. Это, без сомнения, объясняется общим расцветом новгородского ремесла в XIV в.

XV век (рис. 8). В XV в. среди керамического материала Новгорода наблюдается, как и в XIV в., довольно большое разнообразие форм. Продолжают существовать некоторые варианты типа Ш-Г, а также горшки типов V, VI и VII с заостренным или чуть округлым венчиком, отогнутым венчиком и округлой шейкой, плавно переходящей в плечо. Появляются и новые формы. С 5—4-го ярусов начинают встречаться небольшие горшки типа VIII из красной глины. Венчик у них отогнут наружу, шейка довольно низкая и округлая, на плечике заметна небольшая вмятина. Стенки плавно суживаются к днищу, на котором нет закраин, но хорошо видна подсыпка крупного песка. Тесто у керамики этого рода хорошо перемешанное, с примесью мелкозернистого песка. Обжиг горновой; черепок плотный, звонкий, в изломе однослойный. По своей форме эта керамика напоминает московскую, так называемую красную грубую¹. Орнамента чаще всего нет, иногда встречается линейный в 1—3 полосы или «насечка». В этом же слое обнаружены и другие горшки, близкие по форме к предыдущим, но венчик у них округлый, имеет вид валика; шейка очень низкая и переходит в плечо через ребро.

В XV в. бытуют еще мисочки 2 и 3-го видов типа I, но преобладают миски типа II, без поддона, сделанные из красной глины. Тесто — с незначительной примесью песка, обжиг горновой, черепок без прослойки в изломе.

В это время появляются кувшины типа III, а в конце XV в. (4—3-й ярусы) — довольно большие кувшины, сделанные из белой глины. Керамика XV в. уже имеет хорошо выработанные, стандартные формы. Качество керамики гораздо лучше по сравнению с керамикой XIV в. Примеси дресвы в тесте совершенно нет, примесь песка — в очень небольшом количестве. Обжиг

¹ М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 57.

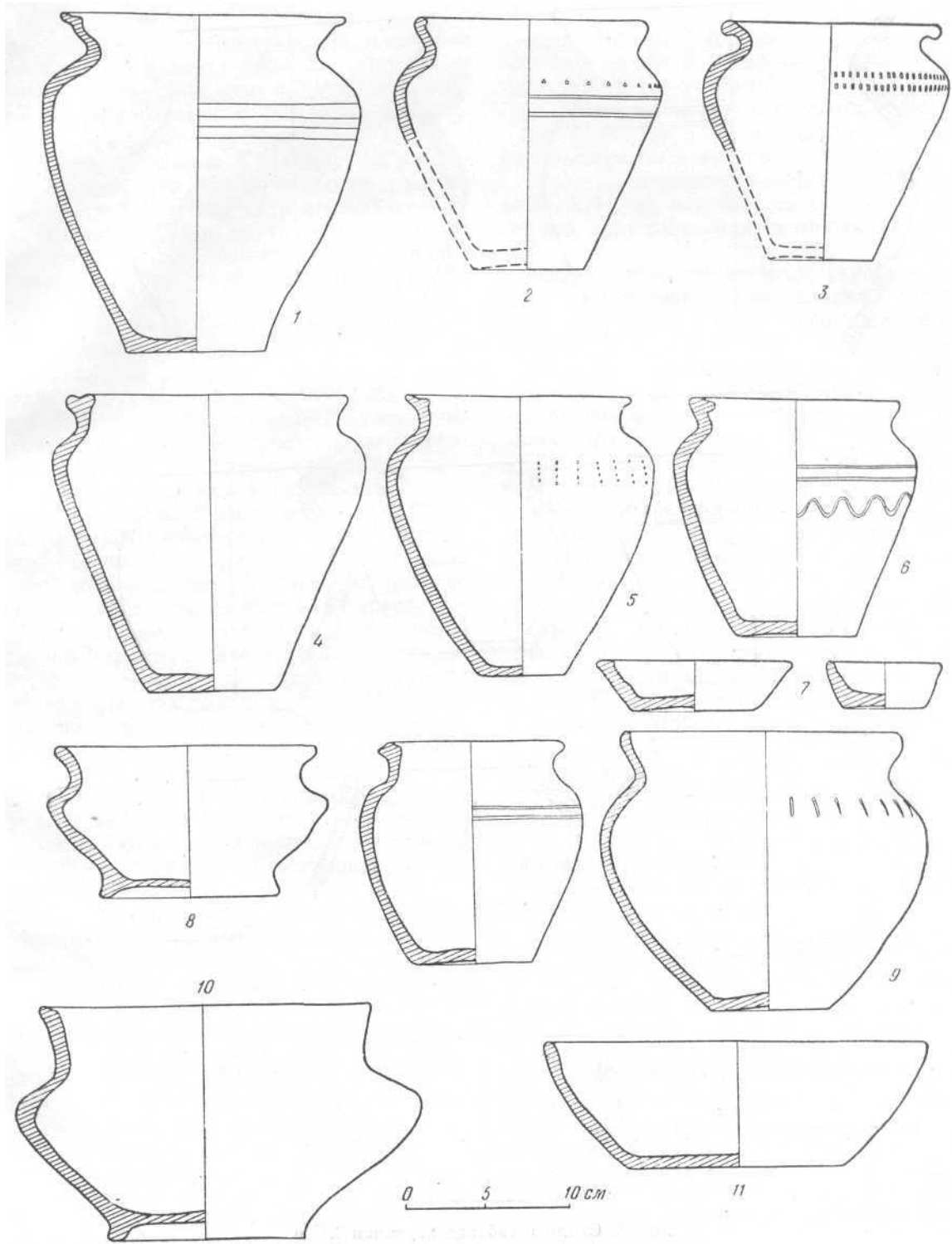

Рис. 7. Сводная таблица керамики XIV в.

1 — тип Ш-Г; 2, 3 — тип П-В; 4 — 6 — варианты; 7 — блюдечки; 8 — миски вида III; 9 — тип V; 10 — миски типа П; 11 — миски типа П.

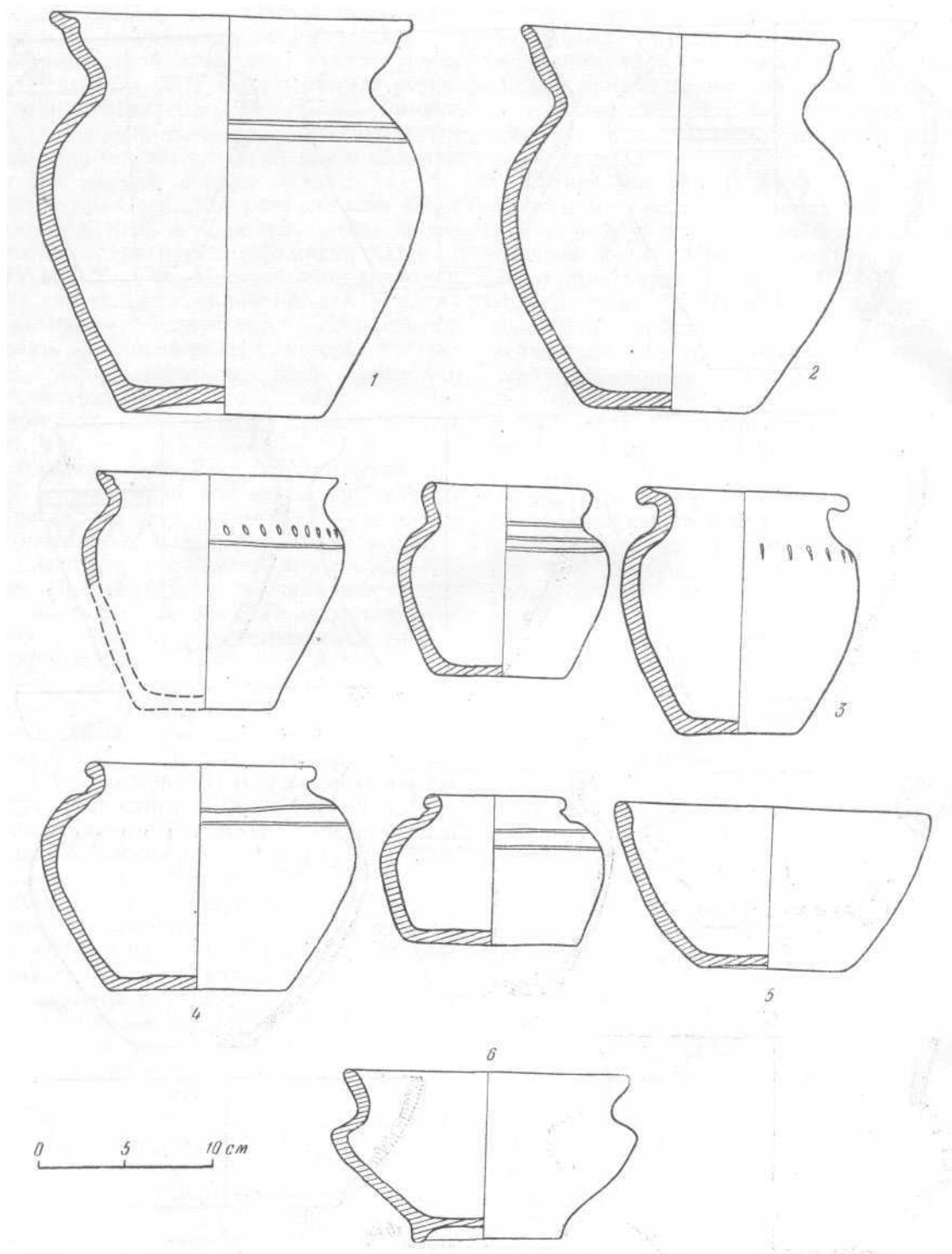

Рис. 8. Сводная таблица керамики XV в.

1 — тип Ш-Г; 2 — тип VII; 3 — тип V; 4 — тип VIII; 5 — миски типа II; 6 — миски типа Ш.

горновой, черепки плотные, с несколько шероховатой поверхностью, но тонкие и звонкие. Несомненно, что в XV в. новгородское гончарное ремесло стояло на высоком техническом уровне.

XVI век. Керамика XVI в. изучена в меньшей степени, чем керамика более раннего времени. Это объясняется в первую очередь тем, что слой XVI в. частично перекопан и нарушен в более позднее время. Однако некоторые формы керамики этого времени удалось установить.

В XVI в. попрежнему бытует описанная выше керамика типа VIII—с отогнутым в виде валика венчиком. В начале XVI в. появляются горшки довольно большого размера (диаметр — 25—30 см), сделанные из белой глины. Все они тонкостенные, имеют хороший обжиг, тесто — с небольшой примесью песка. Для этих горшков характерна вмятина на плече. Кроме того, в слое XVI в. (с 2-го яруса) встречается мореная керамика — серая и черная. Мореные горшки имеют довольно простую, хорошо установленную форму. В слое 1-го яруса появляются обломки черной и серебристой лощеной керамики. Это фрагменты кувшинов, фляг, мисок. Но лощеная керамика в Новгороде, так же как и в Смоленске, встречается в гораздо меньшем количестве, чем в Москве. Если в Москве слой XVI—XVII вв. насыщен лощеной керамикой, то в Новгороде она составляет менее 1% всей керамики этого времени.

Кончая обзор новгородской керамики, необходимо подробнее остановиться на орнаменте.

Среди разнообразных видов орнамента в Новгороде на протяжении всего времени преобладает линейно-волнистый, с различным сочетанием линий и волн, нанесенных то полой или заостренной палочкой, то гребенкой в 3—4 зуба. Отдельно линейный или волнистый орнамент почти не встречается.

В X—XIII вв. встречаются 3 вида линейно-волнистого орнамента. 1-й вид — это широкая волна, идущая по плечу, и линия, опоясывающая сосуд по спирали. Этот орнамент нанесен полой палочкой диаметром 4—5 мм. 2-й вид — волна в 3—4 линии нанесена гребенкой. Линейный орнамент расположен поясами, также в 3—4 линии, которые идут по всему

тулову сосуда. 3-й вид — 1—2 волны по плечу сосуда и отдельные линии, отстоящие друг от друга на 0,7—1 см.

В XV в. орнамент становится скромнее, чаще всего это 1—2 волны и 3—4 линии, расположенные в верхней части тулова.

Кроме линейно-волнистого орнамента, в X—XIII вв. встречается орнамент, нанесенный треугольным и ромбическим штампом.

Обычно этим орнаментом украшен верхний срез венчика или валики, которые расположены в месте перехода шейки в плечо.

Во 2-й половине XIII в. появляется трапециевидный штамп, которым покрывается почти вся поверхность сосуда. Наиболее характерен он для XIV в. Встречается в Новгороде и гребенка, которой наносился не только линейно-волнистый орнамент: в XII—XIV вв. довольно часты отпечатки гребенки в 3—4 зуба, имеющие форму прямоугольных ямок или ямок в виде «галочек».

В XIV в., кроме перечисленных видов орнамента, получают распространение «насечка», которой до этого времени почти не было, и «ногтевой» орнамент, характерный и для XV в. Встречается также узор из маленьких круглых ямок (диаметр — 2—3 мм), расположенных в 1—2 линии по плечу или по верхнему срезу венчика. Этот орнамент всегда сочетается с линейным. Встречается в слое X—XI вв.

В 3 случаях горшки орнаментированы вертикальными линиями.

Других элементов орнамента в новгородской керамике не обнаружено.

Характеризуя керамику, нельзя не остановиться на клеймах. В Новгороде клейма на сосудах встречаются довольно редко. Самая ранняя находка клейм относится к 27-му ярусу, т. е. к X в. В этом слое найдены три одинаковых клейма в виде стрел (раскоп VII). Наиболее распространенными до XIV в. являются клейма в виде круга, креста, круга со вписанным в него крестом, концентрические круги, а также клейма в виде прямоугольников с диагоналями. В XIV—XV вв. клейма усложняются и часто имеют фигуру в виде многоугольника.

Наиболее интересны 2 клейма. Первое было найдено при раскопках на Славне и

отмечено А. В. Арциховским¹. Это два овала, пересеченные прямой линией. При раскопках на Неревском конце обнаружено подобное же клеймо, но оно несколько изменено: один овал здесь имеется полностью, а от второго — только половина. Очевидно, это клеймо родственно 3 клеймам, найденным при раскопках на Славне.

Второе клеймо состоит из прямоугольника; с одной, длинной, его стороны вписан треугольник, с другой — 2 полуовала, которые вместе со стороной прямоугольника образуют фигуру, похожую на букву В. Несомненно, это один из усложненных вариантов простого клейма — мастерской, бытовавшей в более раннее время.

Отметим еще раз, что в Новгороде клейма встречаются гораздо реже, чем в других русских городах, как, например, в Смоленске или Киеве.

Заканчивая общий обзор и характе-

ристику новгородской керамики, можно сделать следующие выводы.

Керамика Новгорода имеет черты, общие для всех древнерусских городов — Старой Ладogi, Киева, Смоленска, Владимира, Ярославля и др., но в то же время для нее характерны некоторые особенности. Так, в Новгороде встречаются 3 формы горшков, не найденные в других городах. Кроме того, она отличается и по составу глиняного теста, которое до конца XIII в. имеет в основном примесь дресвы. На основе изучения новгородской керамики прослежены последовательное изменение и усложнение форм во времени, что объясняется развитием техники.

Производство посуды в Новгороде уже с X в. было ремесленным, но особенно высокого уровня гончарное ремесло достигло в XIV в. В это время один из концов города получает название «гончарского». Здесь-то, очевидно, и было сосредоточено производство глиняной — «скудельной» — посуды, которой снабжалось все население города.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде, стр. 87.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НЛ — I Новгородская летопись.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
СА — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
Z. f. N. — Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода	7
Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа	44
В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.	138
Ю. Л. Шапова. Стекланные бусы древнего Новгорода	164
С. А. Янина. Неревский клад куфических монет X века	180
А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого	208
Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (По ма- териалам раскопок 1951—1954 гг.).	228
Список сокращений	249

Материалы и исследования по археологии СССР № 55

*

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР*

*

Редакторы издательства *Д. А. Авдусин* и *Б. С. Шохет*
Технический редактор *И. И. Москвичева*

*

РИСО АН СССР № 81—108В. Сдано в набор 12/1 1956 г.
Подп. в печать 24/V 1956 г. Формат бум. 84 X 108/16-
Печ. л. 31,5 = 51,66 $\frac{1}{2}$ 14 вкл. Уч.-изд. лист. 27.
Тираж 1700. Т-05030. Изд. № 1306. Тип. зак. 515.

Цена 19 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64. Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12